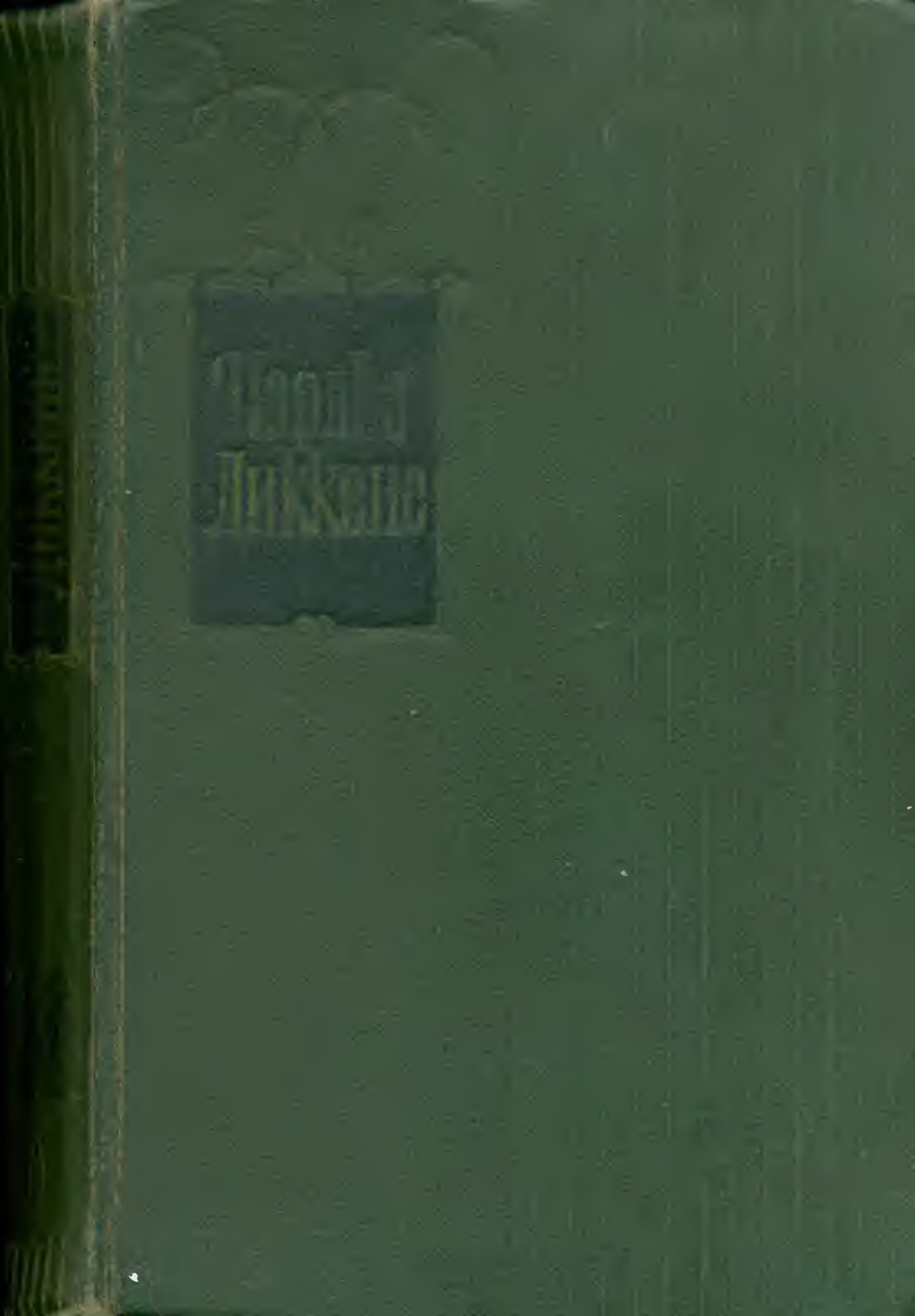

Диккенс

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
А. А. АНИКСТА, В. В. ИВАШЕВОЙ,
ЕВГЕНИЯ ЛАННА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

Роман

(Главы I—XXX)

Перевод с английского

А. В. КРИВЦОВОЙ и ЕВГЕНИЯ ЛАННА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

CHARLES DICKENS

THE POSTHUMOUS PAPERS
OF
THE PICKWICK CLUB

Ch. I—XXX

1837

Иллюстрации

РОБЕРТА СЕЙМУРА

и

«ФИЗА» (Х. Н. БРАУНА)

Шестое, пересмотренное издание перевода

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

В предисловии к первому изданию «Посмертных Записок Пиквикского Клуба» было указано, что их цель — показать занимательных героев и занимательные приключения; что в ту пору автор и не пытался развить замысловатый сюжет и даже не считал это осуществимым, так как «Записки» должны были выходить отдельными выпусками, и что по мере продвижения работы он постепенно отказался от самой фабулы Клуба, ибо она явилась помехой. Что касается одного из этих пунктов, то впоследствии опыт и работа кое-чему меня научили и теперь, пожалуй, я предпочел бы, чтобы эти главы были связаны между собой более крепкой нитью, однако они таковы, какими были задуманы.

Мне известны различные версии возникновения этих Пиквикских Записок, и для меня, во всяком случае, они отличались прелестью, полной неожиданности. Появление время от времени подобных домыслов дало мне

Предисловие написано Диккенсом к так называемому «дешевому» изданию Посмертных Записок Пиквикского Клуба, 1847 года. *(Прим. ред.)*

возможность заключить, что мои читатели интересуются этим вопросом, а потому я хочу рассказать о том, как родились эти Записки.

Был я молод — мне было двадцать два — двадцать три года,— когда мистеры Чепмен и Холл, обратив внимание на кое-какие произведения, которые я помещал тогда в газете «Морнинг Кроникл» или писал для «Олд Монсли Мегезин» (позже была издана серия их в двух томах с иллюстрациями мистера Джорджа Крукшенка), явились ко мне с предложением написать какое-нибудь сочинение, которое можно издать отдельными выпусками ценой в шиллинг — в то время я, да, вероятно, и другие знали о таких выпусках лишь по смутным воспоминаниям о каких-то нескончаемых романах, издаваемых в такой форме и распространяемых странствующими торговцами по всей стране,— помню, над иными из них я проливал слезы в годы моего ученичества в школе Жизни.

Когда я распахнул свою дверь в Фарнивел-Инн перед компаньоном, представителем фирмы, я признал в нем того самого человека,— его я никогда не видел ни до, ни после этого,— из чьих рук купил два-три года назад первый номер Мегезина, в котором со всем великолепием было напечатано первое мое вдохновенное произведение из «Очерков» под заглавием «Мистер Миннс и его кузен»; однажды вечером, крадучись и дрожа, я со страхом опустил его в темный ящик для писем в темной конторе в конце темного двора на Флит-стрит. По сему случаю я отправился в Вестминстер-Холл и зашел туда на полчаса, ибо глаза мои так затуманились от счастья и гордости, что не могли выносить вид улицы, да и нельзя было показываться на ней в таком состоянии. Я рассказал моему посетителю об этом совпадении, которое показалось нам обоим счастливым предзнаменованием, после чего мы приступили к делу.

Сделанное мне предложение заключалось в том, чтобы я ежемесячно писал нечто такое, что должно явиться связующим звеном для гравюр, которые создаст мистер Сеймур [1], и то ли у этого превосходного художника-юмориста, то ли у моего посетителя возникла идея, будто наилучшим способом для подачи этих гравюр явится «Клуб Нимрода», члены которого должны охотиться, удить рыбу и всегда при этом попадать в затруднительное положение из-за отсутствия сноровки. Подумав, я возразил, что хотя я родился и рос в провинции, но отнюдь не склонен выдавать себя за великого спортсмена, если не считать области передвижения во всех видах; что идея эта отнюдь не нова и была не раз уже использована; что было бы гораздо лучше, если бы гравюры естественно возникали из текста, и что мне хотелось бы идти своим собственным путем с большей свободой выбирать людей и сцены из английской жизни, и я боюсь, что в конце концов я так и поступлю, независимо от того, какой путь изберу для себя, приступая к делу. С моим мнением согласились, я задумал мистера Пиквика и написал текст для первого выпуска, а мистер Сеймур, пользуясь гранками, нарисовал заседание Клуба и удачный портрет его основателя — сей последний был создан по указаниям мистера Эдуарда Чепмена, описавшего костюм и внешний вид реального лица, хорошо ему знакомого. Памятуя о первоначальном замысле, я связал мистера Пиквика с Клубом, а мистера Уинкля ввел специально для мистера Сеймура. Мы начали с выпусков в двадцать четыре страницы вместо тридцати двух и с четырех иллюстраций вместо двух. Внезапная,

---

[1] Р. Сеймур сделал только семь гравюр, две гравюры — Р. У. Басс (которые не переиздавались), остальные — «Физ» (Х. Н. Браун). *(Прим. переводчика.)*

поразившая нас смерть мистера Сеймура, — до выхода из печати второго выпуска, — привела к незамедлительному решению вопроса, уже назревавшего: выпуск был издан в тридцать две страницы только с двумя иллюстрациями, и такой порядок сохранился до самого конца.

С большой неохотой я вынужден коснуться туманных и бессвязных утверждений, сделанных якобы в интересах мистера Сеймура, будто он принимал какое-то участие в замысле этой книги или каких-то ее частей, о чем не указано с надлежащей определенностью в предшествующих строках. Из уважения к памяти брата-художника и из уважения к самому себе я ограничусь здесь перечислением следующих фактов:

Мистер Сеймур не создавал и не предлагал ни одного эпизода, ни одной фразы и ни единого слова, которые можно найти в этой книге. Мистер Сеймур скончался, когда были опубликованы только двадцать четыре страницы этой книги, а последующие сорок восемь еще не были написаны. Никогда я не видел почерка мистера Сеймура. И только один раз в жизни я видел самого мистера Сеймура, а было это за день до его смерти, и тогда он не делал никаких предложений. Видел я его в присутствии двух человек, ныне здравствующих, которым прекрасно известны все эти факты, и их письменное свидетельство находится у меня. И, наконец, мистер Эдуард Чепмен (оставшийся в живых компаньон фирмы Чепмен и Холл) изложил письменной форме, из предосторожности, то, что ему лично известно о происхождении и создании этой книги, о чудовищности упомянутых необоснованных утверждений и о явной невозможности (детально проверенной) какого бы то ни было их правдоподобия. Следуя принятому мною решению быть снисходительным, я не буду цитировать сообщение

мистера Эдуарда Чепмена о том, как отнесся его компаньон, ныне покойный, к упомянутым претензиям.

«Боз», мой псевдоним в «Морнинг Кроникл» и в «Олд Монсли Мегезин», появившийся и на обложке ежемесячных выпусков этой книги и впоследствии еще долго остававшийся за мной,— прозвище моего любимого младшего брата, которого я окрестил «Мозес» в честь векфилдского священника; это имя в шутку произносили в нос, оно превратилось в Бозес и уменьшительно — в Боз. Это было словечко из домашнего обихода, хорошо знакомое мне задолго до того, как я стал писателем, и потому-то я выбрал его для себя.

О мистере Пиквике говорили, что, по мере того как развертывались события, в характере его произошла решительная перемена и что он стал добрее и разумнее. По моему мнению, такая перемена не покажется моим читателям надуманной или неестественной, если они вспомнят, что в реальной жизни особенности и странности человека, в котором есть что-то чудаковатое, обычно производят на нас впечатление поначалу, и, только познакомившись с ним ближе, мы начинаем видеть глубже этих поверхностных черт и узнавать лучшую его сторону.

Если найдутся такие благонамеренные люди, которые не замечают разницы (а иные ее не заметили, когда только что появились в печати «Пуритане» *) между религией и ханжеством, между благочестием истинным и притворным, между смиренным почитанием великих истин Писания и оскорбительным внедрением буквы Писания — но не духа его — в самые банальные разногласия и в самые пошлые житейские дела,— пусть эти люди уразумеют, что в настоящей книге сатира направлена всегда против последнего явления и никогда против первого. Далее: в этой книге последнее явление

изображено в сатирическом виде, как несовместимое с первым (что подтверждает опыт), не поддающееся слиянию с ним, как самая губительная и зловредная ложь, хорошо знакомая в человеческом обществе,— где бы ни находилась в настоящее время ее штаб-квартира — в Эксетер-Холле *, или в Эбенезер Чепл *, или в обоих этих местах. Пожалуй, лишнее продолжать рассуждения на эту тему, столь самоочевидную, но всегда уместно протестовать против грубой фамильярности со священными понятиями, о которых глаголят уста и молчит сердце, или против смешения христиан с любой категорией людей, которые, по словам Свифта, религиозны ровно настолько, чтобы ненавидеть, и недостаточно для того, чтобы любить друг друга.

Просматривая страницы этого нового издания, я с любопытством и интересом установил, что важные социальные изменения к лучшему произошли вокруг нас почти незаметно с той поры, как была написана эта книга. Однако все еще надлежит ограничить своеволие адвокатов и хитроумные их уловки, которыми они доводят до обалдения присяжных. По-прежнему также представляется возможным ввести улучшения в систему парламентских выборов (и, быть может, даже в самый Парламент). Но правовые реформы остригли когти мистерам Додсону и Фоггу; в среду их клерков проник дух самоуважения, взаимной терпимости, просвещения и сотрудничества во имя благих целей; пункты, далеко отстоящие друг от друга, сблизились для удобства и выгоды народа и ради уничтожения в будущем полчища мелочных предрассудков, зависти, слепоты, от которых всегда страдал только народ; изменены законы о тюремном заключении за долги, а тюрьма Флит снесена!

Кто знает, может быть, к тому времени, когда реформы будут проведены до конца, обнаружится, что в

Лондоне и в провинции есть судьи, которые обучены ежедневно пожимать руку Здравому смыслу и Справедливости; что даже Законы о бедных смилостивились над слабыми, престарелыми и несчастными; что школы, основанные на широких принципах христианства, являются наилучшим украшением сей цивилизованной страны от края и до края, что тюремные двери запирают снаружи не менее крепко и тщательно, чем заперты они изнутри; что последний бедняк имеет право требовать создания повсюду условий пристойной и здоровой жизни в такой же мере, в какой они обязательны для благополучия богачей и государства; что какие-то мельчайшие учреждения и организации — более ничтожные, чем капли в великом океане человечества, грохочущем вокруг них,— не вечно будут насылать по своей воле Лихорадку и Чахотку на творения божьи или игрой на своих скрипочках сопровождать Пляску Смерти.

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

ГЛАВА I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих записок предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной проницательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр *, В. П. Ч. П. К.[1]. В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К.[2], озаглавленное: «Размышления об истоках Хэмстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки»; за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюелу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.;

---

[1] Вице-президент, член Пиквикского клуба.
[2] Президент, член Пиквикского клуба.

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет в пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда,— не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле *,— не может не выразить глубокой уверенности в неоценимости благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие, раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюел Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр, Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли;

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип — оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества занимались своими изысканиями, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и

доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие».

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в плешивой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу секретаря во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хэмстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки,— восседал спокойный и недвижный, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий представитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: «Пиквик!» — исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на уиндзорское кресло, в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые — облекай они человека заурядного — не заслуживали бы внимания, но когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости — в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической

фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемены: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним — спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоной невиданный блеск новой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревает его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: «Нет!»); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия — жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него — угроза поджога *, любовь к человечеству — страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость — он открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги,— он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Колюшки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: «Стяжала!» Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала

славу; но если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он — человек незначительный. («Нет! Нет!») Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты * опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, голос: «Нет!») Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко «нет», выступит и попробует это отрицать. (Одобрения.) Кто произнес «нет»? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать — галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились — пусть незаслуженно — его (мистера Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? («К порядку!», «Председатель!», «Да!», «Нет!», «Продолжайте!», «Довольно!», «Довольно!»)

Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен — хвастун! (Полное смятение, громкие крики: «Председатель!», «К порядку!».)

Мистер Снодграсс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. («Слушайте!») Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной распре между членами клуба? («Правильно!»)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон, не колеблясь, отвечает отрицательно — он употребил выражение в пиквикистском смысле. («Правильно! Правильно!») Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. («Правильно! Правильно!»)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

ГЛАВА II

Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями

Солнце — этот исполнительный слуга — едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюел Пиквик наподобие другого солнца воспрянул ото сна, открыл

окно в комнате и воззрился на мир, распростертый внизу. Госуэлл-стрит лежала у ног его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдали, Госуэлл-стрит простиралась налево и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы,— размышлял мистер Пиквик,— и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что̀ находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине. Могу ли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуэлл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. С бритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке, с подзорной трубой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовой принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания,— прибыл на стоянку карет Сент-Мартенс-Ле-Гранд.

— Кэб! — окликнул мистер Пиквик.

— Пожалуйте, сэр! — заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции диковинок. Это был уотермен *.

— Пожалуйте, сэр! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кэб был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

— «Золотой Крест»,— приказал мистер Пиквик.

— Дел-то всего на один боб *, Томми,— хмуро сообщил кэбмен своему другу уотермену, когда кэб тронулся.

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два,— ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кэбмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрился на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели,— был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле *,— заметил равнодушно возница,— но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи да когда вожжи туго натянуты она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому Кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кэба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

— Получите,— протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие — рассчитаться с ним (мистером Пиквиком).

— Вы с ума сошли,— сказал мистер Снодграсс.

— Или пьяны,— сказал мистер Уинкль.

— Вернее, и то и другое,— сказал мистер Тапмен.

— А ну, выходи! — сказал кэбмен и, как машина, завертел перед собой кулаками.— Выходи... все четверо на одного.

— Ну, и потеха! За дело, Сэм! — поощрительно закричали несколько извозчиков и, бурно веселясь, обступили компанию.

— Что за шум, Сэм? — полюбопытствовал джентльмен в черных коленкоровых нарукавниках.

— Шум! — повторил кэбмен.— А зачем понадобился ему мой номер?

— Да ваш номер мне совсем не нужен! — отозвался удивленный мистер Пиквик.

— А зачем вы его занесли? — не отставал кэбмен.

— Я никуда его не заносил! — возмутился мистер Пиквик.

— Подумайте только,— апеллировал возница к толпе,— в твой кэб залезает шпион и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь, в придачу. (Мистера Пиквика осенило: записная книжка.)

— Да ну! — воскликнул какой-то другой кэбмен.

— Верно говорю! — подтвердил первый.— А потом распалил меня так, что я в драку полез, а он и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кэбмен швырнул шляпу оземь, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос мистеру Пиквику, второй — в грудь мистеру Пиквику, третий — в глаз мистеру Снодграссу, четвертый, разнообразия ради,— в жилет мистеру Тапмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад, на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас воздуха из груди мистера Уинкля — все это в течение нескольких секунд.

— Где полисмен?! — закричал мистер Снодграсс.

— Под насос их! — посоветовал торговец горячими пирожками.

— Вы поплатитесь за это,— задыхался мистер Пиквик.

— Шпионы! * — орала толпа.

— А ну, выходи! — кричал кэбмен, не переставая вертеть перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но когда пронеслось, что пиквикисты — шпионы, в толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществить ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника, и трудно сказать, на каком насилии над личностью решили бы остановиться, если бы

скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

— Что за потеха? — спросил довольно высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

— Шпионы! — снова заревела толпа.

— Мы не шпионы! — завопил мистер Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

— Так, значит, не шпионы? Нет? — обратился молодой человек к мистеру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

— Идемте! — проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой мистера Пиквика и не переставая болтать.— Номер девятьсот двадцать четвертый, возьмите деньги, убирайтесь — — почтенный джентльмен — — хорошо его знаю — — без глупостей — — сюда, сэр,— — а где ваши друзья? — — сплошное недоразумение — — не придавайте значения — — с каждым может случиться — — в самых благопристойных семействах — — не падайте духом — — не повезло — — засадить его — — заткнуть ему глотку — —узнает, чем пахнет,— — ну и канальи!

И, продолжая нанизывать подобного рода бессвязные фразы, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал мистер Пиквик со своими учениками.

— Лакей! — заорал незнакомец, неистово потрясая колокольчиком.— Стаканы — — грог * горячий, крепкий, сладкий, на всех — — глаз подбит, сэр? — — лакей! — — сырой говядины джентльмену на глаз — — сырая говядина — — лучшее средство от синяков, сэр,— — холодный фонарный столб — — очень хорошо — — но фонарный столб неудобно — — чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу,— — ха-ха! — — не так ли? — — отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты грога и бросился в кресло с такой

непринужденностью, как будто ничего необычайного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у мистера Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху «ласточкиных хвостов» его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, по-видимому, и в те времена облекал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Фрак был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные панталоны со штрипками были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, дабы скрыть грязные белые чулки, которые тем не менее оставались на виду. Из-под его измятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы, а между обшлагами фрака и перчатками виднелись голые руки. Худое лицо его казалось изможденным, но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неописуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого мистер Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья мистера Пиквика исчерпали запас признательности, мистер Пиквик в самых изысканных выражениях поблагодарил его за только что оказанную помощь.

— Пустяки! — сразу прервал его незнакомец.— Не о чем говорить — — ни слова больше — — молодчина этот кэбмен — — здорово работал пятерней — — но будь я вашим приятелем в зеленой куртке — — черт возьми — — свернул бы ему шею — — ей-богу — — в одно мгновение — — да и пирожнику вдобавок — — зря не хвалюсь.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что Комодор * сейчас отойдет.

— Комодор? — воскликнул незнакомец, вскакивая с места. — Моя карета — — место заказано — — наружное — — можете заплатить за грог — — нужно менять пять фунтов — — серебро фальшивое — — брамеджемские пуговицы * — — не таковский — — не пройдет.

И он лукаво покачал головой.

Случилось так, что мистер Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере * первую остановку; сообщив новоявленному знакомому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

Наверху вместе с вами, — проговорил незнакомец, подсаживая мистера Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

— Багаж, сэр? — спросил кучер.

— Чей? Мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге, и только — — остальной багаж идет водой — — ящики заколоченные — — величиной с дом — — тяжелые, чертовски тяжелые! — отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок.

— Головы, головы! Берегите головы! — кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. — Ужасное место — — страшная опасность — — недавно — — пятеро детей — — мать — женщина высокая, ест сандвич — — об арке забыла — — кррак — — дети оглядываются — — мать без головы — — в руке сандвич — — нечем есть — — глава семьи обезглавлена — — ужасно, ужасно! — — Рассматриваете Уайтхолл *, сэр? Прекрасное место — — маленькое окно — — там тоже кое-кому голову сняли — — а, сэр? — — он тоже зазевался — — а, сэр? а?

— Я размышлял, — сказал мистер Пиквик, — о странной превратности человеческой судьбы.

— О! Понимаю! Сегодня входишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Сэр — философ?

— Наблюдатель человеческой природы, сэр, — ответил мистер Пиквик.

— Ну? Я — тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела и еще меньше дохода. Сэр — поэт?

— У моего друга мистера Снодграсса большая склонность к поэзии,— ответил мистер Пиквик.

Как и у меня,— сказал незнакомец.— Эпическая поэма — — десять тысяч строк — — июльская революция — — сочинил на месте происшествия — — Марс днем, Аполлон ночью — грохот орудий, бряцание лиры...

— Вы были свидетелем этого замечательного события, сэр? — спросил мистер Снодграсс.

— Свидетелем? Еще бы [1] — — заряжаю мушкет — — заряжаюсь идеей — — бросился в винный погребок — — записал — — назад — — бац! бац! — — новая идея — — снова в погребок — — перо и чернила — — снова назад — — режь, руби — — славное время, сэр.

Он неожиданно повернулся к мистеру Уинклю:

— Спортсмен, сэр?

— Немного, сэр,— ответил этот джентльмен.

— Прекрасное занятие, сэр,— — превосходное занятие — — собаки, сэр?

— Сейчас нет.

— Что вы! Займитесь собаками — — прекрасные животные — — умные твари — — был у меня пес — — пойнтер — — удивительное чутье — — однажды вышли на охоту — — огороженное место — — свистнул — — собака ни с места — — снова свистнул — — Понто! — — ни с места: как вкопанная — — зову — — Понто! Понто! — — не двигается — — собака приросла к месту — — уставилась на забор — — взглянул и я — — вижу объявление: «Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду»,— — не пошла — — изумительный пес, редкий был пес — — весьма!

— Факт исключительный! — заметил мистер Пиквик.— Позвольте записать.

— Пожалуйста, сэр, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке.— — Хорошенькая девочка, сэр? (Сие относилось к мистеру Треси Тапмену, расточав-

---

[1] Замечательный пример пророческой силы, отличавшей воображение мистера Джингля. Этот диалог происходил в 1827 году, а революция — в 1830 году. *(Прим. автора.)*

шему отнюдь не пиквикистские взгляды юной леди, стоявшей у дороги.)

— Очень! — согласился мистер Тапмен.

— Ну, англичанки не так хороши, как испанки,— — прелестные создания — — волосы — — черные как смоль — — глаза черные — — стройные фигуры — — чудные создания — — красавицы!

— Вы были в Испании, сэр? — спросил мистер Тапмен.

— Жил там целую вечность.

— Много одержали побед, сэр? — допытывался мистер Тапмен.

— Побед? Тысячи! — — Дон Болеро Фицгиг — — гранд — — единственная дочь — — донна Христина — — прелестное создание — — любила меня до безумия — — ревнивый отец — — великодушная дочь — — красивый англичанин — — донна Христина в отчаянии — — синильная кислота — — у меня в чемодане желудочный зонд — — сделали промывание — — старик Болеро Фицгиг в восторге — — соглашается на наш союз — — руки соединены и море слез — — и романтическая история — — весьма!

— Эта леди теперь в Англии, сэр? — полюбопытствовал мистер Тапмен, на которого описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

— Умерла, сэр, умерла,— сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка,— не могла оправиться после промывания — — слабый организм — — пала жертвой.

— А отец? — задал вопрос поэтический мистер Снодграсс.

— Угрызения совести и отчаяние — — внезапное исчезновение — — город только об этом и говорит — — ищут повсюду — — безуспешно — — вдруг перестал бить фонтан на главной площади — — недели идут — — засорился — — рабочие начинают чистить — — вода выкачана — — нашли тестя — — застрял головой вперед в трубе — — полная исповедь в правом сапоге — — вытащили, и фонтан забил по-прежнему.

— Вы позволите мне записать эту романтическую историю, сэр? — спросил потрясенный мистер Снодграсс.

— Сколько угодно, сэр, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу,— — необыкновенная у меня жизнь — — любопытная биография — — ничего исключительного, но все же необычно.

В таком духе,— а в виде вводных предложений пропуская по стаканчику эля, когда меняли лошадей,— разглагольствовал незнакомец, пока они не достигли Рочестерского моста, и за это время записные книжки мистера Пиквика и мистера Снодграсса вместили немало его приключений.

— Величественные развалины! — воскликнул мистер Огастес Снодграсс с отличавшим его поэтическим пылом, когда перед ними открылся вид красивого старого замка.

— Какая находка для любителя древности! — вырвалось из уст мистера Пиквика, когда он приставил к глазу подзорную трубу.

— Прекрасное место,— сказал незнакомец,— славная руина — — хмурые стены — — шаткие своды — — темные закоулки — — лестницы вот-вот рухнут — — древний собор — — затхлый запах — — древние ступени стерты ногами пилигримов — — маленькие саксонские двери * — — исповедальни, словно будки театральных кассиров — — чудной народ эти монахи — — папы и лорды — казначеи и всякого рода старцы с толстыми, красными физиономиями и сломанными носами — — колеты буйволовой кожи — — кремневые ружья — — саркофаг — — прекрасное место — — древние легенды — — странные истории — — чудесно!

И незнакомец продолжал монолог, пока они не подъехали к гостинице «Бык» на Хай-стрит, куда подкатила карета.

— Вы остановитесь здесь, сэр? — спросил мистер Уинкль.

— Здесь? — — Нет — — вам советую — — хорошее заведение — — прекрасные постели — — рядом гостиница Райта, дорого — — очень дорого — — только посмотришь на слугу, приписывается полкроны к счету — — обедаете у друзей, насчитывают еще больше, чем если б вы обедали в гостинице, — — странные типы — — весьма!

Мистер Уинкль прошептал несколько слов мистеру Пиквику; шепот перешел от мистера Пиквика к мистеру Снодграссу, от мистера Снодграсса к мистеру Тапмену, и они обменялись знаками согласия. Мистер Пиквик обратился к незнакомцу:

— Сегодня утром, сэр, вы оказали нам важную услугу. Разрешите хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мы просим оказать нам честь отобедать с нами.

— С большим удовольствием — — не смею распоряжаться, но жареная курица с грибами — превосходная вещь! В котором часу?

— Позвольте,— вытаскивая часы, ответил мистер Пиквик.— Сейчас около трех. Назначим на пять?

— Очень удобно,— сказал незнакомец,— ровно в пять — — а пока всего хорошего.

И, приподняв на несколько дюймов помятую шляпу и небрежно надев ее набекрень, незнакомец, с торчащим из кармана пакетом в оберточной бумаге, быстро прошел по двору и свернул на Хай-стрит.

— Очевидно, он изъездил много стран и пристально наблюдал людей и события,— сказал мистер Пиквик.

— Мне бы хотелось взглянуть на его поэму,— сказал мистер Снодграсс.

— А мне бы очень хотелось видеть эту собаку,— сказал мистер Уинкль.

Мистер Тапмен не сказал ничего. Но думал он о донне Христине, о зонде для промывания желудка и о фонтане. Слезы навернулись у него на глазах.

Заняв отдельную гостиную, осмотрев спальни, заказав обед, они все вместе отправились обозревать город и ближайшие окрестности.

Внимательно читая заметки мистера Пиквика о четырех городах — Страуде, Рочестере, Четеме и Бромтоне,— мы не нашли, чтобы его впечатления существенно отличались от впечатлений других путешественников, побывавших в тех же городах. Мы слегка сокращаем его описание.

«Главное, что водится в этих городах,— пишет мистер Пиквик,— это, по-видимому, солдаты, матросы, евреи, мел, креветки, офицеры и портовые чиновники. На более людных улицах выставлены на продажу: разная рухлядь, леденцы, яблоки, камбала и устрицы. Улицы имеют оживленный вид, чему главным образом способствует веселый нрав военных. Для ума, вдохновленного любовью к человечеству, является истинным наслаждением созерцать этих храбрецов, бродящих по улицам и пошатывающихся от избытка жизненных сил и горячительных напитков, особенно если мы вспомним, что следовать за ними и обмениваться с ними шутками доставляет дешевое и невинное развлечение подрастающего поколения. Ничто (добавляет мистер Пиквик) не может нарушить их добродушия. За день до моего приезда

один из них был оскорблен самым грубым образом в трактире. Буфетчица наотрез отказалась отпустить ему новую порцию напитков, в ответ на что он (разумеется, шутя) извлек свой штык и ранил ее в плечо. И все же славный малый сам пришел на следующее утро в трактир и выразил готовность не придавать значения этому делу и позабыть то, что произошло.

Потребление табаку в этих городах,— продолжает мистер Пиквик,— должно быть, очень значительно. Улицы пропахли табачным дымом, и этот запах, вероятно, чрезвычайно приятен любителям курения. Поверхностный наблюдатель обратит, пожалуй, внимание на грязь, отличающую эти города; но тот, для кого она свидетельствует об уличном движении и о расцвете торговли, будет вполне удовлетворен».

Ровно в пять часов явился незнакомец, а немного спустя и обед. Со своим пакетом в оберточной бумаге незнакомец расстался, но никаких перемен в его внешности не произошло; и говорлив он был еще больше, если это только возможно.

— А тут что? — спросил он, когда слуга снял крышку с одного из блюд.

— Камбала, сэр.

— А, камбала! — — Превосходная рыба — — идет из Лондона — — владельцы пассажирских карет устраивают политические обеды — — доставка камбалы — — десятками корзин — — ловкие ребята — — стаканчик вина, сэр?

— С удовольствием,— согласился мистер Пиквик; и незнакомец выпил сперва за его здоровье, затем за здоровье мистера Снодграсса, затем за здоровье мистера Тапмена, затем за здоровье мистера Уинкля и, наконец, за всех вместе; и все это проделал так же стремительно, как болтал.

— Чертовская сутолока на лестнице, лакей,— сказал он.— Скамейки наверх — — плотники вниз — — лампы, стаканы, арфы. Что-нибудь готовится?

— Бал, сэр,— ответил слуга.

— Ассамблея, а?

— Нет, сэр, не ассамблея, сэр. Бал с благотворительной целью, сэр.

— Не знаете ли, сэр, много в этом городе хорошеньких женщин? — с великим интересом спросил мистер Тапмен.

— Блистательны! — — Превосходны! Кент *, сэр! — — Кто не знает Кента! — — Яблоки, вишни, хмель и женщины. Стаканчик вина, сэр?

— С большим удовольствием,— согласился мистер Тапмен.

Незнакомец налил и выпил.

— Мне бы очень хотелось посетить,— молвил мистер Тапмен, подразумевая бал.— Очень бы хотелось.

— Билеты в буфете, полгинеи, сэр,— ввернул слуга.

Мистер Тапмен снова выразил горячее желание побывать на балу; но, не встретив сочувствия в помутившихся глазах мистера Снодграсса и в отсутствующем взгляде мистера Пиквика, он утешился, отдав должное портвейну и десерту, появившимся на столе.

Слуга удалился, и компания осталась наслаждаться приятным послеобеденным препровождением времени.

— Прошу прощения, сэр,— начал незнакомец,— бутылка оплачена — — пустите — — по кругу — — по солнцу — — пить до дна.

И он осушил стакан, который наполнил минуты две назад, и налил другой с видом человека, весьма к этому привычного.

Вино было выпито, потребовали еще. Гость говорил, пиквикисты слушали. С каждой секундой мистер Тапмен все пламенней мечтал о бале. Выражение всепоглощающей доброты разливалось на лице мистера Пиквика; а мистер Уинкль и мистер Снодграсс заснули крепким сном.

— А наверху уже началось,— сказал незнакомец.— Слушайте — — настраивают скрипки — — арфу — — поехали!

Звуки, доносившиеся сверху, возвестили о начале первой кадрили.

— Как бы мне хотелось пойти! — снова молвил мистер Тапмен.

— И я не прочь,— сказал незнакомец,— проклятый багаж — — везут на баркасах — — не в чем идти — — досадно! — — досадно!

Одним из основных начал пиквикистской теории была доброжелательность, и этому благородному принципу мистер Треси Тапмен следовал с бо́льшим рвением, чем кто бы то ни было. В протоколах клуба почти в невероятном количестве упоминаются случаи, когда этот превосходный джентльмен направлял объекты благотворительности к другим членам клуба за поношенным платьем или за денежным пособием.

— Я бы с удовольствием одолжил вам для этого дела свой костюм,— начал мистер Треси Тапмен,— но вы худощавы, тогда как я...

— Толстоват — — как Бахус в зрелом возрасте — — снял листья, слез с бочки и облачился в сукно, а? — — Ха-ха! Не валяно, а напялено? Переправьте бутылку.

Задел ли мистера Тапмена повелительный тон, каким было выражено требование переправить вино, с которым незнакомец тут же покончил, или он весьма справедливо почувствовал себя шокированным тем, что влиятельного члена Пиквикского клуба нагло сравнили с Бахусом, слезшим с бочки,— этот вопрос достаточно не выяснен. Он передал бутылку, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на незнакомца; но, так как этот субъект оставался вполне спокойным и совершенно безмятежным под его испытующим взглядом, он постепенно смягчился и снова вернулся к теме о бале.

— Я хотел сказать, сэр,— начал он,— если мой костюм вам широк, то костюм моего друга мистера Уинкля, пожалуй, будет впору.

Незнакомец взглядом снял мерку с мистера Уинкля и, просияв, удовлетворенно бросил:

— В самую пору!

Мистер Тапмен огляделся вокруг. Вино, возымевшее снотворное действие на мистера Снодграсса и мистера Уинкля, отуманило мозг мистера Пиквика. Сей джентльмен постепенно проходил все те стадии, какие предшествуют летаргии, вызванной обедом. Он прошел все этапы, спускаясь с высот бурной веселости в глубины отчаяния, а из глубин отчаяния снова возносясь на вершины веселья. Подобно уличному газовому фонарю, когда ветер задувает в трубку, он на момент вспыхнул неесте-

ственно ярким светом, затем потускнел так, что едва можно было его различить, после короткого перерыва снова разгорелся, опять замигал и замерцал и, наконец, угас окончательно. Голова его поникла на грудь; и только непрерывный храп да наступавшие время от времени короткие вдохи, напоминавшие припадки удушья, оставались единственными доступными слуху указаниями на присутствие великого мужа.

Желание попасть на бал и оценить красоту кентских леди томило мистера Тапмена. Желание захватить с собой нового знакомого было не менее сильно. Города и его обитателей он не знал, а новый приятель настолько был в курсе дела, что казалось, жил в этих краях с самого детства. Мистер Уинкль спал, а мистер Тапмен был достаточно опытен в таких делах и знал, что в момент пробуждения тот — согласно природе вещей — способен только на одно — рухнуть в постель. Он пребывал в нерешительности.

— Налейте себе и передайте бутылку,— напомнил неутомимый гость.

Мистер Тапмен совершил то, что от него требовалось, и добавочный стимул последнего стакана подсказал ему решение.

— К Уинклю можно попасть через мою спальню,— сказал он,— если я его сейчас разбужу, все равно он не поймет, что мне от него нужно; но я знаю, что у него в саквояже есть фрачная пара, и если вы ее наденете на бал, а затем, когда мы вернемся, снимете, я уложу ее в саквояж, вовсе не беспокоя его по этому поводу.

— Превосходно,— одобрил гость,— великолепный план — — глупейшее положение — — четырнадцать костюмов в багаже, а приходится надевать чужой — — замечательная идея — — весьма!

— Нужно купить билеты,— решил мистер Тапмен.

— Не стоит дробить гинею — — бросим жребий, кому платить за обоих — — я называю; вы пускайте — — раз — — женщина, женщина, очаровательная женщина! — И соверен упал кверху драконом * (из любезности наименованным женщиной).

Мистер Тапмен позвонил, купил билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа новый знакомец был

полностью облачен во фрачную пару мистера Натэниела Уинкля.

— Это новый фрак,— объяснил мистер Тапмен, пока гость с большим удовлетворением разглядывал себя в стенное зеркало.— Первый фрак со значком нашего клуба! — И он обратил внимание приятеля на большой позолоченный значок, в центре которого красовался бюст мистера Пиквика, а по сторонам его инициалы П. К.

— П. К.? — спросил тот.— Странное украшение — — портрет этого старикана и П. К.? Что это значит П. К.? Прескверный костюм, а?

Мистер Тапмен с важностью и не без раздражения раскрыл таинственные инициалы.

— Талия коротковата? — сказал новый знакомец, вертясь перед зеркалом, чтобы разглядеть пуговицы на талии, которые пришлись чуть не на середину спины.— Как у почтальона — — смешные у них кафтаны — — одного размера — — без примерки — — таинственное предопределение — — малорослым достаются длинные кафтаны — — высоким короткие.

Болтая без умолку, новый приятель мистера Тапмена оправил свой фрак, вернее фрак мистера Уинкля, и в сопровождении мистера Тапмена поднялся по лестнице, ведущей в зал.

— Ваши фамилии, сэр? — спросил лакей у двери.

Только что мистер Тапмен собрался сообщить свое имя, как вмешался его товарищ.

— Никаких имен! — И затем зашептал мистеру Тапмену: — Не надо имен — — не известны — — славные имена, но широкой публике не известны — — для маленькой вечеринки превосходные имена, но на балу не произведут впечатления — — инкогнито, вот что надо! — — Джентльмены из Лондона — — знатные путешественники — — вот!

Дверь распахнулась, и мистер Треси Тапмен с незнакомцем вошли в зал. Это была длинная комната со скамьями, обтянутыми малиновой материей, и со стеклянными люстрами, в которых торчали восковые свечи. Музыканты были тщательно спрятаны на закрытой эстраде, и несколько пар отплясывало по всем правилам

кадриль. В соседней комнате расставлено было два ломберных стола, за которыми сражались в вист четыре пожилых леди и соответствующее число толстых джентльменов.

Кадриль кончилась, танцующие стали прогуливаться по залу, и мистер Тапмен с приятелем поместились в углу, чтобы обозреть собравшихся.

— Очаровательные женщины! — заметил мистер Тапмен.

— Погодите минутку,— сказал незнакомец.— Сейчас здесь забавные типы,— — которые познатней, еще не пришли,— — странное местечко — — портовые чиновники, которые повыше рангом, знать не хотят портовых чиновников рангом пониже — — чиновники рангом пониже знать не хотят мелких помещиков — — мелкие помещики знать не хотят купцов — — начальник порта знать не хочет никого.

— Кто этот мальчишка с красными глазками, блондин, в маскарадном костюме? — спросил мистер Тапмен.

— Тсс! — Красные глазки — — маскарадный костюм — — мальчишка — — чепуха — — прапорщик Девяносто седьмого полка — — почтенный Уилмот Снайпс — — благородная фамилия — — Снайпс — — весьма!

— Сэр Томас Клаббер, леди Клаббер и мисс Клаббер! — громовым голосом провозгласил лакей.

По залу прошел шепот, когда показались высокий джентльмен в синем фраке с блестящими пуговицами, объемистая леди в синем шелковом платье и две молодые леди, столь же объемистые, в модных платьях того же цвета.

— Правительственный комиссар — — начальник порта — — важная особа — — весьма важная особа,— зашептал новый знакомый в ухо мистеру Тапмену, пока благотворительный комитет провожал сэра Томаса Клаббера с семейством в почетный угол зала.

Почтенный Уилмот Снайпс и другие избранные джентльмены бросились приветствовать двух мисс Клаббер, а сэр Томас Клаббер стоял прямой, как палка, и величественно взирал поверх своего черного галстука на собравшееся общество.

— Мистер Смити и миссис Смити с дочерьми,— доложил лакей.

— Кто такой мистер Смити? — прошептал мистер Тапмен.

— Служит в порту,— ответил новый знакомец.

Мистер Смити почтительно поклонился сэру Томасу Клабберу, а сэр Томас Клаббер с подчеркнутой снисходительностью ответил на поклон. Леди Клаббер бросила через лорнет высокомерный взгляд на миссис Смити с семейством, а миссис Смити в свою очередь пронзила миссис Как-ее-бишь, чей муж вовсе не служил в порту.

— Полковник Балдер, миссис Балдер и мисс Балдер! — так возвестили о вновь прибывших.

— Начальник гарнизона,— шепнул приятель мистера Тапмена в ответ на вопрошающий взгляд последнего.

Две мисс Клаббер радостно встретили мисс Балдер; с чрезвычайной горячностью приветствовали друг друга полковница Балдер и леди Клаббер; полковник Балдер и сэр Томас Клаббер позаимствовались друг у друга понюшкой табаку и при этом очень походили на двух Александров Селькирков * — «повелителей всего, что объемлет глаз».

Пока городская знать — Балдеры, Клабберы, Снайпсы — блюла свое достоинство в почетном конце зала, другие классы общества подражали ее примеру в других частях зала. Менее аристократические офицеры 97-го полка уделяли свое внимание менее важным семьям портовых чиновников. Жены законоведов и жена винного торговца возглавляли общество рангом пониже (супруга пивовара бывала у Балдеров); а миссис Томлинсон, содержательница почтовой конторы, казалось с общего согласия, предводительствовала купечеством.

Одним из самых популярных членов своего кружка был маленький толстый джентльмен с бахромой торчащих черных волос, окаймлявших большую плешь,— доктор Слеммер, военный врач 97-го полка. Доктор угощался табачком из всех табакерок, со всеми болтал, хохотал, танцевал, шутил, играл в вист — всюду поспевал. Ко всем своим многообразным занятиям маленький доктор присовокуплял еще одно, более важное: он, не щадя сил, оказывал самое неослабное внимание

маленькой пожилой вдове, чье роскошное платье и обилие украшений обещали лакомое добавление к скромному докторскому жалованью.

Именно на доктора и на вдову устремлены были взгляды мистера Тапмена и его приятеля, когда последний прервал молчание.

— Денег тьма — — старуха — — надутый доктор — — прекрасная идея — — чертовски весело,— срывались с его уст маловразумительные словосочетания.

Мистер Тапмен испытующе посмотрел на него.

— Пойду танцевать со вдовой,— заявил тот.

— Кто она? — спросил мистер Тапмен.

— Понятия не имею — — вижу первый раз в жизни — — оттеснить доктора — — попробуем.

И незнакомец пересек комнату и, облокотившись о каминную доску, устремил на толстую физиономию старой леди взор, полный почтительного и меланхолического восхищения.

Мистер Тапмен взирал безгласно и удивленно. Его приятель быстро преуспевал; маленький доктор танцевал с какой-то другой леди; вдова уронила веер, приятель поднял его и вручил ей — улыбка — поклон — реверанс — несколько слов. Затем он смело подошел к распорядителю и вернулся вместе с ним к вдове; краткая пантомима представления; новый знакомец мистера Тапмена занял место в кадрили рядом с миссис Баджер.

Сколь ни велико было удивление мистера Тапмена перед этой стремительностью действий, изумление доктора было неизмеримо больше. Незнакомец был молод. вдова польщена. Она перестала замечать ухаживания доктора, а негодование последнего не производило на его невозмутимого соперника ни малейшего впечатления. Доктор Слеммер остолбенел. Он, доктор Слеммер 97-го полка, вытеснен мгновенно, и кем? — субъектом, которого никто раньше не видел и которого никто здесь не знал. Доктор Слеммер — доктор Слеммер 97-го полка — отвергнут! Неслыханно! Быть не может! Но — увы! — это так. Что это? Представляет своего приятеля? Глазам не верится!

Он посмотрел снова и с горечью убедился, что зрение его не обманывает: миссис Баджер танцевала с мистером

Треси Тапменом — ошибиться было невозможно; вдова с необычайной живостью носилась по залу, а мистер Треси Тапмен приплясывал около нее. Лицо его выражало необычайную торжественность. Он танцевал так (как танцуют многие), словно кадриль — не веселая забава, а жестокое испытание для наших чувств, требующее непреклонной выдержки.

Терпеливо и молча доктор выносил и это и все, что последовало: угощение нигесом *, заботу о стаканах, добывание печенья и кокетничанье; но через несколько секунд после того, как незнакомец исчез, чтобы проводить миссис Баджер до кареты, доктор молниеносно вылетел из комнаты, и долго сдерживаемое негодование изошло пóтом, проступившим сквозь каждую пору его физиономии.

Незнакомец вернулся, мистер Тапмен был с ним. Незнакомец что-то ему шептал и смеялся. Маленький доктор жаждал его крови. Он ликует! Он одержал победу!

— Сэр,— произнес он грозно, протягивая свою визитную карточку и отступая в угол вестибюля,— меня зовут Слеммер, доктор Слеммер, сэр, Девяносто седьмого полка, Четемские казармы... Моя карточка, сэр...— Он хотел еще что-то прибавить, но задохнулся от бешенства.

— Слеммер? — холодно переспросил незнакомец.— Очень рад — — вы внимательны — — но я не болен, Слеммер — — когда заболею — — позову вас.

— Вы... вы проходимец, сэр! — задыхался взбешенный доктор.— Трус! Лгун! Э... э... потрудитесь дать мне свою карточку, сэр!

— А, понимаю,— бормотал незнакомец,— здесь слишком крепкий нигес — — щедрый хозяин — — весьма неблагоразумно — — весьма — — лимонад лучше — — в комнатах жарко — — пожилые джентльмены — — утром будет голова трещать — — прискорбно — — прискорбно...

И он слегка попятился.

— Вы остановились в этой гостинице, сэр,— бесновался маленький доктор,— сейчас вы пьяны, сэр, утром вы обо мне услышите. Я разыщу вас, сэр! Разыщу, где бы вы ни были!

— Скорей всего, где меня не будет,— невозмутимо ответил незнакомец.

Доктор Слеммер бросил на него кровожадный взгляд и, негодуя, напялил на себя с размаху шляпу. Мистер Тапмен с приятелем поднялись в спальню мистера Тапмена, дабы вернуть одеяние ничего не подозревавшему мистеру Уинклю.

Этот джентльмен спал непробудным сном, и костюм скоро был водворен на место. Незнакомец пребывал в крайне веселом расположении духа, а мистеру Треси Тапмену, возбужденному вином, нигесом, огнями и лицезрением леди, все происшедшее казалось изысканной шуткой; после попыток отыскать в своем ночном колпаке отверстие, предназначенное для головы, мистер Треси Тапмен, надевая ночной колпак, опрокинул подсвечник и, совершив ряд сложных эволюций, добрался до постели и моментально погрузился в сон.

Едва только пробило на следующее утро семь часов, как всеобъемлющий дух мистера Пиквика был выведен из бессознательного состояния, в которое погрузил его ночной сон, громким стуком в дверь.

— Кто там? — приподнимаясь на постели, спросил мистер Пиквик.

— Коридорный, сэр.

— Что нужно?

— Сэр, не можете ли вы сказать, кто из ваших знакомых джентльменов носит светло-синий фрак с золоченым значком и с буквами П. К. на нем?

«Должно быть, он взял почистить платье и позабыл, чье оно»,— подумал мистер Пиквик и ответил:

— Мистер Уинкль, третья комната направо.

— Благодарю вас, сэр,— ответил коридорный, удаляясь.

— В чем дело? — закричал мистер Тапмен, когда громкий стук в дверь пробудил его от глубокого сна.

— Мне нужен мистер Уинкль! — послышался голос коридорного.

— Уинкль! Уинкль! — крикнул мистер Тапмен мистеру Уинклю, который спал в соседней комнате.

— Алло! — отозвался слабый голос с постели.

— Вас кто-то спрашивает... там у двери...— С трудом выдавив из себя эти слова, мистер Тапмен повернулся на другой бок и снова заснул.

— Спрашивает? — повторил мистер Уинкль, спрыгивая с постели и натягивая на себя необходимые принадлежности туалета.— Спрашивает? Кто бы это мог спрашивать меня так далеко от Лондона?

— Джентльмен ждет в столовой,— сказал коридорный, когда мистер Уинкль открыл дверь.— Джентльмен говорит, что ему обязательно нужно вас видеть и задержит он вас недолго.

— Странно,— пробормотал мистер Уинкль.— Я сейчас приду.

Он поспешно надел халат, закутался в плед и спустился по лестнице. Старуха и двое служителей занимались уборкой в столовой, у окна стоял офицер в мундире. Он повернулся при входе мистера Уинкля и чопорно поклонился. Приказав слугам выйти и плотно прикрыв за ними дверь, он сказал:

— Мистер Уинкль, если не ошибаюсь?

— Да, меня зовут Уинкль, сэр.

— Надеюсь, вас не удивит, сэр, если я скажу, что пришел к вам по поручению моего друга, доктора Слеммера Девяносто седьмого полка.

— Доктора Слеммера? — переспросил мистер Уинкль.

— Доктора Слеммера. Он поручил мне довести до вашего сведения его мнение, что вы вели себя вчера вечером не по-джентльменски и (добавил он) что ни один джентльмен не может позволить себе такого поведения по отношению к другому джентльмену.

Удивление мистера Уинкля было столь непритворным и очевидным, что не ускользнуло от внимания друга доктора Слеммера; поэтому он продолжал:

— Мой друг, доктор Слеммер, просил меня прибавить, что, по его убеждению, вчера вечером вы были состоянии опьянения и, может быть, не отдаете себе отчета в степени оскорбления, вами нанесенного. Он поручил мне также заявить, что в случае ссылки на это обстоятельство, как на оправдание вашего поведения, он согласен принять ваше письменное извинение, которое я вам продиктую.

— Письменное извинение? — повторил мистер Уинкль в крайнем возбуждении.

— Разумеется, последствия отказа вам ясны,— холодно добавил посетитель.

— Вы уверены, что это поручение относится именно ко мне? — спросил мистер Уинкль, чей рассудок пребывал в результате этого необычайного объяснения в самом безнадежном смятении.

— Я сам не присутствовал при этом,— ответил посетитель,— но так как вы наотрез отказались вручить свою визитную карточку доктору Слеммеру, этот джентльмен просил меня установить личность владельца не совсем обычного фрака — светло-синего с позолоченным значком, на котором изображен бюст и литеры П. К.

Мистер Уинкль, услышав столь детальное описание своего фрака, вздрогнул от изумления. Друг доктора Слеммера продолжал:

— Из расспросов в гостинице я узнал, что владелец этого фрака прибыл вчера днем вместе с тремя другими джентльменами. Я тотчас же послал слугу к джентльмену, который, по-видимому, возглавляет компанию, а он указал на вас.

Если бы башня Рочестерского замка вдруг снялась с места и остановилась против окна, у которого стоял мистер Уинкль, его удивление было бы ничтожно по сравнению с тем глубоким изумлением, какое он испытывал, слушая приведенные выше слова. Вдруг ему пришло на ум, что фрак украден.

— Будьте добры, подождите одну секунду,— проговорил он.

— Пожалуйста,— ответил непрошенный посетитель.

Мистер Уинкль мигом взлетел по лестнице и дрожащими руками открыл саквояж. Фрак покоился на своем месте, но после тщательного осмотра оказалось, что кто-то несомненно надевал его прошлой ночью.

— Так и есть! — пролепетал мистер Уинкль, роняя фрак.— Я выпил после обеда слишком много вина, и мне смутно помнится, я выходил на улицу и курил сигару. Факт налицо — я был очень пьян; вероятно, я переоделся... куда-нибудь вышел... и кого-то оскорбил... Да, конечно, так оно и есть, и ужасные последствия — этот посетитель.

Вслед за сим мистер Уинкль направился в столовую с мрачной и страшною решимостью принять вызов воинственного доктора Слеммера и приготовился к наихудшему.

К этому решению мистера Уинкля вынуждали различные соображения, главным из коих была его репутация в клубе. Всегда он считался высшим авторитетом по всем вопросам спорта и физической тренировки, преследующей цели наступательные, оборонительные и просто безобидные; и если он уклонится от этого первого испытания — на глазах вождя,— авторитет его будет потерян навсегда. Кроме того, он не раз слыхал от лиц, в эти дела посвященных, что благодаря уговору секундантов пистолеты редко заряжались пулями; и, наконец, он решил, что, если он обратится к мистеру Снодграссу с просьбой быть секундантом и в пламенных выражениях нарисует ему опасность положения, этот джентльмен, по всей вероятности, сообщит обо всем мистеру Пиквику, который тотчас же поставит в известность местные власти и спасет своего ученика от смерти или увечья.

С этими мыслями он вернулся в столовую и заявил о своем намерении принять вызов доктора.

— Угодно вам назвать одного из ваших друзей, с которыми я мог бы условиться о времени и месте встречи? — спросил офицер.

— Это совершенно излишне,— возразил мистер Уинкль,— назначьте время и место, и я явлюсь туда в сопровождении своего друга.

— Скажем... сегодня вечером, на закате? — предложил офицер небрежным тоном.

— Очень хорошо,— ответил мистер Уинкль, думая про себя, что это очень плохо.

— Вы знаете форт Питта? *

— Да, видел вчера.

— Потрудитесь тогда выйти в поле, которое тянется вдоль рва, и свернуть по тропинке влево, пока не дойдете до угла форта, затем идите прямо, пока не увидите меня. Я провожу вас в уединенное место, где мы завершим все дело, не боясь никакой помехи.

«Не боясь помехи!» — пронеслось в голове мистера Уинкля.

— Кажется, все,— сказал офицер.

— Думаю, что так,— согласился мистер Уинкль.

— Честь имею кланяться.

— Честь имею кланяться.

И офицер, весело насвистывая, вышел.

Завтрак прошел не слишком оживленно. Мистер Тапмен после непривычной для него беспутной ночи был не в состоянии подняться с постели; мистер Снодграсс, казалось, пребывал в поэтическом унынии, и даже мистер Пиквик проявил необычную любовь к молчанию и содовой воде. Мистер Уинкль с нетерпением ждал удобного случая. Долго ждать не пришлось. Мистер Снодграсс предложил осмотреть зáмок, и так как, кроме мистера Уинкля, никто не изъявил желания, то они и отправились вдвоем.

— Снодграсс,— проговорил мистер Уинкль, когда они оставили за собой людную улицу,— милый Снодграсс, можете ли вы хранить тайну?

Говоря это, он крепко надеялся, что тот не может.

— Могу! — был ответ.— Я могу дать клятву...

— Нет, нет! — воскликнул Уинкль, пришедший в ужас при мысли, что его друг поклянется не выдавать его.— Не клянитесь, в этом нет необходимости.

Мистер Снодграсс опустил руку, в поэтическом порыве воздетую было к облакам, которые он хотел призвать в свидетели, и приготовился внимательно слушать.

— Дорогой друг, мне нужна ваша помощь в деле чести,— вымолвил мистер Уинкль.

— Рассчитывайте на меня!

И мистер Снодграсс стиснул руку друга.

— С доктором — с доктором Слеммером Девяносто седьмого полка,— продолжал мистер Уинкль, стараясь изо всех сил говорить торжественно,— дуэль с офицером, у которого секундант тоже офицер... Сегодня на закате, в пустынном месте, за фортом Питта.

— Я к вашим услугам,— был ответ мистера Снодграсса.

Он был удивлен, но нисколько не огорчен. Поразительно, какое хладнокровие проявляют в таких случаях все, кроме дуэлянтов! Об этом мистер Уинкль позабыл. О чувствах приятеля он судил по своим.

— Последствия могут быть ужасны,— сказал мистер Уинкль.

— Надеюсь, что нет,— отозвался мистер Снодграсс.

— Доктор, по-видимому, хороший стрелок.

— Да, эти военные хорошо стреляют,— спокойно согласился мистер Снодграсс.— Но ведь и вы тоже, не так ли?

Мистер Уинкль ответил утвердительно. Установив, что мистер Снодграсс не слишком встревожен, он изменил тактику.

— Снодграсс,— продолжал он, и голос его задрожал,— если я паду мертвым, вы найдете в пакете, который я вам вручу, письмо к моему... моему отцу.

И этот путь не годился. Мистер Снодграсс был тронут, но взял на себя доставку письма с такой готовностью, словно был двухпенсовым письмоносцем *.

— Если я паду мертвым,— продолжал мистер Уинкль,— или если доктор падет мертвым, вы, мой друг, окажетесь соучастником в этом деле. Могу ли я обрекать своего друга на ссылку... быть может, на вечную ссылку!

Мистер Снодграсс колебался только один момент, но героизм его выдержал испытание.

— Во имя дружбы я готов подвергнуть себя любым опасностям! — воскликнул он восторженно.

О, как мистер Уинкль мысленно проклинал его дружескую преданность, пока они молча шагали рядом, погрузившись каждый в свои размышления! Время шло, и мистер Уинкль начал приходить в отчаяние.

— Снодграсс! — сказал он, вдруг остановившись. *Не* вздумайте обмануть меня... *Не* сообщайте об этом властям... *Не* помышляйте обращаться к констеблям, чтобы они арестовали меня или доктора Слеммера Девяносто седьмого полка, квартирующего в настоящее время в Четемских казармах, и тем самым помешали дуэли. Заклинаю вас, *не* делайте этого!

Мистер Снодграсс с жаром схватил руку друга и с энтузиазмом воскликнул:

— Ни за что на свете!

Дрожь прошла по телу мистера Уинкля, когда он проникся убеждением, что у него нет надежды вызвать

какие-либо опасения у своего друга и что он обречен стать живой мишенью.

После того как мистеру Снодграссу были объяснены все формальности и ящик с дуэльными пистолетами был взят напрокат у рочестерского оружейника совокупно с достаточным запасом пороха, пуль и пистонов, оба друга вернулись в гостиницу — мистер Уинкль, дабы поразмыслить о предстоящем поединке, а мистер Снодграсс — привести в порядок смертоносное оружие, чтобы можно было им воспользоваться.

Был унылый и душный вечер, когда они снова вышли из дому для свершения трудного дела. Не желая обращать на себя внимание прохожих, мистер Уинкль задрапировался в широкий плащ, а мистер Снодграсс под своим плащом скрыл орудия смертоубийства.

— Все захватили с собой? — взволнованно спросил мистер Уинкль.

— Все,— ответил мистер Снодграсс.— Боевых запасов вполне достаточно, на случай если первые выстрелы будут безрезультатны. В ящике четверть фунта пороха, а в кармане у меня две газеты для пыжей.

Такие дружеские заботы могли вызвать только признательность. Надо думать, что благодарность мистера Уинкля действительно была слишком глубока, чтобы найти себе подходящее выражение, ибо он ни слова не проронил и продолжал идти... не слишком спеша.

— Мы пришли как раз вовремя,— заметил мистер Снодграсс, когда они перелезли через забор первого поля,— солнце на закате.

Мистер Уинкль взглянул на опускавшийся солнечный диск и горестно подумал о том, что, быть может, и сам он скоро «закатится».

— А вот и офицер! — воскликнул он через несколько минут.

— Где? — спросил мистер Снодграсс.

— Вот... джентльмен в синем плаще.

Мистер Снодграсс посмотрел туда, куда указывал перстом его друг, и увидел фигуру в плаще. Офицер дал понять жестом, что их увидел. Друзья следовали по его стопам в нескольких шагах от него.

Вечер с каждой минутой становился более унылым, ветер печально свистел в пустынном поле, словно где-то далеко великан свистом звал собаку. Мрачная картина удручающе подействовала на мистера Уинкля. Когда они шли мимо рва, он вздрогнул — ров казался огромной могилой.

Внезапно офицер свернул с тропинки, перелез через частокол, пробрался сквозь живую изгородь и очутился в пустынном поле. Там ждали два джентльмена: один — маленький, толстый, с черными волосами, другой — представительный мужчина в сюртуке, обшитом тесьмой, хладнокровно восседавший на складном стуле.

— Наш противник и врач,— предположил мистер Снодграсс.— Глотните бренди.

Мистер Уинкль жадно схватил протянутую плетеную фляжку и проглотил изрядную порцию укрепляющего напитка.

— Мой друг, сэр, мистер Снодграсс,— представил приятеля мистер Уинкль, когда офицер подошел к ним.

Друг доктора Слеммера отвесил поклон и вытащил ящик, весьма похожий на тот, который нес с собой мистер Снодграсс.

— Полагаю, что нам говорить не о чем, сэр,— холодно заметил он, открывая ящик,— предложение извиниться было вами решительно отклонено.

— Не о чем, сэр,— отвечал мистер Снодграсс, которому становилось как-то не по себе.

— Приступим! — сказал офицер.

— Конечно,— согласился мистер Снодграсс.

Отмерив дистанцию, с приготовлениями покончили.

— Эти пистолеты лучше ваших,— сказал секундант противника, протягивая принесенное оружие.— Вы видели, как я их заряжал. Не возражаете?

— Что вы! — воскликнул мистер Снодграсс.

Это предложение вывело его из немаловажного затруднения, ибо сведения мистера Снодграсса о том, как заряжают пистолеты, были довольно туманны и неопределенны.

— Ну, теперь мы можем их расставить по местам,— продолжал офицер равнодушным тоном, словно дуэлянты были шахматными фигурами, а секунданты — игроками.

— Конечно, конечно! — подхватил мистер Снодграсс. Он согласился бы на любое предложение, ибо ничего не смыслил в подобного рода делах.

Офицер направился к доктору Слеммеру, а мистер Снодграсс подошел к мистеру Уинклю.

— Все готово! — сказал он, протягивая мистеру Уинклю пистолет.— Дайте ваш плащ.

— Мой пакет у вас, дорогой друг? — прошептал бедный Уинкль.

— Да, все в порядке. Будьте хладнокровны и цельте ему в плечо.

Мистеру Уинклю показалось, что этот совет ничем не отличается от тех, которые неизменно дают уличные зрители малышу, ввязавшемуся в драку: «Смелей, поколоти его!» — совет превосходный, если только знаешь, как им воспользоваться. Молча мистер Уинкль снял свой плащ — этот плащ всегда приходилось долго расстегивать — и взял пистолет. Секунданты отступили в сторону, то же самое сделал джентльмен, сидевший на складном стуле, и противники начали приближаться друг к другу.

Мистер Уинкль всегда отличался крайним человеколюбием. И можно предположить, что, достигнув роковой черты, он закрыл глаза именно потому, что не хотел сознательно искалечить существо себе подобное; то обстоятельство, что глаза его были закрыты, помешало ему заметить очень странное и непонятное поведение доктора Слеммера. Сей джентльмен выступил вперед, вытаращил глаза, отступил назад, протер глаза, снова вытаращил их и, наконец, крикнул:

— Стойте, стойте!

— Что это значит? — спросил доктор Слеммер, когда его приятель и мистер Снодграсс подбежали к нему.— Это не тот.

— Не тот? — сказал секундант доктора Слеммера.

— Не тот? — сказал мистер Снодграсс.

— Не тот? — сказал джентльмен со складным стулом под мышкой.

— Конечно, не тот,— ответил маленький доктор.— Это не то лицо, которое оскорбило меня вчера вечером.

— Странная вещь! — воскликнул офицер.

— Очень! — подтвердил джентльмен со стулом.—

Вопрос только в том, не должны ли мы формально считать этого джентльмена, раз он начал поединок, тем самым субъектом, который оскорбил вчера вечером нашего друга, доктора Слеммера, независимо от того, действительно ли он является этим субъектом, или нет.

Высказав такую мысль с видом весьма загадочным и мудрым, джентльмен со стулом запустил в нос большую понюшку и окинул присутствующих глубокомысленным взглядом человека, авторитетного в подобных делах.

Мистер Уинкль сразу открыл глаза, а также навострил уши, лишь только услышал, что противник призывает к прекращению враждебных действий; уловив из последующих слов противника, что, несомненно, произошла ошибка, он моментально сообразил, сколь выгодно для его репутации скрыть истинные причины, побудившие его выйти на дуэль. Поэтому он храбро выступил вперед и заявил:

— Я — не то лицо, которое вы имеете в виду. Я это знаю.

— В таком случае это оскорбление для доктора Слеммера,— решил джентльмен со стулом,— достаточное основание немедленно продолжать дуэль.

— Успокойтесь, Пейн,— перебил секундант доктора.— Отчего же, сэр, вы не сказали мне об этом сегодня утром?

— Ну, конечно... конечно! — с негодованием подхватил джентльмен со стулом.

— Прошу вас, Пейн, успокойтесь,— снова вмешался секундант.— Итак, сэр, могу я повторить свой вопрос?

— Потому, сэр,— ответил мистер Уинкль, успевший обдумать ответ,— потому, сэр, что вы мне сказали, будто тот невоспитанный и пьяный субъект был одет во фрак, который я не только имею честь носить, но и сам изобрел, предложив его для членов Пиквикского клуба в Лондоне. Я считаю своим долгом защищать честь мундира — вот почему я без всяких объяснений принял вызов.

— Уважаемый сэр,— сказал маленький доктор, подходя и протягивая руку,— я высоко ценю вашу храбрость. И позвольте мне сказать, сэр, что я восхищен

вашим поведением и крайне сожалею, что напрасно потревожил вас, пригласив сюда.

— О, не стоит говорить об этом, сэр! — воскликнул мистер Уинкль.

— Я польщен знакомством с вами, сэр,— продолжал маленький доктор.

— Мне доставляет величайшее наслаждение познакомиться с вами, сэр,— отвечал мистер Уинкль.

Тут доктор и мистер Уинкль пожали друг другу руку, затем мистер Уинкль пожал руку лейтенанту Теплтону (секунданту доктора), затем мистер Уинкль пожал руку джентльмену со стулом, и, наконец, мистер Уинкль пожал руку мистеру Снодграссу. Сей последний джентльмен был восхищен геройским поведением своего доблестного друга.

— Теперь, мне кажется, мы можем разойтись,— сказал лейтенант Теплтон.

— Разумеется,— согласился доктор.

— Если мистер Уинкль,— вставил джентльмен со стулом,— не считает себя оскорбленным вызовом; в противном случае, я думаю, он имеет право на удовлетворение.

Мистер Уинкль самоотверженно заявил, что считает себя полностью удовлетворенным.

— А может быть, секундант мистера Уинкля почитает себя обиженным моими замечаниями, сделанными в начале нашей встречи,— в таком случае я буду счастлив дать ему немедленно удовлетворение,— заключил джентльмен со стулом.

Мистер Снодграсс поспешил признать, что крайне обязан джентльмену за столь любезное предложение, которое должен, однако, отклонить, ибо совершенно удовлетворен всем происшедшим. Секунданты заперли свои ящики, и вся компания, покидая место поединка, была более оживлена, чем в момент прибытия сюда.

— Вы предполагаете долго прожить здесь? — спросил доктор Слеммер мистера Уинкля, когда они дружески двинулись вместе в путь.

— Думаю, уедем послезавтра,— последовал ответ.

— Вы и ваш друг доставили бы мне большое удовольствие, если бы посетили меня, и мы провели бы

приятный вечерок после этой досадной ошибки. Сегодня вечером вы свободны? — спросил маленький доктор.

— У нас здесь есть друзья,— ответил мистер Уинкль,— и мне бы не хотелось расставаться с ними на вечер. Может быть, вы со своим другом присоединитесь к нам в «Быке»?

— Охотно! — согласился тот.— Не будет ли слишком поздно, если часов в десять мы зайдем на полчасика?

— Что вы! Конечно нет! Я буду счастлив познакомить вас с моими друзьями, мистером Пиквиком и мистером Тапменом.

— Вы меня крайне обяжете,— сказал доктор, нимало не подозревая, кто такой мистер Тапмен.

— Значит, вы придете? — спросил мистер Снодграсс.

— Непременно!

Тем временем они вышли на большую дорогу, обменялись сердечными приветствиями, и компания разделилась. Доктор Слеммер с друзьями направился к казармам, а мистер Уинкль, в сопровождении своего друга, мистера Снодграсса, возвратился в гостиницу.

ГЛАВА III

Новое знакомство. Рассказ странствующего актера. Досадная помеха и неприятная встреча

У мистера Пиквика возникли некоторые опасения, вызванные необычным отсутствием двух его друзей, чье таинственное поведение в течение целого утра отнюдь не давало повода к уменьшению его тревоги. Тем с большей радостью встал он, чтобы поздороваться с ними, когда они вошли, и тем с большим интересом осведомился, что могло их задержать. В ответ на его вопросы мистер Снодграсс собрался дать исторический обзор событий, только что изложенных, как вдруг запнулся, заметив, что здесь присутствуют не только мистер Тапмен и вчерашний их товарищ по пассажирской карете, но

еще какой-то незнакомец, не менее странного вида. Это был изможденный человек с желтоватым лицом и глубоко запавшими глазами, которые казались еще более странными, чем создала их природа, благодаря прямым черным волосам, ниспадавшим ему на лицо. Глаза у него отличались почти неестественным блеском и пронзительной остротою, скулы торчали, а челюсти выдавались так, что наблюдатель мог бы предположить, будто каким-то сокращением мускулов он вдруг втянул щеки, если бы полуоткрытый рот и неподвижная физиономия не свидетельствовали о том, что такова была обычная его внешность. Шею он обмотал зеленым шарфом, длинные концы которого спускались ему на грудь и виднелись сквозь обтрепанные петли старого жилета. Верхней одеждой служил ему длинный черный сюртук, под которым были широкие темные панталоны и высокие сапоги, быстро приближавшиеся к стадии полного разрушения.

На этом странном субъекте остановился взгляд мистера Уинкля, и на него указал рукой мистер Пиквик, проговорив:

— Друг нашего друга. Сегодня утром мы узнали, что наш друг связан со здешним театром, хотя и не имеет желания доводить это до всеобщего сведения, а этот джентльмен является представителем той же профессии. Когда вы вошли, он как раз собирался развлечь нас связанным с нею небольшим рассказом.

— Масса рассказов,— сказал вчерашний незнакомец в зеленом фраке, приближаясь к мистеру Уинклю и говоря тихо и конфиденциально.— Чудак — — выполняет тяжелую работу — — не актер — — странный человек — — всякие бедствия — — «мрачный Джимми» — — мы так его называем.

Мистер Уинкль и мистер Снодграсс вежливо приветствовали джентльмена, носившего изысканное прозвище «мрачный Джимми», и по примеру остальной компании заказали грог и уселись за стол.

— А теперь, сэр,— сказал мистер Пиквик,— не угодно ли вам будет приступить к обещанному повествованию?

Мрачный субъект вынул из кармана грязную свернутую в трубку рукопись и, обращаясь к мистеру Снодграссу, который только что извлек свою записную

книжку, произнес глухим голосом, вполне соответствовавшим его внешности:

— Вы — поэт?

— Я... я... до некоторой степени,— ответил мистер Снодграсс, слегка смущенный неожиданным вопросом.

— А! Для жизни поэзия — то же, что музыка и свет для сцены; у одной отнимите мишурные ее украшения, у другой ее иллюзии, и останется ли хоть что-нибудь ценное в жизни и на сцене, ради чего стоило бы жить и волноваться?

— Совершенно верно, сэр! — отозвался мистер Снодграсс.

— Находиться перед рампой,— продолжал мрачный субъект,— то же, что присутствовать на приеме при дворе и восхищаться шелковыми платьями пестрой толпы; находиться за рампой — значит превратиться в тех, кто создает это великолепие,— заброшенных и никому неведомых,— тех, кому предоставляется право по произволу судьбы утонуть или выплыть, умереть с голоду или жить.

— Верно! — произнес мистер Снодграсс, ибо ввалившиеся глаза мрачного субъекта устремлены были на него, и он почитал нужным что-нибудь сказать.

— Начинайте, Джимми,— сказал испанский путешественник,— как черноокая Сьюзен * — — весь в Даунсе — — нечего каркать — — выскажитесь — — смотрите веселей.

— Не приготовите ли вы себе еще стакан, сэр, прежде чем начать? — предложил мистер Пиквик.

Мрачный субъект последовал совету и, смешав в стакане бренди с водою, выпил не спеша половину, развернул рукопись и начал излагать, то читая, то рассказывая, нижеследующее происшествие, сообщение о котором мы находим в протоколах клуба под названием «Рассказ странствующего актера».

«РАССКАЗ СТРАНСТВУЮЩЕГО АКТЕРА»

Нет ничего чудесного в том, что̀ я собираюсь рассказать,— начал мрачный субъект,— нет в этом и ничего из ряда вон выходящего. Нужда и болезнь — явления столь

заурядные на многих этапах жизни, что заслуживают не больше внимания, чем принято уделять самым обыкновенным изменениям в человеческой природе. Эти заметки я набросал потому, что объектом их является человек, которого я хорошо знал в течение многих лет. Я следил, как он постепенно опускался, пока, наконец, не впал в крайнюю нищету, из которой уже не выкарабкался.

Человек, о котором я говорю, был маленький пантомимный актер и горький пьяница, как многие представители этой профессии. В лучшие дни, когда беспутная жизнь еще не лишила его сил и болезнь не изнурила, получал он хорошее жалование и, будь он осторожен и благоразумен, пожалуй, продолжал бы его получать в течение еще нескольких лет — немногих, ибо люди эти или рано умирают, или, чрезмерно расходуя энергию, теряют преждевременно физические силы, от которых всецело зависит их существование. Однако порочная его наклонность приобрела такую власть над ним, что оказалось невозможным давать ему те роли, в которых он действительно был полезен театру. Трактир имел для него притягательную силу, и с нею он не мог бороться. Запущенная болезнь и безысходная бедность должны были выпасть ему на долю неизбежно, как сама смерть, если бы он продолжал идти упорно этим путем; он и в самом деле упорствовал, и о последствиях можно догадаться. Он не мог получить ангажемент и нуждался в куске хлеба.

Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с театральной жизнью, знает, какая орава оборванных бедняков толчется за кулисами любого большого театра,— это не актеры, получившие ангажемент,— это кордебалет, статисты, акробаты — словом, те, которых принимают для выступления в пантомимах или в пасхальном спектакле, а затем увольняют, пока снова не понадобятся их услуги для какой-нибудь постановки, требующей много участников. Такую же жизнь вынужден был вести этот человек; подвизаясь каждый вечер в каком-нибудь маленьком театре, он зарабатывал несколько лишних шиллингов в неделю и имел возможность удовлетворять старую наклонность. Но и этот источник вскоре для него иссяк. Безалаберность его была слишком велика, он лишился

даже такого ничтожного заработка, дошел до того, что ему буквально грозила голодная смерть, и лишь изредка выпрашивал какую-нибудь мелочь взаймы у старых товарищей или добивался выступления в уличных театриках; и когда случалось ему что-нибудь заработать, деньги он тратил по-старому.

Больше года никто не знал, как ухитряется он сводить концы с концами. Приблизительно в это время я был приглашен для нескольких выступлений в одном из театров на Сарийской стороне * Темзы, и здесь я увидел этого человека, которого потерял было из виду, так как я разъезжал по провинции, а он прозябал где-то в закоулках Лондона. Я уже оделся, чтобы идти домой, и шел по сцене, направляясь к выходу, когда он хлопнул меня по плечу. Никогда не забуду того отталкивающего зрелища, какое представилось моим глазам, когда я оглянулся. Он был одет для выступления в пантомиме в нелепейший костюм клоуна. Призрачные фигуры в «Пляске смерти», чудовищные образы, запечатленные на холсте искуснейшим художником, не были столь жуткими. Раздувшееся его тело и сухопарые ноги — уродство их увеличивалось во сто раз от фантастического костюма,— мутные глаза, резко выделявшиеся на фоне белил, которые густым слоем покрывали его лицо, трясущаяся голова в причудливом уборе и длинные костлявые руки, натертые мелом,— все это придавало ему отвратительный и неестественный вид, о котором никакое описание не даст полного представления и который я и по сей день вспоминаю с содроганием. Голос его звучал глухо и дрожал, когда он отвел меня в сторону и отрывисто сообщил длинный перечень болезней и лишений, закончив, по обыкновению, настойчивой просьбой ссудить ничтожную сумму. Я сунул ему в руку несколько шиллингов и, уходя, слышал взрыв смеха, которым встречен был первый его трюк на сцене.

Спустя несколько дней какой-то мальчик вручил мне грязный обрывок бумаги, где было нацарапано несколько слов карандашом; меня уведомляли, что человек этот опасно заболел и просит, чтобы я зашел к нему на квартиру на такой-то улице,— не припомню сейчас ее названия,— находящейся неподалеку от театра. Я обещал

исполнить просьбу, как только освобожусь, и, когда опустился занавес, отправился в свое печальное путешествие.

Было поздно, так как я играл в последней пьесе; а по случаю бенефиса представление тянулось дольше, чем обычно. Была темная холодная ночь с пронизывающим, сырым ветром, под напором которого дождь тяжело стучал в окна и стены домов. В узких и безлюдных улицах стояли лужи, а так как от резкого ветра потухло большинство немногочисленных фонарей, то прогулка эта была не только неприятной, но и весьма рискованной. Однако мне посчастливилось не сбиться с дороги и без особых затруднений отыскать дом, который был указан в записке,— угольный сарай, над которым был надстроен один этаж, где в задней комнате лежал тот, кого я разыскивал.

На лестнице меня встретила жалкая женщина, жена этого человека, и, сообщив, что он только что впал в забытье, ввела меня тихонько в комнату и поставила для меня стул у кровати. Больной лежал, повернувшись лицом к стене, и, так как на мой приход он не обращал ни малейшего внимания, у меня было время осмотреть место, куда я попал.

Он лежал на старой откидной кровати. У изголовья висела рваная клетчатая занавеска, служившая защитой от ветра, который проникал в эту убогую комнату сквозь многочисленные щели в двери, и занавеска все время развевалась. На заржавленной поломанной решетке камина тлели угли; перед ним был выдвинут старый покрытый пятнами треугольный стол, на котором стояли склянки с микстурой, треснутый стакан, какие-то мелкие домашние вещи. На полу, на импровизированной постели, спал ребенок, а возле него на стуле сидела женщина. На полке были расставлены тарелки и чашки с блюдцами; под нею висели балетные туфли и пара рапир. Больше ничего не было в комнате, кроме каких-то лохмотьев и узлов, валявшихся по углам.

Я успел рассмотреть все эти мелкие детали и заметить тяжелое дыхание и лихорадочную дрожь больного, прежде чем он обратил внимание на мое присутствие. В беспокойных попытках улечься поудобнее он свесил

руку с кровати, и она коснулась моей руки. Он вздрогнул и тревожно заглянул мне в лицо.

— Джон, это мистер Хатли,— сказала его жена.— Мистер Хатли, за которым ты посылал сегодня, помнишь?

— А...— протянул больной, проводя рукою по лбу.— Хатли... Хатли... Дайте вспомнить.— В течение нескольких секунд он, казалось, старался собраться с мыслями, потом крепко схватил меня за руку и сказал: — Не бросайте меня, старина, не бросайте. Она меня убьет, я знаю, что убьет.

— Давно он в таком состоянии? — спросил я у его плачущей жены.

— Со вчерашнего вечера,— ответила она.— Джон, Джон, неужели ты меня не узнаешь?

— Не подпускайте ее ко мне! — содрогнувшись, сказал больной, когда она склонилась к нему.— Уведите ее, я не могу ее видеть.— В смертельном испуге он не спускал с нее дикого взора, потом стал шептать мне на ухо: — Я колотил ее, Джем... вчера ее побил, да и раньше бил не раз. Я морил голодом и ее и мальчика, а теперь, когда я слаб и беспомощен, она меня убьет за это, Джем... знаю, что убьет. Вы бы убедились в этом, если бы видели, как она плакала. Не подпускайте ее ко мне!

Он разжал руку и в изнеможении откинулся на подушку.

Я слишком хорошо понимал, что̀ это значит. Если бы хоть на секунду возникли у меня какие-нибудь сомнения, один взгляд, брошенный на бледную и изможденную женщину, объяснил бы мне истинное положение вещей.

— Отойдите лучше,— сказал я этой несчастной.— Ему вы помочь не можете. Пожалуй, он успокоится, если не будет вас видеть.

Она отошла. Через несколько секунд он открыл глаза и тревожно осмотрелся по сторонам.

— Она ушла? — взволнованно осведомился он.

— Да, да,— ответил я.— Она вас не обидит.

— А я вам говорю, Джем, что она обижает меня,— тихо сказал он.— Глаза у нее такие, что меня охватывает смертельный страх, я чуть с ума не схожу. Всю прошлую ночь ее большие, широко раскрытые глаза и бледное лицо преследовали меня, я отворачивался, они были передо мною, и каждый раз, когда я просыпался, она сидела у кровати и смотрела на меня.— Он притянул меня к себе и прошептал глухо и тревожно: — Джем, должно быть, это злой дух... дьявол. Тише! Я это знаю. Будь она женщиной, она бы давным-давно умерла. Ни одна женщина не вынесла бы того, что̀ вынесла она.

С болью в сердце подумал я о том, как жесток и черств был этот человек в течение многих лет, если могла им овладеть такая мысль. Мне нечего было ему ответить, да и кто мог бы принести надежду или утешение жалкому существу, находившемуся передо мной?

Я просидел у него больше двух часов, а он все время метался, тихонько вскрикивая от боли или волненья, тревожно размахивая руками и ворочаясь с боку на бок. Наконец, он погрузился в то полубессознательное состояние, когда память в смятении переходит от картины к картине и с места на место, ускользая от контроля разума, но не освободившись от неописуемого ощущения испытываемых страданий. Убедившись в этом на основании бессвязного бреда и зная, что в ближайшее время лихорадка вряд ли усилится, я расстался с ним, обещав несчастной его жене вернуться завтра к вечеру и, в случае необходимости, провести всю ночь с больным.

Я сдержал слово. За последние сутки произошла потрясающая перемена. Глаза, хотя и глубоко запавшие, с тяжелыми веками, сверкали, и жутко было видеть этот блеск. Губы запеклись и потрескались; от жара высохла и стала шершавой кожа, и дикий, нечеловеческий страх отражался на его лице, еще резче подчеркивая гибельное действие недуга. Жар был у него очень сильный.

Я занял то же место, что и накануне, и просидел несколько часов, прислушиваясь к звукам, которые могли потрясти сердце самого бесчувственного человека,— к ужасному бреду умирающего. Я слышал мнение врача и понимал, что надежды нет никакой: я сидел у смертного одра. Я видел, как в мучительном жару извивалось это исхудавшее тело, которое несколько часов назад корчилось на потеху буйной галерки, я слышал пронзительный смех клоуна, переходивший в тихий шепот умирающего.

Тяжело и трогательно следить за тем, как память обращается к повседневным занятиям и обязанностям здорового человека, когда перед вами лежит его слабое и беспомощное тело; но если характер этих занятий резко противоречит всему, что мы связываем с представлением о могиле или с возвышенными идеями о смерти, впечатление создается бесконечно более сильное. Театр и трактир — вот о чем бредил несчастный. Чудилось ему — был вечер, он должен играть в вечернем спектакле, поздно, он торопится выйти из дому. Зачем его удерживают, не дают уйти?.. Он лишится заработка... Ему нужно идти.

Нет! Его не пускают. Он закрыл лицо горячими руками и тихо сетовал на собственную свою слабость и жестокость преследователей. Короткая пауза, и он выкрикнул какие-то вирши — последние им заученные. Он приподнялся на кровати, вытянул тощие ноги, вертелся, принимая нелепые позы; он играл роль — он был на сцене. Минутное молчание — и он тихо затянул припев разухабистой песни. Наконец-то добрался он до старого пристанища: как жарко в зале! Он был болен, очень болен, ну а сейчас он здоров и счастлив. Наполните ему стакан. Кто выбил у него стакан из рук? Опять тот же, кто и раньше его преследовал. Он упал на подушку и громко застонал. Краткий период забытья, а затем начались его скитания по нескончаемому лабиринту низких сводчатых комнат — таких низких, что иногда приходилось пробираться на четвереньках; было душно и темно, и куда бы он ни сворачивал — всюду натыкался на препятствия. Вот какие-то насекомые, мерзкие извивающиеся твари, таращат на него глаза и кишат в воздухе, жутко поблескивая в глубоком мраке. Стены и потолок словно движутся — так много на них пресмыкающихся... склеп раздвигается до необъятных размеров... мелькают страшные тени, а среди них люди, которых он когда-то знал, но лица их отвратительно искажены усмешками и гримасами; они прижигают его раскаленным железом, стягивают ему голову веревками, пока не хлынула кровь; он отчаянно боролся за жизнь.

После одного из таких пароксизмов, когда я с великим трудом удерживал его в постели, он погрузился, по-видимому, в дремоту. Устав от бессонницы и напряжения, я на несколько минут закрыл глаза, как вдруг почувствовал, что кто-то вцепился мне в плечо. Я мгновенно проснулся. Он приподнялся, стараясь сесть в постели,— лицо его страшно изменилось, но сознание вернулось к нему, так как он, очевидно, узнал меня. Ребенок, которого давно уже разбудил его бред, вскочил с постели и, закричав от испуга, бросился к отцу; мать поспешила схватить его на руки, чтобы отец в припадке безумия не ушиб его, но в ужасе от происшедшей с больным перемены остановилась, остолбенев, у кровати. Он судорожно сжал мне плечо и, ударяя себя другою рукою в

грудь, сделал отчаянную попытку заговорить. Попытка не удалась; он простер к ним руки и снова попробовал заговорить. Из горла вырвались хрипы... глаза расширились... короткий приглушенный стон... и он упал навзничь — мертвый!»

С величайшим удовольствием сообщили бы мы мнение мистера Пиквика о вышеизложенной истории. Мы нимало не сомневаемся о том, что нам представилась бы возможность познакомить с ним наших читателей, если бы не одно злополучное обстоятельство.

Мистер Пиквик поставил на стол стакан, который он к концу повествования держал в руке, и только что собрался заговорить,— ссылаясь на записную книжку мистера Снодграсса, мы смеем утверждать, что он уже рот открыл,— как вдруг в комнату вошел лакей и доложил:

— Какие-то джентльмены, сэр.

Можно думать, что мистер Пиквик в тот момент, когда его прервали, готовился высказать замечания, которые если и не зажгли бы Темзы, то во всяком случае озарили бы мир, ибо он сурово воззрился на физиономию лакея, а затем окинул взглядом всю компанию, словно требовал сведений о вновь прибывших.

— О! — воскликнул мистер Уинкль, вставая.— Это мои приятели. Просите их! Очень симпатичные люди,— добавил мистер Уинкль, когда лакей удалился.— Офицеры Девяносто седьмого полка, сегодня утром я с ними познакомился при довольно странных обстоятельствах. Вам они очень понравятся.

Мистер Пиквик немедленно обрел утраченное спокойствие.

Лакей вернулся и ввел в комнату трех джентльменов.

— Лейтенант Теплтон,— сказал мистер Уинкль.— Лейтенант Теплтон — мистер Пиквик; доктор Пейн — мистер Пиквик; мистер Снодграсс — с ним вы уже знакомы; мой друг мистер Тапмен — доктор Пейн; доктор Слеммер — мистер Пиквик; мистер Тапмен — доктор Сле...

Тут мистер Уинкль запнулся, ибо на физиономиях как мистера Тапмена, так и доктора отразилось сильное волнение.

— *Этого* джентльмена я уже встречал,— с ударением сказал доктор.

— Вот как! — воскликнул мистер Уинкль.

— И... и этого человека тоже, если не ошибаюсь,— добавил доктор, устремив испытующий взгляд на незнакомца в зеленом фраке.— Вчера вечером я сделал этому субъекту одно весьма настоятельное предложение, которое он счел уместным отклонить.

С этими словами доктор грозно посмотрел на незнакомца и шепнул что-то своему другу, лейтенанту Теплтону.

— Не может быть! — воскликнул этот джентльмен, когда замер шепот.

— Я утверждаю! — возразил доктор Слеммер.

— Вы обязаны рассчитаться с ним сейчас же! — внушительно пробормотал владелец складного стула.

— Не волнуйтесь, Пейн,— вмешался лейтенант.— Разрешите вас спросить, сэр,— обратился он к мистеру Пиквику, который был весьма озадачен этой неучтивой интермедией,— разрешите вас спросить, принадлежит ли этот человек к вашей компании?

— Нет, сэр,— ответил мистер Пиквик.— Он — наш гость.

— Если не ошибаюсь, он состоит членом вашего клуба? — осведомился лейтенант.

— Никоим образом,— сказал мистер Пиквик.

— И он не носит значка вашего клуба? — продолжал лейтенант.

— Нет! — отвечал изумленный мистер Пиквик.

Лейтенант Теплтон круто повернулся к своему другу доктору Слеммеру, слегка пожав плечами, словно не совсем доверял его памяти. У маленького доктора вид был гневный, но озадаченный, а мистер Пейн злобно взирал на лучезарную физиономию ничего не подозревавшего мистера Пиквика.

— Сэр! — сказал доктор, внезапно обратившись к мистеру Тапмену, таким тоном, что этот джентльмен вздрогнул, как будто ему в икру коварно воткнули булавку.— Вчера вечером вы были здесь на балу?

Мистер Тапмен слабо прошептал «да», не спуская в то же время глаз с мистера Пиквика.

— Этот человек вас сопровождал? — продолжал доктор, указывая на незнакомца, оставшегося невозмутимым.

Мистер Тапмен подтвердил этот факт.

— Итак, сэр,— сказал доктор незнакомцу,— я вас спрашиваю еще раз, в присутствии этих джентльменов, угодно ли вам вручить мне вашу визитную карточку и дать мне возможность обращаться с вами, как с джентльменом, или вы вынудите меня расправиться с вами самолично и незамедлительно?

— Позвольте, сэр! — сказал мистер Пиквик.— Не получив некоторых объяснений, я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Тапмен, расскажите, в чем дело.

После такого торжественного призыва к нему лично мистер Тапмен вкратце изложил суть дела; слегка коснулся вопроса о позаимствованном фраке; распространился на тему о том, что все произошло «после обеда»; в заключение добавил несколько покаянных слов и предоставил незнакомцу оправдываться по мере собственных сил и умения.

Тот, казалось, готов был приступить к делу, как вдруг лейтенант Теплтон, посматривавший на него с большим любопытством, спросил, не скрывая презрения:

— Не видал ли я вас в театре, сэр?

— Несомненно,— ответил незнакомец, нимало не смутясь.

— Это странствующий актер! — презрительно сказал лейтенант, обращаясь к доктору Слеммеру.— Он играет в пьесе, которая идет завтра вечером в Рочестерском театре для офицеров Пятьдесят второго полка. Вы не можете требовать от него удовлетворения, Слеммер... это невозможно!

— Никак! — с достоинством заметил Пейн.

— Сожалею, что поставил вас в такое неприятное положение,— обратился лейтенант Теплтон к мистеру Пиквику.— Разрешите вам сказать, что во избежание повторения подобных сцен следует быть более осмотрительным в выборе друзей. Прощайте, сэр! — И лейтенант быстро вышел из комнаты.

— А *мне* разрешите сказать, сэр,— произнес вспыльчивый доктор Пейн,— что, будь я Теплтоном или будь я Слеммером, я дернул бы за нос вас, сэр, и всех ваших друзей. Да, сэр, всех. Меня зовут Пейн, сэр, доктор Пейн Сорок третьего полка. Прощайте, сэр.

Закончив свою речь и произнеся последние два слова на высокой ноте, он величественно прошествовал вслед за своим другом; за ним по пятам шел доктор Слеммер, который не сказал ничего и удовольствовался лишь тем, что испепелил компанию одним взглядом.

В продолжение вышеизложенных вызывающих речей крайнее недоумение и ярость распирали благородную грудь мистера Пиквика, грозя разорвать его жилет. Он стоял окаменевший и смотрел в пространство. Стук захлопнувшейся двери заставил его опомниться. Ярость была написана на его лице, и глаза пылали, когда он ринулся вперед. Уже рука его коснулась дверной ручки; еще секунда — и она впилась бы в горло доктора Пейна 43-го полка, если бы мистер Снодграсс не ухватил своего высокочтимого наставника за фалды фрака и не оттащил от двери.

— Держите его! — кричал мистер Снодграсс.— Уинкль, Тапмен! Он не смеет из-за этого подвергать опасности свою драгоценную жизнь.

— Пустите меня! — сказал мистер Пиквик.

— Держите его крепко! — кричал мистер Снодграсс; и соединенными усилиями всей компании мистер Пиквик был водружен в кресло.

— Оставьте его в покое,— сказал незнакомец в зеленом фраке.— Грогу — — забавный старый джентльмен — — какой вздор — — проглотите-ка этого — — ах! — — отличное лекарство.

Проверив предварительно доброкачественность смеси, приготовленной мрачным субъектом, незнакомец поднес стакан к губам мистера Пиквика, и остаток содержимого быстро исчез.

Наступила короткая пауза; грог сделал свое дело; добродушная физиономия мистера Пиквика быстро обрела свойственное ей выражение.

— Они недостойны вашего внимания,— сказал мрачный гость.

— Вы правы, сэр,— ответил мистер Пиквик.— Я стыжусь, что так погорячился. Придвигайтесь к столу, сэр.

Мрачный субъект с готовностью повиновался; круг снова сомкнулся за столом, и гармония восстановилась. Какая-то затаенная досада, пожалуй, нашла себе пристанище в груди мистера Уинкля, вызванная, быть может, временным захватом его фрака, хотя вряд ли разумно будет предположить, что такое пустячное обстоятельство могло возбудить хотя бы и мимолетное раздражение в груди пиквикиста. Во всех же остальных отношениях благодушие было вновь обретено полностью, и вечер закончился так же весело, как начался.

ГЛАВА IV

Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья и приглашение поехать за город

Многие писатели проявляют не только неразумное, но и поистине постыдное нежелание отдавать должное тем источникам, из которых они черпают ценный материал. Нам такое нежелание чуждо. Мы лишь стремимся честно исполнить ответственную обязанность, вытекающую из наших издательских функций; и сколь бы при других обстоятельствах честолюбие ни побуждало нас притязать на авторство по отношению к этим приключениям, уважение к истине воспрещает нам претендовать на что-либо большее, чем заботливое приведение их в порядок и беспристрастное изложение. Пиквикские документы являются нашим Нью-Риверским водоемом *, а нас можно было бы сравнить с Нью-Риверской компанией. Трудами других создан для нас огромный резервуар существеннейших фактов. Мы же только подаем их и пускаем чистой и легкой струей при помощи этих выпусков [1] — на благо людей, жаждущих пиквикской мудрости.

---

[1] Первоначально роман выходил ежемесячно отдельными выпусками.

Действуя в таком духе и твердо опираясь на принятое нами решение воздать должное тем источникам, к коим мы обращались, заявляем открыто, что записной книжке мистера Снодграсса обязаны мы фактами, занесенными в эту и последующую главы,— фактами, к изложению которых, очистив ныне свою совесть, мы приступаем без дальнейших комментариев.

На следующее утро жители Рочестера и примыкающих к нему городов рано поднялись с постели в состоянии крайнего волнения и возбуждения. На линии укреплений должен был состояться большой военный смотр. Орлиное око командующего войсками будет наблюдать маневры полудюжины полков; были возведены временные фортификации, будет осаждена и взята крепость и взорвана мина.

Мистер Пиквик был восторженным поклонником армии, о чем, быть может, догадались наши читатели, основываясь на тех кратких выдержках, какие даны нами из его описания Четема. Ничто не могло привести его в такое восхищение, ничто не могло так гармонировать с чувствами каждого из его спутников, как предстоящее зрелище. Вот почему они вскоре тронулись в путь и направились к месту действия, куда уже со всех сторон стекались толпы народа.

Вид плаца свидетельствовал о том, что предстоящая церемония будет весьма величественной и торжественной. Были расставлены часовые, охранявшие плацдарм, и слуги на батареях, охранявшие места для леди, и бегали по всем направлениям сержанты с книгами в кожаных переплетах под мышкой, и полковник Балдер в полной парадной форме верхом галопировал с места на место, и осаживал свою лошадь, врезавшись в толпу, и заставлял ее гарцевать и прыгать, и кричал весьма грозно, и довел себя до того, что сильно охрип и сильно раскраснелся без всякой видимой причины или повода. Офицеры бегали взад и вперед, сначала переговаривались с полковником Балдером, затем отдавали распоряжения сержантам и, наконец, исчезли; и даже солдаты выглядывали из-за своих лакированных кожаных воротников с видом загадочно-торжественным, который явно указывал на исключительный характер события.

Мистер Пиквик со своими тремя спутниками поместился в первом ряду толпы и терпеливо ждал начала церемонии. Толпа росла с каждой секундой; и в течение следующих двух часов внимание их было поглощено теми усилиями, какие приходилось им делать, чтобы удержать завоеванную позицию. Иногда толпа вдруг напирала сзади, и тогда мистера Пиквика выбрасывало на несколько ярдов вперед с быстротой и эластичностью, отнюдь не соответствовавшими его степенной важности; иногда раздавался приказ «податься назад», и приклад ружья либо опускался на большой палец на ноге мистера Пиквика, напоминая об отданном распоряжении, либо упирался ему в грудь, обеспечивая этим немедленное выполнение приказа. Какие-то веселые джентльмены слева, напирая гуртом и придавив мистера Снодграсса, претерпевавшего печеловеческие муки, желали узнать, «куда он прет», а когда мистер Уинкль выразил крайнее свое негодование при виде этого ничем не вызванного натиска, кто-то из стоявших сзади нахлобучил ему шляпу на глаза и спросил, не соблаговолит ли он спрятать голову в карман. Все эти остроумные шуточки, а также непонятное отсутствие мистера Тапмена (который внезапно исчез и обретался неведомо где) создали для пиквикистов ситуацию в целом скорее незавидную, чем приятную или желательную.

Наконец, по толпе пробежал тот многоголосый гул, который обычно возвещает наступление ожидаемого события. Все взоры обратились к форту — к воротам для вылазки. Несколько секунд напряженного ожидания — и в воздухе весело затрепетали знамена, ярко засверкало оружие на солнце: колонна за колонной вышли на равнину. Войска остановились и выстроились; команда пробежала по шеренге, звякнули ружья, и войска взяли на караул; командующий в сопровождении полковника Балдера и свиты офицеров легким галопом поскакал к фронту. Заиграли все военные оркестры; лошади встали на дыбы, галопом поскакали назад и, размахивая хвостами, понеслись по всем направлениям; собаки лаяли, толпа вопила, солдаты взяли ружья к ноге, и на всем пространстве, какое мог охватить глаз, ничего не видно было, кроме красных мундиров и белых штанов, застывших в неподвижности.

Мистер Пиквик, путаясь в ногах лошадей и чудесным образом выбираясь из-под них, был столь этим поглощен, что не располагал досугом созерцать разыгрывающуюся сцену, пока она не достигла стадии, только что нами описанной. Когда, наконец, он получил возможность утвердиться на ногах, радость его и восторг были беспредельны.

— Может ли быть что-нибудь восхитительнее? — спросил он мистера Уинкля.

— Нет, не может,— ответил этот джентльмен, только что освободившийся от низкорослого субъекта, который уже с четверть часа стоял у него на ногах.

— Это поистине благородное и ослепительное зрелище,— сказал мистер Снодграсс, в чьей груди быстро разгоралась искра поэзии: — доблестные защитники страны выстроились в боевом порядке перед мирными ее гражданами; их лица выражают не воинственную жестокость, но цивилизованную кротость, в их глазах вспыхивает не злобный огонь грабежа и мести, но мягкий свет гуманности и разума!

Мистер Пиквик вполне оценил дух этой похвальной речи, но не мог до конца с нею согласиться, ибо мягкий свет разума горел слабо в глазах воинов, так как после команды «смирно!» зритель видел только несколько тысяч пар глаз, уставившихся прямо перед собой и лишенных какого бы то ни было выражения.

— Теперь мы занимаем превосходную позицию,— сказал мистер Пиквик, осматриваясь по сторонам.

Толпа вокруг них постепенно рассеялась, и поблизости не было почти никого.

— Превосходную! — подтвердили и мистер Снодграсс и мистер Уинкль.

— Что они сейчас делают? — осведомился Пиквик, поправляя очки.

— Я... я склонен думать,— сказал мистер Уинкль, меняясь в лице,— я склонен думать, что они собираются стрелять.

— Вздор! — поспешно проговорил мистер Пиквик.

— Я... я, право же, думаю, что они хотят стрелять,— настаивал мистер Снодграсс, слегка встревоженный.

— Не может быть,— возразил мистер Пиквик.

Едва произнес он эти слова, как все шесть полков

прицелились из ружей, словно у всех была одна общая мишень,— и этой мишенью были пиквикисты,— и раздался залп, самый устрашающий и оглушительный, какой когда-либо потрясал землю до самого ее центра или пожилого джентльмена до глубины его существа.

При таких затруднительных обстоятельствах мистер Пиквик — под градом холостых залпов и под угрозой атаки войск, которые начали строиться с противоположной стороны,— проявил полное хладнокровие и самообладание, каковые являются неотъемлемыми принадлежностями великого духа. Он схватил под руку мистера Уинкля и, поместившись между этим джентльменом и мистером Снодграссом, настойчиво умолял их вспомнить о том, что стрельба не грозит им непосредственной опасностью, если исключить возможность оглохнуть от шума.

— А... а что, если кто-нибудь из солдат по ошибке зарядил ружье пулей? — возразил мистер Уинкль, бледнея при мысли о такой возможности, им же самим измышленной.— Я только что слышал — что-то просвистело в воздухе, и очень громко: под самым моим ухом.

— Не броситься ли нам ничком на землю? — предложил мистер Снодграсс.

— Нет, нет... все уже кончено,— сказал мистер Пиквик.

Быть может, губы его дрожали и щеки побледнели, но ни одно слово, свидетельствующее об испуге или волнении, не сорвалось с уст этого великого человека.

Мистер Пиквик был прав: стрельба прекратилась. Но едва он успел поздравить себя с тем, что догадка его правильна, как вся линия пришла в движение: хрипло пронеслась команда, и, раньше чем кто-нибудь из пиквикистов угадал смысл этого нового маневра, все шесть полков с примкнутыми штыками перешли в наступление, стремительно бросившись к тому самому месту, где расположился мистер Пиквик со своими друзьями.

Человек смертен, и есть предел, за который не может простираться человеческая храбрость. Мистер Пиквик глянул сквозь очки на приближающуюся лавину, а затем решительно повернулся к ней спиной,— не скажем — побежал: во-первых, это выражение пóшло; во-вторых, фигура мистера Пиквика была отнюдь не приспособлена к

такому виду отступления. Он пустился рысцой, развив такую скорость, на какую только способны были его ноги,— такую скорость, что затруднительность своего положения мог оценить в полной мере, когда было уже слишком поздно.

Неприятельские войска, чье появление смутило мистера Пиквика несколько секунд назад, выстроились, чтобы отразить инсценированную атаку войск, осаждающих крепость; и в результате мистер Пиквик со своими приятелями внезапно очутился между двумя длиннейшими шеренгами, из коих одна быстрым шагом приближалась, а другая в боевом порядке ждала столкновения.

— Эй! — кричали офицеры надвигающейся шеренги.

— Прочь с дороги! — орали офицеры неподвижной шеренги.

— Куда нам идти? — вопили всполошившиеся пиквикисты.

— Эй-эй-эй! — было единственным ответом.

Секунда смятения, тяжелый топот ног, сильное сотрясение, заглушенный смех... С полдюжины полков уже удалились на полтысячи ярдов, а подошвы мистера Пиквика продолжали мелькать в воздухе.

Мистер Снодграсс и мистер Уинкль совершили вынужденные курбеты с замечательным проворством, и первое, что увидел этот последний, сидя на земле и вытирая желтым шелковым носовым платком животворную струю, лившуюся из носа, был его высокочтимый наставник, преследовавший свою собственную шляпу, которая, шаловливо подпрыгивая, уносилась вдаль.

Погоня за собственной шляпой является одним из тех редких испытаний,— смешных и печальных одновременно,— которые вызывают мало сочувствия. Значительное хладнокровие и немалая доза благоразумия требуются при поимке шляпы. Не следует спешить — иначе вы перегоните ее; не следует впадать в другую крайность — иначе окончательно ее потеряете. Наилучший способ — бежать полегоньку, не отставая от объекта преследования, быть осмотрительным и осторожным, ждать удобного случая, постепенно обгоняя шляпу, затем быстро нырнуть, схватить ее за тулью, нахлобучить на голову и все время благодушно улыбаться, как будто вас это забавляет не меньше, чем всех остальных.

Дул приятный ветерок, и шляпа мистера Пиквика весело катилась вдаль. Ветер пыхтел, и мистер Пиквик пыхтел, а шляпа резво катилась и катилась, словно проворный дельфин на волнах прибоя, и она укатилась бы далеко от мистера Пиквика, если бы по воле провидения не появилось на ее пути препятствие как раз в тот момент, когда этот джентльмен готов был бросить ее на произвол судьбы.

Мистер Пиквик был в полном изнеможении и хотел уже отказаться от погони, когда порыв ветра отнес шляпу к колесу одного из экипажей, стоявших на том самом месте, к которому он устремлялся. Мистер Пиквик,

оценив благоприятный момент, быстро рванулся вперед, завладел своей собственностью, водрузил ее на голову и остановился, чтобы перевести дух. Не прошло и полминуты, как он услышал голос, нетерпеливо окликавший его по имени, и тотчас же узнал голос мистера Тапмена, подняв голову, увидел зрелище, преисполнившее его удивлением и радостью.

В четырехместной коляске, из которой по случаю тесноты были выпряжены лошади, стоял дородный пожилой джентльмен в синем сюртуке с блестящими пуговицами, в плисовых штанах и в высоких сапогах с отворотами, затем две юных леди в шарфах и перьях, молодой джентльмен, по-видимому влюбленный в одну из юных леди в шарфах и перьях, леди неопределенного возраста, по всей видимости тетка упомянутых леди, и мистер Тапмен, державшийся столь непринужденно и развязно, словно с первых дней младенчества был членом этой семьи. К задку экипажа была привязана внушительных размеров корзина — одна из тех корзин, которые всегда пробуждают в созерцательном уме мысли о холодной птице, языке и бутылках вина, а на козлах сидел жирный, краснолицый парень, погруженный в дремоту. Каждый мыслящий наблюдатель с первого взгляда мог определить, что его обязанностью является распределение содержимого упомянутой корзины, когда настанет для его потребления подходящий момент.

Мистер Пиквик торопливо окидывал взглядом эти интересные детали, когда его снова окликнул верный ученик.

— Пиквик! Пиквик! — восклицал мистер Тапмен.— Залезайте сюда! Поскорей!

— Пожалуйте, сэр, милости просим,— сказал дородный джентльмен.— Джо! Несносный мальчишка... Он опять заснул... Джо, опусти подножку.

Жирный парень не спеша скатился с козел, опустил подножку и держал дверцу экипажа приветливо открытой. В этот момент подошли мистер Снодграсс и мистер Уинкль.

— Всем хватит места, джентльмены,— сказал дородный джентльмен.— Двое в экипаже, один на козлах. Джо, освободи место на козлах для одного из этих джентльменов. Ну, сэр, пожалуйте! — И дорожный джентльмен про-

тянул руку и втащил в коляску сперва мистера Пиквика, а затем мистера Снодграсса. Мистер Уинкль влез на козлы, жирный парень, переваливаясь, вскарабкался на тот же насест и мгновенно заснул.

— Очень рад вас видеть, джентльмены,— сказал дородный джентльмен.— Я вас очень хорошо знаю, хотя вы меня, быть может, и не помните. Прошлой зимой я провел несколько вечеров у вас в клубе... Встретил здесь сегодня утром моего друга мистера Тапмена и очень ему обрадовался. Как же вы поживаете, сэр? Вид у вас цветущий.

Мистер Пиквик поблагодарил за комплимент и дружески пожал руку дородному джентльмену в сапогах с отворотами.

— Ну, а вы как себя чувствуете, сэр? — продолжал дородный джентльмен, с отеческой заботливостью обращаясь к мистеру Снодграссу.— Прекрасно, да? Ну, вот и отлично, вот и отлично. А вы, сэр? (Обращаясь к мистеру Уинклю.) Очень рад, что вы хорошо себя чувствуете, очень и очень рад. Джентльмены, эти девицы — мои дочери, а это моя сестра, мисс Рейчел Уордль. Она — мисс, хотя и не так понимает свою миссию... Что, сэр, как? — И дородный джентльмен игриво толкнул мистера Пиквика локтем в бок и от души расхохотался.

— Ах, братец! — с укоризненной улыбкой воскликнула мисс Уордль.

— Да ведь я правду говорю,— возразил дородный джентльмен,— никто не может это отрицать. Прошу прощенья, джентльмены, вот это мой приятель мистер Трандль. Ну-с, а теперь, когда все друг с другом знакомы, я предлагаю располагаться без всяких стеснений, и давайте-ка посмотрим, что там такое происходит. Вот мой совет.

С этими словами дородный джентльмен надел очки, мистер Пиквик взял подзорную трубу, и все находящиеся в экипаже встали и через головы зрителей начали созерцать военные эволюции.

Это были изумительные эволюции: одна шеренга палила над головами другой шеренги, после чего убегала прочь, затем эта другая шеренга палила над головами следующей и в свою очередь убегала; войска построились

в каре, а офицеры поместились в центре; потом спустились по лестницам в ров и вылезли из него с помощью тех же лестниц; сбили баррикады из корзин и проявили величайшую доблесть. Инструментами, напоминающими гигантские швабры, забили снаряды в пушки; и столько было приготовлений к пальбе и так оглушительно прогремел залп, что воздух огласился женскими воплями. Юные мисс Уордль так перепугались, что мистер Трандль буквально вынужден был поддержать одну из них в экипаже, в то время как мистер Снодграсс поддерживал другую, а у сестры мистера Уордля нервическое возбуждение достигло столь ужасных размеров, что мистер Тапмен счел совершенно необходимым обвить рукой ее стан, дабы она не упала. Все были взволнованы, кроме жирного парня; он же спал сладким сном, словно рев пушек с детства заменял ему колыбельную.

— Джо! Джо! — кричал дородный джентльмен, когда крепость была взята, а осаждающие и осажденные уселись обедать.— Несносный мальчишка, он опять заснул! Будьте так добры, ущипните его, сэр... пожалуйста, за ногу, иначе его не разбудишь... очень вам благодарен. Развяжи корзину, Джо!

Жирный парень, которого мистер Уинкль успешно разбудил, ущемив большим и указательным пальцами кусок ляжки, снова скатился с козел и начал развязывать корзину, проявляя больше расторопности, чем можно было ждать от него, судя по его пассивности до сего момента.

— А теперь придется немного потесниться,— сказал дородный джентльмен.

Посыпались шутки по поводу того, что в тесноте у леди изомнутся рукава платьев, послышались шутливые предложения, вызвавшие яркий румянец на щеках леди,— посадить их к джентльменам на колени, и, наконец, все разместились в коляске. Дородный джентльмен начал передавать в экипаж различные вещи, которые брал из рук жирного парня, поднявшегося для этой цели на задок экипажа.

— Ножи и вилки, Джо!

Ножи и вилки были поданы; леди и джентльмены в коляске и мистер Уинкль на козлах были снабжены этой полезной утварью.

— Тарелки, Джо, тарелки!

Повторилась та же процедура, что и при раздаче ножей и вилок.

— Теперь птицу, Джо. Несносный мальчишка — он опять заснул! Джо! Джо! (Несколько ударов тростью по голове, и жирный парень не без труда очнулся от летаргии.) Живей, подавай закуску!

В этом последнем слове было что-то, заставившее жирного парня встрепенуться. Он вскочил; его оловянные глаза, поблескивавшие из-за раздувшихся щек, жадно впились в съестные припасы, когда он стал извлекать их из корзины.

— Ну-ка, пошевеливайся,— сказал мистер Уордль, ибо жирный парень любовно склонился над каплуном и, казалось, не в силах был с ним расстаться. Парень глубоко вздохнул и, бросив пламенный взгляд на аппетитную птицу, неохотно передал ее своему хозяину.

— Правильно... смотри в оба. Давай язык... паштет из голубей. Осторожнее, не урони телятину и ветчину... Не забудь омары... Вынь салат из салфетки... Давай соус.

Эти распоряжения срывались с уст мистера Уордля, пока он вручал упомянутые блюда, переправляя всем тарелки в руки и на колени.

— Чудесно, не правда ли? — осведомился сей жизнерадостный джентльмен, когда процесс уничтожения пищи начался.

— Чудесно! — подтвердил мистер Уинкль, сидя на козлах и разрезая птицу.

— Стакан вина?

— С величайшим удовольствием.

— Возьмите-ка бутылку к себе на козлы.

— Вы очень любезны.

— Джо!

— Что прикажете, сэр? (На сей раз он не спал, ибо только что ухитрился стянуть пирожок с телятиной.)

— Бутылку вина джентльмену на козлах. Очень рад нашей встрече, сэр.

— Благодарю вас.— Мистер Уинкль осушил стакан и поставил бутылку подле себя на козлы.

— Разрешите, сэр, выпить за ваше здоровье? — обратился мистер Трандль к мистеру Уинклю.

— Очень приятно,— ответил мистер Уинкль, и оба джентльмена выпили.

Затем выпили по стаканчику все, не исключая и леди.

— Как наша милая Эмили кокетничала с чужим джентльменом! — шепнула своему брату, мистеру Уордлю, тетка, старая дева, со всей завистью, на которую способна тетка и старая дева.

— Ну, так что же? — отозвался веселый пожилой джентльмен.— Мне кажется, это очень естественно... ничего удивительного. Мистер Пиквик, не угодно ли вина, сэр?

Мистер Пиквик, глубокомысленно исследовавший начинку паштета, с готовностью согласился.

— Эмили, дорогая моя,— покровительственно сказала пребывающая в девичестве тетушка,— не говори так громко, милочка.

— Ах, тетя!

— Тетка и этот старенький джентльмен разрешают себе все, а другим ничего,— шепнула мисс Изабелла Уордль своей сестре Эмили.

Молодые леди весело засмеялись, а старая попыталась скроить любезную мину, но это ей не удалось.

— Молодые девушки так бойки,— сказала мисс Уордль мистеру Тапмену таким соболезнующим тоном, словно оживление являлось контрабандой, а человек, не скрывавший его, совершал великое преступление и грех.

— О да! — отозвался мистер Тапмен, не уяснив себе, какого ответа от него ждут.— Это очаровательно.

— Гм...— недоверчиво протянула мисс Уордль.

— Разрешите? — самым слащавым тоном сказал мистер Тапмен, прикасаясь одной рукой к пальцам очаровательной Рейчел, а другой приподнимая бутылку.— Разрешите?

— О, сэр!

Мистер Тапмен имел весьма внушительный вид, а Рейчел выразила опасение, не возобновится ли пальба, ибо в таком случае ей придется еще раз прибегнуть к его поддержке.

— Как вы думаете, можно ли назвать моих милых племянниц хорошенькими? — шепотом спросила мистера Тапмена любящая тетушка.

— Пожалуй, если бы здесь не было их тетушки,— ответил находчивый пиквикист, сопровождая свои слова страстным взглядом.

— Ах, шалун... но серьезно... Если бы цвет лица у них был чуточку лучше, они могли бы показаться хорошенькими... при вечернем освещении?

— Да, пожалуй,— равнодушным тоном проговорил мистер Тапмен.

— Ах, какой вы насмешник... Я прекрасно знаю, что̀ вы хотели сказать.

— Что? — осведомился мистер Тапмен, который ровно ничего не хотел сказать.

— Вы подумали о том, что Изабелла горбится... да, да, подумали! Вы, мужчины, так наблюдательны! Да, она горбится, этого нельзя отрицать, и уж, конечно, ничто так не уродует молодых девушек, как эта привычка горбиться. Я ей часто говорю, что пройдет несколько лет — и на нее страшно будет смотреть. Да и насмешник же вы!

Мистер Тапмен ничего не имел против такой репутации, приобретенной по столь дешевой цене, он приосанился и загадочно улыбнулся.

— Какая саркастическая улыбка! — с восхищением сказала Рейчел.— Право же, я вас боюсь.

— Боитесь меня?

— О, вы от меня ничего не скроете, я прекрасно знаю, что значит эта улыбка.

— Что? — спросил мистер Тапмен, который и сам этого не знал.

— Вы хотите сказать,— понизив голос, продолжала симпатичная тетка,— вы хотели сказать, что сутулость Изабеллы не такое уж большое несчастье по сравнению с развязностью Эмили. А Эмили очень развязна! Вы не можете себе представить, до чего это меня иногда огорчает! Я часами плачу, а мой брат так добр, так доверчив, он ничего не замечает, я совершенно уверена, что это разбило бы ему сердце. Быть может, всему виной только манера держать себя — хотелось бы мне так думать... Я утешаю себя этой надеждой... (Тут любящая тетушка испустила глубокий вздох и уныло покачала головой.)

— Ручаюсь, что тетка говорит о нас,— шепнула мисс Эмили Уордль своей сестре,— я в этом уверена, у нее такая злющая физиономия.

— Ты думаешь? — отозвалась Изабелла.— Гм... Дорогая тетя!

— Что, милочка?

— Тетя, я так боюсь, что вы простудитесь... пожалуйста, наденьте платок, закутайте вашу милую старую голову... право же, нужно беречь себя в ваши годы!

Хотя расплата была произведена той же монетой и по заслугам, но вряд ли можно было придумать месть более жестокую. Неизвестно, в какой форме излила бы тетка свое негодование, не вмешайся мистер Уордль, который, ничего не подозревая, переменил тему разговора, энергически окликнув Джо.

— Несносный мальчишка,— сказал пожилой джентльмен,— он опять заснул!

— Удивительный мальчик! — произнес мистер Пиквик.— Неужели он всегда так спит?

— Спит! — подтвердил старый джентльмен.— Он всегда спит. Во сне исполняет приказания и храпит, прислуживая за столом.

— В высшей степени странно! — заметил мистер Пиквик.

— Да, очень странно,— согласился старый джентльмен.— Я горжусь этим парнем... ни за что на свете я бы с ним не расстался. Это чудо природы! Эй, Джо, Джо, убери посуду и откупоришь еще одну бутылку, слышишь?

Жирный парень привстал, открыл глаза, проглотил огромный кусок пирога, который жевал в тот момент, когда заснул, и не спеша исполнил приказание своего хозяина: собрал тарелки и уложил их в корзинку, пожирая глазами остатки пиршества. Была подана и распита еще одна бутылка; опять привязали корзину, жирный парень занял свое место на козлах, очки и подзорная труба снова были извлечены. Тем временем маневры возобновились. Свист, стрельба, испуг леди, а затем, ко всеобщему удовольствию, была взорвана и мина. Когда дым от взрыва рассеялся, войска и зрители последовали этому примеру и тоже рассеялись.

— Не забудьте,— сказал пожилой джентльмен, пожимая руку мистеру Пиквику и заканчивая разговор, начатый во время заключительной стадии маневров,— завтра вы у нас в гостях.

— Непременно,— ответил мистер Пиквик.

— Адрес у вас есть?

— Менор Фарм, Дингли Делл *,— отозвался мистер Пиквик, заглянув в записную книжку.

— Правильно,— подтвердил старый джентльмен.— И помните, я вас отпущу не раньше чем через неделю и позабочусь о том, чтобы вы увидели все достойное внимания. Если вас интересует деревенская жизнь, пожалуйте ко мне, и я дам вам ее в изобилии. Джо! — Несносный мальчишка: он опять заснул! — Джо, помоги Тому заложить лошадей!

Лошадей впрягли, кучер влез на козлы, жирный парень поместился рядом с ним, распрощались, и экипаж отъехал. Когда пиквикисты в последний раз оглянулись, заходящее солнце бросало яркий отблеск на лица сидевших в экипаже и освещало фигуру жирного парня. Голова его поникла на грудь, он спал сладким сном.

ГЛАВА V,

краткая, повествующая, между прочим, о том, как мистер Пиквик вызвался править, а мистер Уинкль — ехать верхом, и что из этого получилось

Ясным и чистым было небо, благоуханным — воздух, и все вокруг являлось во всей своей красе, когда мистер Пиквик облокотился о перила Рочестерского моста, созерцая природу и дожидаясь завтрака. Пейзаж в самом деле мог очаровать и менее созерцательную душу, чем та, перед которой он расстилался.

Слева от наблюдателя находилась полуразрушенная стена, во многих местах пробитая и кое-где грузно нависавшая над узким берегом. Водоросли длинной бахромой повисли на зазубренных и острых камнях, трепеща при

4*

малейшем дуновении ветра, и зеленый плющ горестно обвился вокруг темных и разрушенных бойниц. За стеной вставал древний замок — башни его были без кровли, а массивные стены грозили рухнуть, но он горделиво возвещал нам о былой силе и мощи, когда лет семьсот назад он оглашался бряцанием оружия и шумом празднеств и оргий. По обеим сторонам тянулись, уходя вдаль, берега Медуэй, покрытые нивами и пастбищами, виднелись ветряные мельницы, церкви, и эта красочная панорама казалась еще прекраснее от изменчивых теней, которые быстро пробегали по ней, когда легкие и расплывчатые облачка таяли в лучах утреннего солнца. Река, отражая чистую синеву неба, сверкала и искрилась, бесшумно струясь, и с ясным прозрачным журчанием погружались в воду весла рыбаков, когда тяжелые, но живописные лодки медленно скользили вниз по течению.

От приятных грез, навеянных раскинувшимся перед ним пейзажем, мистера Пиквика пробудил глубокий вздох и прикосновение к плечу. Он оглянулся: возле него стоял мрачный субъект.

— Созерцаете картину природы? — осведомился мрачный субъект.

— Да,— сказал мистер Пиквик.

— И поздравляете себя с тем, что так рано встали?

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

— Ах, следовало бы вставать пораньше, чтобы видеть солнце во всем его великолепии, ибо редко сияет оно так ослепительно в течение целого дня. Утро дня и утро жизни слишком сходны.

— Вы правы, сэр,— согласился мистер Пиквик.

— Говорят: «Утро слишком прекрасно, чтобы длиться»,— продолжал мрачный субъект.— То же самое можно сказать и о повседневном нашем существовании. Боже! Чего бы я не сделал, чтобы вернуть дни детства или забыть о них навеки!

— Вы пережили много горя, сэр,— сочувственно заметил мистер Пиквик.

— Да,— поспешно подтвердил мрачный субъект.— Да, я пережил больше, чем могут себе представить те, кто видит меня теперь.

На секунду он умолк, потом отрывисто спросил:

— Не мелькала ли у вас мысль в такое утро, как сегодня, что было бы блаженством и счастьем броситься в воду и утонуть?..

— Помилуй бог, нет! — ответил мистер Пиквик, отступая от перил, ибо у него возникло опасение, как бы мрачный субъект, эксперимента ради, не столкнул его вниз.

— А я часто об этом думал,— продолжал мрачный субъект, не заметив его движения.— Тихая прохладная вода как будто сулит мне отдых и покой. Прыжок, плеск, недолгая борьба, взбаламученные волны постепенно уступают место легкой ряби, вы погребены в водяной могиле, и вместе с вами погребены ваши горести и несчастья.

Ввалившиеся глаза мрачного субъекта ярко вспыхнули, но минутное возбуждение быстро угасло, он спокойно отвернулся и сказал:

— Довольно об этом. Мне бы хотелось обсудить с вами другой предмет. В тот вечер вы мне предложили прочесть рукопись и внимательно слушали чтение.

— Совершенно верно,— подтвердил мистер Пиквик,— и я несомненно полагал...

— Мнения меня не интересуют,— перебил мрачный субъект,— и я в них не нуждаюсь. Вы путешествуете для собственного удовольствия и обогащения знаниями. Что вы скажете, если я вам пришлю занятную рукопись — заметьте, занятной я ее называю не потому, что она ужасна или невероятна, нет, она занятна как романтическая страница подлинной жизни. Не огласите ли вы ее в клубе, о котором столь часто говорите?

— Конечно, если вы желаете,— ответил мистер Пиквик,— и она будет занесена в протоколы.

— Вы ее получите,— заявил мрачный субъект.— Ваш адрес? — И, узнав от мистера Пиквика предполагаемый маршрут, он старательно занес его в свою засаленную записную книжку, затем, отклонив настойчивое приглашение мистера Пиквика позавтракать вместе, расстался с ним у двери гостиницы и медленно побрел прочь.

Спутники мистера Пиквика поджидали его к завтраку, который был уже готов, и все блюда заманчиво расставлены. Уселись за стол, а засим поджаренная ветчина, яйца, чай, кофе и всякая всячина начали исчезать с

быстротой, свидетельствовавшей как о превосходном качестве продуктов, так и о прекрасном аппетите всей компании.

— Ну-с, поговорим о Менор Фарм,— сказал мистер Пиквик.— Как мы туда поедем?

— Не посоветоваться ли нам со слугою? — предложил мистер Тапмен, после чего слуга был призван.

— Дингли Делл, джентльмены?.. Пятнадцать миль, джентльмены... по проселочной дороге... Дорожную коляску, сэр?

— В дорожной коляске могут поместиться только двое,— возразил мистер Пиквик.

— Совершенно верно, сэр, прошу прощенья, сэр. Прекрасный четырехколесный экипаж, сэр, сиденье сзади для двух, одно место впереди для джентльмена, который правит. Ах, прошу прощенья, сэр,— экипаж трехместный.

— Что же нам делать? — спросил мистер Снодграсс.

— Может быть, один из джентльменов пожелает ехать верхом, сэр? — предложил слуга, посматривая на мистера Уинкля.— Очень хороши верховые лошади, сэр, любой из слуг мистера Уордля может отвести лошадь назад, когда отправится в Рочестер.

— Отлично,— сказал мистер Пиквик.— Уинкль, хотите прокатиться верхом?

В тайниках души мистера Уинкля возникли серьезные опасения, касающиеся его умения ездить верхом, но ему во что бы то ни стало хотелось их скрыть, а посему он и ответил тотчас же и очень решительно:

— Конечно. Я буду в восторге.

Мистер Уинкль бросил вызов судьбе. Иного выхода у него не было.

— Велите подать лошадей к одиннадцати часам,— распорядился мистер Пиквик.

— Слушаю, сэр,— ответил слуга.

Слуга удалился, завтрак был окончен, и путешественники поднялись каждый в свою комнату, чтобы уложить костюмы, которые хотели взять с собой.

Мистер Пиквик покончил со всеми приготовлениями и из-за оконных занавесок столовой взирал на прохожих, когда вышел слуга и доложил, что лошади поданы. Сооб-

щение это было подтверждено самим экипажем, который не замедлил появиться перед окнами вышеупомянутой столовой.

Это был диковинный зеленый ящичек на четырех колесах, с низким двухместным сиденьем, напоминающим плетенку для винных бутылок, с высоким насестом впереди для одного человека, влекомый гигантской бурой лошадью, которая обнаруживала великолепный по своей симметрии костяк. Тут же стоял конюх, держа за повод оседланную для мистера Уинкля другую рослую лошадь,— по-видимому, близкую родственницу животного, впряженного в экипаж.

— Господи помилуй! — воскликнул мистер Пиквик, когда они стояли на тротуаре и ждали, пока уложены будут в экипаж их вещи.— Господи помилуй, а кто ж будет править? Об этом я и не подумал.

— Вы конечно,— сказал мистер Тапмен.

— Разумеется,— сказал мистер Снодграсс.

— Я! — воскликнул мистер Пиквик.

— Не извольте беспокоиться, сэр,— вмешался конюх.— Доверьтесь ей, сэр, спокойно: грудной младенец — и тот с ней справится.

— А она не пуглива? — осведомился мистер Пиквик.

— Пуглива, сэр? Покажите ей воз обезьян с обожженными хвостами — она и то не испугается.

Такой отзыв рассеивал все сомнения. Мистер Тапмен и мистер Снодграсс влезли в ящик, мистер Пиквик взобрался на насест и поставил ноги на обитую клеенкой подножку, приспособленную специально для этой цели.

— Ну, Блестящий Уильям,— сказал конюх своему подручному,— подай джентльмену вожжи.

Блестящий Уильям (должно быть, этим прозвищем он был обязан своим прилизанным волосам и лоснящейся физиономии) вложил вожжи в левую руку мистера Пиквика, а старший конюх сунул ему хлыст в правую руку.

— Тпру! — закричал мистер Пиквик, когда рослое животное попятилось, не скрывая своего намерения ввалиться через окно в столовую.

— Тпру! — отозвались из ящика мистер Тапмен и мистер Снодграсс.

— Ничего! Это ей порезвиться вздумалось, джентльмены,— ободряюще заметил старший конюх.— Придержи-ка ее, Уильям.

Подручный укротил буйный нрав животного, а конюх поспешил на помощь к мистеру Уинклю.

— С этой стороны пожалуйте, сэр.

— Провалиться мне на этом месте, если джентльмен не собирался влезть не с той стороны,— ухмыляясь, шепнул форейтор на ухо официанту, веселившемуся от всей души.

Мистер Уинкль, следуя инструкции, уселся в седло, но с таким трудом, словно ему пришлось карабкаться на борт первоклассного военного судна.

— Все в порядке? — осведомился мистер Пиквик, предчувствуя в глубине души, что о порядке и речи быть не может.

— Все в порядке,— слабым голосом ответил мистер Уинкль.

— Пошел! — крикнул конюх.— Держите вожжи, сэр.

И вот на потеху всего двора повозка и верховой конь помчались: одна — с мистером Пиквиком на козлах, другой — с мистером Уинклем на спине.

— Отчего это она идет как-то боком? — обратился мистер Снодграсс из ящика к мистеру Уинклю в седле.

— Понятия не имею,— ответил мистер Уинкль.

Его лошадь несло по улице самым загадочным образом: боком вперед, головой к одной стороне улицы и хвостом — к другой.

Мистер Пиквик этого не видел и не имел времени заметить что бы то ни было, так как все его внимание было сосредоточено на лошади, впряженной в повозку и проявлявшей своеобразные наклонности, весьма интересные для постороннего наблюдателя, но отнюдь не столь занимательные для лиц, сидевших в экипаже. Не говоря уже о весьма неприятной и раздражающей привычке задирать голову и натягивать вожжи так, что мистеру Пиквику великого труда стоило удерживать их в руке, лошадь проявляла странную склонность внезапно бросаться в сторону, останавливаться, а затем в течение нескольких минут мчаться вперед с быстротой, исключающей всякую возможность управлять экипажем.

— Что она хочет показать этим? — спросил мистер Снодграсс, когда лошадь в двадцатый раз проделала этот маневр.

— Не знаю,— отозвался мистер Тапмен.— Я бы сказал, что она пуглива, а как по-вашему?

Мистер Снодграсс хотел что-то ответить, когда его прервал возглас мистера Пиквика.

— Тпру! — воскликнул сей джентльмен.— Я уронил хлыст.

— Уинкль! — сказал мистер Снодграсс, когда всадник на рослой лошади подъехал к ним рысцой, в шляпе, надвинутой на самые уши, и сотрясаясь всем телом от резких движений, словно вот-вот рассыплется на кусочки.— Уинкль, будьте добры, поднимите хлыст.

Мистер Уинкль натягивал поводья огромной лошади, пока лицо у него не почернело; ухитрившись, наконец, остановить лошадь, он слез, подал мистеру Пиквику хлыст и, схватив поводья, приготовился снова вскочить в седло.

Захотелось ли рослой лошади, отличавшейся природной игривостью, невинно пошалить с мистером Уинклем, или она сообразила, что не менее приятную прогулку может совершить и без всадника,— эти вопросы мы, конечно, не в силах разрешить окончательно и определенно. Какими бы мотивами ни руководствовалось животное, несомненным остается один факт: едва схватил мистер Уинкль поводья, как лошадь перебросила их через голову и на всю их длину отскочила назад.

— Милая скотинка,— вкрадчиво сказал мистер Уинкль,— милая скотинка, добрая старая лошадка!

Но «милая скотинка» презирала лесть: чем упорнее старался мистер Уинкль к ней подойти, тем настойчивее она отступала, и, несмотря на уговоры и улещиванье, мистер Уинкль и лошадь кружились на одном месте в течение десяти минут, а по прошествии этого времени расстояние между ними отнюдь не уменьшилось,— положение неприятное при любых обстоятельствах, а тем более на безлюдной дороге, где никто не придет на помощь.

— Что мне делать? — крикнул мистер Уинкль после длительного кружения на одном месте.— Что мне делать? Я не могу к ней подойти.

— Ведите ее на поводу, пока мы не доберемся до заставы,— ответил мистер Пиквик.

— Да она не хочет идти! — завопил мистер Уинкль.— Вылезайте и подержите ее.

Мистер Пиквик — сама доброта и человеколюбие — бросил вожжи на спину своей лошади и, спустившись с козел, заботливо повернул повозку к придорожным кустам на тот случай, если кто проедет по дороге, после чего поспешил на помощь к своему злополучному спутнику, оставив мистера Тапмена и мистера Снодграсса в экипаже.

Едва завидев мистера Пиквика, приближавшегося с хлыстом в руке, лошадь перестала упорно кружиться на одном месте и начала отступать столь решительно, что потащила за собой мистера Уинкля, не выпускавшего поводьев, и заставила его бежать в ту сторону, откуда они только что приехали. Мистер Пиквик бросился на помощь, но чем быстрее устремлялся он вперед, тем быстрее бежала от него лошадь. Послышался топот копыт, заклубилась пыль, и мистер Уинкль, едва не вывихнувший руки, благоразумно бросил повод. Лошадь остановилась, посмотрела, тряхнула головой, повернулась и спокойно побежала рысью домой в Рочестер, предоставив мистеру Уинклю и мистеру Пиквику с немым отчаянием взирать друг на друга. Какой-то дребезжащий звук привлек их внимание. Они встрепенулись.

— Господи помилуй! — воскликнул несчастный мистер Пиквик.— И другая лошадь убегает!

Это была истинная правда. Шум испугал лошадь, а вожжи лежали у нее на спине. Результаты угадать нетрудно. Она сорвалась с места, увлекая за собой четырехколесный экипаж с мистером Тапменом и мистером Снодграссом. Скачка продолжалась недолго. Мистер Тапмен прыгнул в кусты, мистер Снодграсс последовал его примеру; лошадь разбила четырехколесную повозку о деревянный мост,— кузов отделился от колес, ящик сорвался, и лошадь остановилась как вкопанная, созерцая произведенное ею разрушение.

Первой заботой двух уцелевших друзей было извлечь своих злополучных спутников из кустов, где они застряли,— процесс, который доставил им несказанное

удовольствие, когда они убедились, что никто не получил никаких повреждений, если не считать нескольких дыр на платье и легких царапин, нанесенных колючками. Следующей их заботой было выпрячь лошадь. По окончании этой сложной операции компания медленно побрела вперед, ведя за собой лошадь, а повозку бросив на произвол судьбы.

Через час ходьбы путешественники увидели маленький придорожный трактир — перед домом два вяза, водопойная колода для лошадей и столб с вывеской, позади несколько бесформенных стогов сена, сбоку огород, а вокруг разбросанные в странном беспорядке ветхие сараи и надворные строения. На огороде работал рыжеволосый человек. Мистер Пиквик громко окликнул его:

— Эй! Послушайте!

Рыжеволосый выпрямился, заслонил глаза рукой и посмотрел пристально и холодно на мистера Пиквика и его спутников.

— Эй! Послушайте! — повторил мистер Пиквик.

— В чем дело? — отозвался рыжеволосый.

— Далеко отсюда до Дингли Делла?

— Добрых семь миль.

— Дорога хорошая?

— Плохая.

Дав сей краткий ответ и удовлетворив, по-видимому, свое любопытство еще одним пристальным взглядом, рыжеволосый снова принялся за работу.

— Мы бы хотели на время оставить здесь эту лошадь,— сказал мистер Пиквик.— Можно?

— Лошадь хотите здесь оставить? — повторил рыжеволосый, опираясь на лопату.

— Ну да,— ответил мистер Пиквик, который уже успел подойти вместе с лошадью к изгороди.

— Хозяйка! — заорал человек с рыжими волосами, выйдя из огорода и в упор глядя на лошадь.— Хозяйка!

На зов явилась высокая костлявая женщина, прямая, как палка, в грубой синей накидке, с талией под мышками.

— Скажите, любезная, можно оставить здесь эту лошадь? — вкрадчиво спросил мистер Тапмен, выступая вперед.

Женщина очень пристально разглядывала всю компанию, а рыжеволосый шепнул ей что-то на ухо.

— Нет,— ответила она, подумав.— Боюсь.

— Боитесь! — воскликнул мистер Пиквик.— Чего может бояться эта женщина?

— Недавно мы из-за этого попали в беду,— сказала женщина, поворачивая к дому.— Не о чем тут толковать.

— В высшей степени странно! — воскликнул удивленный мистер Пиквик.

— Мне... мне кажется,— шепнул мистер Уинкль окружившим его друзьям,— мне кажется, они подозревают, что эту лошадь мы приобрели какими-то нечестными путями.

— Что?! — в порыве негодования воскликнул мистер Пиквик.

Мистер Уинкль смущенно повторил свою догадку.

— Эй, послушайте! — крикнул рассерженный мистер Пиквик.— Вы что, думаете — мы эту лошадь украли?

— Ясное дело украли,— ответил рыжеволосый, оскалив зубы так, что рот растянулся от одного слухового органа до другого. С этими словами он вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

— Это похоже на сон! — кипятился мистер Пиквик.— На отвратительный сон. Тащиться целый день с ужасной лошадью, от которой не можешь отделаться!

Пиквикисты мрачно и уныло пошли прочь, а рослое четвероногое, к которому все они чувствовали безграничное отвращение, плелось за ними по пятам.

Уже наступал вечер, когда четверо друзей и их четвероногий спутник свернули на боковую дорогу, ведущую к Менор Фарм; и даже теперь, когда они были так близки к цели, удовольствие, которое могли бы они испытать при иных обстоятельствах, оказалось в значительной мере отравленным размышлениями о том, какой странный у них вид и сколь нелепо их положение. Изорванные костюмы, исцарапанные лица, запыленные ботинки, измученный вид и в довершение всего лошадь. О, как проклинал мистер Пиквик эту лошадь! Время от времени он бросал на благородное животное взгляды, горящие ненавистью и жаждой мести; не раз принимался высчитывать,

каковы будут издержки, если он перережет ей горло, и им овладевало с удесятеренной силой искушение убить ее или отпустить на все четыре стороны. От этих ужасных мыслей его отвлекли две фигуры, внезапно появившиеся за поворотом дороги. Это был мистер Уордль и верный его паж, жирный парень.

— Где же это вы запропастились? — спросил гостеприимный пожилой джентльмен.— Я вас весь день поджидал. Однако вид у вас потрепанный. Как! Царапины! Ничего серьезного, надеюсь, нет? Ну, я очень рад, очень рад это слышать. Так, значит, вы опрокинулись? Ничего! Обычная история в этих краях. Джо! — Он опять спит! — Джо, возьми у джентльмена лошадь и отведи ее в конюшню.

Жирный парень, тяжело ступая, поплелся за ними вместе с лошадью, а пожилой джентльмен добродушно выражал сочувствие своим гостям, узнав об их приключениях ровно столько, сколько они сочли нужным сообщить, и повел их прежде всего на кухню.

— Здесь мы вас приведем в порядок,— сказал пожилой джентльмен,— а затем я вас представлю обществу, собравшемуся в гостиной. Эмма, подай черри-бренди, Джейн, иголку с ниткой! Полотенец и воды, Мэри! Ну, девушки, пошевеливайтесь!

Три-четыре проворных девушки бросились отыскивать требуемые вещи, а два большеголовых круглолицых представителя мужского пола покинули свои места у очага (ибо, хотя вечер был майский, их тянуло к огоньку не меньше, чем на святках) и нырнули в какие-то темные углы, откуда быстро извлекли ваксу и с полдюжины щеток.

— Пошевеливайтесь! — повторил пожилой джентльмен, но это приказание оказалось совершенно излишним, так как одна девушка уже наливала черри-бренди, другая принесла полотенца, а один из слуг, ухватив внезапно за ногу мистера Пиквика и подвергая его опасности потерять равновесие, чистил ему башмак, пока мозоли не раскалились докрасна, в то время как другой чистил мистера Уинкля тяжелой платяной щеткой, насвистывая при этом, как имеют обыкновение насвистывать конюхи, отчищая лошадь скребницей.

Покончив с омовениями, мистер Снодграсс, стоя спиной к камину и с истинным наслаждением попивая черри-бренди, осматривал кухню. Он описывает ее, как просторное помещение с красным кирпичным полом и вместительным очагом; потолок украшали окорока, свиная грудинка, связки луковиц. Стены были декорированы охотничьими хлыстами, несколькими уздечками, седлом и старым, заржавленным мушкетоном, под которым красовалась надпись, возвещавшая, что он «заряжен»,— если верить свидетельству того же источника,— уже по крайней мере полстолетия. В углу важно тикали старинные часы с недельным заводом, отличавшиеся нравом степенным и уравновешенным, а на одном из многочисленных крючков, украшавших кухонный шкаф, висели серебряные карманные часы, не менее древние.

— Готовы? — осведомился пожилой джентльмен, когда его гости были вымыты, заштопаны, вычищены и подкреплены бренди.

— Вполне,— ответил мистер Пиквик.

— В таком случае идемте!

И компания, миновав несколько темных коридоров, где к ней присоединился мистер Тапмен, который замешкался, чтобы сорвать поцелуй у Эммы, должным образом вознаградившей его толчками и царапинами, приблизилась к двери гостиной.

— Добро пожаловать, джентльмены! — промолвил гостеприимный хозяин, распахивая дверь и проходя вперед, чтобы представить гостей.— Добро пожаловать в Менор Фарм!

ГЛАВА VI

Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника

При входе мистера Пиквика с друзьями гости, собравшиеся в старой гостиной, встали им навстречу; и пока шла церемония представления, сопровождавшаяся всеми обязательными формальностями, у мистера Пиквика было время рассмотреть лица и поразмыслить о характерах и

стремлениях людей, его окружавших,— привычка, которой он, наряду со многими великими людьми, предавался с наслаждением.

Очень старая леди в величественном чепце и выцветшем шелковом платье — не кто иная, как мать мистера Уордля,— занимала почетное место в углу, справа от камина; стены были украшены предметами, свидетельствовавшими о том, что в молодости она была воспитана подобающим образом и о своем воспитании не забыла и на старости лет,— тут были весьма древние вышивки, шитые шерстью пейзажи такой же давности и алые шелковые покрышки на чайник более современного происхождения. Тетка, две юных леди и мистер Уордль соперничали друг с другом, ревностно и неустанно оказывая знаки внимания старой леди: одна держала ее слуховой рожок, другая — апельсин, третья — флакон с нюхательной солью, а четвертый усердно поправлял и взбивал подушки, водруженные за ее спиной. Против нее, по другую сторону камина, восседал лысый, старый джентльмен с благожелательным и добродушным выражением лица — священник Дингли Делла, а рядом с ним — его жена, полная, румяная старая леди, у которой был такой вид, словно она не только постигла искусство и тайну домашнего изготовления ароматных настоек на благо и удовольствие ближним, но и сама при случае весьма не прочь была их отведать. В одном углу человечек, с лицом проницательным и похожим на рипстонский ранет *, беседовал с толстым старым джентльменом, и еще два-три пожилых джентльмена, и еще две-три пожилых леди неподвижно сидели навытяжку, пристально разглядывая мистера Пиквика и его спутников.

— Мистер Пиквик, маменька! — заорал во весь голос мистер Уордль.

— А! — сказала старая леди, покачивая головой.— Ничего не слышу.

— Мистер Пиквик, бабушка! — дружно прокричали обе юные леди.

— А! — отозвалась старая леди.— Ну, да это неважно, полагаю, что ему никакого дела нет до такой старухи, как я.

— Уверяю вас, сударыня,— начал мистер Пиквик, пожимая руку старой леди и говоря так громко, что добродушное лицо его приняло от напряжения карминный оттенок,— уверяю вас, сударыня, ничто не доставляет мне такого удовольствия, как знакомство с леди столь почтенного возраста, возглавляющей такую славную семью и имеющей столь моложавый и цветущий вид.

— А...— сказала, помолчав, старая леди,— все это прекрасно, да только я его не слышу.

— Бабушка сейчас немного расстроена,— понизив голос, сообщила мисс Изабелла Уордль,— но потом она еще поговорит с вами.

Мистер Пиквик кивнул головой в знак готовности подчиниться капризу старческой немощи и вступил в общий разговор с другими членами кружка.

— Очаровательное местоположение! — сказал мистер Пиквик.

— Очаровательное! — откликнулись мистеры Снодграсс, Тапмен и Уинкль.

— Да, бесспорно,— согласился мистер Уордль.

— Во всем Кенте не найдется лучшего местечка, сэр,— заметил проницательный человечек с лицом, похожим на ранет,— да, сэр, не найдется, уверен, что не найдется.

И проницательный человечек торжествующе осмотрелся по сторонам, словно кто-то усиленно ему возражал, но он в конце концов одержал над ним верх.

— Лучшего местечка не найдется во всем Кенте,— повторил он, помолчав.

— За исключением Маллинс Медоус,— глубокомысленно заметил один толстяк.

— Маллинс Медоус! — с глубоким презрением воскликнул первый.

— Да, Маллинс Медоус! — повторил толстяк.

— Прекрасный участок,— вмешался другой толстяк.

— Совершенно верно,— подтвердил третий толстяк.

— Это всем известно,— согласился дородный хозяин.

Проницательный человечек недоверчиво осмотрелся по сторонам, но, убедившись, что остается в меньшинстве, скроил соболезнующую физиономию и больше уже не проронил ни слова.

— О чем они говорят? — громко осведомилась старая леди у одной из своих внучек, ибо, как большинство глухих, она, казалось, не допускала возможности, что ее могут услышать.

— О наших местах, бабушка.

— А что с ними такое? Ничего ведь не случилось?

— Нет. Мистер Миллер говорил, что наш участок лучше, чем Маллинс Медоус.

— А что он в этом понимает? — вознегодовала старая леди.— Миллер — нахал и много о себе думает, можете передать ему мое мнение.

И старая леди, нимало не подозревая, что говорит отнюдь не шепотом, выпрямилась и пригвоздила взглядом проницательного преступника.

— Ну-ну,— засуетился хозяин, естественно желая переменить тему разговора.— А что, если бы нам сыграть роббер, мистер Пиквик?

— Я был бы очень рад,— ответил сей джентльмен,— но прошу вас, не затевайте для меня одного.

— Уверяю вас, маменька с удовольствием разыграет роббер,— возразил мистер Уордль. — Не так ли, маменька?

Старая леди, которая при обсуждении этой темы оказалась менее глухой, чем в других случаях, ответила утвердительно.

— Джо, Джо! — крикнул старый джентльмен.— Джо... несносный... Ах, вот он! Разложи ломберные столы.

Летаргический юноша ухитрился без дальнейших понуканий разложить два ломберных стола, один для игры в «Папесса Иоанна», другой для виста. За вист сели мистер Пиквик и старая леди, мистер Миллер и толстый джентльмен; остальные разместились за другим столом.

Роббер разыгрывался со всей серьезностью и степенностью, какие приличествуют занятию, именуемому «вистом»,— торжественному обряду, к коему, на наш взгляд, весьма непочтительно и неприлично применять слово «игра». А за другим столом, где шла «салонная» игра, веселились столь бурно, что мешали сосредоточиться мистеру Миллеру, который был поглощен вистом меньше,

чем следовало, и ухитрился совершить немало серьезных преступлений и промахов, возбудивших в высокой степени гнев толстого джентльмена и в такой же степени улучшивших расположение духа старой леди.

— Ну вот! — с торжеством провозгласил преступный Миллер, беря леве́ к концу партии.— Льщу себя надеждой, что лучше сыграть невозможно, больше нельзя было взять ни одной взятки.

Миллеру нужно было перекрыть бубны козырем, не правда ли, сэр? — заметила старая леди.

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

— В самом деле? — спросил злополучный игрок, нерешительно обращаясь к своему партнеру.

— Несомненно, сэр,— грозно ответил толстый джентльмен.

— Очень сожалею,— сказал удрученный Миллер.

— Велика польза от ваших сожалений! — проворчал толстый джентльмен.

— Два онера, итого восемь у нас,— сказал мистер Пиквик.

Новая сдача.

— Есть у нас роббер? — осведомилась старая леди.

— Есть,— ответил мистер Пиквик.— Двойной, простой, и к робберу.

— Ну и везет! — сказал мистер Миллер.

— Ну и карты! — сказал толстый джентльмен.

Торжественное молчание: мистер Пиквик весел, старая леди серьезна, толстый джентльмен придирчив, а мистер Миллер запуган.

— Еще раз двойной,— сказала старая леди и с торжеством отметила это обстоятельство, положив под подсвечник шестипенсовик и стертую монету в полпенни.

— Двойной, сэр,— сказал мистер Пиквик.

— Я это вижу, сэр,— резко ответил ему толстый джентльмен.

Следующая игра с такими же результатами сопровождалась тем, что злополучный Миллер не снес требуемой масти, по каковому поводу толстый джентльмен пришел в состояние крайнего возбуждения, длившееся до конца игры, после чего он удалился в угол и в продолжение

часа и двадцати семи минут не проронил ни слова; по истечении этого времени он вышел из своего убежища и с видом человека, который готов по-христиански простить все обиды, предложил мистеру Пиквику понюшку табаку. Слух у старой леди значительно улучшился, а злополучный мистер Миллер чувствовал себя выброшенным из родной стихии, как дельфин, посаженный в караульную будку.

А за другим столом весело шла некоммерческая игра; Изабелла Уордль и мистер Трандль объявили себя партнерами, то же сделали Эмили Уордль и мистер Снодграсс, и даже мистер Тапмен и незамужняя тетушка организовали акционерное общество фишек и любезностей. Мистер Уордль был в ударе и так забавно вел игру, а пожилые леди так зорко следили за своими выигрышами, что смех не смолкал за столом. Была тут одна пожилая леди, которой аккуратно каждую игру приходилось платить за полдюжины карт, что неизменно вызывало общий смех; а когда пожилая леди насупилась, раздался хохот, после чего лицо пожилой леди постепенно начало проясняться, и кончилось тем, что она захохотала громче всех. Затем, когда у незамужней тетушки оказался «марьяж» и юные леди снова расхохотались, незамужняя тетушка собиралась надуться, но, почувствовав, что мистер Тапмен пожимает ей руку под столом, тоже просияла и посмотрела столь многозначительно, словно для нее «марьяж» был не так недоступен, как думают некоторые особы. Тут все снова захохотали, и громче всех старый мистер Уордль, который наслаждался шуткой не меньше, чем молодежь.

Если говорить о мистере Снодграссе, то он только и делал, что нашептывал поэтические сентенции на ухо своей партнерше, что настроило одного старого джентльмена на шутливый лад по поводу партнеров за карточным столом и партнеров в жизни и заставило вышеупомянутого старого джентльмена сделать на этот счет несколько замечаний, сопровождаемых подмигиваниями и хихиканьем и развеселивших все общество, а в особенности жену старого джентльмена. Мистер Уинкль выступил с остротами, хорошо известными в городе, но вовсе не известными в деревне, и так как все от души смеялись и

высказывали свое одобрение, то мистер Уинкль был весьма польщен и доволен. Добродушный священник взирал благосклонно, ибо при виде счастливых лиц за столом добрый старик тоже чувствовал себя счастливым; и хотя веселились, быть может, слишком бурно, зато от души, а не для виду. А в конце концов только такое веселье имеет цену.

В этих беззаботных развлечениях быстро промелькнул вечер, а когда было покончено с сытным, хотя и простым ужином и маленькое общество расположилось дружеским кружком у камелька, мистер Пиквик отметил, что никогда еще не был он так счастлив и никогда так полно не наслаждался ускользающими мгновениями.

— Да, да, это то, что я люблю,— сказал гостеприимный хозяин, торжественно восседавший рядом со старой леди, держа ее руку в своей.— Счастливейшие минуты моей жизни пролетели у этого старого камина, и я так к нему привязан, что каждый вечер развожу в нем пылающий огонь, пока он не разгорится до невыносимого жара. И моя милая старая маменька, когда была девочкой, не раз сиживала вон на той скамеечке перед камином. Верно, маменька?

Непрошенная слеза, которую вызывают воспоминания о былом и о давно ушедшем счастье, скатилась по щеке старой леди, и она с меланхолической улыбкой кивнула головой.

— Не осудите меня, мистер Пиквик, за болтовню об этом старом камине,— помолчав, продолжал хозяин,— я его горячо люблю и другого не знаю. Старые дома и поля кажутся мне живыми друзьями, так же как и наша маленькая церковь, обвитая плющом, о котором — к слову сказать — наш добрый друг сочинил стихотворение вскоре по приезде в наши края. Мистер Снодграсс, разрешите наполнить ваш стакан?

— Он полон, благодарю вас,— ответил этот джентльмен, чье поэтическое любопытство было весьма возбуждено последним замечанием хозяина.— Простите, вы упомянули стихотворение о плюще?

— Об этом вы должны спросить нашего друга,— многозначительно ответил хозяин, кивнув в сторону священника.

— Мне бы очень хотелось услышать это стихотворение, сэр,— сказал мистер Снодграсс.

— Уверяю вас, это так, пустячок,— ответил священник,— я был молод, когда сочинил его, и в этом единственное мое оправдание. Но если вам угодно, вы его услышите.

Разумеется, в ответ раздался шепот заинтересованных слушателей, и старый джентльмен — с помощью подсказывавшей ему жены — прочел следующие строфы.

— Я их назвал,— сказал он,—

ЗЕЛЕНЫЙ ПЛЮЩ

О, причудлив ты, мой зеленый плющ,
Проползая среди руин,
За отборной пищей гонишься ты
В невеселом своем дому.
Камень должен сгнить, обветшать стена,
И тогда ты возлюбишь их,
А тончайшая вековая пыль
Будет лакомством для тебя.
　Стелешься там, где жизни нет,
　Древний гость, мой зеленый плющ.

Быстро вьешься ты, хотя крыльев нет,
Сердце верное у тебя.
Как ты льнешь к нему, как туго обвил
Друга милого — вечный дуб!
Как влачишься ты по сырой земле
И тихонько шуршишь в листве,
Когда, ласково обнимая, льнешь
К праху тучному у могил!
　Стелешься там, где прах и тлен,
　Древний гость, мой зеленый плющ.

Пронеслись века, память стерла их,
И народы ушли с земли,
Но не блекнет только зеленый плющ —
Он, как встарь, и сочен и свеж.
Одинокий, отважный древний плющ
Силу черпает в днях былых:
Для того же и возводится дом,
Чтобы плющ питать и растить.
　Стелешься, где прошли века,
　Древний гость, мой зеленый плющ.

Пока старый джентльмен вторично читал эти строки, чтобы дать мистеру Снодграссу возможность их записать, мистер Пиквик с величайшим интересом изучал черты его лица. Когда старый джентльмен кончил диктовать, а мистер Снодграсс спрятал записную книжку в карман, мистер Пиквик заговорил:

— Простите меня, сэр, если я, будучи столь мало с вами знаком, осмелюсь сделать одно замечание: я думаю, что такой человек, как вы, несомненно наблюдал за время своего служения церкви много сцен и событий, достойных запоминания.

— Кое-что я, конечно, имел случай наблюдать,— ответил старый джентльмен,— но поскольку сфера моей деятельности весьма ограничена, то события и действующие лица не представляли собой ничего из ряда вон выходящего.

— Однако вы сделали кое-какие записи, касающиеся Джона Эдмондса, не так ли? — осведомился мистер Уордль, которому явно хотелось демонстрировать своего друга в назидание новым гостям.

Старый джентльмен слегка кивнул в знак согласия и хотел заговорить о другом, но мистер Пиквик сказал:

— Прошу прощенья, сэр, разрешите спросить, кто был этот Джон Эдмондс?

— Я хотел задать тот же вопрос,— с жаром вставил мистер Снодграсс.

— Теперь уж вам не отвертеться,— сказал веселый хозяин.— Рано или поздно вы должны будете удовлетворить любопытство этих джентльменов, так воспользуйтесь же удобным случаем и сделайте это сейчас.

Старый джентльмен добродушно улыбнулся и выдвинулся вперед на своем стуле; остальные ближе сдвинули стулья, в особенности мистер Тапмен и незамужняя тетушка, которые, быть может, были туговаты на ухо; старую леди вооружили слуховым рожком, а мистер Миллер (который заснул во время чтения стихов) очнулся от сна, получив предостерегающий щипок под столом от бывшего своего партнера, степенного толстого джентльмена, после чего старый священник без всяких предисловий начал следующий рассказ, который мы берем на себя смелость озаглавить:

Когда я ровно двадцать пять лет назад поселился в этой деревне,— заговорил старый джентльмен,— наихудшей репутацией среди моих прихожан пользовался некто Эдмондс, арендовавший неподалеку отсюда маленькую ферму. Он был угрюмым, злым, дурным человеком, жизнь вел праздную и распутную, нрав имел жестокий. За исключением нескольких ленивых и беспечных бродяг, с которыми он проводил время на полях либо пьянствовал в трактире, не было у него ни друзей, ни знакомых; никто не хотел разговаривать с этим человеком, которого боялись многие, а ненавидели все,— и все сторонились Эдмондса.

Когда я только что сюда приехал, у него была жена и единственный сын лет двенадцати. О жестоких страданиях этой женщины, о кротости и терпении, с которыми она их переносила, о трепетной заботливости, с какой воспитывала мальчика, никто и понятия не имеет. Да простит мне небо мою догадку, если она жестока, но в глубине души я твердо верю, что этот человек систематически, в течение многих лет старался разбить сердце своей жены. Но она переносила все ради сына и — многим это может показаться странным — ради отца своего ребенка, ибо хоть и был он зверем и обращался с ней жестоко, но когда-то она его любила, и воспоминание о том, кем он для нее был, пробуждало в ее груди чувство снисходительности и покорности перед лицом страдания — чувство, которое непонятно ни одному живому существу, кроме женщины.

Они были очень бедны — да и не могло быть иначе, раз муж вел такой образ жизни; но неустанное и неослабное прилежание жены, работавшей и в ранний и в поздний час, утром, в полдень и ночью, спасало их от крайней нужды. Труды ее вознаграждались плохо. Люди, проходившие мимо ее жилища вечером или в поздний час ночи, рассказывали, что до них доносились стоны и рыдания несчастной женщины и глухие удары, и не раз уже за полночь мальчик стучался в дверь соседа, к которому его посылали, чтобы спасти от пьяного, озверевшего отца.

Бедная женщина, которой часто не удавалось скрыть следы побоев, аккуратно посещала нашу маленькую цер-

ковь. Каждое воскресенье, утром и после полудня, она занимала вместе со своим мальчиком всегда одну и ту же скамью; и хотя оба были бедно одеты,— значительно хуже, чем большинство их соседей, нуждавшихся еще более, чем они,— одежда их всегда была чистой и опрятной. Все и каждый приветствовали добрым словом «бедную миссис Эдмондс», и, бывало, измученное ее лицо освещалось чувством глубокой благодарности, когда по окончании службы она останавливалась в аллее вязов, ведущей к церкви, и перебрасывалась несколькими словами с соседом либо, замешкавшись, смотрела с материнской гордостью и любовью на здорового мальчугана, резвившегося со своими приятелями. В такие минуты ее измученное лицо озарялось глубокой благодарностью, и она казалась если не беззаботной и счастливой, то по крайней мере спокойной и довольной.

Прошло пять-шесть лет, мальчик стал здоровым, рослым юношей. Годы, укрепившие хрупкое тело ребенка и влившие в него мужественную силу, согнули спину матери и отняли силу у ее ног; рука, которая должна была бы ее поддерживать, уже не сжимала ее руки, лицо, которое должно было радовать ее, уже не было обращено к ее лицу. Она сидела на старой своей скамье, но место подле нее оставалось незанятым. По-прежнему раскрывала она заботливо библию, отыскивая нужные места и загибая страницы, но не было того, кто бы читал ее вместе с нею, и крупные слезы капали на книгу, и слова расплывались перед ее глазами. Соседи относились к ней так же ласково, как и встарь, но она отворачивалась, избегая их приветствий. Уже не замедляла она шагов в аллее старых вязов — не было у нее бодрой надежды на счастье. Безутешная женщина надвигала чепец на лицо и торопливо удалялась.

Нужно ли говорить вам о том, что юноша, который, оглядываясь на раннее свое детство, запечатленное в памяти, и пронося воспоминания сквозь жизнь, не мог припомнить ничего, что́ бы не было так или иначе связано с бесконечными добровольными лишениями, перенесенными матерью ради него, с обидами, оскорблениями и побоями, которые только ради него она претерпевала,— нужно ли говорить вам, что он, безрассудно пренебрегая

разбитым ее сердцем, угрюмо, злобно забывая все, что она для него сделала и перенесла, связался с отъявленными негодяями и в безумии своем безудержно устремился по тропе, которая должна была привести его к смерти, ее — к позору? Горе человеческой природе! Мы давно уже это предвидели.

Вскоре должна была исполниться мера скорбей и страданий несчастной женщины. В окрестностях были совершены многочисленные преступления; виновных не нашли, и это придало им смелости. Дерзкий грабеж, сопровождавшийся отягчающими вину обстоятельствами, побудил усилить бдительность и энергически приступить к розыскам, на что́ не рассчитывали преступники. Подозрение пало на молодого Эдмондса и его трех товарищей. Его арестовали, заключили в тюрьму, судили, приговорили к смерти.

По сей день звучит в моих ушах дикий, пронзительный женский вопль, раздавшийся в зале суда, когда был вынесен приговор. Этот вопль поразил ужасом сердце преступника, который оставался равнодушным к суду, к приговору, даже к неминуемой смерти. Губы, упрямо сжатые, задрожали и невольно раскрылись, лицо его стало пепельно-серым, когда из всех пор выступил холодный пот; дрожь пробежала по мускулистому телу преступника, и он, шатаясь, опустился на скамью.

В порыве душевной муки несчастная мать упала к моим ногам и страстно молила всемогущего, который до сей поры помогал ей переносить все невзгоды,— молила взять ее из мира скорби и печали и пощадить жизнь единственного ее ребенка. За этим последовал взрыв отчаяния и мучительная борьба, какой, надеюсь, никогда я больше не увижу. Я знал, что в этот час разбилось ее сердце, но ни жалобы, ни ропота я от нее не слышал.

Грустно было видеть, как эта женщина изо дня в день приходила на тюремный двор, ревностно стараясь своей любовью и мольбами смягчить жестокое сердце упрямого сына. Все было тщетно. Он оставался угрюмым, непреклонным и равнодушным. Даже неожиданная замена смертной казни четырнадцатью годами ссылки на каторжные работы не сломила его озлобленного упрямства.

Но дух смирения и выносливости, который так долго поддерживал его мать, не мог побороть физическую слабость и недуги. Она заболела. Она заставила себя подняться с постели, чтобы еще раз навестить сына, но силы ей изменили, и в изнеможении она упала на землю.

Вот тогда-то подверглись испытанию хваленое хладнокровие и равнодушие юноши; его постигло тяжкое возмездие, и он едва не сошел с ума. День миновал, а мать его не навестила; пролетел второй день, третий, и она не пришла к нему; настал вечер, он не видел ее, а через двадцать четыре часа его увезут от нее — быть может, навеки. О, с какой силой захлестнули его давно забытые мысли о прошлом, когда он метался по узкому двору, как будто эти метания могли ускорить для него получение сведений о ней, с какою горечью почувствовал он свою беспомощность и одиночество, когда узнал, наконец, правду! Его мать, единственное родное ему существо, лежала больная — быть может, умирающая — на расстоянии мили от него. Будь он свободен, не закован в кандалы, через несколько минут он очутился бы подле нее. Он подбежал к воротам, вцепился руками в железную решетку, в отчаянии сотрясал ее так, что она гудела, потом бросился на толстую стену, будто хотел проложить путь сквозь камни, но прочная стена издевалась над жалкими его усилиями, и, заломив руки, он заплакал, как ребенок.

Я принес в тюрьму материнское прощение и благословение сыну, а ей, лежавшей на одре болезни, сообщил о его раскаянии и передал страстную мольбу о прощении. С жалостью и состраданием я прислушивался к словам раскаявшегося преступника, мечтавшего о том, как он по возвращении своем будет утешать и покоить мать. Я не сомневался, что мать его уйдет из этого мира значительно раньше, чем он доберется до места своего назначения.

Его увезли ночью. Спустя несколько недель душа бедной женщины вознеслась — я твердо верю и надеюсь — в обитель вечного блаженства и покоя. Над ее останками я совершил погребальную службу. Она лежит на нашем маленьком кладбище. На ее могиле нет плиты. Ее горести были известны людям, добродетели — богу.

Перед отправкой каторжника было условлено, что он напишет матери, как только получит на это разрешение,

и письмо адресует на мое имя. Отец решительно отказался увидеться с сыном с момента его ареста, ему было все равно, жив он или умер. Прошло много лет, и я не имел никаких сведений о каторжнике; истекло больше половины назначенного срока, и, не получив ни одного письма, я решил, что он умер,— пожалуй, хотелось мне на это надеяться.

По прибытии в колонию Эдмондс был отправлен далеко в глубь страны, и, быть может, этим-то и объясняется тот факт, что ни одно из отправленных им писем до меня не дошло. Там прожил он все четырнадцать лет. По истечении этого срока, оставаясь верным старому своему решению и клятве, данной матери, он вернулся в Англию, преодолев бесчисленные трудности, и пешком отправился в родную деревню.

Был ясный августовский воскресный вечер, когда Джон Эдмондс вошел в деревню, которую семнадцать лет назад покинул со стыдом и позором. Кратчайший путь лежал через кладбище. У него забилось сердце, когда он вступил за ограду. Высокие старые вязы, пропуская сквозь листву яркий луч заходящего солнца, падавший на тенистую дорожку, воскресили воспоминания детства. Он увидел самого себя, цепляющегося за руку матери и мирно идущего в церковь. Вспомнил, как, бывало, заглядывал в ее бледное лицо и как часто у нее на глазах выступали слезы, когда она смотрела на него,— слезы, обжигавшие ему лоб, когда она наклонялась, чтобы поцеловать его, и он тоже начинал плакать, хотя в ту пору и не подозревал о том, какие это было горькие слезы. Он вспомнил, как часто бегал по этой дорожке вместе с веселыми товарищами, то и дело оглядываясь, чтобы увидеть улыбку матери, услышать ее кроткий голос. И тогда словно поднялась завеса над его воспоминаниями и всплыли в памяти ласковые слова, оставшиеся без ответа, забытые предостережения, нарушенные им обещания; мужество покинуло его, страдания его были невыносимы.

Он вошел в церковь. Вечерняя служба кончилась, прихожане разошлись, но церковь еще не была закрыта. Гулко раздавались шаги в невысоком здании, и здесь была такая тишина, что он почти испугался своего одиночества. Он осмотрелся по сторонам. Все было по-преж-

нему. Церковь показалась ему меньше, чем раньше, но остались те же старые памятники, на которые он столько раз смотрел с детским благоговением, маленькая кафедра с выцветшей подушкой, престол, перед которым он так часто повторял заповеди, почитаемые в детстве и забытые в годы зрелости. Он подошел к старой скамье; она казалась холодной и покинутой. Унесли подушку, исчезла библия. Быть может, теперь его мать занимала другую скамью, для людей победнее, или хворала и не могла одна дойти до церкви. Он не смел подумать о том, чего боялся. Холод пробежал у него по спине, он дрожал, направляясь к выходу.

В дверях он встретил старика, входившего в церковь. Эдмондс отшатнулся — он хорошо его знал, много раз видел он, как тот роет могилы на кладбище. Что скажет он вернувшемуся каторжнику?

Старик посмотрел на незнакомое ему лицо, сказал «добрый вечер» и медленно прошел дальше. Он забыл его.

Эдмондс спустился с холма и вошел в деревню. Было тепло, люди сидели у дверей своих домов или гуляли в маленьких садиках, наслаждаясь ясным вечером и отдыхом от работы. Многие поглядывали на него, и он много раз боязливо озирался: узнают ли его, сторонятся ли? Чуть не в каждом доме были чужие лица. Некоторых он узнал. Это были его школьные товарищи — в последний раз он их видел мальчиками,— растолстевшие, окруженные ватагой веселых ребят; в слабом и немощном старике, сидевшем в кресле у двери коттеджа, узнал он человека, которого помнил здоровым и сильным работником; но все они его забыли, и он шел никем не узнанный.

Последние мягкие лучи заходящего солнца упали на землю, бросая яркий отблеск на желтые снопы пшеницы и удлиняя тени фруктовых деревьев, когда он остановился перед старым домом, где прошло его детство,— перед домом, к которому стремился с бесконечной любовью в течение долгих, томительных лет заключения и тоски. Частокол был низкий, хотя он прекрасно помнил то время, когда этот же частокол казался ему высокой стеной; он заглянул в старый сад. Огородных растений и ярких цветов было в нем больше, чем в прежние времена, но старые деревья уцелели,— вон то самое дерево, под которым

он сотни раз лежал, устав от беготни на солнцепеке, и чувствовал, как подкрадывается к нему сладкий безмятежный сон — сон счастливого детства. В доме разговаривали. Он прислушался, но голоса показались ему чужими, он их не узнавал. И звучали они весело; а ведь он прекрасно знал, что в разлуке с ним его бедная старуха мать не может веселиться, и он отошел. Открылась дверь, и шумно, с громкими криками выбежала группа детей, в дверях появился отец с маленьким мальчиком на руках, и дети окружили его, хлопая в ладоши, увлекая за собой, чтобы втянуть в веселую игру. Каторжник подумал о том, сколько раз на этом самом месте ежился он от страха при виде своего отца. Вспомнил, как часто он дрожа закрывался с головой одеялом и слышал грубые слова, удары и вопли матери. Уходя отсюда, он громко разрыдался от душевной боли, но сжал кулаки и в безумной тоске стиснул зубы.

Так вот оно — возвращение, о котором он мечтал на протяжении многих мучительных лет, и ради этого перенес столько страданий! Ни одной приветственной улыбки, ни одного взгляда, несущего прощение, нет дома, где бы нашел он приют, нет руки, которая протянулась бы ему на помощь,— а ведь пришел он в свою родную деревню! По сравнению с этим одиночеством, что значило одиночество в диких дремучих лесах, где не встретить человека!

Он понял, что там, в далекой стране изгнания и позора, представлял себе родную деревню такой, какою ее покинул, не думал о том, как изменится она за время его отсутствия. Печальная действительность больно его ударила, и глубокое уныние овладело им. У него не хватило мужества наводить справки или явиться к тому единственному человеку, который, по всей вероятности, встретит его ласково и сочувственно. Медленно побрел он дальше; словно чувствуя себя виноватым, он избегал проезжей дороги, свернул на луг, хорошо ему знакомый, закрыл лицо руками и бросился на траву.

Он не заметил, что возле него на насыпи лежит какой-то человек. Когда тот повернулся, чтобы украдкой взглянуть на пришельца, одежда его зашуршала, и Эдмондс поднял голову.

Человек уселся на земле. Это был сгорбленный старик, с морщинистым желтым лицом, обитатель работного дома, если судить по одежде. Он казался очень старым, но дряхлостью своей был, по-видимому, обязан распутной жизни или болезням, а не прожитым годам. Он в упор смотрел на незнакомца, и через несколько секунд какой-то странный, тревожный огонек загорелся в его тусклых и сонных глазах, и казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Эдмондс приподнялся, встал на колени и пристально стал вглядываться в лицо старика. Они молча смотрели друг на друга.

Старик смертельно побледнел. Задрожав всем телом, он с трудом поднялся. Эдмондс вскочил. Тот отступил на шаг. Эдмондс двинулся к нему.

— Я хочу услышать ваш голос,— хрипло, прерывисто сказал каторжник.

— Не подходи! — крикнул старик и присовокупил страшное проклятие.

Каторжник ближе подошел к нему.

Тот взвизгнул:

— Не подходи! — Обезумев от ужаса, он поднял палку и нанес Эдмондсу тяжелый удар по лицу.

— Отец... дьявол! — сквозь стиснутые зубы пробормотал каторжник. Он рванулся вперед, схватил старика за горло,— но это был его отец, и руки его бессильно опустились.

Старик громко завопил. Этот вопль пронесся над пустынными полями, словно завывание злого духа. Лицо его почернело; из носа и изо рта хлынула кровь и окрасила траву в густой, темно-красный цвет; он зашатался и упал. У него лопнул кровеносный сосуд, и он был мертв раньше, чем сын попытался его поднять.

В том уголке кладбища,— помолчав, сказал старый джентльмен,— в том уголке кладбища, о котором я упоминал выше, похоронен человек, служивший у меня в течение трех лет после этих событий и проявивший такое глубокое раскаяние и смирение, какие редко приходится наблюдать. При его жизни никто, кроме меня, не знал, кто он такой и откуда пришел. Это был Джон Эдмондс, вернувшийся каторжник.

ГЛАВА VII

о том, как мистер Уинкль, вместо того чтобы метить в голубка и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка; как клуб крикетистов Дингли Делла состязался с объединенным Маггльтоном и как Дингли Делл давал обед в честь объединенных маггльтонцев, а также о других интересных и поучительных вещах

Утомительный ли день, полный приключений, или снотворное действие, вызванное рассказом священника, повлияли так сильно на мистера Пиквика, но когда его провели в уютную спальню, не прошло и пяти минут, как он погрузился в крепкий сон без сновидений, из которого его вывело только утреннее солнце, укоризненно бросавшее яркие лучи в его комнату. Мистер Пиквик отнюдь не был лежебокой; он вскочил с постели, как выскакивает пылкий воин из своей палатки.

— Приятное, приятное местечко! — прошептал восторженный джентльмен, открывая окно.— Может ли тот, кто однажды почувствовал влияние подобного пейзажа, жить, созерцая изо дня в день кирпичи и черепицы? Можно ли влачить существование там, где петух встречается только в виде флюгера, где о Пане напоминает только пан-ель и где зелень — только в зеленной лавке? Кто может вынести прозябание в таком месте? Кто, спрашиваю я, может это выдержать? — И, руководствуясь весьма похвальными прецедентами, мистер Пиквик долго вопрошал самого себя, после чего высунул голову из окна и огляделся по сторонам.

Густой сладкий запах сена, сложенного в стога, поднимался к окну его комнаты; цветочные клумбы под окном насыщали воздух своими ароматами; ярко-зеленые лужайки были покрыты утренней росой, которая сверкала на каждом листочке, трепетавшем под легким ветерком, а птицы пели так, словно каждая искрящаяся росинка была для них источником вдохновения.

Мистер Пиквик погрузился в упоительные и сладкие мечты.

— Эй, послушайте! — долетел до него чей-то оклик.

Он посмотрел направо, но никого там не увидел; его глаза обратились налево и пронизали далекое пространство; он возвел их к небу, но там в нем не нуждались; наконец, сделал то, с чего начал бы всякий заурядный человек, а именно посмотрел в сад и увидел мистера Уордля.

— Как поживаете? — осведомился добродушный хозяин, дыша полной грудью в предвкушении наслаждений.— Чудесное утро, не правда ли? Рад, что вы так рано встали. Спускайтесь-ка поживее и приходите сюда. Я буду вас ждать.

Мистер Пиквик не заставил повторять приглашение. В десять минут он закончил свой туалет и по истечении этого времени находился уже в обществе пожилого джентльмена.

Послушайте! — сказал в свою очередь мистер Пиквик, заметив, что его спутник держит ружье, а другое лежит на траве.— Что это вы задумали?

— Мы с вашим другом хотим перед завтраком пострелять грачей,— ответил хозяин.— Он, кажется, прекрасный стрелок.

— Я слыхал от него, что он превосходно стреляет,— отозвался мистер Пиквик,— но никогда еще не видал.

— Что же это он не идет? — заметил хозяин.— Джо, Джо!

Из дома вышел жирный парень, который благодаря бодрящему утреннему воздуху был погружен в дремоту не больше, чем на три четверти с дробью.

— Ступайте наверх и скажите джентльмену, что он найдет меня и мистера Пиквика в грачевнике. Проводите джентльмена туда, слышите?

Парень пошел исполнять приказание, а хозяин, неся оба ружья, словно новый Робинзон Крузо, направился к садовой калитке.

— Вот наше место,— объявил пожилой джентльмен, останавливаясь в аллее после нескольких минут ходьбы. Дальнейшее разъяснение было излишним, ибо неумолчное карканье ничего не подозревавших грачей выдавало их местопребывание.

Пожилой джентльмен положил одно ружье на землю, а другое зарядил.

— Вот они,— сказал мистер Пиквик, когда вдали появились фигуры мистера Тапмена, мистера Снодграсса и мистера Уинкля.

Жирный парень, не совсем уверенный в том, которого джентльмена следует позвать, проявил исключительную сообразительность и, во избежание возможной ошибки, позвал всех троих.

— Пожалуйте! — крикнул пожилой джентльмен, обращаясь к мистеру Уинклю.— Такому страстному охотнику, как вы, полагается давным-давно быть на ногах, даже ради такого пустяка.

Мистер Уинкль ответил принужденной улыбкой и взял второе ружье с таким выражением лица, которое скорее приличествовало бы грачу, терзаемому предчувствием насильственной смерти. Это могла быть и охотничья страсть, но она почему-то разительно смахивала на уныние.

Пожилой джентльмен дал знак, и двое оборванных мальчуганов, которые были препровождены сюда под надзором юного Ламберта*, тотчас же полезли на деревья.

— Зачем здесь эти ребята? — отрывисто спросил мистер Пиквик.

Он был встревожен, ибо, наслышавшись о бедственном положении земледельческого населения, предположил, что деревенские ребята вынуждены с риском для жизни искать заработка, служа мишенью неопытным стрелкам.

— Это только для начала игры,— смеясь, ответил мистер Уордль.

— Для чего? — переспросил мистер Пиквик.

— Да, проще говоря, для того, чтобы вспугнуть грачей.

— Ах, вот что! И это все?

— Вы удовлетворены?

— Вполне.

— Отлично! Мне начинать?

— Пожалуйста,— ответил мистер Уинкль, радуясь некоторой отсрочке.

— В таком случае отойдите в сторону. За дело!

Мальчишка закричал и начал раскачивать ветку, на которой было гнездо. С полдюжины молодых грачей, неистово крича, вылетели, чтобы разузнать, в чем дело. Пожилой джентльмен ответил выстрелом. Одна птица упала, остальные разлетелись.

— Поднимите ее, Джо,— сказал пожилой джентльмен.

На лице юноши засияла улыбка. В воображении его пронеслось смутное видение паштета из грачей. Унося птицу, он смеялся,— это был увесистый грач.

— Ну-с, мистер Уинкль, палите,— сказал хозяин, снова заряжая свое ружье.

Мистер Уинкль выступил вперед и прицелился. Мистер Пиквик и его друзья невольно съежились, опасаясь, как бы не посыпались на них убитые грачи, ибо никто не сомневался в том, что грачи посыплются градом после смертоносного выстрела мистера Уинкля. Наступило торжественное молчание... громкий крик... хлопанье крыльев... что-то слабо щелкнуло.

— Что случилось? — воскликнул пожилой джентльмен.

— Не стреляет? — осведомился мистер Пиквик.

— Осечка! — объявил мистер Уинкль, который очень побледнел — должно быть, от разочарования.

— Странно,— сказал пожилой джентльмен, беря ружье.— Никогда еще не давало оно осечки. А что же это я не вижу никаких следов пистона?

— Черт возьми! — воскликнул мистер Уинкль.— Я и забыл о пистоне.

Эта маленькая оплошность была исправлена. Мистер Пиквик снова съежился. Мистер Уинкль с видом решительным и непреклонным выступил вперед; мистер Тапмен выглядывал из-за дерева.

Мальчишка закричал; вылетело четыре птицы. Мистер Уинкль выстрелил.

Раздался вопль, скорее человеческий, чем птичий,— вопль, исторгнутый физической болью. Мистер Тапмен спас жизнь многих невинных птиц, приняв часть заряда в левую руку.

Нет слов описать поднявшуюся суматоху. Рассказать, как мистер Пиквик в порыве чувств назвал мистера Уинкля «негодяем», как мистер Тапмен лежал распростертый на земле и как пораженный ужасом мистер Уинкль опустился возле него на колени, как мистер Тапмен в забытьи выкрикивал чье-то женское имя, затем открыл сперва один глаз, потом другой, после чего упал навзничь и закрыл оба глаза,— описать эту сцену со всеми подробностями не легче, чем изобразить, как

несчастный постепенно приходил в себя, как перевязали ему руку носовыми платками и как встревоженные друзья медленно повели его, поддерживая под руки.

Они приближались к дому. У калитки сада стояли леди, поджидая их к завтраку. Появилась незамужняя тетушка; она улыбнулась и сделала знак, чтобы они ускорили шаги. Было ясно, что она понятия не имеет о катастрофе. Бедняжка! Бывают моменты, когда неведение воистину блаженно.

Они подошли ближе.

— Что случилось со старичком? — проговорила Изабелла Уордль.

Незамужняя тетушка не обратила внимания на эти слова, она думала, что они относятся к мистеру Пиквику. В ее глазах Треси Тапмен был юношей; его возраст она рассматривала в уменьшительное стекло.

— Не пугайтесь! — крикнул старый хозяин, не желая тревожить дочерей.

Маленькая группа тесно обступила мистера Тапмена, и леди не могли разглядеть, что̀ именно произошло.

— Не пугайтесь,— повторил хозяин.

— Что случилось? — завизжали леди.

— С мистером Тапменом случилось маленькое несчастье, вот и все.

Незамужняя тетушка испустила пронзительный вопль, разразилась истерическим смехом и упала навзничь в объятия племянниц.

— Облейте ее холодной водой,— сказал старый джентльмен.

— Нет, нет,— пролепетала незамужняя тетушка.— Мне уже лучше. Белла, Эмили, врача! Он ранен?.. Умер? Он... ха-ха-ха!

Тут с незамужней тетушкой начался припадок — номер второй — истерического смеха вперемежку с воплями.

— Успокойтесь,— вымолвил мистер Тапмен, чуть не до слез растроганный этим проявлением сочувствия.— Дорогая, дорогая моя леди, успокойтесь.

— Это его голос! — воскликнула незамужняя тетушка, причем обнаружились серьезные симптомы, предвещающие припадок номер третий.

— Умоляю вас, не волнуйтесь, дорогая леди,— успокоительно заговорил мистер Тапмен.— Уверяю вас, я ранен очень легко.

— Так вы не умерли! — восклицала истерическая леди.— О, скажите, что вы не умерли!

— Не дури, Рейчел! — вмешался мистер Уордль, проявляя некоторую грубость, не совсем уместную, если принять во внимание поэтичность этой сцены.— Ну на какой черт ему говорить, что он не умер?

— Нет, нет, я не умер! — заявил мистер Тапмен.— Я не нуждаюсь ни в чем, кроме вашей помощи. Разрешите мне опереться на вашу руку.— Шепотом он добавил: — О мисс Рейчел!

Взволнованная дева приблизилась и подала ему руку. Они вошли в гостиную, где был подан завтрак. Мистер Треси Тапмен нежно прижал ее руку к своим губам и опустился на диван.

— Вам дурно? — встревожилась Рейчел.

— Нет,— ответил мистер Тапмен.— Ничего. Сейчас все пройдет.

Он закрыл глаза.

— Спит! — прошептала незамужняя тетушка. (Органы его зрения были сомкнуты не больше двадцати секунд.) — Милый... милый... мистер Тапмен!

Мистер Тапмен вскочил.

— О, повторите эти слова! — воскликнул он.

Леди вздрогнула.

Конечно, вы не могли их расслышать! — стыдливо сказала она.

— О, я расслышал! — возразил мистер Тапмен.— Повторите их. Если вы хотите, чтобы я выздоровел, повторите их!

— Тише! — шепнула леди.— Брат!

Мистер Треси Тапмен принял прежнюю позу. В комнату вошел мистер Уордль в сопровождении хирурга.

Рука была исследована, рана перевязана и признана очень легкой. Успокоив таким образом душевную тревогу, компания принялась успокаивать разыгравшийся аппетит, и физиономии снова прояснились. Один лишь мистер Пиквик был молчалив и сдержан. Сомнение и недоверие отражались на его лице. Его вера в мистера

Уинкля была поколеблена — весьма поколеблена — событиями этого утра.

— Вы играете в крикет? — обратился мистер Уордль к меткому стрелку.

При других обстоятельствах мистер Уинкль ответил бы утвердительно. Но, понимая неловкость своего положения, он скромно сказал:

— Нет.

— А вы, сэр? — осведомился мистер Снодграсс.

— Когда-то играл,— ответил хозяин,— а теперь бросил это дело. Я состою членом здешнего клуба, хотя сам не играю.

— Кажется, на сегодня назначен грандиозный матч,— заметил мистер Пиквик.

— Совершенно верно,— подтвердил хозяин.— Конечно, вы бы не прочь были посмотреть?

— Я, сэр,— ответил мистер Пиквик,— с наслаждением созерцаю все виды спорта, если можно им предаваться, ничем не рискуя, и если беспомощные попытки неопытных игроков не угрожают жизни окружающих.

Мистер Пиквик сделал паузу и пристально посмотрел на мистера Уинкля, который затрепетал под испытующим взглядом своего наставника. Спустя несколько минут великий человек отвел глаза и добавил:

— Можем ли мы поручить нашего раненого друга заботам леди?

— В лучших руках вы не могли бы меня оставить,— заметил мистер Тапмен.

— Совершенно верно,— прибавил мистер Снодграсс.

Итак, было решено, что мистер Тапмен останется дома на попечении особ женского пола, а остальные гости, под предводительством мистера Уордля, отправятся туда, где назначено было состязание в ловкости, которое весь Маглтон пробудило от спячки, а Дингли Делл заразило лихорадочным возбуждением.

Так как пройти нужно было не больше двух миль по тенистым дорогам и лесным тропинкам, а темой для разговора служил восхитительный пейзаж, развертывавшийся по обеим сторонам, то мистер Пиквик, очутившись на главной улице города Маглтона, готов был пожалеть о том, что они так быстро шли.

Все, кто одарен любовью к топографии, прекрасно знают, что Магльтон — корпоративный город * с мэром, гражданами, пользующимися избирательным правом, и фрименами; * и всякий, кто познакомится с обращениями мэра к гражданам, или граждан к мэру, или граждан и мэра к корпорации, или всех их к парламенту, узнает то, что давно следовало бы знать, а именно: Магльтон — древний и верноподданный парламентский город, сочетающий ревностную защиту христианских принципов с благочестивой преданностью торговым правам; в доказательство чего мэр, корпорация и прочие жители представили в разное время не меньше тысячи четырехсот двадцати петиций против торговли неграми за границей и ровно столько же петиций против какого бы то ни было вмешательства в фабричную систему у себя на родине, шестьдесят восемь — за продажу церковных бенефиций и восемьдесят шесть — за запрещение уличной торговли по воскресеньям.

Мистер Пиквик стоял на главной улице этого знаменитого города и с большим интересом и любопытством созерцал развернувшуюся картину. Перед ним правильным четырехугольником расстилалась базарная площадь; в центре ее находилась большая гостиница с вывеской, на которой было изображено существо, весьма обычное в искусстве, но редко встречающееся в природе, а именно — синий лев с тремя поднятыми кривыми лапами, балансировавший на острие среднего когтя четвертой лапы. Тут же поблизости была контора аукционера и страхования от огня, зерновая торговля, бельевой магазин, лавки винокура, шорника, магазины колониальных товаров и обуви — этот последний был приспособлен также для снабжения жителей шляпами мужскими и дамскими, одеждой, зонтиками из бумажной материи и полезными знаниями. Здесь же стоял и красный кирпичный дом с мощеным двориком впереди, явно принадлежавший адвокату, и еще один красный кирпичный дом, с жалюзи и большой медной дощечкой на дверях, на которой весьма разборчиво было написано, что этот дом принадлежит лекарю. Несколько молодых людей направлялись к крикетному полю, а два-три лавочника, стоя у дверей своих лавок, имели такой вид, словно им хотелось отпра-

виться туда же, что, впрочем, они могли бы сделать, не рискуя упустить значительное число покупателей.

Мистер Пиквик, приостановившийся, чтобы произвести эти наблюдения и в подходящее время занести их в свою записную книжку, поспешил догнать друзей, которые свернули с главной улицы и уже приближались к полю битвы.

Воротца были расставлены; были также раскинуты две-три палатки, где состязающиеся команды могли отдохнуть и освежиться. Матч еще не начался. Два-три динглиделлца и маглтонца с величественным видом забавлялись, небрежно перебрасывая мяч; еще несколько джентльменов, одетых так же, как и первые, в соломенные шляпы, фланелевые куртки и белые штаны,— костюм, придававший им вид каменотесов-любителей,— расположились вокруг палаток. Гости мистера Уордля, под его предводительством, подошли к одной из них.

Десятками возгласов «Как поживаете?» было встречено появление пожилого джентльмена; соломенные шляпы поднялись и фланелевые куртки склонились, когда он представил своих гостей — джентльменов из Лондона, страстно желающих присутствовать при состязании, которое — в чем он нимало не сомневается — доставит им живейшее удовольствие.

— Я бы вам посоветовал, сэр, войти в палатку,— заметил один весьма тучный джентльмен, чье туловище было очень похоже на половину гигантского свертка фланели, покоящегося на двух надутых воздухом наволочках.

— Вам будет гораздо удобнее здесь, сэр,— добавил второй тучный джентльмен, который сильно смахивал на другую половину вышеупомянутого свертка фланели.

— Вы очень любезны,— ответил мистер Пиквик.

— Пожалуйте сюда,— продолжал первый,— здесь подсчитывают очки, это лучшее местечко на всем поле.

И крикетист, пыхтя, повел их в палатку.

— Превосходная игра — — славный спорт — — полезные упражнения — — весьма!

Эти слова поразили слух мистера Пиквика, вошедшего в палатку, и первое, что представилось его взо-

рам, был облаченный в зеленый фрак спутник по рочестерской карете, разглагольствовавший в назидание избранному кружку лучших маглытонцев и к немалому их удовольствию. В его костюме произошли некоторые изменения к лучшему, он надел сапоги, но не узнать его было нельзя.

Незнакомец мгновенно признал своих друзей; рванувшись вперед, он схватил мистера Пиквика за руку и со свойственной ему порывистостью потащил его к стулу, болтая при этом так, словно все приготовления к игре производились под особым его покровительством и руководством.

— Сюда — — сюда — — превосходная затея — — море пива — — огромные бочки; горы мяса — — целые туши; горчица — — возами; чудесный денек — — присаживайтесь — — будьте как дома — — рад вас видеть — — весьма!

Мистер Пиквик сел, как было ему предложено, и мистер Уинкль с мистером Снодграссом тоже подчинились настояниям таинственного друга. Мистер Уордль молча смотрел и дивился.

— Мистер Уордль — мой друг,— представил мистер Пиквик.

— Ваш друг! — — Дорогой сэр, как поживаете? — — Друг моего друга — — дайте мне вашу руку, сэр.

И незнакомец с жаром, приличествующим многолетней дружбе, схватил руку мистера Уордля, отступил затем на шаг, как бы желая лучше разглядеть его лицо и фигуру, и снова пожал ему руку едва ли не с бо́льшим пылом, чем в первый раз.

— А как вы здесь очутились? — спросил мистер Пиквик с улыбкой, в которой благорасположение боролось с удивлением.

— Как? — отозвался незнакомец.— Остановился в «Короне» — — «Корона» в Маглытоне — — встретил компанию — — фланелевые куртки — — белые штаны — — сандвичи с анчоусами — — жареные почки с перцем — — превосходные ребята — — чудесно!

Мистер Пиквик, в достаточной мере изучивший стенографическую систему незнакомца, понял из этих стремительных и бессвязных слов, что тот каким-то образом

завязал знакомство с объединенными магльтонцами и сумел превратить его в добрые товарищеские отношения, после чего добиться приглашения было уже легко. Удовлетворив свое любопытство и надев очки, мистер Пиквик приготовился наблюдать игру, которая только что началась.

Игру начинал объединенный Магльтон. Внимание напряглось, когда мистер Дамкинс и мистер Поддер, два прославленнейших члена этого превосходнейшего клуба, прошествовали, с битóй в руке, каждый к своим воротцам. Мистер Лаффи — лучшее украшение Дингли Делла — был избран бросать шар против грозного Дамкинса, а мистеру Страглсу поручили исполнять ту же приятную обязанность по отношению к доселе непобедимому Поддеру. Несколько игроков должны были «караулить» в разных частях поля, и каждый принял соответствующую позу — опершись обеими руками о колени и наклонившись так, словно он подставлял спину неумелому любителю чехарды. Все настоящие игроки в крикет принимают именно такую позу, и весьма распространено мнение, что при всякой другой позе немыслимо караулить надлежащим образом.

Судьи поместились за воротцами; счетчики приготовились отмечать перебежки; наступила глубокая тишина. Мистер Лаффи отступил за воротца неподвижного Поддера и несколько секунд держал мяч у правого глаза. Дамкинс уверенно ждал полета мяча, не отрывая глаз от Лаффи.

— Подаю! — внезапно крикнул боулер *.

Мяч, вырвавшись из его руки, полетел прямо и быстро к средней спице ворот.

Зоркий Дамкинс был начеку, он припал на конец биты и метнул мяч через головы скаутов *, наклонившихся достаточно низко.

— Бегите, бегите... еще раз. Ну же, отбивайте, отбивайте... стойте — еще раз — нет — да — нет — отбивайте его, отбивайте!

Эти возгласы последовали за ударом, в результате которого объединенный Магльтон приобрел два очка. И Поддер не зевал, увенчивая лаврами себя и объединенный Магльтон. Он задерживал сомнительные мячи, про-

пускал плохие, принимал хорошие и заставлял их летать по всему полю. Скауты изнемогали от жары и усталости; боулеры сменяли друг друга, боулируя до боли в руках; но Дамкинс и Поддер оставались непобедимыми. Если какой-нибудь пожилой джентльмен старался задержать мяч, этот последний проскакивал у него между ногами или проскальзывал сквозь пальцы. Если джентльмен худощавый пытался его поймать, мяч ударял его по носу и, весело отскочив, развивал еще бо́льшую скорость, а глаза худощавого джентльмена наполнялись слезами, и он корчился от боли. Когда мяч летел прямо к воротцам, Дамкинс его опережал. Словом, когда Дамкинс был пойман и Поддер был сбит, объединенный Маглтон насчитывал пятьдесят четыре очка, а достижения динглиделлцев были столь же бледны, как и их физиономии. Слишком неравны были шансы, чтобы надеяться на реванш. Тщетно неистовый Лаффи и восторженный Страгле делали все, что подсказывали им опыт и мастерство, чтобы отвоевать для Дингли Делла пространство, потерянное им в ходе борьбы. Ничто не помогло, и после непродолжительного сопротивления Дингли Делл сдался и признал превосходство объединенного Маглтона.

Тем временем незнакомец ел, пил и болтал без устали. При каждом хорошем ударе он выражал игроку свое удовольствие и одобрение самым снисходительным и покровительственным тоном, который не мог не польстить заинтересованной стороне; а при каждой неудачной попытке поймать или задержать мяч не скрывал своей досады, бросая по адресу злополучного субъекта такие слова: «Ах, ах! глупо!», «Дырявые руки», «Растяпа», «Хвастун» и другие подобные же восклицания, которые, по-видимому, упрочили за ним в глазах всех присутствующих репутацию превосходнейшего и непогрешимого судьи, посвященного во все тайны великого искусства благородной игры в крикет.

— Чудесная игра — — прекрасно играли — — великолепные удары,— говорил незнакомец по окончании игры, когда представители обеих команд ввалились в палатку.

— А вы играли в крикет, сэр? — осведомился мистер Уордль, которого очень забавляла его болтливость.

— Играл? Ну, еще бы — — сотни раз — — не здесь — — в Вест-Индии — — увлекательная игра — — возбуждающая — — весьма!

— Должно быть, жарко играть в таком климате? — заметил мистер Пиквик.

— Жарко? — — Как в пекле — — накалено — — жжет. Участвовал однажды в матче — — бессменно у ворот — — с другом полковником — — сэр Томас Блезо — — кто сделает больше перебежек — — бросили жребий — — мне начинать — — семь часов утра — — шесть туземцев караульщиками — — начал — — держусь — — жара убийственная — — туземцы падают в обморок — — пришлось унести — — вызвали полдюжины новых — — и эти в обмороке — — Блезо боулирует — — его поддерживают два туземца — — не может выбить меня — — тоже в обморок — —снял полковника — — не хотел сдаваться — — верный слуга — — Квенко Самба — — остается последний — — солнце припекает — — бита в пузырях — — мяч почернел — — пятьсот семьдесят перебежек — — начинаю изнемогать — — Квенко напрягает последние силы — — выбивает меня — — принимаю ванну и иду обедать.

— А что сталось с этим... как его? — осведомился мистер Уордль.

— Блезо?

— Нет, с другим джентльменом.

— Квенко Самба?

— Да, сэр.

— Бедняга Квенко — — так и не оправился — — меня выбил — — себя убил — — умер, сэр!

Тут незнакомец уткнулся носом в коричневую кружку; хотел ли он скрыть свое волнение, или отведать ее содержимое — мы судить не беремся. Знаем только, что он вдруг оторвался от кружки, вздохнул протяжно и глубоко и с тревогой поднял голову, когда два главнейших члена Динглиделлского клуба приблизились к мистеру Пиквику и сказали:

— Сэр, мы собираемся устроить скромный обед в «Синем Льве»; надеемся, что вы с вашими друзьями присоединитесь к нам.

— Конечно,— сказал мистер Уордль,— в число наших друзей мы включим и мистера...— И он повернулся к незнакомцу.

— Джингль,— сообщил этот расторопный джентльмен, тотчас же поняв намек.— Джингль — — Альфред Джингль, эсквайр, из поместья Голое место.

— Я буду очень рад,— сказал мистер Пиквик.

— Я тоже,— объявил мистер Альфред Джингль, одной рукой беря под руку мистера Пиквика, а другой — мистера Уордля и конфиденциально нашептывая на ухо первому джентльмену: — Чертовски хороший обед — — холодный, но превосходный — — утром заглянул в зал — — птица и паштеты и всякая всячина — — чудесные ребята — — вдобавок хороший тон — — воспитанные — — весьма!

Когда все предварительные церемонии были исполнены, компания, разбившись на маленькие группы по два-три человека, отправилась в город, и не прошло и четверти часа, как все уже сидели в большом зале магльтонской гостиницы «Синий Лев». Председательствовал мистер Дамкинс, а мистер Лаффи исполнял обязанности его заместителя.

Зал наполнился громким говором и стуком ножей, вилок и тарелок, метались три бестолковых лакея, и быстро исчезали сытные яства; во всем, что так или иначе способствовало суматохе, мистер Джингль принимал участие, с успехом заменяя по крайней мере полдюжины простых смертных. Когда каждый съел столько, сколько мог вместить, скатерть была снята, и на столе появились стаканы, бутылки и десерт; лакеи удалились, чтобы «привести все в порядок» — иными словами, воспользоваться в собственных своих интересах остатками яств и напитков, какими им удалось завладеть.

Среди последовавшего засим общего говора и смеха пребывал в полном молчании лишь один маленький человек с одутловатой физиономией, которая явно предупреждала: «Не говорите мне ничего, или я буду вам возражать»; когда разговор стихал, он осматривался по сторонам, словно готовясь произнести нечто весьма значительное, и время от времени покашливал отрывисто и с невыразимым величием. Наконец, улучив момент, когда

шум поутих, человечек произнес очень громко и торжественно:

— Мистер Лаффи!

Все и каждый погрузились в глубокое молчание, когда названный джентльмен откликнулся:

— Сэр?

— Я хочу обратиться к вам с несколькими словами, сэр, если вы предложите джентльменам наполнить стаканы.

Мистер Джингль покровительственно крикнул: «Слушайте, слушайте»,— на что̀ откликнулись все присутствующие, и когда стаканы были наполнены, заместитель председателя провозгласил с видом глубокомысленным:

— Мистер Стэпл.

— Сэр,— сказал, вставая, человечек,— с тем, что я имею сказать, я хочу обратиться к *вам*, а не к нашему достойному председателю, ибо наш достойный председатель является в некоторой мере — я бы мог сказать: в значительной мере — объектом того, что я намерен сказать или — если можно так сказать — что я намерен...

— Изложить,— подсказал мистер Джингль.

— Вот именно, изложить,— продолжал человечек.— Очень благодарен моему почтенному другу, если он разрешит мне называть его этим именем (четыре «правильно» и одно «конечно» — из уст мистера Джингля). Сэр, я — деллец, динглиделлец. (Одобрительные возгласы.) Я не могу претендовать на честь почитаться жителем Маглтона, и, признаюсь откровенно, сэр, я не домогаюсь этой чести, и я вам объясню, сэр, почему («слушайте!»): за объединенным Маглтоном я охотно признаю все те почести и отличия, на которые он вправе претендовать,— они слишком многочисленны и слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в перечислении. Но, сэр, не забывая о том, что объединенный Маглтон породил Дамкинса и Поддера, будем помнить всегда, что Дингли Делл может похвалиться Лаффи и Страглсом. (Овации.) Пусть не подумают, будто я хочу умалить достоинства двух первых джентльменов. Сэр, я завидую чувствам, обуревающим их по случаю сегодняшнего события. (Одобрение.) Вероятно, каждый слушающий меня

джентльмен знает, какой ответ дал императору Александру некий оригинал, который, употребляя заурядный образ, ютился в бочке. «Не будь я Диогеном,— сказал он,— я бы хотел быть Александром». И я нахожу, что эти джентльмены могут сказать: «Не будь я Дамкинсом, я бы хотел быть Лаффи, не будь я Поддером, я бы хотел быть Страглсом». (Общий восторг.) Но, джентльмены Магльтона! В одном ли только крикете проявляют свое превосходство ваши сограждане? Разве не приходилось вам слышать о Дамкинсе как об олицетворении твердости характера? Разве вы не привыкли связывать имя Поддера с защитою прав собственности? (Громкие аплодисменты.) Когда вы вели борьбу за свои права, свободу и привилегии, разве не возникали у вас, хотя бы на секунду, опасения и вы не предавались отчаянию? И когда пребывали вы в унынии, разве не имя Дамкинса вновь раздувало в вашей груди пламя, готовое угаснуть, и разве не достаточно было одного слова из уст этого человека, чтобы вновь запылало яркое пламя, словно никогда оно не угасало? (Бурные овации.) Джентльмены, два имени — Дамкинс и Поддер — я предлагаю окружить сияющим ореолом восторженных рукоплесканий!

Тут человечек умолк, и все присутствующие начали кричать и стучать по столу, каковому занятию предавались с небольшими перерывами весь остаток вечера. Тосты следовали за тостами. Мистер Лаффи и мистер Страглс, мистер Пиквик и мистер Джингль — все по очереди служили объектами неумеренных похвал, и каждый по установленному порядку отвечал благодарностью за честь, которой удостоился.

Преисполненные энтузиазма к благородному делу, которому мы себя посвятили, мы почувствовали бы невыразимую гордость и уверенность в том, что нами совершено нечто обеспечивающее нам бессмертие, коего в настоящее время мы лишены, имей мы возможность предложить нашим ревностным читателям хотя бы самый поверхностный отчет об этих речах. Мистер Снодграсс сделал, по обыкновению, великое множество записей, которые несомненно доставили бы весьма полезные и ценные сведения, но от пламенного ли красноречия, или от возбуждающего действия вина рука сего джентльмена

была до такой степени нетверда, что почерк его едва можно разобрать, а содержание записей и вовсе не вразумительно. Благодаря терпеливому исследованию нам удалось прочесть некоторые слова, имеющие слабое сходство с именами ораторов, и мы можем также различить запись какой-то песни (каковую пел, должно быть, мистер Джингль), где часто и с небольшими интервалами повторяются слова: «чаша», «искрится», «рубин», «веселый» и «вино». Кажется нам, в самом конце заметок мы встречаем какой-то туманный намек на «вареные кости», а затем мелькают слова: «холодный» и «на дворе»; но поскольку все гипотезы, какие мы могли бы создать, исходя из этих данных, будут неизбежно основаны на догадке, мы не склонны предаваться умозаключениям, поводом к которым могут послужить эти данные.

Вот почему мы возвращаемся к мистеру Тапмену; добавим только, что за несколько минут до полуночи слышно было, как собрание знаменитостей Дингли Делла и Магльтона распевало с большим чувством и воодушевлением прекрасную и трогательную национальную песню:

Не разойдемся до утра,
Не разойдемся до утра,
Не разойдемся до утра,
Пока не забрезжит свет!

ГЛАВА VIII,

ярко иллюстрирующая мысль, что путь истинной любви — не гладкий рельсовый путь

Мирное уединение Дингли Делла, присутствие стольких представительниц прекрасного пола, заботы и беспокойство, ими проявляемое,— все это благоприятствовало росту и развитию тех нежных чувств, какие природа заложила в груди мистера Треси Тапмена и каковым, по-видимому, суждено было ныне сосредоточиться на одном прелестном объекте. Юные леди были миловидны, приветливы, характер их не оставлял желать лучшего, но в этом возрасте они отнюдь не могли пре-

тендовать на то достоинство в манере держать себя, на то «не тронь меня» в осанке, на то величие во взоре, которые отличали незамужнюю тетушку от всех женщин, когда-либо виденных мистером Тапменом. Ясно, что было что-то родственное в их натуре, что-то таинственно созвучное в их сердцах. Ее имя было первым словом, сорвавшимся с уст мистера Тапмена, когда он, раненный, лежал на траве; и ее истерический смех был первым звуком, коснувшимся его ушей, когда его привели домой. Но проистекало ли ее волнение из милой и женственной чувствительности, не угасимой ни при каких обстоятельствах, или было оно порождено более пылким и страстным чувством, которое мог пробудить только он, единственный из смертных? Эти сомнения терзали его мозг, когда он лежал простертый на диване; эти сомнения он намерен был разрешить немедленно и раз навсегда.

Был вечер. Изабелла и Эмили вышли погулять с мистером Трандлем; старая глухая леди заснула в своем кресле; из отдаленной кухни доносилось тихо и монотонно храпенье жирного парня; шустрые служанки вертелись у кухонной двери, наслаждаясь приятным вечером и радостями флирта, проводимого по всем правилам с какими-то увальнями, состоявшими при ферме; а интересная пара сидела всеми забытая, всех забывшая, мечтая лишь друг о друге; короче говоря, они сидели, напоминая пару сложенных лайковых перчаток, прильнув друг к другу.

— Я позабыла о моих цветах,— сказала тетушка.

— Полейте их сейчас,— настойчиво посоветовал мистер Тапмен.

— Вы простудитесь, уже вечер,— нежно возразила незамужняя тетушка.

— О нет! — сказал мистер Тапмен, поднимаясь с места.— Мне это пойдет на пользу. Разрешите вас сопровождать.

Леди поправила повязку, которая поддерживала левую руку юного кавалера, приняла предложенную ей правую руку и повела его в сад.

В дальнем углу сада находилась беседка, заросшая жимолостью, жасмином и вьющимися растениями,— одно

из тех приятных убежищ, которые возводятся гуманными людьми для удобства пауков.

Незамужняя тетушка взяла валявшуюся в углу большую лейку и хотела выйти из беседки. Мистер Тапмен удержал ее и усадил на скамье рядом с собою.

— Мисс Уордль! — сказал он.

Незамужняя тетушка затрепетала, а камешки, случайно попавшие в большую лейку, затарахтели, как детская погремушка.

— Мисс Уордль,— сказал мистер Тапмен,— вы — ангел!

— Мистер Тапмен! — воскликнула Рейчел и сделалась такой же красной, как лейка.

— Больше, чем ангел! — сказал красноречивый пиквикист.— Мне это слишком хорошо известно.

— Говорят, все женщины — ангелы,— игриво прошептала леди.

— Кто же в таком случае *вы?* И с кем могу я вас сравнить? — возразил мистер Тапмен.— Встречал ли ктонибудь женщину, похожую на вас? Где еще мог бы я найти столь редкое соединение прекрасных качеств и красоты? Где мог бы я искать... О! — Тут мистер Тапмен умолк и пожал руку, державшую ручку счастливой лейки.

Леди отвернулась.

— Мужчины такие обманщики,— чуть слышно прошептала она.

— Верно! — подхватил мистер Тапмен.— Но не все. На свете есть по крайней мере одно существо, которое никогда не изменится, одно существо, которое радо было бы посвятить всю свою жизнь вашему счастью, которое живет только ради ваших глаз, дышит только ради вашей улыбки, несет тяжкое бремя жизни только ради вас.

— Если бы можно было найти такого человека...— начала леди.

— Но найти его *можно,*— перебил пылкий мистер Тапмен.— Он уже найден. Мисс Уордль, он здесь.

И не успела незамужняя тетушка угадать его намерение, как мистер Тапмен упал на колени к ее ногам.

— Мистер Тапмен, встаньте! — воскликнула Рейчел.

— Никогда! — последовал доблестный ответ.— О Рейчел! — Он схватил ее податливую руку и прижал к

губам; лейка упала на землю.— О Рейчел, скажите, что любите меня!

— Мистер Тапмен,— отвернувшись, прошептала незамужняя тетушка,— я едва могу выговорить эти слова, но... но... я не совсем равнодушна к вам.

Едва услышав это признание, мистер Тапмен приступил к совершению того, на что его толкало восторженное чувство и что, насколько нам известно (ибо мы мало

осведомлены в такого рода вещах), всегда делают люди при данных обстоятельствах. Он вскочил и, обвив рукой шею незамужней тетушки, запечатлел на ее устах множество поцелуев, каковые она, после требуемых приличием борьбы и сопротивления, принимала так спокойно, что нельзя предугадать, сколько бы еще мог запечатлеть их мистер Тапмен, если бы леди весьма непритворно не вздрогнула и не воскликнула испуганным голосом:

— Мистер Тапмен, за нами следят! Нас увидели!

Мистер Тапмен оглянулся. Перед ними, не шевелясь, стоял жирный парень и, выпучив большие круглые глаза, смотрел в беседку, но на его лице не отражалось и тени того, что самый опытный физиономист мог бы назвать изумлением, любопытством или каким-либо другим чувством, волнующим человеческое сердце. Мистер Тапмен смотрел на жирного парня, а жирный парень уставился на него, и чем дольше созерцал мистер Тапмен безучастную физиономию жирного парня, тем тверже убеждался, что тот либо ничего не видел, либо не понял того, что происходило.

Находясь под этим впечатлением, он весьма решительно спросил:

— Что вам понадобилось здесь, сэр?

— Ужин готов, сэр,— немедленно последовал ответ.

— Вы только что явились сюда, сэр? — осведомился мистер Тапмен, пронизывая его взглядом.

— Только что,— ответил жирный парень.

Мистер Тапмен еще раз посмотрел на него очень пристально, но тот и глазом не моргнул, ни один мускул на его лице не дрогнул.

Мистер Тапмен взял под руку незамужнюю тетушку и направился к дому, жирный парень следовал за ними.

— Он ничего не заметил! — шепнул мистер Тапмен.

— Ничего,— отозвалась незамужняя тетушка.

Сзади раздался какой-то звук, напоминающий приглушенное хихиканье. Мистер Тапмен быстро оглянулся. Нет, это не мог быть жирный парень, на его физиономии не было и признака веселья, да и вообще весь его облик ничего, кроме упитанности, не обнаруживал.

— Должно быть, он крепко спал,— прошептал мистер Тапмен.

— Я в этом нимало не сомневаюсь,— ответила незамужняя тетушка.

Оба весело засмеялись.

Мистер Тапмен ошибся. Жирный парень на этот раз не спал. Он бодрствовал, бодрствовал в полной мере и видел все, что происходило.

За ужином никто не пробовал завязать общую беседу. Старая леди ушла спать, Изабелла Уордль всецело посвятила себя мистеру Трандлю, внимание незамужней тетушки было сосредоточено на мистере Тапмене, а мысли Эмили, казалось, заняты были каким-то далеким предметом,— быть может, они не покидали отсутствующего мистера Снодграсса.

Пробило одиннадцать часов, двенадцать, час, а джентльмены не возвращались. На всех лицах отражалась тревога. Что, если их подстерегли и ограбили? Не послать ли людей с фонарями по всем дорогам, какими они могли возвращаться домой? Или, быть может, они... Вот они! Почему они так запоздали? Чужой голос к тому же! Кто это может быть! Все бросились в кухню, куда ввалились гуляки, и подлинное положение дел немедленно выяснилось.

Мистер Пиквик, засунув руки в карманы и сдвинув шляпу на левый глаз, стоял, прислонившись к буфету, покачивал из стороны в сторону головой и непрерывно расточал самые ласковые и благосклонные улыбки без всякой видимой причины или повода; старый мистер Уордль с пылающим лицом пожимал руку незнакомому джентльмену, бормоча заверения в вечной дружбе; мистер Уинкль, прислонившись к футляру часов с недельным заводом, слабым голосом призывал кару на голову любого члена семьи, который намекнет на то, что ему не худо бы лечь спать, а мистер Снодграсс опустился на стул, и каждая черта его выразительного лица выдавала самую глубокую и безнадежную печаль, какую только может вообразить человеческий ум.

— Что случилось? — осведомились три леди.

— Ничего не случилось,— ответил мистер Пиквик.— Мы... мы... в порядке. Слышите, Уордль, мы в порядке, да?

— Ну, еще бы,— отозвался веселый хозяин.— Доро-

гие мои, вот мой друг мистер Джингль... друг мистера Пиквика, мистер Джингль, случайная встреча... маленький визит.

— Сэр, с мистером Снодграссом что-то случилось? — тревожно осведомилась Эмили.

— Ничего не случилось, сударыня,— ответил незнакомец.— Обед у крикетистов — — чудесная компания — — превосходные песни — — старый портвейн — — кларет — — хорошо — — весьма хорошо — — вино, сударыня,— — вино.

— Вовсе не вино,— прерывающимся голосом пробормотал мистер Снодграсс,— это семга. (Почему-то в таких случаях вино никогда не бывает виновато.)

— Не лучше ли им лечь в постель, сударыня? — спросила Эмма.— Двое слуг отведут джентльменов наверх.

— Я спать не лягу,— твердо сказал мистер Уинкль.

— Ни один живой человек меня не поведет,— решительно заявил мистер Пиквик все с тою же улыбкой.

— Ура! — слабо выкрикнул мистер Уинкль.

— Ура! — отозвался мистер Пиквик и, сняв шляпу, бросил ее на пол, а затем словно рехнулся и швырнул очки на середину кухни. После такой остроумной выходки он от души расхохотался.

— Разопьем... еще... бутылочку...— провозгласил мистер Уинкль, начав очень громко, а кончив чуть слышно. Голова его свесилась на грудь, и, бормоча свое непреложное решение не ложиться спать, а также кровожадно сожалея о том, что утром не «покончил со старым Тапменом», он погрузился в сон и в таком состоянии был доставлен в свою комнату двумя молодыми великанами, действовавшими под личным надзором жирного парня, чьим заботам доверил свою особу и мистер Снодграсс.

Мистер Пиквик принял предложенную ему мистером Тапменом руку и мирно удалился, улыбаясь благодушнее, чем когда бы то ни было; мистер Уордль, трогательно распрощавшись со всей семьей, словно ему предстояло немедленно идти на казнь, удостоил мистера Трандля чести проводить его наверх и вышел, тщетно пытаясь сохранить вид внушительный и торжественный.

— Какая неприличная сцена! — промолвила незамужняя тетушка.

— Отвратительная! — воскликнули обе юные леди.

— Ужасно — — ужасно! — подхватил с глубокомысленной миной мистер Джингль; своих товарищей он опередил примерно на полторы бутылки.— Тяжелое зрелище — — весьма!

— Какой любезный мужчина! — шепнула мистеру Тапмену незамужняя тетушка.

— И недурен собой! — добавила Эмили Уордль.

— О, несомненно! — согласилась незамужняя тетушка.

Мистер Тапмен вспомнил рочестерскую вдову, и его душою овладела тревога. Последовавший затем получасовой разговор отнюдь не мог успокоить его смятенный дух. Новый гость оказался весьма словоохотливым и рассказал почти столько же анекдотов, сколько отпустил комплиментов. Мистер Тапмен чувствовал: по мере того как растет популярность Джингля, он (Тапмен) все дальше отступает в тень. Смех его звучал принужденно, веселость была притворной; и, когда, наконец, пылающая его голова опустилась на подушку, он испытал злорадное наслаждение, подумав о том, как приятно было бы зажать в этот момент голову Джингля между периной и матрацем.

На следующее утро неутомимый незнакомец встал рано, и, в то время как его спутники, обессиленные ночным кутежом, еще покоились в постели, он весьма успешно старался поддержать за завтраком веселое расположение духа. Его попытка оказалась столь удачной, что даже старая глухая леди потребовала, чтобы две-три лучших его остроты были ей сообщены в слуховой рожок, и снисходительно поведала незамужней тетушке, что «он (Джингль) — сущий повеса». Это мнение целиком разделяли все присутствовавшие члены ее семьи.

Ясным летним утром старая леди имела обыкновение удаляться в беседку, в которой отличился мистер Тапмен; ее прогулка совершалась следующим образом: прежде всего жирный парень снимал с гвоздя за дверью, ведущей в спальню старой леди, плотный черный атласный чепец, теплый бумажный платок и толстую палку с массивной ручкой; затем старая леди не спеша надевала чепец и платок, опиралась одной рукой на палку, а другой — на плечо жирного парня, и медленно шла в беседку, где жирный парень предоставлял ей наслаждаться в уединении свежим воздухом в течение получаса, а по прошествии этого срока возвращался и вел ее домой.

Старая леди была очень аккуратна и очень пунктуальна, и так как эта церемония, вот уже три года, повторялась каждое лето без малейшего уклонения от уста-

новленной формы, то она немало удивилась, заметив в это утро, что жирный парень, вместо того чтобы покинуть беседку, отошел на несколько шагов, внимательно осмотрелся по сторонам и приблизился к ней с величайшими предосторожностями и с видом крайне таинственным.

Старая леди была пуглива — как и большинство старых леди,— и в первую минуту у нее мелькнула мысль, что разбухший парень хочет нанести ей какое-нибудь тяжелое повреждение в надежде завладеть ее наличными деньгами. Она готова была крикнуть, позвать на помощь, но старость и недуги давно уже лишили ее возможности кричать, поэтому за каждым его движением она следила с глубоким ужасом, который отнюдь не уменьшился, когда он подошел к ней вплотную и заорал в ухо взволнованным и, как почудилось ей, угрожающим голосом:

— Хозяйка!

Случилось так, что в этот самый момент мистер Джингль прогуливался по саду неподалеку от беседки. Он услышал возглас: «Хозяйка!» — и остановился, чтобы послушать, что будет дальше. У него было три основания поступить так. Во-первых, он был любопытен, а делать ему было нечего, во-вторых, он не отличался щепетильностью, и, в-третьих (и последних), его заслоняли цветущие кусты. Итак, он стоял и слушал.

— Хозяйка! — орал жирный парень.

— В чем дело, Джо? — дрожа, спросила старая леди.— Право же, Джо, для тебя я была хорошей хозяйкой. Кроме добра, ты ничего от меня не видел. Тебя никогда не заставляли слишком много работать, и всегда ты ел досыта.

Этот последний довод затронул самую чувствительную струну в сердце жирного парня. Казалось, он был растроган и с чувством сказал:

— Да, это я знаю.

— Ну, так что же ты от меня хочешь? — приободрившись, спросила старая леди.

— Я хочу, чтобы у вас мурашки по спине забегали,— ответил жирный парень.

Такая манера проявлять благодарность казалась весьма жестокой, а так как старая леди в точности не

знала, каким путем можно добиться подобного результата, то ее опасения вернулись.

— Как вы думаете, что я видел вчера вечером в этой самой беседке? — осведомился парень.

— Господи помилуй! Что же ты видел? — воскликнула старая леди, встревоженная торжественным тоном дородного юноши.

— Чужой джентльмен — тот, у которого рука повреждена,— целовал и обнимал...

— Кого, Джо? Надеюсь, не служанку?

— Хуже! — заорал жирный парень в ухо старой леди.

— Неужели одну из моих внучек?

— Хуже!

— Неужели еще хуже, Джо? — спросила старая леди, считая, что она дошла до крайнего предела злодейства.— Кто же это был, Джо? Я должна знать.

Жирный парень опасливо огляделся по сторонам и, закончив свой обзор, прокричал в ухо старой леди:

— Мисс Рейчел!

— Что?! — взвизгнула старая леди.— Говори громче!

— Мисс Рейчел! — заревел жирный парень.

— Моя дочь?

В подтверждение своих слов парень несколько раз кивнул, и его жирные щеки затрепетали, как бланманже.

— И она это допустила! — воскликнула старая леди.

Жирный парень, ухмыляясь, прокричал:

— Я видел, как она сама его целовала.

Если бы мистер Джингль из своего укромного уголка увидел, с какой физиономией выслушала это сообщение старая леди, весьма возможно, что неудержимый взрыв хохота выдал бы его присутствие в непосредственной близости к беседке. Он внимательно слушал. До него долетели отрывки гневных фраз, вроде: «Без моего разрешения!», «В ее годы!», «Несчастная я старуха!», «Могла бы подождать моей смерти», а затем он услышал, как заскрипели по песку башмаки жирного парня, когда тот удалялся, оставив старую леди в одиночестве.

Быть может, такое совпадение покажется поразительным, но факт остается фактом: накануне вечером, через пять минут после прибытия в Менор Фарм,

мистер Джингль решил, не мешкая, повести осаду сердца незамужней тетушки. У него хватило наблюдательности заметить, что его развязные манеры отнюдь не были неприятны прекрасному объекту задуманной атаки, и он не без основания подозревал, что леди обладает качеством, наиболее желанным,— располагает маленьким независимым состоянием. Он мгновенно уловил настоятельную необходимость тем или иным способом вытеснить соперника и решил приступить безотлагательно к действиям, направленным для достижения этой цели. Фильдинг говорит, что мужчина — огонь, а женщина — пучок пеньки, и князь тьмы их соединяет. Мистер Джингль знал, что для незамужних теток молодые люди то же, что для пороха — зажженный газ, и решил, не теряя времени, произвести взрыв.

Обдумывая это важное решение, он выбрался из засады и под прикрытием вышеупомянутых кустов приблизился к дому. Казалось, фортуна намерена была покровительствовать его замыслу. Издали он увидел, что мистер Тапмен вместе с другими джентльменами вышел из сада через боковую калитку, а юные леди, как было ему известно, позавтракав, ушли из дому. Путь был свободен.

Дверь в гостиную была полуоткрыта. Он заглянул туда. Незамужняя тетушка занималась вязаньем. Он кашлянул; она подняла взор и улыбнулась. Нерешительность была несвойственна характеру мистера Альфреда Джингля. Он таинственно приложил палец к губам, вошел и закрыл дверь.

— Мисс Уордль,— с притворной серьезностью начал мистер Джингль,— простите вторжение — — краткое знакомство — — нет времени для церемоний — — все открыто.

— Сэр! — воскликнула незамужняя тетушка, изумленная этим неожиданным появлением и опасаясь, не сошел ли он с ума.

— Тише,— театральным шепотом произнес мистер Джингль,— здоровенный парень — — лицо, как булка,— — глаза круглые — — каналья!

Тут он выразительно покачал головой, а незамужняя тетушка затрепетала от волнения.

— Вы, кажется, намекаете на Джозефа, сэр? — спросила она, стараясь сохранить невозмутимый вид.

— Да, сударыня,— — черт бы побрал этого Джо! — — предатель, собака Джо! — — рассказал старой леди — — старая леди в бешенстве — — в диком — — в ярости — — вне себя — — беседка — — Тапмен — — поцелуи и объятия — — и всякое такое — — э, сударыня,— — э?

— Мистер Джингль,— сказала незамужняя тетушка,— если вы, сэр, явились сюда для того, чтобы меня оскорблять...

— Отнюдь — — нимало,— — нагло возразил мистер Джингль,— случайно подслушал — — пришел предупредить об опасности — — предложить услуги — — предотвратить скандал. Все равно — — считайте оскорблением — — ухожу.

И он повернулся, словно собираясь привести угрозу в исполнение.

— Что же мне делать? — заливаясь слезами, воскликнула бедная старая дева.— Брат придет в бешенство.

— Несомненно,— приостановившись, сказал мистер Джингль,— в неистовство...

— О мистер Джингль, что мне сказать? — воскликнула незамужняя тетушка, вторично отдавшись приступу отчаяния.

— Скажите, что это ему приснилось,— спокойно ответил мистер Джингль.

Луч утешения проник в душу незамужней тетушки, когда она услышала этот совет.

Мистер Джингль заметил это и воспользовался благоприятным моментом.

— Вздор! — — легче легкого — — шалопай мальчишка — — очаровательная женщина — — толстого мальчишку высекут — — вам поверят — — конец делу — — все уладилось.

Возможность ли избежать последствий неудобного разоблачения восхитила старую деву, или страдания потеряли свою остроту, когда ее назвали «очаровательной женщиной», этого мы не знаем. Она слегка покраснела и бросила благодарный взгляд на мистера Джингля.

Этот пронырливый джентльмен глубоко вздохнул, минуты две не спускал глаз с лица старой девы, мелодраматически вздрогнул и вдруг отвел взгляд.

— Вы, кажется, страдаете, мистер Джингль,— жалобным тоном сказала леди.— Позвольте мне, в благодарность за ваше великодушное вмешательство, осведомиться о причине этих страданий и попытаться их облегчить.

— Ха! — воскликнул мистер Джингль, снова вздрогнув.— Облегчить! — — Облегчить *мои* страдания, когда ваша любовь отдана человеку, который не ценит этого блаженства — — который даже сейчас строит свои планы... воспользовался чувствами племянницы того создания, которое... но нет — — он мой друг — — не буду разоблачать его пороки.— — Мисс Уордль,— — прощайте!

Закончив эту речь, самую связную из когда-либо им произнесенных, мистер Джингль приложил к глазам остатки носового платка, о котором мы уже упоминали, и повернулся к двери.

— Останьтесь, мистер Джингль! — энергически потребовала незамужняя тетушка.— Вы намекнули на мистера Тапмена, объяснитесь!

— Никогда! — воскликнул мистер Джингль профессиональным (то есть театральным) тоном.— Никогда!

И, как бы в доказательство того, что он не желает подвергаться допросу, мистер Джингль придвинул стул вплотную к стулу незамужней тетушки и уселся.

— Мистер Джингль! — сказала тетушка.— Я вас умоляю, заклинаю, если есть какая-то страшная тайна, имеющая отношение к мистеру Тапмену, откройте ее.

— Могу ли я,— начал мистер Джингль, устремив взгляд на тетушку,— могу ли я видеть — — прелестное создание приносится в жертву — — чудовищной жадности!

В течение нескольких секунд он, казалось, боролся с противоречивыми чувствами, а затем глухо произнес:

— Тапмен добивается только ваших денег.

— Негодяй! — энергически воскликнула старая дева.

(Сомнения мистера Джингля рассеялись: деньги у нее *были.*)

— Мало того,— продолжал Джингль,— он любит другую.

— Другую! — возопила старая дева.— Кого?

— Маленького роста — — черные глазки — — вашу племянницу Эмили.

Наступило молчание.

Если существовала на свете особа, которая могла вызвать у незамужней тетушки чувство ревности смертельной и неискоренимой, то такой особой была эта самая племянница. Румянец залил лицо и шею тетушки, молча и с невыразимым презрением она тряхнула головой. Потом, закусив тонкие губы и задрав нос, сказала:

— Этого быть не может. Не верю.

— Наблюдайте за ними,— предложил Джингль.

— Буду наблюдать,— ответила тетушка.

— Следите за его взглядами.

— Буду следить.

— За его нашептыванием.

— Буду.

— За обедом он сядет рядом с ней.

— Пусть.

— Будет говорить ей комплименты.

— Пусть.

— Будет за ней ухаживать.

— Пусть.

— И бросит вас.

— Бросит *меня*! — взвизгнула незамужняя тетушка.— *Он* бросит *меня!* — И она затряслась от злости и разочарования.

— И тогда вы убедитесь? — спросил Джингль.

— Да.

— И будете стойки?

— Да.

— И после этого не примиритесь с ним?

— Никогда.

— Изберете кого-нибудь другого?

— Да.

— Изберете?

Мистер Джингль упал на колени и в этой позе оставался в течение пяти минут; встал он признанным возлюбленным незамужней тетушки — при условии, что вероломство мистера Тапмена будет обнаружено и доказано.

На мистере Альфреде Джингле лежало бремя доказательств, и он собрал улики в тот же день за обедом. Незамужняя тетушка едва могла поверить своим глазам: мистер Треси Тапмен уселся рядом с Эмили, делал ей глазки, нашептывал и улыбался, соперничая с мистером Снодграссом. Ни словом, ни взглядом, ни кивком не подарил он ту, которая накануне вечером была владычицей его сердца.

«Черт бы побрал этого парня! — думал старый мистер Уордль, который узнал обо всем от матери.— Черт бы побрал этого парня! Ну, конечно, он спал. Все это одна фантазия».

«Предатель! — думала незамужняя тетушка.— Милый мистер Джингль меня не обманывал. Ух, как я ненавижу этого злодея!»

Нижеследующий разговор объяснит нашим читателям эту, казалось бы, непостижимую перемену в поведении мистера Треси Тапмена.

Время — вечер; место действия — сад. По боковой дорожке прогуливались двое: один — невысокий и толстый, другой — рослый и тощий. Это были мистер Тапмен и мистер Джингль. Разговор начал толстый.

— Как я держал себя? — осведомился он.

— Блистательно — — замечательно — — мне самому лучше не сыграть — — завтра вы должны повторить ту же роль — — каждый вечер, впредь до нового распоряжения.

— Рейчел все еще на этом настаивает?

— Конечно — — ей это неприятно — — ничего не поделаешь — — нужно рассеять подозрения — — боится брата — — говорит, другого выхода нет — — еще несколько дней — — старики успокоятся — — подарит вам блаженство.

— Она ничего не просила мне передать?

— Любовь — — горячую любовь — — нежнейшие приветы — — и самую неизменную привязанность. Может быть, я от вас могу что-нибудь передать?

— Дорогой друг,— ответил ничего не ведавший мистер Тапмен, с жаром пожимая руку «другу»,— передайте пламенную мою любовь, объясните, как трудно мне притворяться, передайте наилучшие пожелания. Но не

забудьте добавить, что я понимаю необходимость последовать совету, который она сегодня утром передала мне через вас. Скажите, что я преклоняюсь перед ее благоразумием и восхищаюсь ее осторожностью.

— Передам. Еще что-нибудь?

— Больше ничего. Добавьте только, что я страстно жду того мгновения, когда назову ее своей и когда исчезнет необходимость притворяться.

— Конечно, конечно. Еще что?

— О друг мой! — воскликнул бедный мистер Тапмен, снова пожимая руку приятелю.— Примите искреннейшую мою благодарность за вашу бескорыстную доброту и простите меня, если я когда-нибудь хотя бы мысленно оскорбил вас подозрением, будто вы можете стать мне поперек дороги. Дорогой мой друг, удастся ли мне когда-нибудь вас отблагодарить?

— Не стоит об этом говорить,— отозвался мистер Джингль. Но вдруг запнулся, словно о чем-то вспомнил, и добавил: — Кстати — — не можете ли одолжить мне десять фунтов, а? — — исключительный случай, верну через три дня.

— Думаю, что могу,— с готовностью ответил мистер Тапмен.— На три дня, говорите вы?

— Только на три дня — — тогда все уладится — — никаких затруднений.

Мистер Тапмен отсчитал приятелю деньги, а тот опустил их монета за монетою в карман, после чего оба направились к дому.

— Будьте осторожны,— сказал мистер Джингль.— Ни единого взгляда.

— Ни единого знака,— сказал мистер Тапмен.

— Ни слова.

— Ни звука.

— Все ваше внимание племяннице — — с теткой скорее грубоваты — — единственный способ обмануть стариков.

— Постараюсь,— вслух сказал мистер Тапмен.

«Я тоже постараюсь»,— мысленно сказал мистер Джингль, и оба вошли в дом.

Сцена, разыгранная за обедом, повторилась и вечером, а также в течение следующих трех дней и вече-

ров. На четвертый день хозяин был в прекрасном расположении духа, ибо убедился в том, что обвинение против мистера Тапмена ни на чем не основано. Доволен был мистер Тапмен, ибо мистер Джингль сообщил ему, что решительный момент приближается. Доволен был мистер Пиквик, ибо он редко бывал чем-нибудь недоволен. Недоволен был мистер Снодграсс, ибо он начал ревновать к мистеру Тапмену. Довольна была старая леди, ибо она выигрывала в вист. Довольны были мистер Джингль и мисс Уордль — в силу оснований, достаточно важных в столь чреватой событиями истории, чтобы о них рассказать в особой главе.

ГЛАВА IX

Открытие и погоня

Ужин был подан, стулья придвинуты к столу, бутылки, кувшины и стаканы расставлены на буфете, и все предвещало приближение самого веселого часа в течение всего дня.

— Где же Рейчел? — спросил мистер Уордль.

— И Джингль? — добавил мистер Пиквик.

— Верно! — воскликнул хозяин.— Странно, что я до сих пор не заметил его отсутствия. Право, я вот уже по крайней мере два часа как не слышу его голоса. Эмили, милая, позвони.

На звонок явился жирный парень.

— Где мисс Рейчел?

На это он не мог ответить.

— Ну, а где мистер Джингль?

Этого он не знал.

Все с недоумением посмотрели друг на друга. Было поздно — двенадцатый час. Мистер Тапмен посмеивался в рукав. Они где-нибудь задержались, беседуя о *нем!* Ха! Чудесная выдумка — забавно!

— Не беда,— помолчав, сказал мистер Уордль,— конечно, они сейчас придут. Я никогда и ни для кого не откладываю ужина.

— Прекрасное правило,— заметил мистер Пиквик,— превосходное.

— Пожалуйста, садитесь,— сказал хозяин.

— Благодарю вас,— ответил мистер Пиквик; и они уселись.

На столе красовался гигантский кусок холодного ростбифа, и мистер Пиквик получил солидную порцию. Он поднес вилку к губам и только раскрыл рот, чтобы отправить туда кусок мяса, как из кухни долетел многоголосый гул. Мистер Пиквик замер и положил вилку. Мистер Уордль тоже замер и машинально разжал руку, сжимавшую нож, который так и остался вонзенным в ростбиф. Он посмотрел на мистера Пиквика. Мистер Пиквик посмотрел на него.

В коридоре послышались тяжелые шаги; дверь распахнулась, и в комнату ворвался слуга, который в день прибытия мистера Пиквика чистил ему сапоги, а вслед за ним ввалились жирный парень и остальные слуги.

— Черт побери, что это значит? — воскликнул хозяин.

— Эмма, уж не показался ли огонь в кухонном дымоходе? — осведомилась старая леди.

— Ах, нет, бабушка! — крикнули обе юные леди.

— Что случилось? — заревел хозяин дома.

Слуга перевел дух и робко проговорил:

— Они уехали, хозяин... так-таки и уехали, сэр.

(Было замечено, что в этот момент мистер Тапмен положил нож и вилку и очень побледнел.)

— Кто уехал? — сердито спросил мистер Уордль.

— Мистер Джингль и мисс Рейчел, в дорожной карете из «Синего Льва» в Магльтоне. Я был там, но не мог их задержать. Вот я и прибежал рассказать вам.

— Я дал ему денег на дорогу! — закричал мистер Тапмен, вскакивая, как сумасшедший.— Он у меня выманил десять фунтов!.. Задержите его!.. Он меня одурачил! Я этого не допущу! Я с ним расплачусь, Пиквик! Я этого не потерплю!

Испуская такого рода бессвязные восклицания, злополучный джентльмен в припадке бешенства кружился по комнате.

— Да сохранит нас бог! — воскликнул мистер Пиквик, с ужасом и изумлением наблюдая необычайные движения своего друга.— Он помешался! Что нам делать?

— Что делать? — подхватил дородный хозяин, который расслышал только последние слова.— Запрягайте лошадь в двуколку! Я возьму карету в «Синем Льве» и помчусь прямо за ними. Где этот злодей Джо? — воскликнул он, когда слуга побежал исполнять приказание.

— Здесь, но я не злодей,— раздался голос.

Это был голос жирного парня.

— Дайте мне расправиться с ним, Пиквик! — закричал мистер Уордль, бросаясь на злополучного юношу.— Его подкупил этот мошенник Джингль, чтобы навести меня на ложный след дурацкими небылицами о моей сестре и вашем друге Тапмене. (Тут мистер Тапмен упал на стул.) Дайте мне расправиться с ним!

— Не пускайте его! — завизжали все женщины, но их возгласы не заглушали всхлипываний жирного парня.

— Не смейте меня удерживать! — кричал старик.— Уберите ваши руки, мистер Уинкль! Мистер Пиквик, пустите меня, сэр!

В этом хаосе и суматохе великолепное зрелище являла философски благодушная физиономия мистера Пиквика, хотя и покрасневшая слегка от напряжения, когда он стоял, крепко обхватив руками обширную талию дородного хозяина, сдерживая таким образом бурное проявление его страстей, в то время как жирного парня, царапая и теребя, выталкивали из комнаты толпившиеся там женщины. Мистер Пиквик не разжимал рук, пока не вошел слуга, доложивший, что двуколка подана.

— Не отпускайте его одного! — завизжали женщины.— Он кого-нибудь убьет!

— Я еду с ним,— заявил мистер Пиквик.

— Вы — славный человек, Пиквик! — воскликнул хозяин, пожимая ему руку.— Эмма, дайте мистеру Пиквику какой-нибудь шарф на шею. Пошевеливайтесь! Позаботьтесь о бабушке, дочки, ей дурно. Ну, что, готовы?

Рот и подбородок мистера Пиквика были поспешно обмотаны шарфом, шляпа надета на голову, пальто переброшено через руку, и мистер Пиквик дал утвердительный ответ.

Они вскочили в двуколку.

— Гони вовсю, Том! — крикнул хозяин, и они помчались по узким проселкам, подпрыгивая на выбоинах, задевая за живые изгороди, тянувшиеся с обеих сторон, и рискуя в любой момент разбиться.

— На сколько они нас опередили? — крикнул Уордль, когда они подъехали к воротам «Синего Льва», где, несмотря на позднее время, собралась небольшая толпа.

— Не больше чем на три четверти часа,— отвечали все.

— Карету и четверку! Живо! Двуколку доставите после!

— Ну, ребята! — закричал хозяин гостиницы.— Карету и четверку! Поторапливайтесь! Не зевать!

Конюхи и форейторы пустились бегом. Мелькали фонари, метались люди; копыта лошадей цокали по плохо вымощенному двору; с грохотом выкатилась карета из сарая; шум, суета.

— Подадут когда-нибудь карету? — кричал Уордль.

— Она уже на дворе, сэр,— ответил конюх.

Карету подали, лошадей впрягли, форейторы вскочили на них, путники мигом влезли в карету.

— Помните, перегон в семь миль — полчаса! — кричал Уордль.

— В путь!

Форейторы пустили в ход хлыст и шпоры, лакеи кричали, конюхи подбадривали, и лошади бешено помчались.

«Недурное положение,— подумал мистер Пиквик, улучив минутку для размышлений.— Недурное положение для президента Пиквикского клуба. Сырая карета... бешеные лошади... пятнадцать миль в час... и вдобавок в полночь».

На протяжении первых трех-четырех миль оба джентльмена не произнесли ни слова, ибо каждый был слишком поглощен своими думами, чтобы обращаться с какими-либо замечаниями к спутнику. Но когда они проехали это расстояние и лошади, разгорячившись, взялись за дело не на шутку, мистер Пиквик, возбужденный быстрой ездой, не мог долее хранить мертвое молчание.

— Мне кажется, мы непременно их настигнем,— сказал он.

— Надеюсь,— ответил его спутник.

— Славная ночь,— продолжал мистер Пиквик, глядя на ярко сиявшую луну.

— Тем хуже,— возразил Уордль,— потому что при лунном свете им легче удрать от нас, а нам луна недолго будет светить. Она закатится через час.

— Пожалуй, не очень-то будет приятно мчаться во весь опор в темноте? — осведомился мистер Пиквик.

— Несомненно,— сухо ответил его друг.

Возбуждение, охватившее мистера Пиквика, начало понемногу спадать, когда он подумал о неудобствах и опасностях экспедиции, в которую столь легкомысленно пустился. Он очнулся от громких криков переднего форейтора.

— Йо-ой-йо-йо-йо! — кричал первый форейтор.

— Йо-йо-йо-йо-йо! — кричал второй.

— Йо-йо-йо-йо-йо! — бодро подхватил сам старик Уордль, высунув из окна кареты голову и часть туловища.

— Йо-йо-йо-йо-йо! — присоединился к хору и мистер Пиквик, хотя понятия не имел, какой в этом смысл. И под эти «йо-йо» всех четверых карета остановилась.

— В чем дело? — осведомился мистер Пиквик.

— Застава,— ответил Уордль.— Мы наведем справки о беглецах.

Минут через пять, потраченных на непрерывный стук и оклики, из сторожки вышел старик в рубахе и штанах и поднял шлагбаум.

— Давно ли проехала здесь дорожная карета? — осведомился мистер Уордль.

— Давно ли?

— Да.

— Вот уж этого я хорошенько не знаю. Не так, чтобы очень давно, но нельзя сказать, что недавно, этак, пожалуй, середка на половину.

— Может быть, здесь и вовсе не проезжало никаких карет?

— Да нет, проехала одна.

— А давно, друг мой? — вмешался мистер Пиквик.— Час назад?

— Да, пожалуй, что так.

— Или два часа? — спросил форейтор, сидевший на задней лошади.

— А кто его знает, может и два.

— Вперед, ребята, погоняйте! — крикнул вспыльчивый пожилой джентльмен.— Нечего нам тратить здесь время на этого старого идиота!

— Идиот! — ухмыляясь, воскликнул старик, стоя посреди дороги перед полуопущенным шлагбаумом и провожая взглядом быстро уносившуюся карету.— Э, нет, не такой уж я идиот! Вы тут десять минут потеряли и ничего путного не узнали. Если все сторожа, получив по гинее, постараются ее отработать не хуже, чем я,— не догнать вам, старый пузан, этой кареты до Михайлова дня!

И, еще раз ухмыльнувшись, старик закрыл ворота, вошел в дом и запер за собой дверь на засов.

Тем временем карета, не уменьшая скорости, летела к концу перегона. Луна, как и предсказывал мистер Уордль, скоро зашла, тяжелые, темные гряды облаков, постепенно затягивая небо, слились над головой в сплошную темную массу, и крупные дождевые капли, барабанившие в окна кареты, казалось, возвещали путникам приближение ненастной ночи. Ветер, дувший им прямо в лицо, яростно проносился вдоль узкой дороги и уныло завывал, раскачивая окаймлявшие ее деревья. Мистер Пиквик запахнул пальто, примостился поудобнее в углу кареты и заснул крепким сном, от которого очнулся, когда экипаж остановился, зазвенел колокольчик конюха и раздался громкий крик:

— Лошадей, живо!

Но здесь снова произошла задержка. Форейторы спали таким подозрительно крепким сном, что понадобилось пять минут на каждого, чтобы разбудить их. Конюх затерял ключ от конюшни, а когда его, наконец, нашли, два заспанных помощника перепутали упряжь, и пришлось заново перепрягать лошадей. Будь мистер Пиквик здесь один, эти многочисленные препятствия заставили бы его немедленно прекратить погоню, но не

так-то легко было устрашить старого Уордля; он с такой энергией взялся за дело, одного угощая толчком, другого — пинком, тут застегивая пряжку, там подтягивая цепь, что карета была готова значительно раньше, чем можно было надеяться при наличии стольких затруднений.

Они продолжали путь, и, разумеется, перспективы были отнюдь не утешительны. До станции оставалось пятнадцать миль, ночь была темная, ветер — сильный, и дождь лил потоками. Невозможно было с достаточной быстротой подвигаться вперед, одолевая столько препятствий. Был уже час ночи. Чтобы добраться до станции, понадобилось почти два часа. Но здесь выяснилось одно обстоятельство, которое вновь пробудило надежду и воскресило бодрость.

— Когда приехала эта карета? — закричал старик Уордль, выскакивая из своего экипажа и указывая на облепленную жидкой грязью карету, стоявшую во дворе.

— Четверти часа еще не прошло, сэр,— ответил конюх, которому был задан этот вопрос.

— Леди и джентльмен? — задыхаясь от нетерпения, спросил мистер Уордль.

— Да, сэр.

— Высокий джентльмен во фраке, длинноногий, худой?

— Да, сэр.

— Пожилая леди, худое лицо, костлявая, да?

— Да, сэр.

— Ей-богу, это наша парочка, Пиквик! — воскликнул пожилой джентльмен.

— Они бы раньше здесь были,— сообщил конюх,— да у них постромки порвались.

— Они! — заявил Уордль.— Клянусь Юпитером, они! Живо карету и четверку! Мы их догоним еще до следующей станции. Ребята, каждому по гинее! Живей! Пошевеливайтесь, молодцы!

Выкрикивая такие увещания, пожилой джентльмен метался по двору, суетился и пребывал в таком возбуждении, что оно передалось и мистеру Пиквику; и, заразившись им, сей джентльмен бросился помочь запрягавшим в сложных манипуляциях со сбруей и запутался

между лошадьми и колесами экипажа, твердо веря, что этим он может существенно ускорить приготовления к дальнейшему путешествию.

— Влезайте, влезайте! — кричал старик Уордль, забираясь в карету, поднимая подножку и захлопывая за собой дверцу.— Торопитесь! Скорее!

И не успел мистер Пиквик сообразить, в чем дело, как почувствовал, что рывок пожилого джентльмена с одной стороны и толчок конюха — с другой вбросили его в карету с противоположной стороны, и они снова помчались.

— Ну, уж теперь-то мы не стоим на одном месте! — возликовал пожилой джентльмен.

Они и в самом деле не стояли на одном месте, о чем мог засвидетельствовать мистер Пиквик, ежеминутно наталкивавшийся то на твердую стенку кареты, то на своего соседа.

— Держитесь! — посоветовал дородный старик, когда мистер Пиквик, нырнув, уткнулся головой в его широкую грудь.

— Никогда еще не испытывал я такой встряски,— сообщил мистер Пиквик.

— Не беда,— отозвался его спутник,— скоро это кончится. Держитесь крепче.

Мистер Пиквик постарался устроиться поплотнее в своем углу; карета неслась еще быстрее.

Они проехали таким образом около трех миль, как вдруг мистер Уордль, через каждые две-три минуты высовывавшийся из окна, повернул к мистеру Пиквику забрызганное грязью лицо и, задыхаясь от волнения, воскликнул:

— Вот они!

Мистер Пиквик высунул голову из своего окна. Да, впереди на небольшом расстоянии от них мчалась галопом четверка лошадей, запряженных в карету!

— Вперед, вперед! — завопил пожилой джентльмен.— Каждому по две гинеи, ребята! Не упустить их! Догоняйте, догоняйте!

Лошади первой кареты пустились во весь опор, а лошади мистера Уордля мчались за ними бешеным галопом.

Phiz fec.

— Я вижу его голову! — рассвирепев, воскликнул старик.— Черт меня возьми, я вижу его голову!

— И я вижу,— подтвердил мистер Пиквик,— это он!

Мистер Пиквик не ошибся. В окне кареты ясно видна была физиономия мистера Джингля, сплошь покрытая летевшей с колес грязью; а рука его, которой он неистово размахивал, обращаясь к форейторам, призывала их напрячь все силы.

Возбуждение дошло до предела. Поля, деревья, изгороди проносились мимо, словно подхваченные вихрем,— с такою быстротой летели лошади. Они почти поровнялись с первой каретой. Даже стук колес не мог заглушить голос Джингля, понукавшего форейторов. Старый мистер Уордль бесился от ярости и нетерпения. Он десятки раз выкрикивал «мошенник» и «негодяй», сжимал кулаки и выразительно грозил ими объекту своего негодования, но мистер Джингль отвечал только презрительной улыбкой, а на угрозы отозвался ликующим возгласом, когда его лошади, в ответ на усиленное вмешательство хлыста и шпор, развили еще бо́льшую скорость и опередили преследователей.

Мистер Пиквик только что втянул голову в карету, а мистер Уордль, устав кричать, последовал его примеру, как вдруг страшный толчок швырнул обоих к передней стенке экипажа. Сотрясение... громкий треск... Колесо отлетело, и карета опрокинулась.

После нескольких секунд смятения и растерянности, когда лошади рвались вперед, сыпались стекла и больше ничего нельзя было разобрать, мистер Пиквик почувствовал, что его энергически вытаскивают из разбитой кареты; и как только он встал на ноги и сбросил с головы завернувшиеся полы пальто, которые препятствовали пользоваться очками, ему открылись во всей полноте размеры постигшего их несчастья.

Старый мистер Уордль без шляпы, в изорванном костюме стоял около него, а у их ног валялись обломки кареты. Форейторы успели перерезать постромки и стояли теперь возле своих лошадей, облепленные грязью и взлохмаченные от бешеной езды. Впереди, ярдах в ста, виднелась другая карета — она остановилась, когда раздался треск. Форейторы, ухмыляясь во весь рот, взирали

на противников со своих седел, а мистер Джингль с явным удовольствием созерцал картину крушения из окна кареты. Загорался день, и в серых лучах рассвета можно было разглядеть все подробности.

— Эй, вы! — крикнул бесстыжий Джингль.— Никто не пострадал? — — пожилые джентльмены — — немалый вес — — опасное предприятие — — весьма!

— Негодяй! — заревел Уордль.

— Ха-ха! — ответил Джингль; затем, многозначительно подмигивая и указывая большим пальцем внутрь кареты, добавил: — Послушайте — — она прекрасно себя чувствует — — шлет поклон — — просит, чтобы вы себя не утруждали — — поцелуйте Таппи — — не хотите ли влезть на запятки? — — Вперед, ребята!

Форейторы выпрямились в седлах, и карета загрохотала; мистер Джингль, высунувшись из окна, насмешливо махал белым носовым платочком.

Приключение не могло смутить спокойный и уравновешенный дух мистера Пиквика — даже опрокинувшаяся карета. Однако подлость человека, который сначала взял деньги у верного его ученика, а затем позволил себе сократить его фамилию в «Таппи», переполнила чашу терпения. Он с трудом перевел дыхание, покраснел до самых очков и проговорил медленно и выразительно:

— Если я еще когда-нибудь встречу этого человека, я...

— Да, да, все это прекрасно,— перебил Уордль,— но, пока мы тут стоим да разговариваем, они получат лицензию * и заключат брачный союз в Лондоне.

Мистер Пиквик умолк, а жажду мести спрятал в бутылку и закупорил ее.

— Далеко ли до станции? — обратился мистер Уордль к одному из форейторов.

— Шесть миль. Верно, Том?

— Малость побольше.

— Малость побольше шести миль, сэр.

— Ничего не поделаешь, Пиквик,— сказал Уордль,— придется идти пешком.

— Ничего не поделаешь! — отозвался сей великий муж.

Отправив вперед одного из форейторов верхом на лошади, чтобы вытребовать новый экипаж и лошадей, и оставив разбитую карету на попечение второго форейтора, мистер Пиквик и мистер Уордль мужественно продолжали путь пешком, обмотав предварительно шарф вокруг шеи и надвинув шляпу на глаза, чтобы защититься насколько возможно от проливного дождя, который хлынул снова после небольшого перерыва.

ГЛАВА X,

разрешающая все сомнения (если таковые имели место) касательно бескорыстия мистера Джингля

Есть в Лондоне немало старых гостиниц — они служили приютом для прославленных карет в те дни, когда кареты совершали свои путешествия более торжественно и более степенно, чем в наше время; теперь эти гостиницы пришли в упадок и служат лишь для остановок и погрузки прибывающих из провинции возов. Читатель тщетно искал бы один из этих старинных заезжих дворов среди «Золотых Крестов», «Быков и Пастей», которые вздымают свои величественные фасады на парадных улицах Лондона. Чтобы натолкнуться на какое-нибудь из этих древних пристанищ, он должен направить свои стопы в более уединенные кварталы города, и там, в каких-нибудь глухих закоулках, найдет он несколько домов, которые продолжают стоять с мрачным упорством, окруженные современными постройками.

В Боро * еще уцелело с полдюжины старых гостиниц, которые сохранили внешние свои черты неизменными и спаслись от муниципальной мании благоустройства и спекулятивной горячки. Огромные, несуразные, странные эти здания, с галереями, коридорами и лестницами, достаточно широкими и ветхими, чтобы доставить материал для сотни рассказов о привидениях,— в случае, если мы будем доведены до прискорбной необходимости измышлять таковые, а мир просуществует достаточно долгий

срок, дабы исчерпать бесчисленные правдивые легенды, связанные со старым Лондонским мостом и ближайшими его окрестностями на Сарийской стороне.

Ранним утром, наступившим вслед за событиями, изложенными в последней главе, во дворе одной из этих славных гостиниц — а именно во дворе знаменитой гостиницы «Белый Олень» — какой-то человек усердно занимался чисткой сапог. На нем был полосатый жилет с синими стеклянными пуговицами и черные коленкоровые нарукавники, серые штаны и гамаши. Ярко-красный платок, завязанный небрежно и неискусно, обвивал его шею, а старая белая шляпа была беззаботно сдвинута набекрень. Перед ним выстроились два ряда сапог, один ряд чистый, другой грязный, и, пополняя первый ряд, он каждый раз отрывался от работы и с явным удовольствием созерцал достигнутые результаты.

Во дворе не было и следов той суеты и оживления, какие всегда характерны для гостиницы с большим каретным двором. Три-четыре подводы, нагруженные товарами чуть ли не до второго этажа дома, помещались под высоким навесом, занимавшим один конец двора; да еще одна подвода, которой предстояло, должно быть, отправиться в это же утро, стояла на открытом месте. С двух сторон двора шли вдоль комнат для приезжих два яруса галереи с неуклюжими старыми перилами, и два ряда колокольчиков, защищенных от непогоды маленькой покатой крышей, болтались над дверью, ведущей в буфетную и столовую. Несколько двуколок и дорожных карет были загнаны в маленькие сараи и под навесы; а тяжелый топот ломовой лошади и звяканье цепи, время от времени доносившиеся из дальнего конца двора, возвещали каждому интересующемуся этим вопросом, что именно в той стороне находится конюшня. Если мы добавим, что несколько парней в рабочих блузах спали на громоздких тюках, мешках с шерстью и тому подобных предметах, валявшихся на кучах соломы, мы с достаточной полнотой изобразим общий вид двора гостиницы «Белый Олень» на Хай-стрит в Боро в то утро, о котором идет речь.

Громкий звон колокольчика вызвал на верхнюю галерею кокетливую горничную, которая, постучав в дверь

одной из комнат и получив оттуда какое-то приказание, крикнула, наклонившись через перила:

— Сэм!

— Что? — отозвался человек в белой шляпе.

— Номеру двадцать второму нужны сапоги.

— Спросите номер двадцать второй, хочет он получить их сейчас или подождет,— последовал ответ.

— Ну, не дурите, Сэм,— заискивающе сказала девушка.— Сапоги нужны джентльмену сию же минуту.

— Ладно, я знаю, вы умеете сладко петь,— сказал чистильщик сапог.— Поглядите-ка на эти-вот сапоги: одиннадцать пар сапог да один башмак из номера шестого, с деревянной ногой. Одиннадцать пар должны быть готовы к половине девятого, башмак к девяти. Кто такой номер двадцать второй, чтобы все ему уступали? Э, нет, в порядке очереди, как говорил Джек Кеч *, вздергивая людей на виселицу: простите, что заставляю вас ждать, сэр, но сейчас я вами займусь.

С этими словами человек в белой шляпе с удвоенным рвением принялся чистить сапог.

Раздался другой громкий звонок — и на противоположной галерее появилась выбежавшая впопыхах старая хозяйка «Белого Оленя».

— Сэм! — крикнула она.— Где этот лодырь, этот лентяй?.. Ах, вот вы где, Сэм! Почему же вы не отвечаете?

— Было бы невежливо отвечать, пока вы не замолчали,— проворчал Сэм.

— Сейчас же вычистите эти башмаки для номера семнадцатого и отнесите их в отдельную гостиную, номер пятый, второй этаж.

Хозяйка швырнула на двор пару дамских башмаков и улетучилась.

— Номер пятый,— сказал Сэм, подбирая башмаки, и, достав из кармана кусок мела, сделал отметку на подошве.— Дамские башмаки и отдельная гостиная! Ну, уж она-то, верно, не на подводе прикатила.

— Она приехала сегодня спозаранку! — крикнула девушка, которая еще стояла, перегнувшись через перила галереи.— Приехала с джентльменом в наемной карете,

вот ему-то и нужны сапоги, вычистите их поскорей, и конец делу.

— Что же вы раньше-то не сказали! — с превеликим негодованием воскликнул Сэм, выуживая вышеупомянутые сапоги из находившейся перед ним кучи.— Я думал, ему регулярная цена три пенса. Отдельная гостиная! И вдобавок леди! Если он хоть сколько-нибудь похож на джентльмена, это ему обойдется шиллинг в день, не считая отдельных поручений.

Подхлестываемый утешительными соображениями, мистер Сэмюел столь рьяно работал щеткой, что через несколько минут и сапоги и башмаки, покрытые глянцем, который преисполнил бы завистью душу любезного мистера Уоррена (ибо в «Белом Олене» употребляли ваксу Дэя и Мартина *), появились у двери номера пятого.

— Войдите! — раздался мужской голос в ответ на стук Сэма.

Сэм отвесил изысканнейший поклон и очутился в присутствии леди и джентльмена, сидевших за завтраком. Услужливо расставив сапоги джентльмена справа и слева от него, а башмаки справа и слева от леди, он попятился к двери.

— Коридорный! — сказал джентльмен.

— Сэр? — отозвался Сэм, закрывая дверь и придерживая рукой дверную ручку.

— Не знаете ли вы — — как это называется? — — Докторс-Коммонс? *

— Да, сэр.

— Где это находится?

— Улица собора св. Павла, сэр. Вход под низкой аркой, на одном углу книжная лавка, на другом — гостиница, а посередке — два привратника, зазывалы.

— Зазывалы! — удивился джентльмен.

— Да, зазывалы,— ответил Сэм.— Два молодца в белых фартуках, хватаются за шляпы, когда вы входите: «За лицензиями, сэр, за лицензиями?» Чудные ребята, сэр, да и хозяева их тоже — прокторы * прямо для Олд-Бейли... * без промаха!

— Что они там делают? — осведомился джентльмен.

— Делают? Вас, сэр, обделают! А бывает и похуже. Такое вбивают в головы старым джентльменам, что тем

и не снилось. Мой отец — кучер. Овдовел, а тучный — с какой стороны ни подойти,— до чего тучный! Умерла его хозяйка и оставила ему четыреста фунтов. Вот он и пошел в Коммонс посоветоваться с законником и выправить капитал, расфрантился — сапоги с отворотами, букет в петлице, широкополая шляпа, зеленый шарф,— совсем джентльмен. Проходит под аркой и думает, куда бы ему поместить денежки. Тут подскакивает зазывала, хватается за шляпу: «Лицензия, сэр, лицензия?» — «Что это такое?» — спрашивает отец. «Лицензия, сэр»,— отвечает тот. «Какая такая лицензия?» — «На вступление в брак»,— объясняет зазывала. «Да я, черт побери,— говорит отец,— и не думал об этом».— «А я думаю, что вам нужна лицензия, сэр»,— говорит зазывала. Отец остановился и призадумался. «Нет, говорит, черт подери, слишком я стар, да и размеры у меня неподходящие».— «Ничуть не бывало, сэр»,— говорит зазывала. «Думаете, подходящие?» — спрашивает отец. «Ясное дело, сэр,— отвечает тот,— в понедельник мы женили джентльмена вдвое против вас объемистей».— «Да ну?» — говорит отец. «Будьте уверены, женили,— говорит тот,— вы перед ним младенец... Сюда, сэр, сюда». Ну, мой отец и пошел за ним, как ручная обезьяна за шарманкой, и входит в какую-то комнатку окнами во двор, кругом куча грязных бумаг и жестянок, сидит какой-то крючок и делает вид, будто занят. «Прошу присесть, сэр,— говорит юрист,— пока я показания с вас сниму».— «Благодарю вас, сэр»,— говорит отец, садится, разинул рот и таращит глаза на имена, выписанные на ящиках. «Ваше имя, сэр?» — спрашивает юрист. «Тони Уэллер»,— отвечает отец. «Какого прихода?» * — спрашивает юрист. «Прекрасная Дикарка»,— отвечает отец, потому что он всегда останавливался там с лошадьми, а в приходах он и в самом деле ничего не разумел. «А как зовут леди?» — спрашивает юрист. Тут отца огорошило: «Черт побери, откуда же я знаю!» — говорит он. «Не знаете!» — говорит юрист. «Не больше вас,— отвечает отец.— А не могу я вставить это потом?» — «Никак нельзя!» — говорит юрист. «Ну, ничего не поделаешь,— подумав минутку, говорит отец.— Пишите, мистер, Кларк».— «Какая Кларк?» — спрашивает юрист, обмакнув перо в чернила. «Сьюзен Кларк,

«Маркиз Гренби», Доркинг,— говорит отец,— она пойдет за меня наверняка, если я попрошу. Я ни слова ей не говорил, а знаю, что пойдет». Выправили лицензию, а она и в самом деле пошла за него, а что еще хуже, и теперь его обхаживает; а мне из четырехсот фунтов так ничего и не досталось, такое невезение. Прошу прощения, сэр,— добавил Сэм, окончив рассказ,— но стоит мне натолкнуться на эту-вот обиду, и я покатился, как новая тачка со смазанным колесом.

Сэм подождал секунду, чтобы узнать, не нуждаются ли в его услугах, и вышел из комнаты.

— Половина десятого — — пора идти — — сразу — — в путь,— сказал джентльмен.

Едва ли есть надобность говорить читателю, что это был мистер Джингль.

— Пора? Куда идти? — кокетливо спросила незамужняя тетушка.

— Идти за лицензией, прелестнейший ангел,— — предупредить в церкви — — назвать вас завтра своей,— ответил мистер Джингль, пожимая руку тетушке.

— Лицензия! — краснея, сказала Рейчел.

— Лицензия! — повторил мистер Джингль.—

Вмиг за лицензией помчусь,
Вмиг, тили-бом, я возвращусь!

— Как вы стремительны! — сказала Рейчел.

— Моя стремительность — — ничто — — а вот часы, дни, недели, месяцы, годы — — когда мы соединимся — — они полетят — — стрелой — — помчатся — — как паровоз — — тысяча лошадиных сил — — никакого сравнения.

— Нельзя ли... нельзя ли нам обвенчаться до завтрашнего дня? — осведомилась Рейчел.

— Невозможно — — немыслимо — — предупредить в церкви — — добыть лицензию сегодня — — обряд совершается завтра.

— Я смертельно боюсь, как бы брат не нашел нас! — сказала Рейчел.

— Найти — — вздор — — совершенно сбит крушением — — кроме того — — тысяча предосторожностей — —

дорожная карета брошена — — пешком — — наняли городскую — — доставлены в Боро — — последнее место, куда заглянет — — ха-ха! — — блестящая идея!

— Не уходите надолго,— нежно сказала старая дева, когда мистер Джингль напялил на себя свою измятую шляпу.

— Уйти надолго от вас, жестокая чародейка! — И мистер Джингль игриво подскочил к незамужней тетушке, запечатлел на ее устах целомудренный поцелуй и, приплясывая, вышел из комнаты.

— Какой милый! — сказала старая дева, когда закрылась за ним дверь.

— Смешная старуха,— сказал мистер Джингль, шагая по коридору.

Тягостно думать о вероломстве наших ближних, а посему мы не будем распутывать клубок мыслей мистера Джингля, направившего свои стопы к Докторс-Коммонс. Для наших целей вполне достаточно, если мы сообщим, что, избежав западни драконов в белых фартуках, охраняющих вход в эту заколдованную обитель, он благополучно добрался до кабинета генерального викария и, получив в высшей степени лестное послание на пергаменте от архиепископа Кентерберийского «с наилучшими пожеланиями своим верным и возлюбленным Альфреду Джинглю и Рейчел Уордль», заботливо спрятал магический документ в карман и с торжеством направил свои стопы обратно в Боро.

Он был еще на пути к «Белому Оленю», когда два толстых джентльмена и один тощий вошли во двор и огляделись по сторонам в поисках заслуживающего доверия человека, у которого можно было бы навести некоторые справки. Случилось так, что в этот самый момент мистер Сэмюел Уэллер наводил блеск на цветные отвороты сапог, являвшихся личной собственностью фермера, который после утомительных занятий на рынке Боро подкреплялся легким завтраком, состоявшим из двух-трех фунтов холодного ростбифа и одной-двух кружек портера; именно к мистеру Сэмюелу Уэллеру прямехонько подошел тощий джентльмен.

— Друг мой,— начал тощий джентльмен.

«Он, видно, любит получать советы на даровщинку,—

подумал Сэм,— иначе он не воспылал бы любовью ко мне». Но вслух он сказал только:

— Что угодно, сэр?

— Друг мой,— миролюбивым тоном заговорил тощий джентльмен,— много у вас в гостинице сейчас постояльцев. Дела небось по горло, а?

Сэм украдкой посмотрел на вопрошавшего. Это был маленький сухопарый человек со смуглым высохшим лицом и беспокойными черными глазками, которые все время подмигивали и поблескивали по обеим сторонам пытливого носика, словно вели с этим органом вечную игру в прятки. Он был одет в черное, ботинки блестели у него так же, как и глаза, на нем была белоснежная рубашка с брыжами и узкий белый галстук. Из кармана для часов спускалась золотая цепочка с печатками. Черные лайковые перчатки он снял и держал в руках; разговаривая, он засовывал руку под фалды фрака, с видом человека, который привык задавать труднейшие вопросы.

— Дела по горло, а? — спросил маленький человек.

— Да ничего себе, сэр,— ответил Сэм.— В трубу не вылетим, да и капитала не сколотим. Едим вареную баранину без каперсов, а дадут жаркое — о хрене не думаем.

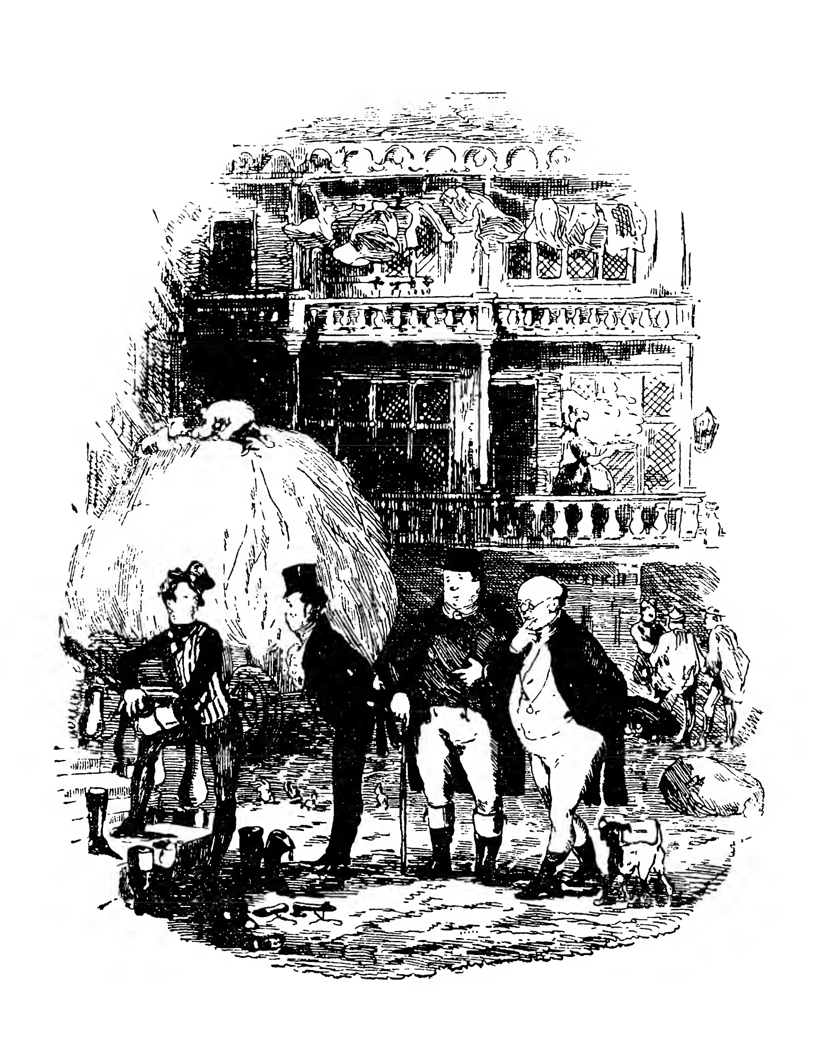
— Э, да вы шутник! — сказал маленький человек.

— У меня старший брат страдал этой болезнью,— заметил Сэм, может, она прилипчива — мы, бывало, часто спали вместе.

— Занятный у вас старый дом,— продолжал маленький человек, озираясь по сторонам.

— Пришли вы нам весточку о вашем прибытии, мы бы его отремонтировали,— ответил невозмутимый Сэм.

Казалось, маленький человек был сбит с толку такими репликами, и между ним и двумя толстыми джентльменами состоялось краткое совещание. В заключение этого совещания маленький человек взял понюшку табаку из продолговатой серебряной табакерки и, видимо, собирался возобновить разговор, но тут в дело вмешался один из толстых джентльменов, который, помимо благодушной физиономии, обладал еще парою очков и парою черных гетр.

— Дело вот в чем,— сказал благодушный джентльмен,— вот этот мой друг (он указал на другого толстого джентльмена) даст вам полгинеи, если вы ответите на два-три...

— Ну-ну, уважаемый сэр... уважаемый сэр,— перебил маленький человек,— прошу покорно, уважаемый сэр, в делах такого рода нужно в первую очередь соблюдать следующий принцип: если вы передаете дело в профессиональные руки, вы никоим образом не должны вмешиваться в процесс его ведения, вы implicite должны оказывать ему полное доверие. В самом деле, мистер (он повернулся к другому толстому джентльмену и добавил)... я забыл фамилию вашего друга.

— Пиквик,— подсказал мистер Уордль, ибо это был не кто иной, как сей жизнерадостный джентльмен.

— Ах, Пиквик... в самом деле, мистер Пиквик, уважаемый сэр, извините меня... я буду счастлив выслушать любое ваше приватное указание, которое вы выскажете как amicus curiae *, но согласитесь, что не подобает вам вмешиваться в порученное мне дело и вдобавок выставлять такой аргумент ad captandum *, как предложение полугинеи. В самом деле, уважаемый сэр, в самом деле...— И маленький человек взял солидную понюшку табаку и принял весьма глубокомысленный вид.

— Сэр, единственное мое желание,— сказал мистер Пиквик,— как можно скорее покончить с этим весьма неприятным делом.

— Совершенно верно, совершенно верно,— заметил маленький человек.

— И с этой целью,— продолжал мистер Пиквик,— я воспользовался аргументом, который, как подсказывает мне мое знание людей, является наиболее убедительным во всех случаях жизни.

— Правильно! — заговорил маленький человек.— Прекрасно, прекрасно, но вам следовало бы намекнуть об этом *мне*. Уважаемый сэр, я нимало не сомневаюсь в том, что вы можете не знать, какое беспредельное доверие надлежит оказывать человеку нашей профессии. Если необходимо в данном случае сослаться на авторитет, то разрешите мне, уважаемый сэр, напомнить вам небезызвестный казус у Барнуэлла...

— Не тревожьте Джорджа Барнуэлла *,— перебил Сэм, с недоумением прислушивавшийся к этому краткому диалогу.— Все знают, какой это был казус, но мое мнение, заметьте, что молодая женщина заслужила виселицу куда больше, чем он. Ну, да все это ни туда, ни сюда. Вы хотите дать мне полгинеи. Отлично, я согласен, лучше я не могу ответить, не так ли, сэр? (Мистер Пиквик улыбнулся.) А следующий вопрос вот какой: какого дьявола вам от меня нужно? — как сказал человек, когда ему явилось привидение.

— Мы хотим знать...— начал мистер Уордль.

— Э, нет, уважаемый сэр... уважаемый сэр,— перебил деловой маленький человек.

Мистер Уордль пожал плечами и умолк.

— Мы хотим знать,— торжественно начал маленький человек,— и с этим вопросом обращаемся к вам, чтобы не подымать тревоги в доме... мы хотим знать, кто у вас здесь в настоящее время проживает?

— Кто проживает в этом доме! — повторил Сэм, в воображении которого постояльцы всегда были представлены той специальной частью своего туалета, которая находилась под непосредственным его наблюдением.— Есть у нас деревянная нога в номере шестом, есть у нас пара ботфорт в тринадцатом, есть у нас две пары полусапог в торговом, есть у нас эти-вот сапоги с цветными отворотами в комнатке за буфетной да еще пять пар с отворотами в столовой.

— И это все? — спросил маленький человек.

— Постойте-ка минутку! — добавил Сэм, вдруг припомнив.— Да, есть у нас к тому же пара веллингтоновских сапог, изрядно поношенных, и пара дамских башмаков — в номере пятом.

— Какие это башмаки? — быстро осведомился Уордль, который, так же как и мистер Пиквик, был приведен в недоумение своеобразным перечнем приезжих.

— Провинциальной работы,— ответил Сэм.

— Есть на них фамилия сапожника?

— Браун.

— Откуда?

— Из Маглтона.

— Это они! — воскликнул Уордль.— Клянусь небом, мы их нашли.

— Тсс! — сказал Сэм.— Веллингтоновские пошли в Докторс-Коммонс.

— Что вы! — сказал маленький человек.

— Ну да, за лицензией.

— Мы подоспели как раз вовремя! — воскликнул Уордль.— Проводите нас в ее комнату, нельзя терять ни секунды.

— Умоляю вас, уважаемый сэр... умоляю вас! — перебил маленький человек.— Будьте осторожны!

Он достал из кармана красный шелковый кошелек и, извлекая соверен, пристально посмотрел на Сэма.

Сэм выразительно ухмыльнулся.

— Проводите нас без доклада,— сказал маленький человек,— а это — вам...

Сэм бросил цветные сапоги в угол и пошел по темному коридору, а затем вверх по широкой лестнице. В конце второго коридора он остановился и протянул руку.

— Получите,— прошептал поверенный *, опуская монету в руку проводника.

Тот прошел еще несколько шагов, за ним следовали оба друга и их юридический советчик.

Сэм остановился у двери.

— Здесь? — шепотом спросил маленький джентльмен.

Сэм утвердительно кивнул головой.

Старый Уордль открыл дверь, и все трое вошли в комнату как раз в тот момент, когда мистер Джингль, который только что вернулся, показывал лицензию незамужней тетушке.

Старая дева пронзительно взвизгнула и, упав на стул, закрыла лицо руками. Мистер Джингль скомкал бумагу и сунул в карман.

Непрошенные гости вышли на середину комнаты.

— Вы... вы отъявленный негодяй, вот вы кто! — задыхаясь от гнева, вскричал Уордль.

— Уважаемый сэр, уважаемый сэр,— вмешался маленький человек, кладя шляпу на стол,— умоляю, будьте благоразумны, умоляю... Оскорбление личности... иск о возмещении убытков. Успокойтесь, уважаемый сэр, умоляю...

— Как вы смели увезти мою сестру из моего дома? — спросил пожилой джентльмен.

— Так... так... отлично,— одобрил маленький джентльмен.— Об этом вы можете спросить. Как вы смели, сэр? А, сэр?

— А вы тут какого дьявола, кто вы такой? — осведомился мистер Джингль таким свирепым тоном, что маленький джентльмен невольно попятился.

— Вы, негодяй, спрашиваете, кто он такой? — вмешался Уордль.— Это мой поверенный, мистер Перкер, из Грейз-Инна. Перкер, я этого молодца буду преследовать по закону... подам в суд... я его, я... я... я его уничтожу! А тебе, Рейчел,— продолжал мистер Уордль, резко повернувшись к сестре,— тебе, в твои годы, следовало бы быть умнее. Как это тебе взбрело в голову бежать с бродягой, опозорить семью и обречь себя на несчастье? Надевай шляпу и — домой! Сейчас же наймите карету и принесите счет этой леди, слышите... слышите?

— Слушаю, сэр,— отозвался Сэм, явившийся в ответ на неистовый звонок Уордля с быстротой, которая показалась бы чудесной всякому, кто не знал, что в продолжение этой беседы глаз Сэма не отрывался от замочной скважины.

— Надевай шляпу! — повторил Уордль.

— Не слушайтесь! — вмешался Джингль.— Покиньте эту комнату, сэр,— — вам здесь делать нечего — — леди вправе распоряжаться собой — — ей больше двадцати одного года.

— Больше двадцати одного года! — презрительно воскликнул Уордль.— Больше сорока одного!

— Неправда! — завопила в ответ незамужняя тетушка, которая в порыве негодования забыла даже о своем решении упасть в обморок.

— Правда! — возразил Уордль.— Вам все пятьдесят!

Тут незамужняя тетушка испустила громкий вопль и лишилась чувств.

— Стакан воды,— попросил добрейший мистер Пиквик, призывая хозяйку гостиницы.

— *Стакан* воды! — вскричал взбешенный Уордль.— Принесите ведро да окатите ее хорошенько, это ей пойдет на пользу, она получит по заслугам.

— Фуй, вы изверг! — воскликнула сердобольная хозяйка.— Ах, бедняжка!

И, восклицая на все лады: «Ну вот, вот, милочка... выпейте немножко... это поможет вам... не нужно так расстраиваться... вот умница...» и т. д. и т. д., хозяйка с помощью горничной начала смачивать уксусом лоб, похлопывать по рукам, щекотать в носу и расшнуровывать корсет незамужней тетушки, не забывая и обо всех прочих успокоительных средствах, какие обычно применяют сострадательные особы женского пола по отношению к леди, старающимся взвинтить себя до истерики.

— Карета подана, сэр,— доложил Сэм, появляясь в дверях.

— Идемте! — крикнул Уордль.— Я снесу ее вниз.

При этом предложении истерика возобновилась с удвоенной силой.

Хозяйка готова была выступить с самым энергическим протестом против такого образа действий и уже осведомилась с негодованием у мистера Уордля, не мнит ли он себя творцом вселенной, как вдруг в дело вмешался мистер Джингль.

— Коридорный, ступайте за полисменом! — сказал он.

— Постойте, постойте! — воскликнул маленький мистер Перкер.— Взвесьте, сэр, взвесьте...

— Нечего мне взвешивать,— возразил Джингль.— Она сама себе госпожа, посмотрим, кто посмеет ее увести, если она этого не желает.

— Я не хочу, чтобы меня уводили,— пробормотала незамужняя тетушка.— Я этого не желаю. (Снова отчаянный припадок.)

— Уважаемый сэр! — сказал вполголоса маленький человек, отводя в сторону мистера Уордля и мистера Пиквика.— Мы в весьма щекотливом положении. Прискорбный случай... да... В моей практике не было такого, но в самом деле, уважаемый сэр, не в нашей власти контролировать поступки этой леди. Я вас заблаговременно предупредил, уважаемый сэр, что нам ничего не остается, как пойти на компромисс.

Наступило непродолжительное молчание.

— Какого рода компромисс могли бы вы посоветовать? — осведомился мистер Пиквик.

— Видите ли, уважаемый сэр, наш друг очутился в неприятном положении... весьма неприятном. Нам придется пойти на некоторые денежные жертвы.

— Пойду на любые, только бы не допустить такого позора и только бы эта глупая женщина не сделала себя несчастной на всю жизнь,— заявил Уордль.

— Думаю, что дело можно уладить,— сказал суетливый человечек.— Мистер Джингль, не угодно ли вам на секунду пройти вместе с нами в другую комнату?

Мистер Джингль согласился, и квартет перешел в свободную комнату.

— Ну-с, сэр,— начал маленький человек, старательно прикрыв за собою дверь,— неужели не найдется способа уладить это дело?.. Пожалуйте сюда, сэр, на одну секунду... к этому окну, сэр, где нам двоим никто не помешает... сюда, сэр, сюда, умоляю вас, присядьте, сэр. Ну-с, уважаемый сэр, говоря между нами, мы с вами прекрасно знаем, уважаемый сэр, что вы бежали с этой леди, польстившись на ее деньги. Не хмурьтесь, сэр, не хмурьтесь, я говорю: между нами, мы с вами это знаем. Мы оба — люди бывалые, и нам прекрасно известно, что наши друзья, здесь присутствующие, не... а?

Лицо мистера Джингля постепенно прояснилось, и он даже слегка подмигнул левым глазом.

— Отлично, отлично! — продолжал маленький человек, заметив произведенное им впечатление.— А теперь запомните следующее: за исключением нескольких сот фунтов у этой леди нет ничего или почти ничего, до смерти ее матери... милейшая пожилая леди, уважаемый сэр.

— Она стара! — кратко, но выразительно вставил мистер Джингль.

— Пожалуй,— кашлянув, сказал законовед.— Вы правы, уважаемый сэр, она довольно стара. Но происходит она из древнего рода, уважаемый сэр, древнего в любом смысле этого слова. Основатель рода прибыл в Кент, когда Юлий Цезарь вторгался в Британию, и с той поры только один член рода не дожил до восьмидесяти пяти лет, да и то потому, что был обезглавлен

одним из Генрихов. В настоящее время, уважаемый сэр, пожилой леди еще нет семидесяти трех лет.

Маленький человек приостановился и взял понюшку табаку.

— Дальше! — воскликнул мистер Джингль.

— А дальше, уважаемый сэр... не нюхаете?.. А, тем лучше... разорительная привычка... Итак, уважаемый сэр, вы красивый молодой человек, светский человек, вы могли бы создать себе положение, будь у вас деньги, а?

— Дальше,— повторил мистер Джингль.

— Вы меня понимаете?

— Не совсем.

— Не находите ли вы... уважаемый сэр, я поясню вам, не думаете ли вы... что пятьдесят фунтов и свобода более соблазнительны, чем мисс Уордль и ожидание?

— Не пройдет! Не возьму и вдвое больше,— сказал мистер Джингль, вставая.

— Ну-ну, уважаемый сэр,— запротестовал маленький юрист, удерживая его за пуговицу.— Пятьдесят фунтов — кругленькая сумма... человек с вашими способностями в одну секунду ее утроит... Поверьте мне... многое можно сделать с пятьюдесятью фунтами, уважаемый сэр.

— Еще больше со ста пятьюдесятью,— холодно возразил Джингль.

— Отлично, уважаемый сэр, не стоит тратить время на такие пустяки,— произнес маленький человек,— скажем... скажем... семьдесят.

— Не пройдет! — сказал мистер Джингль.

— Не уходите, уважаемый сэр, умоляю, не спешите,— сказал маленький человек.— Восемьдесят, идет?.. Я сейчас же выпишу чек.

— Не пройдет! — повторил мистер Джингль.

— Отлично, уважаемый сэр, отлично! — продолжал маленький человек, все еще удерживая его.— Скажите мне точно, сколько вы хотите.

— Дорогое предприятие,— сказал мистер Джингль.— Деньги из кармана — — почтовые лошади девять фунтов; лицензия три — — уже двенадцать — — отступных сто — сто двенадцать — — задета честь — — потеряна леди...

— Да, уважаемый сэр, конечно,— глубокомысленно подтвердил маленький человек,— о последних двух пунктах можно и не упоминать. Так что двенадцать... ну, скажем, сто — идет?

— И двадцать,— сказал мистер Джингль.

— Довольно, довольно, я вам выпишу чек,— сказал маленький человек и для этой цели присел к столу.— Его оплатят послезавтра, а мы тем временем можем увезти леди,— добавил он, бросив взгляд в сторону мистера Уордля.

Тот сердито кивнул головой.

— Сто! — сказал маленький джентльмен.

— И двадцать! — сказал мистер Джингль.

— Уважаемый сэр! — запротестовал маленький джентльмен.

— Дайте ему,— вмешался мистер Уордль,— и пусть убирается.

Чек был выписан маленьким джентльменом и спрятан в карман мистером Джинглем.

— А теперь убирайтесь отсюда! — сказал мистер Уордль, поднимаясь с места.

— Уважаемый сэр! — снова повторил маленький человек.

— И помните,— продолжал мистер Уордль,— ничто в мире — даже забота о семье — не заставило бы меня пойти на этот компромисс, не будь я уверен в том, что в ту минуту, когда у вас в кармане очутятся деньги, вы попадете черту в лапы, пожалуй, еще быстрее, чем без денег...

— Уважаемый сэр! — снова повторил маленький человек.

— Успокойтесь, Перкер,— отозвался Уордль.— Убирайтесь вон, сэр!

— Немедленно в путь! — ответил не ведавший стыда Джингль.— Бай-бай, Пиквик!

Если бы какой-нибудь беспристрастный зритель мог наблюдать в конце этой беседы физиономию прославленного мужа, чье имя украшает заглавный лист этого произведения, он, несомненно, преисполнился бы изумлением, видя, что огонь негодования, сверкавший в его глазах, не расплавил стекол его очков,— так величествен

был его гнев. Ноздри его раздулись и кулаки невольно сжались, когда он услышал, что негодяй обращается к нему. Но он снова сдержался — он не испепелил его.

— Вот она,— продолжал закоснелый злодей, швыряя лицензию к ногам мистера Пиквика,— замените имя — — отвезите домой леди — — пригодится Таппи.

Мистер Пиквик был философ, но в конце концов философы — те же люди, только в доспехах. Стрела попала в цель, проникла сквозь его философическую броню в самое сердце. В припадке бешенства он швырнул в пространство чернильницу и ринулся вслед за нею. Но мистер Джингль исчез, а мистер Пиквик очутился в объятиях Сэма.

— Эхма! — сказал этот оригинальный слуга.— Видно, в ваших краях, сэр, мебель дешева. Самопишущие чернила, расписались за вас на стенке. Успокойтесь, сэр, чтó толку гнаться за человеком, которому повезло и который тем временем уже убрался на другой конец Боро?

Ум мистера Пиквика, как у всех истинно великих людей, был открыт голосу убеждения. Выводы у него были быстрые и твердые, ему достаточно было секунды размышления, чтобы убедиться в бессилии своей ярости. Его гнев угас так же быстро, как вспыхнул.

Мистер Пиквик перевел дух и благосклонным взглядом окинул своих друзей.

Говорить ли о жалобах и стенаниях, раздавшихся после того, как мисс Уордль увидела, что покинута неверным Джинглем? Извлекать ли на свет мастерское изображение этой душу раздирающей сцены, сделанное мистером Пиквиком? Перед нами — его записная книжка, которая орошена слезами, вызванными человеколюбием и сочувствием; одно слово — и она в руках наборщика. Но нет! Вооружимся стойкостью! Не будем терзать сердце читателя изображением таких страданий!

Медленно и грустно два друга и покинутая леди совершали на следующий день обратный путь в громоздкой маглтонской карете. Мрачно спустились тусклые и хмурые тени летней ночи, когда они вернулись в Дингли Делл и остановились у ворот Менор Фарм.

ГЛАВА XI,

которая заключает в себе еще одно путешествие и археологическое открытие, оповещает о решении мистера Пиквика присутствовать на выборах и содержит рукопись старого священника

Мирная и покойная ночь в глубокой тишине Дингли Делла и утренние часы, проведенные на свежем благоуханном воздухе, полностью восстановили силы мистера Пиквика, изгладив следы телесной усталости и душевных потрясений. Знаменитый муж провел двое суток в разлуке со своими друзьями и приверженцами; и человек с заурядной фантазией не может вообразить, с какой радостью и восторгом приветствовал он мистера Уинкля и мистера Снодграсса, когда встретил этих джентльменов, возвращаясь с утренней прогулки. Радость была взаимной, ибо кто мог взирать на лучезарное лицо мистера Пиквика, не испытывая при этом удовольствия? Но словно какое-то облако нависло над его спутниками; великий муж не мог его не заметить и терялся в догадках. У обоих вид был таинственный — настолько необычный, что вызывал тревогу.

— А как поживает...— начал мистер Пиквик, пожав руку своим ученикам и обменявшись горячими приветствиями,— как поживает Тапмен?

Мистер Уинкль, к которому был обращен этот вопрос, ничего не ответил. Он отвернулся и как будто погрузился в меланхолические размышления.

— Снодграсс,— настойчиво повторил мистер Пиквик,— как поживает наш друг, не болен ли он?

— Нет,— ответил мистер Снодграсс, и слеза затрепетала на его чувствительных веках, как дождевая капля на оконной раме.— Нет, он не болен.

Мистер Пиквик остановился и посмотрел на обоих своих друзей по очереди.

— Уинкль, Снодграсс,— сказал мистер Пиквик,— что это значит? Где наш друг? Что случилось? Говорите — я вас умоляю, заклинаю, нет, я требую — говорите!

В голосе мистера Пиквика слышались такая торжест-

венность и такое достоинство, что им нельзя было противостоять.

— Он нас покинул,— сказал мистер Снодграсс.

— Покинул! — воскликнул мистер Пиквик.— Покинул!

— Покинул,— повторил мистер Снодграсс.

— Где же он? — вскричал мистер Пиквик.

— Мы можем только строить догадки на основании этого сообщения,— отозвался мистер Снодграсс, извлекая из кармана письмо и вручая его своему другу.— Вчера утром, когда было получено письмо мистера Уордля, извещавшее о том, что вы вернетесь к вечеру домой с его сестрой, меланхолия, которая еще накануне овладела нашим другом, заметно усилилась. Вскоре после этого он исчез, целый день его никто не видел, а под вечер конюх из «Короны» в Маглытоне принес это письмо. Оно было оставлено ему утром со строгим приказом не передавать до вечера.

Мистер Пиквик развернул послание. Оно было написано рукой его друга и сообщало следующее:

«Дорогой мой Пиквик,

Вы, дорогой мой друг, пребываете за пределами многих человеческих недостатков и слабостей, в которых повинны простые смертные. Вы не знаете, что это значит, когда тебя покидает прелестное и очаровательное создание и вдобавок ты падаешь жертвой козней негодяя, который под маской дружбы скрывал коварную усмешку. Надеюсь, вы никогда этого не узнаете.

Все письма на адрес: «Кожаная Фляга», Кобем, Кент, будут мне пересланы... если я буду еще влачить существование. Я на время удалюсь от мира, который стал мне ненавистен. Если я совсем из него удалюсь... пожалейте меня, простите. Жизнь, дорогой мой Пиквик, стала для меня невыносимой. Дух, горящий в нас, подобен крюку носильщика, который поддерживает тяжелый груз мирских забот и тревог, а когда дух нам изменяет, ноша становится непосильно тяжелой. Мы падаем под ней. Можете сказать Рейчел... Ах, это имя!..

Треси Тапмен».

— Мы должны сейчас же отсюда уехать,— сказал мистер Пиквик, складывая письмо.— После того, что произошло, нам во всяком случае неприлично было бы здесь оставаться, а кроме того, мы обязаны отправиться на поиски нашего друга.

И с этими словами мистер Пиквик направился к дому.

О намерении его узнали очень скоро. Настойчиво уговаривали остаться, но мистер Пиквик был непоколебим. Дела, говорил он, требуют его непосредственного участия.

При этом присутствовал старый священник.

— Неужели вы уезжаете? — спросил он, отводя в сторону мистера Пиквика.

Мистер Пиквик снова объявил о своем решении.

— В таком случае,— сказал старый джентльмен,— вот небольшая рукопись, которую я надеялся иметь удовольствие вам прочесть. После смерти одного из моих друзей, врача, служившего в убежище для умалишенных нашего графства, я нашел эту рукопись среди различных бумаг, которые имел право уничтожить или сохранить по своему усмотрению. Вряд ли рукопись является подлинной, но написана она не рукой моего друга. Как бы там ни было — подлинное ли это произведение сумасшедшего, или канвой для него послужил бред какого-нибудь несчастного (последнее предположение я считаю более вероятным), прочтите его и судите сами.

Мистер Пиквик взял рукопись и расстался с благожелательным старым джентльменом, заверив его в своем расположении и уважении.

Более трудным делом было распрощаться с обитателями Менор Фарм, которые принимали их с таким радушием и добротой. Мистер Пиквик расцеловал юных леди — мы готовы были сказать: как родных дочерей, но, пожалуй, такое сравнение не совсем уместно, ибо он проявил при этом прощании, быть может, несколько больше теплоты,— и с сыновней любовью обнял старую леди, а затем благодушно потрепал по румяным щечкам служанок, сунув каждой в руку и более существенные знаки своего благоволения. Еще задушевнее и продолжительнее был обмен сердечными излияниями с добрым старым хозяином и мистером Трандлем; и трем друзьям

удалось вырваться от радушных хозяев лишь тогда, когда мистер Снодграсс, которого несколько раз окликали, вынырнул, наконец, из темного коридора, откуда вскоре вслед за ним вышла Эмили (чьи блестящие глаза были необычно тусклы). Много раз оглядывались они на Менор Фарм, медленно от него удаляясь, и много воздушных поцелуев послал мистер Снодграсс, заметив что-то весьма похожее на дамский носовой платок, который развевался в одном из окон верхнего этажа, пока, наконец, старый дом не скрылся за поворотом дороги.

В Магльтоне они наняли экипаж до Рочестера. К тому времени, когда они туда добрались, острота печали настолько притупилась, что не помешала им превосходно пообедать; после полудня, получив необходимые сведения, касающиеся дороги, трое друзей отправились пешком в Кобем.

Это была очаровательная прогулка: день был чудесный, июньский, а дорога шла густым, тенистым лесом, где дул прохладный ветерок, мягко шелестя в листве, и раздавалось пение птиц, сидевших на ветках. Плющ и мох толстыми гирляндами ползли по стволам старых деревьев, а нежный зеленый дерн шелковым ковром устилал землю. Они вошли в парк, где высился старинный замок, построенный в причудливом и живописном стиле елизаветинской эпохи. Здесь тянулись длинные аллеи величественных дубов и вязов; большие стада ланей щипали свежую траву; изредка пробегал испуганный заяц с быстротою тени, отбрасываемой легкими облачками, которые проносились, как дыхание лета над солнечным пейзажем.

— Если бы в эти края,— заметил мистер Пиквик, озираясь по сторонам,— если бы в эти края стекались все страдающие недугом нашего друга, думаю, к ним очень скоро вернулась бы былая привязанность к миру.

— Я тоже так думаю,— сказал мистер Уинкль.

— И, право же,— добавил Пиквик, когда после получасовой ходьбы они вошли в деревню,— право же, это местечко, на которое пал выбор мизантропа, является одним из приятнейших и очаровательнейших уголков, какие случалось мне видеть.

В том же духе высказались и мистер Уинкль с мистером Снодграссом.

Узнав дорогу к «Кожаной Фляге», чистенькому и просторному деревенскому трактиру, три путешественника явились туда и тотчас же осведомились о джентльмене по фамилии Тапмен.

— Том, проводите этих джентльменов в гостиную,— сказала хозяйка.

Дюжий деревенский парень открыл дверь в конце коридора, и три друга вошли в длинную и низкую комнату, которая была заставлена великим множеством мягких кожаных стульев фантастической формы с высокими спинками и украшена всевозможными старыми портретами и грубо раскрашенными гравюрами, насчитывающими немало лет. В дальнем конце комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью и заставленный жареной птицей, свиной грудинкой, элем и т. п.; за столом сидел мистер Тапмен, который меньше всего был похож на человека, распрощавшегося с миром.

При виде своих друзей сей джентльмен положил нож и вилку и с горестным видом двинулся им навстречу.

— Я не надеялся видеть вас здесь,— сказал он, пожимая руку мистеру Пиквику.— Вы очень любезны!

— Ах! — произнес мистер Пиквик, садясь и вытирая со лба пот, выступивший от ходьбы.— Кончайте обедать и выйдем побродить. Я хочу побеседовать с вами наедине.

Мистер Тапмен подчинился высказанному желанию, а мистер Пиквик, освежившись солидной порцией эля, ждал, когда друг покончит с трапезой. Обед был быстро поглощен, и они вместе вышли из дому.

В течение получаса видны были их фигуры, шагавшие взад и вперед по кладбищу, пока мистер Пиквик старался сломить решение своего приятеля. Бесполезно было бы повторять его аргументы, ибо какой язык может передать ту энергию и силу, которую в них вдохнул великий человек, их породивший? Надоело ли уже мистеру Тапмену уединение, или он не в силах был устоять перед красноречивым призывом, к нему обращенным,— значения не имеет, ибо в конце концов он не устоял.

По его словам, ему мало дела до того, где он будет влачить жалкие остатки дней своих, но раз его друг придает такое значение участию его скромной особы в их скитаниях, то он готов скитаться бок о бок с ним.

Мистер Пиквик улыбнулся; они обменялись рукопожатием и пошли назад, к своим спутникам.

Вот тут-то мистер Пиквик и сделал то бессмертное открытие, которое останется навсегда предметом гордости для его друзей и зависти для археологов всех стран. Они миновали дверь своей гостиницы и прошли дальше по деревенской улице, прежде чем успели себе отдать отчет в том, где они находятся. Когда они повернули назад, взгляд мистера Пиквика упал на небольшой обломок камня, до половины ушедший в землю, перед дверью коттеджа. Он остановился.

— Очень странно,— сказал мистер Пиквик.

— Что странно? — осведомился мистер Тапмен, с любопытством разглядывая все ближайшие предметы, кроме того, о котором шла речь.— Ах, боже мой, что случилось?

Это восклицание было вызвано крайним его удивлением при виде мистера Пиквика, который в восторге от сделанного им открытия бросился на колени перед небольшим камнем и начал смахивать с него пыль носовым платком.

— Тут какая-то надпись,— сказал мистер Пиквик.

— Неужели? — воскликнул мистер Тапмен.

— Я различаю,— продолжал мистер Пиквик, изо всех сил продолжая тереть камень и пристально рассматривая его сквозь очки,— я различаю крест и букву Б, а потом Т. Это очень важно,— добавил он, поднимаясь с колен.— Это какая-то древняя надпись, существовавшая, быть может, задолго до того, как здесь были построены старинные богадельни. Ее нужно сохранить.

Он постучал в дверь коттеджа. Вышел работник.

— Друг мой, не знаете ли, как очутился здесь этот камень? — благосклонно осведомился мистер Пиквик.

— Не знаю, сэр,— вежливо ответил работник,— он тут лежал, когда я еще на свет не родился, да и никого из нас еще здесь не было.

Мистер Пиквик с торжеством посмотрел на своего спутника.

— Вы... вы... вряд ли им дорожите,— дрожа от волнения, проговорил мистер Пиквик.— Не согласитесь ли вы его продать?

— Да кто ж его купит? — спросил работник, и при этом на лице его появилось такое выражение, которое он считал, должно быть, лукавым.

— Я сию же минуту дам вам за него десять шиллингов,— предложил мистер Пиквик,— если вы его немедленно выкопаете для меня.

Легко себе представить изумление всей деревни, когда мистер Пиквик, не щадя сил (чтобы извлечь его на поверхность, достаточно было разок налечь на лопату), собственноручно перенес камень в гостиницу и, старательно отмыв, положил на стол.

Радость и восторг пиквикистов были безграничны, когда их терпение и настойчивость, отмывание и отскребывание увенчались успехом. Камень был шероховатый и с трещинами, а буквы нацарапаны криво и неровно, но часть надписи легко удалось разобрать:

+
БИЛСТ
АМ
ПСЕГ
О. Р.
УКА

Глаза у мистера Пиквика блестели от восхищения, когда он сидел и пожирал глазами открытое им сокровище. Была достигнута желанная цель его честолюбивых стремлений. В том графстве, которое славилось обилием остатков старины, в той деревне, где еще существовали памятники далекого прошлого, он — он, президент Пиквикского клуба,— открыл странную и любопытную надпись неоспоримой древности, совершенно ускользнувшую от внимания многих ученых, которым удалось побывать здесь до него. Он едва верил своим глазам.

— Это... это заставляет меня принять решение,— сказал он.— Завтра же мы возвращаемся в Лондон.

— Завтра! — воскликнули восхищенные ученики.

— Завтра! — подтвердил мистер Пиквик.— Это сокровище должно быть немедленно доставлено туда, где

его тщательно исследуют и надлежащим образом истолкуют. Есть у меня еще одно основание для принятого мною решения. Через несколько дней в Итенсуиллском округе состоятся выборы в парламент, агентом одного из кандидатов состоит мистер Перкер, джентльмен, с которым я на днях познакомился. Мы увидим во всех подробностях и изучим зрелище, столь интересное для каждого англичанина.

— Верно! — с воодушевлением подхватили три друга.

Мистер Пиквик окинул взглядом своих друзей. Привязанность и рвение учеников зажгли в его груди огонь энтузиазма. Он был их вождь, и он чувствовал это.

— Отпразднуем это счастливое событие за стаканом доброго вина,— сказал он.

Его предложение, так же как и предыдущее, было встречено единодушными аплодисментами. Собственноручно положив драгоценный камень в маленький сосновый ящик, купленный специально для этой цели у хозяйки, мистер Пиквик поместился в кресле во главе стола; и вечер был посвящен веселью и дружеской беседе.

Был двенадцатый час — поздний час для деревушки Кобем,— когда мистер Пиквик удалился в приготовленную для него спальню. Он распахнул решетчатое окно и, поставив свечу на стол, отдался размышлениям о волнениях и суматохе последних двух дней.

Время и место благоприятствовали созерцательности. Мистер Пиквик очнулся, когда на церковных часах пробило полночь. Торжественно прозвучал в его ушах первый удар, но, когда замер бой часов, тишина показалась невыносимой; он почувствовал себя так, словно потерял друга. Нервы его были натянуты и возбуждены; торопливо раздевшись и поставив свечу на камин, он улегся в постель.

Всякий по опыту знает то неприятное душевное состояние, когда ощущение физической усталости тщетно борется с бессонницей. В таком состоянии находился мистер Пиквик; он перевернулся сначала на один бок, потом — на другой; он упорно закрывал глаза, словно уговаривая себя заснуть. Это ни к чему не привело. Было ли тому виной непривычное физическое утомление, жара, грог или незнакомая постель, но только мысли его с

мучительным упорством возвращались к мрачным картинам, развешанным внизу, и к связанным с ними старинным легендам, о которых в тот вечер шла речь. Промучившись с полчаса, он пришел к неутешительному заключению, что ему все равно не заснуть, поэтому он встал и надел кое-какие принадлежности туалета. «Все лучше, чем лежать и представлять себе всякие ужасы»,— подумал он. Он выглянул в окно — было очень темно. Он прошелся по комнате и почувствовал себя очень одиноким.

Несколько раз он прошел от двери до окна и от окна до двери, как вдруг вспомнил о рукописи священника. Это была блестящая мысль. Быть может, рукопись и не заинтересует его, но зато усыпит. Он достал ее из кармана и, придвинув столик к кровати, снял нагар со свечи, надел очки и приступил к чтению. Почерк был странный, а бумага покрыта пятнами. Прочтя заглавие, он вздрогнул и невольно окинул внимательным взглядом комнату. Но, поразмыслив о том, как нелепо поддаваться таким чувствам, он снова снял нагар со свечи и стал читать следующее:

«РУКОПИСЬ СУМАСШЕДШЕГО

Да, сумасшедшего! Как поразило бы меня это слово несколько лет назад! Какой пробудило бы оно ужас, который, бывало, охватывал меня так, что кровь закипала в жилах, холодный пот крупными каплями покрывал кожу и от страха дрожали колени! А теперь оно мне нравится. Это прекрасное слово. Покажите мне монарха, чей нахмуренный лоб вызывает такой же страх, какой вызывает горящий взгляд сумасшедшего, монарха, чья веревка и топор так же надежны, как когти безумца. Хо-хо! Великое дело — быть сумасшедшим! На тебя смотрят, как на дикого льва сквозь железную решетку, а ты скрежещешь зубами и воешь долгой тихой ночью под веселый звон тяжелой цепи, и катаешься, и корчишься на соломе, опьяненный этой славной музыкой! Да здравствует сумасшедший дом! О, это чудесное место!

Помню время, когда я *боялся* сойти с ума, когда, бывало, просыпался внезапно и падал на колени и молил

избавить меня от проклятья, тяготевшего над моим родом, когда бежал от веселья и счастья, чтобы спрятаться в каком-нибудь уединенном месте и проводить томительные часы, следя за развитием горячки, которая должна была пожрать мой мозг. Я знал, что безумие смешано с самой кровью моей и проникло до мозга костей, знал, что одно поколение сошло в могилу, не тронутое этой страшной болезнью, а я — первый, в ком она должна возродиться. Я знал, что так *должно* быть, так бывало всегда, и так всегда будет, и когда я сидел в людной комнате, забившись в темный угол, и видел, как люди перешептываются, показывают на меня и посматривают в мою сторону, я знал, что они говорят друг другу о человеке, обреченном на сумасшествие, и, крадучись, я уходил и тосковал в одиночестве.

Так жил я годы, долгие-долгие годы. Здесь ночи тоже бывают иногда длинными, очень длинными; но они — ничто по сравнению с теми беспокойными ночами и страшными снами, какие снились мне в те годы. Я холодею, вспоминая о них. Большие темные фигуры с хитрыми, насмешливыми лицами прятались по всем углам комнаты, а по ночам склонялись над моей кроватью, толкая меня к безумию. Они нашептывали мне о том, что пол в старом доме, где умер отец моего отца, запятнан его кровью, пролитой им самим в припадке буйного помешательства. Я затыкал пальцами уши, но голоса визжали в моей голове, их визг звенел в комнате, вопил о моем деде,— в поколении, предшествовавшем ему, безумие оставалось скрытым, но дед моего деда годы прожил с руками, прикованными к земле, дабы не мог он себя самого разорвать в клочья. Я знал, что они говорят правду, знал прекрасно. Я это открыл много лет назад, хотя от меня пытались утаить истину. Ха-ха! Меня считали сумасшедшим, но я был слишком хитер для них.

Наконец, оно пришло, и я не понимал, как мог я этого бояться. Теперь я свободно мог посещать людей, смеяться и шутить с лучшими из них. Я знал, что я сумасшедший, но они этого даже не подозревали. Как я восхищался самим собой, своими тонкими проделками, потешаясь над теми, кто, бывало, шушукался и косился на меня, когда я не был сумасшедшим, а только боялся, что когда-нибудь

сойду с ума! А как весело я хохотал, когда оставался один и думал о том, как хорошо храню я свою тайну и как быстро отшатнулись бы от меня добрые мои друзья, узнай они истину! Обедая с каким-нибудь славным веселым малым, я готов был кричать от восторга при мысли о том, как побледнел бы он и обратился в бегство, если бы узнал, что милый друг, сидевший подле него, натачивая сверкающий нож, был сумасшедшим, который имеет полную возможность да, пожалуй, и не прочь вонзить нож ему в сердце. О, это была веселая жизнь!

Я разбогател, мне достались большие деньги, и я предался развлечениям, прелесть которых увеличивалась в тысячу раз благодаря моей тайне, столь искусно хранимой. Я унаследовал поместье. Правосудие — даже само правосудие с орлиным оком — было обмануто и в руки сумасшедшего отдало оспариваемое наследство. Где же была проницательность зорких и здравомыслящих людей? Где была сноровка юристов, ловко подмечающих малейший изъян? Хитрость сумасшедшего всех обманула.

У меня были деньги. Как ухаживали за мной! Я тратил их расточительно. Как меня восхваляли! Как пресмыкались передо мной три гордых и властных брата! Да и старый, седовласый отец — какое внимание, какое уважение, какая преданная дружба,— о, он боготворил меня! У старика была дочь, у молодых людей — сестра, и все пятеро были бедны. Я был богат, и, женившись на девушке, я увидел торжествующую усмешку, осветившую лица ее неимущих родственников, когда они думали о своем прекрасно проведенном плане и доставшейся им награде. А ведь улыбаться-то должен был я. Улыбаться? Нет, хохотать и рвать на себе волосы и с радостными криками кататься по земле. Они и не подозревали, что выдали ее замуж за сумасшедшего.

Позвольте-ка... А если бы они знали, была ли бы она спасена? На одной чаше весов — счастье сестры, на другой — золото ее мужа. Легчайшая пушинка, которая улетает от моего дуновенья,— и славная цепь, которая теперь украшает мое тело!

Но в одном пункте я обманулся, несмотря на все мое лукавство. Не будь я сумасшедшим... ибо хотя мы, сума-

сшедшие, достаточно хитры, но иной раз становимся в тупик... не будь я сумасшедшим, я догадался бы, что девушка предпочла бы лежать холодной и недвижимой в мрачном, свинцовом гробу, чем войти в мой богатый, сверкающий дом невестой, которой все завидуют. Я знал бы, что ее сердце принадлежит другому — юноше с темными глазами, чье имя — я это слышал — шептала она тревожно во сне; знал бы, что она принесена мне в жертву, чтобы избавить от нищеты седого старика и высокомерных братьев.

Фигуры и лица стерлись теперь в моей памяти, но я знаю, что девушка была красива. Я это *знаю,* ибо в светлые лунные ночи, когда я вдруг просыпаюсь и вокруг меня тишина, я вижу: тихо и неподвижно стоит в углу этой палаты легкая и изможденная фигура с длинными черными волосами, струящимися вдоль спины и развеваемыми дуновением неземного ветра, а глаза ее пристально смотрят на меня и никогда не мигают и не смыкаются. Тише! Кровь стынет у меня в сердце, когда я об этом пишу. Это *она;* лицо очень бледно, блестящие глаза остекленели, но я их хорошо знаю. Она всегда неподвижна, никогда не хмурится и не гримасничает, как те другие, что иной раз наполняют мою палату; но для меня она страшнее даже, чем те призраки, которые меня искушали много лет назад,— она приходит прямо из могилы и подобна самой смерти.

В течение чуть ли не целого года я видел, что лицо ее становится все бледнее, в течение чуть ли не целого года я видел, как скатываются слезы по ее впалым щекам, но причина была мне неизвестна. Наконец, я ее узнал. Дольше нельзя было скрывать это от меня. Она меня не любила; я и не думал, что она меня любит; она презирала мое богатство и ненавидела роскошь, в которой жила,— этого я не ждал. Она любила другого. Эта мысль не приходила мне в голову. Странные чувства овладели мной, и мысли, внушенные мне какою-то тайной силой, терзали мой мозг. Ненависти к ней я не чувствовал, однако ненавидел юношу, о котором она все еще тосковала. Я жалел, да, жалел ее, ибо холодные себялюбивые родственники обрекли ее на несчастную жизнь. Я знал — долго она не протянет, но мысль, что она еще успеет дать

жизнь какому-нибудь злополучному существу, обреченному передать безумие своим потомкам, заставила меня принять решение. Я решил ее убить.

В течение многих недель я думал о яде, затем об утоплении и, наконец, о поджоге. Великолепное зрелище — величественный дом, объятый пламенем, и жена сумасшедшего, превращенная в золу. Подумайте, какая насмешка — большое вознаграждение и какой-нибудь здравомыслящий человек, болтающийся на виселице за поступок, им не совершенный! А всему причиной — хитрость сумасшедшего! Я часто обдумывал этот план, но в конце концов отказался от него. О, какое наслаждение день за днем править бритву, пробовать отточенное лезвие и представлять себе ту глубокую рану, какую можно нанести одним ударом этого тонкого сверкающего лезвия!

Наконец, старые призраки, которые так часто посещали меня прежде, стали нашептывать, что час настал, и вложили в мою руку открытую бритву. Я крепко ее зажал; потихоньку встал с постели и наклонился над спящей женой. Лицо ее было закрыто руками. Я мягко их отвел, и они беспомощно упали ей на грудь. Она плакала — слезы еще не высохли на щеках. Лицо было спокойно и безмятежно, и когда я смотрел на нее, тихая улыбка осветила это бледное лицо. Осторожно я положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, но это было во сне. Снова я склонился к ней. Она вскрикнула и проснулась.

Одно движение моей руки — и больше никогда она не издала бы ни крика, ни звука. Но я задрожал и отшатнулся. Ее глаза впились в мои. Не знаю, чем это объяснить, но они усмирили и испугали меня; я затрепетал от этого взгляда. Она встала с постели, все еще глядя на меня пристально, не отрываясь. Я дрожал; бритва была в моей руке, но я не мог пошевельнуться. Она направилась к двери. Дойдя до нее, она повернулась и отвела взгляд от моего лица. Чары были сняты. Одним прыжком я был около нее и схватил ее за руку. Она упала, испуская вопли.

Теперь я мог убить ее — она не сопротивлялась; но в доме поднялась тревога. Я услышал топот ног на лест-

нице. Я положил на место бритву, отпер дверь и громко позвал на помощь.

Вошли люди, подняли ее и положили на кровать. Несколько часов она лежала без сознания, а когда жизнь, зрение и речь вернулись к ней, оказалось, что она потеряла рассудок и бредила дико и исступленно.

Призвали докторов — великих людей, которые в удобных экипажах подъезжали к моей двери, на прекрасных лошадях и с нарядными слугами. Много недель они провели у ее постели. Собрались на консультацию и тихо и торжественно совещались в соседней комнате. Один из них, самый умный и самый знаменитый, отвел меня в сторону и, попросив приготовиться к худшему, сказал мне,— мне, сумасшедшему! — что моя жена сошла с ума. Он стоял рядом со мной у открытого окна, смотрел мне в лицо, и его рука лежала на моей. Одно усилие — и я мог швырнуть его вниз, на мостовую. Вот была бы потеха! Но это угрожало моей тайне, и я дал ему уйти. Спустя несколько дней мне сказали, что я должен держать ее под надзором, должен приставить к ней сторожа. Это сказали *мне!* Я ушел в поля, где никто не мог меня услышать, и веселился так, что хохот мой звенел в воздухе.

На следующий день она умерла. Седой старик проводил ее до могилы, а гордые братья пролили слезу над бездыханным трупом той, на чьи страдания при жизни взирали с ледяным спокойствием. Все это питало тайную мою веселость, и когда мы ехали домой, я смеялся, прикрывшись белым носовым платком, пока слезы не навернулись мне на глаза.

Но хотя я достиг цели и убил ее, я был в смятении и тревоге: я чувствовал, что недалеко то время, когда моя тайна будет открыта. Я не мог скрыть дикую радость, которая бурлила во мне и заставляла меня, когда я один оставался дома, вскакивать, хлопать в ладоши, плясать и кружиться и громко реветь. Когда я выходил из дому и видел суетливую толпу, двигающуюся по улицам, или шел в театр, слушал музыку и глядел на танцующих людей, меня охватывал такой восторг, что я готов был броситься к ним, растерзать их в клочья и выть в упоении. Но я только скрежетал зубами, топал ногами, вонзал

острые ногти в ладони. Я сдерживал себя, и никто еще не знал, что я сумасшедший.

Помню — и это одно из последних моих воспоминаний, ибо теперь реальное я смешиваю со своими грезами, и столько у меня здесь дела и так меня всегда торопят, что нет времени отделить одно от другого и разобраться в каком-то странном хаосе действительности и грез,— помню, как выдал я, наконец, тайну. Ха-ха! Чудится мне — я и сейчас вижу их испуганные взгляды, помню, как легко оттолкнул их и сжатыми кулаками бил по бледным лицам, а потом умчался, как вихрь, и оставил их, кричащих и воющих, далеко позади. Сила гиганта рождается во мне, когда я об этом думаю. Вот, видите, как гнется под яростным моим напором этот железный прут. Я мог бы сломать его, как ветку, но здесь такие длинные галереи и так много дверей — вряд ли нашел бы я здесь дорогу; а если бы даже нашел, то, знаю, внизу есть железные ворота, и эти ворота они всегда держат на запоре. Они знают, каким я был хитрым сумасшедшим, и гордятся тем, что могут меня выставить напоказ.

Позвольте-ка... да, меня не было дома. Вернулся я поздно вечером и узнал, что меня ждет высокомернейший из трех ее высокомерных братьев,— «по неотложному делу», сказал он. Я это прекрасно помню. Я ненавидел его так, как только может ненавидеть сумасшедший. Много раз руки мои готовы были его растерзать. Мне сказали, что он здесь. Я быстро взбежал по лестнице. Он хотел сказать мне несколько слов. Я отослал слуг. Час был поздний, и мы остались наедине — *впервые*.

Сначала я старался на него не смотреть, ибо знал то, о чем он не подозревал,— и я гордился этим знанием,— знал, что огонь безумия горит в моих глазах. Несколько минут мы сидели молча. Наконец, он заговорил. Мои недавние легкомысленные похождения и стра́нные слова, брошенные мною сейчас же после смерти его сестры, были оскорблением ее памяти. Сопоставляя многие обстоятельства, которые сначала ускользнули от его внимания, он предположил, что я дурно обращался с нею. Он желал знать, вправе ли он заключить, что я хотел очер-

нить ее память и оказать неуважение ее семье. Мундир, который он носит, обязывает его потребовать у меня объяснения.

Этот человек служил в армии и за свой чин заплатил моими деньгами и несчастьем своей сестры! Это он руководил заговором, составленным с целью поймать меня в ловушку и завладеть моим состоянием. Это он — он больше, чем кто бы то ни было,— принуждал свою сестру выйти за меня замуж, зная прекрасно, что ее сердце отдано какому-то писклявому юноше. Мундир его обязывает! Не мундир, а ливрея его позора! Я не удержался и посмотрел на него, но не сказал ни слова.

Я заметил, как изменилось его лицо, когда он встретил мой взгляд. Он был смелым человеком, но румянец сбежал с его лица, и он отодвинул свой стул. Я ближе придвинулся к нему и, засмеявшись,— мне было очень весело,— заметил, что он вздрогнул. Я почувствовал, как овладевает мною безумие. Он боялся меня.

— Вы очень любили свою сестру, когда она была жива,— сказал я,— очень любили.

Он растерянно огляделся, я видел, как его рука вцепилась в спинку стула, но он ничего не сказал.

— Вы негодяй! — воскликнул я.— Я вас разгадал! Я открыл ваш дьявольский заговор, составленный против меня, я знаю, что ее сердце принадлежало другому прежде, чем вы принудили ее выйти за меня. Я это знаю, знаю!

Он вдруг вскочил, замахнулся на меня стулом и приказал мне отойти... ибо я упорно приближался к нему во время разговора.

Я не говорил, а кричал, чувствуя, что буйные страсти клокочут у меня в крови, а старые призраки шепчутся и соблазняют меня растерзать его в клочья.

— Проклятый! — крикнул я, вскакивая и бросаясь на него.— Я ее убил! Я — сумасшедший! Смерть тебе! Крови! Крови! Я жажду твоей крови.

Одним ударом я отбросил стул, который он в ужасе швырнул в меня, и мы сцепились; с тяжелым грохотом катались мы с ним по полу.

Это была славная борьба; ибо он, рослый, сильный человек, дрался, спасая свою жизнь, а я, сильный своим

безумием, жаждал покончить с ним. Я знал, что никакая сила не может сравняться с моей, и я был прав. Прав, хотя и безумен! Его сопротивление ослабевало. Я придавил ему грудь коленом и крепко сжал обеими руками его мускулистую шею. Лицо у него побагровело, глаза выскакивали из орбит, и, высунув язык, он словно издевался надо мной. Я крепче сдавил ему горло.

Вдруг дверь с шумом распахнулась, и ворвалась толпа, крича, чтобы задержали сумасшедшего.

Моя тайна была открыта, и все мои усилия были направлены теперь к тому, чтобы отстоять свободу. Я вскочил раньше, чем кто-либо успел меня схватить, я бросился в толпу нападающих и сильной рукой расчистил себе дорогу, словно у меня был топор, которым я рубил направо и налево. Я добрался до двери, перепрыгнул через перила, еще секунда — и я был на улице.

Я мчался во весь дух, и никто не смел меня остановить. Я услышал топот ног за собою и ускорил бег. Шум погони был слышен слабее и слабее и, наконец, замер вдали, а я все еще несся вперед, через болота и ручьи, прыгал через изгороди и стены, с диким воплем, который был подхвачен странными существами, обступившими меня со всех сторон, и громко разнесся, пронзая воздух. Демоны несли меня на руках, они мчались вместе с ветром, сметая холмы и изгороди, и кружили меня с такой быстротой, что у меня в голове помутилось, и, наконец, отшвырнули прочь от себя, и я тяжело упал на землю. Очнувшись, я увидел, что нахожусь здесь — здесь, в этой серой палате, куда редко проникает солнечный свет, куда лунные лучи просачиваются для того только, чтобы осветить темные тени вокруг меня и эту безмолвную фигуру в углу. Бодрствуя, я слышу иногда странные вопли и крики, оглашающие этот большой дом. Что это за крики, я не знаю, но не эта бледная фигура испускает их, и она их не слышит. Ибо, как только спускаются сумерки и до первых проблесков рассвета, она стоит недвижимо, всегда на одном и том же месте, прислушиваясь к музыкальному звону моей железной цепи и следя за моими прыжками на соломенной подстилке».

В конце рукописи была сделана другим почерком следующая приписка:

«Несчастный, чей бред записан здесь, являет собой печальный пример, свидетельствующий о пагубных результатах ложно направленной — с юношеских лет — энергии и длительных излишеств, последствия которых уже нельзя было предотвратить. Бессмысленный разгул, распутство и кутежи в дни молодости вызвали горячку и бред. Результатом последнего была странная иллюзия, основанная на хорошо известной медицинской теории, энергически защищаемой одними и столь же энергически опровергаемой другими, иллюзия, будто наследственное безумие — удел его рода. Это привело к меланхолии, которая со временем развилась в душевное расстройство и закончилась буйным помешательством. Есть основания предполагать, что события, им изложенные, хотя искажены его расстроенным воображением, однако не являются его измышлением. Тем, кто знал пороки его молодости, остается лишь удивляться тому, что страсти, не обуздываемые рассудком, не привели его к совершению еще более страшных деяний».

Свеча мистера Пиквика догорала в подсвечнике в то время, как он дочитывал рукопись старого священника; а когда свет вдруг угас, даже не мигнув в виде предупреждения, спустившаяся тьма потрясла его натянутые нервы. Торопливо сбросив с себя те принадлежности туалета, которые он надел, вставая с беспокойного ложа, и пугливо оглядевшись, мистер Пиквик снова поспешно забрался под одеяло и не замедлил заснуть.

Когда он проснулся, солнце бросало яркие лучи в его комнату. Было позднее утро. Тоска, угнетавшая его ночью, рассеялась вместе с темными тенями, которые окутывали пейзаж, а мысли и чувства были светлы и радостны, как утро. После сытного завтрака четыре джентльмена в сопровождении человека, который нес камень в сосновом ящике, отправились пешком в Грейвзенд. В этот город прибыли они к часу дня (багаж они приказали послать из Рочестера прямо в Сити), здесь им посчастливилось получить наружные места в пассажирской карете, и в тот же день они прибыли в добром здравии и расположении духа в Лондон.

Следующие три-четыре дня были посвящены приготовлениям к поездке в Итенсуилл. Так как все, что относится к этому важному предприятию, требует особой главы, то те несколько строк, какие нам остались для окончания настоящей главы, мы можем посвятить краткому изложению истории антикварной находки.

Из протоколов клуба мы узнаем, что вечером на следующий день по приезде мистер Пиквик на общем собрании клуба прочел доклад о сделанном открытии и высказал множество остроумных и ученых умозрительных догадок о смысле надписи. Из того же источника мы узнаем, что искусный художник старательно скопировал любопытные письмена, выгравированные на камне, и презентовал рисунок Королевскому антикварному обществу и другим ученым корпорациям; что полемика, заострившая перья на этом предмете, породила зависть и недоброжелательство и что сам мистер Пиквик написал брошюру, содержавшую девяносто шесть страниц самой мелкой печати и двадцать семь различных толкований надписи; что три престарелых джентльмена лишили наследства своих старших сыновей, осмелившихся усомниться в древности надписи, и что один энтузиаст преждевременно покончил все счеты с жизнью, отчаявшись постигнуть смысл этих письмен; что мистер Пиквик за свое открытие был избран почетным членом семнадцати отечественных и иностранных обществ, что ни одно из семнадцати обществ ничего не могло понять в надписи, но что все семнадцать сходились в признании ее весьма достопримечательной.

Правда, мистер Блоттон — и это имя будет заклеймено вечным презрением тех, кто чтит все таинственное и возвышенное,— мистер Блоттон, говорим мы, проявляя недоверие и придирчивость, свойственные умам низменным, позволил себе рассматривать открытие с точки зрения равно унизительной и нелепой. Мистер Блоттон, побуждаемый презренным желанием очернить бессмертное имя Пиквика, лично отправился в Кобем, а по возвращении саркастически заметил в речи, произнесенной в клубе, что он видел человека, у которого был куплен камень, что этот человек считает камень древним, но решительно отрицает древность надписи, ибо, по его сло-

вам, он сам кое-как вырезал ее в часы безделья, и из букв составляется всего-навсего следующая фраза: *«Билл Стампс, его рука»;* что мистер Стампс, не искушенный в грамоте и имевший обыкновение руководствоваться скорее звуковой стороной слов, чем строгими правилами орфографии, опустил «л» в своем имени.

Пиквикский клуб (как и следовало ожидать от столь просвещенного учреждения) принял это заявление с заслуженным презрением, исключил из состава членов самонадеянного и строптивого Блоттона и постановил преподнести мистеру Пиквику очки в золотой оправе в знак своего доверия и уважения; в ответ на что мистер Пиквик заказал написать свой портрет масляными красками и велел повесить его в зале заседаний клуба, каковой портрет, кстати, он *не* пожелал уничтожить, когда стал несколькими годами старше.

Мистер Блоттон был изгнан, но не побежден. Он тоже написал брошюру, обращенную к семнадцати ученым обществам, отечественным и иностранным, в которой снова изложил сделанное им заявление и весьма прозрачно намекнул, что названные семнадцать ученых обществ — «шарлатанские учреждения». Так как этим актом было вызвано моральное негодование семнадцати ученых обществ, отечественных и иностранных, то на свет появились новые брошюры; ученые общества иностранные завязывали переписку с учеными обществами отечественными; отечественные ученые общества переводили брошюры иностранных ученых обществ на английский язык; иностранные ученые общества переводили брошюры отечественных ученых обществ на всевозможные языки; и так возникла пресловутая научная дискуссия, хорошо известная всему миру под названием «Пиквикская полемика».

Но эта низкая попытка опозорить мистера Пиквика обрушилась на голову клеветника. Семнадцать ученых обществ единогласно признали самонадеянного Блоттона невежественным придирой и еще с бо́льшим рвением стали выпускать трактаты. А камень и по сей день остается... неразгаданным памятником величия мистера Пиквика и вечным трофеем, свидетельствующим о ничтожестве его врагов.

ГЛАВА XII,

повествующая о весьма важном поступке мистера Пиквика: событие в его жизни не менее важное, чем в этом повествовании

Помещение, занимаемое мистером Пиквиком на Госуэлл-стрит, хотя и скромное, было не только весьма опрятно и комфортабельно, но и специально приспособлено для местожительства человека его дарований и наблюдательности. Приемная его находилась во втором этаже, окнами на улицу; спальня — в третьем и также выходила на улицу; поэтому, сидел ли он за письменным столом в своей гостиной, стоял ли перед зеркалом в своей опочивальне,— равно мог он наблюдать человеческую природу во всех ее многообразных проявлениях на этой столь же населенной, сколь излюбленной населением улице. Его квартирная хозяйка миссис Бардл — вдова и единственная душеприказчица таможенного чиновника — была благообразной женщиной с хлопотливыми манерами и приятной наружностью, с природными способностями к стряпне, которые благодаря изучению и долгой практике развились в исключительный талант. В доме не было ни детей, ни слуг, ни домашней птицы. Единственными его обитателями, кроме миссис Бардл, были взрослый мужчина и маленький мальчик; первый — жилец, второй — отпрыск миссис Бардл. Взрослый мужчина всегда являлся домой ровно в десять часов вечера и немедленно ложился в миниатюрную кровать, помещавшуюся в задней комнате; арена же детских игр и гимнастических упражнений юного Бардла ограничивалась соседними тротуарами и сточными канавами. Чистота и покой царили во всем доме; и воля мистера Пиквика была в нем законом.

Всякому, кто был знаком с этими правилами домашнего распорядка в доме и кто хорошо знал удивительную уравновешенность мистера Пиквика, вид его и поведение утром накануне дня, назначенного для отъезда в Итенсуилл, должны были показаться в высшей степени таинственными и необъяснимыми. Он тревожно шагал взад и вперед по комнате, чуть не через каждые три минуты высовывался из окна, все время посматривал на часы и

проявлял много других признаков нетерпения, отнюдь ему несвойственного. Было ясно, что ожидается какое-то событие великой важности, но что это за событие — не имела возможности угадать сама миссис Бардл.

— Миссис Бардл! — произнес, наконец, мистер Пиквик, когда эта славная женщина закончила затянувшуюся уборку комнат.

— Сэр? — отозвалась миссис Бардл.

— Ваш мальчик очень долго не возвращается.

— Да ведь до Боро далеко, сэр,— возразила миссис Бардл.

— Да, совершенно верно,— сказал мистер Пиквик,— далеко.

Мистер Пиквик погрузился в молчание, а миссис Бардл снова принялась стирать пыль.

— Миссис Бардл,— произнес мистер Пиквик по прошествии нескольких минут.

— Сэр? — снова отозвалась миссис Бардл.

— Как вы думаете, расходы на содержание двух человек значительно превышают расходы на одного?

— Ах, мистер Пиквик! — сказала миссис Бардл, краснея до самой оборки чепца, ибо ей почудилось, будто она уловила в глазах жильца нечто вроде матримониального огонька.— Ах, мистер Пиквик, к чему этот вопрос?

— Ну, а все-таки, как вы думаете? — настаивал мистер Пиквик.

— Это зависит...— начала миссис Бардл, придвигая пыльную тряпку к самому локтю мистера Пиквика, покоившемуся на столе,— видите ли, мистер Пиквик, многое зависит от человека; если это особа бережливая и осмотрительная, сэр...

— Вы совершенно правы,— сказал мистер Пиквик,— но, мне кажется, особа, которую я имею в виду (тут он очень пристально посмотрел на миссис Бардл), наделена этими качествами; и вдобавок прекрасно знает жизнь и отличается острым умом, что может быть для меня в высшей степени полезно.

— Ах, мистер Пиквик! — повторила миссис Бардл, снова зарумянившись до оборки чепца.

— Я в этом уверен,— продолжал мистер Пиквик с возрастающей энергией, что случалось с ним всегда, когда

он затрагивал интересовавшую его тему,— да, уверен, и, сказать вам правду, миссис Бардл, я уже принял решение.

— Ах, боже мой, сэр! — воскликнула миссис Бардл.

— Вам может показаться странным,— любезно заметил мистер Пиквик, бросив добродушный взгляд на свою собеседницу,— что я с вами не посоветовался и даже не заговаривал об этом до тех пор, пока не отослал сегодня утром из дому вашего сынишку, а?

Миссис Бардл могла ответить только взглядом. Давно уже боготворила она издали мистера Пиквика, а сейчас ее вдруг вознесли на вершину, до которой никогда не смели долетать даже самые нелепые и сумасбродные ее надежды. Мистер Пиквик собирается сделать ей предложение... он действует обдуманно... отослал ее мальчугана в Боро, чтобы избавиться от него... какая предусмотрительность... какое внимание!

— Ну, что же вы по этому поводу думаете? — спросил мистер Пиквик.

— О мистер Пиквик,— отозвалась миссис Бардл, дрожа от волнения,— вы очень добры, сэр.

— Вы избавитесь от многих хлопот, не так ли? — продолжал мистер Пиквик.

— О! О хлопотах я никогда не думала, сэр,— ответила миссис Бардл,— и, конечно, я готова хлопотать больше, чем когда бы то ни было, чтобы только угодить вам. Но как вы добры, мистер Пиквик,— столько внимания к моему одиночеству.

— Совершенно верно,— сказал мистер Пиквик.— Я об этом и не подумал. Теперь вам всегда будет с кем посидеть, когда я приезжаю в Лондон. Само собою разумеется.

— Я должна считать себя очень счастливой женщиной,— заявила миссис Бардл.

— А ваш сынок...— начал мистер Пиквик.

— Да благословит его бог! — вставила миссис Бардл, всхлипнув в приливе материнских чувств.

— Теперь и у него будет товарищ,— продолжал мистер Пиквик,— веселый товарищ, в этом я уверен, он вашего сынка за неделю обучит таким штукам, каким тот и за год бы не научился,— и мистер Пиквик благодушно улыбнулся.

— Ах, мой милый...— произнесла миссис Бардл.

Мистер Пиквик вздрогнул.

— О милый, дорогой, славный мой шутник! — воскликнула миссис Бардл и без дальнейших церемоний встала со стула и обвила руками шею мистера Пиквика, сопровождая свои действия водопадом слез и всхлипов.

— Господи помилуй! — воскликнул пораженный мистер Пиквик.— Миссис Бардл, милая моя... боже мой, ну и положение... умоляю вас, будьте благоразумны. Миссис Бардл, оставьте — вдруг кто-нибудь войдет...

— О, пусть входит! — самозабвенно воскликнула миссис Бардл.— Я вас никогда не покину! Милый, славный,

добрая душа! — И с этими словами миссис Бардл еще крепче обхватила мистера Пиквика.

— Помилосердствуйте! — неистово отбивался мистер Пиквик.— Я слышу, кто-то поднимается по лестнице. Оставьте меня, оставьте, это — ваш сын, оставьте...

Но как мольбы, так и протесты не достигли цели, ибо миссис Бардл потеряла сознание в объятиях мистера Пиквика, и не успел он усадить ее в кресло, как в комнату вошел юный Бардл, а вслед за ним мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс.

Мистер Пиквик остолбенел и лишился дара речи. Он стоял, держа в объятиях драгоценную ношу, и тупо глядел на физиономии своих друзей, даже не пытаясь с ними поздороваться или дать объяснение. Те в свою очередь уставились на него, а юный Бардл в свою очередь уставился на всех присутствующих.

Изумление пиквикистов было так велико, а замешательство мистера Пиквика столь безгранично, что они могли бы остаться в тех же позах, пока леди не пришла в себя, если бы тому не помешало в высшей степени прекрасное и трогательное выражение сыновней привязанности со стороны ее юного отпрыска. Одетый в узкий костюм из полосатого плиса с медными пуговицами солидных размеров, он стоял сначала у двери, изумленный и растерянный; но мало-помалу в его еще незрелом мозгу зародилась мысль, будто матери был нанесен какой-то ущерб, и, считая мистера Пиквика виновником, он издал устрашающий и дикий вопль и, наклонив голову и рванувшись вперед, атаковал спину и ноги бессмертного джентльмена, награждая его ударами и щипками, какие только позволяли сила его рук и крайнее возбуждение.

— Уберите этого чертенка! — простонал измученный мистер Пиквик.— Он взбесился!

— Что случилось? — вопросили три ошеломленных пиквикиста.

— Не знаю,— раздраженно ответил мистер Пиквик.— Уберите мальчика! (Тут мистер Уинкль оттащил в дальний конец комнаты занятного юнца, продолжавшего вопить и отбиваться.) А теперь помогите отвести эту женщину вниз.

— Ах, мне уже лучше...— слабо простонала миссис Бардл.

— Разрешите проводить вас вниз,— предложил всегда галантный мистер Тапмен.

— Благодарю вас, сэр... благодарю вас! — истерически выкрикнула миссис Бардл, после чего была отведена вниз вместе со своим любящим сыном.

— Постигнуть не могу,— сказал мистер Пиквик, когда его друг вернулся,—постигнуть не могу, что случилось с этой женщиной. Я объявил всего-навсего о своем намерении нанять слугу, а с ней случился весьма странный припадок, который вы изволили наблюдать. Очень странно.

— Очень! — подтвердили трое друзей.

— Поставила меня в чрезвычайно неловкое положение,— продолжал мистер Пиквик.

— Очень неловкое! — ответствовали его ученики, тихонько покашливая и недоверчиво переглядываясь.

Такое поведение не ускользнуло от внимания мистера Пиквика. Он заметил их недоверие. Ясно, что они его подозревали.

— Там, в коридоре, ждет какой-то человек,— сказал мистер Тапмен.

— Это тот самый, о котором я вам говорил,— подхватил мистер Пиквик.— Сегодня утром я послал за ним в Боро. Снодграсс, сделайте милость, велите ему войти.

Мистер Снодграсс исполнил просьбу, и перед ними тотчас же предстал мистер Сэмюел Уэллер.

— А... надеюсь, вы меня помните? — осведомился мистер Пиквик.

— Как не помнить! — ответил Сэм, покровительственно подмигнув.— Скверная история, но куда вам до этого типа! Нюхнул раз, два, да и...

— Сейчас это к делу не относится,— поспешно перебил мистер Пиквик.— Я хочу поговорить с вами о другом. Садитесь.

— Благодарю вас, сэр,— отозвался Сэм и, не дожидаясь вторичного приглашения, сел, положив предварительно свою старую белую шляпу на площадке за дверью.— Не очень хороша на вид,— заметил Сэм,— но удивительна в носке и, пока не обломались поля, служила прекрасной кровлей. Зато без них — легче, это раз,

и каждая дырка дает проход воздуху, это два. Прямо скажу: это не шляпа, а сито с вентиляцией — так я ее называю!

Разразившись этой сентенцией, мистер Уэллер приятно улыбнулся всем пиквикистам.

— А теперь поговорим о деле. Я за вами послал, посоветовавшись с этими джентльменами,— сказал мистер Пиквик.

— Вот именно, сэр,— вставил Сэм,— выкладывай, да поживей, как сказал отец сыну, когда тот проглотил фартинг.

— Прежде всего мы хотели бы знать,— начал мистер Пиквик,— имеются ли у вас основания быть недовольным своим местом?

— Раньше, чем отвечать на этот вопрос, джентльмены,— сказал Сэм,— я бы хотел прежде всего узнать, думаете ли вы предложить мне лучшее.

Луч тихого благоволения озарил лицо мистера Пиквика, давшего такой ответ:

— Я не прочь взять вас к себе на службу.

— К вам? — воскликнул Сэм.

Мистер Пиквик утвердительно кивнул головой.

— Жалованье? — осведомился Сэм.

— Двенадцать фунтов в год,— ответил мистер Пиквик.

— Платье?

— Две смены.

— Работа?

— Прислуживать мне и путешествовать вместе со мной и этими джентльменами.

— Снимайте билетик,— выразительно заметил Сэм,— сдан одинокому джентльмену, условия по договору.

— Значит, вы согласны? — спросил мистер Пиквик.

— Безусловно,— ответил Сэм.— Если платье будет мне впору, как и место, все сойдет.

— Вы, конечно, можете представить рекомендацию?— поинтересовался мистер Пиквик.

— Справьтесь об этом у хозяйки «Белого Оленя», сэр,— отозвался Сэм.

— Можете вы прийти сегодня же вечером?

— Если платье готово, я влезу в него хоть сейчас,— с живостью заявил Сэм.

— Приходите к восьми часам вечера,— сказал мистер Пиквик,— и если рекомендация окажется удовлетворительной, о платье мы позаботимся.

Если не считать одной-единственной шалости, в которой участвовала в равной мере одна из служанок, поведение мистера Уэллера оказалось столь безупречным, что мистер Пиквик счел вполне возможным заключить соглашение в тот же вечер. Со всею стремительностью и энергией, характеризовавшими как общественную деятельность, так и частную жизнь этого замечательного человека, мистер Пиквик тотчас же повел своего нового слугу в одно из тех удобных заведений, где продается новое и поношенное мужское платье и где обходятся без затруднительной и неприятной формальности, именуемой примеркой; ночь еще не спустилась, а мистер Уэллер получил уже в свое распоряжение серый фрак с пуговицами, украшенными буквами П. К., черную шляпу с кокардой, пестрый полосатый жилет, светлые штаны и гетры и столько других необходимых вещей, что перечислить их не представляется возможным.

— Итак,— заметил сей внезапно преобразившийся субъект, заняв на следующее утро наружное место в итенсуиллской карете,— хотел бы я знать, кем полагается мне быть — лакеем, грумом, егерем или торговцем семенами! Вид у меня такой, будто я смесь всех четверых! Ну, не беда! Перемена климата, много развлечений, мало дела, и все это мне подходит при моей необыкновенной хворости. Итак, да здравствуют пиквикисты! — скажу я.

ГЛАВА XIII

Некоторые сведения об Итенсуилле: о его политических партиях и о выборах члена, долженствующего представительствовать в парламенте этот древний, верноподданный и патриотический город

Мы откровенно признаемся, что до того момента, пока мы не погрузились в многотомные документы Пиквикского клуба, нам никогда не приходилось слышать об Итенсуилле; с такой же искренностью мы признаемся,

что тщетно искали в настоящее время доказательств действительного существования этого городка. Зная, с какой глубокой верой следует относиться к каждой заметке и заявлению мистера Пиквика, и не помышляя довериться нашей памяти в ущерб утверждениям сего великого мужа, мы обращались по интересующему нас вопросу ко всем авторитетным источникам, которые удалось нам разыскать. Мы тщательно изучали все названия, помещенные в Таблицах А и Б *, но не встретили названия «Итенсуилл»; мы внимательно исследовали каждый уголок на географических картах графств, изданных в интересах общества нашими выдающимися издателями, но наши поиски не привели ни к каким результатам. Посему мы склонны предположить, что мистер Пиквик из опасения кого-нибудь обидеть и из деликатности, столь примечательной в глазах всех, кто хорошо его знал, намеренно поставил вместо настоящего вымышленное название того города, в котором производил свои наблюдения. Наше предположение подтверждается одним обстоятельством, на первый взгляд крайне незначительным и незаметным, но если на него взглянуть с указанной точки зрения, оно не может не остановить на себе внимания. В записной книжке мистера Пиквика мы можем разобрать заметку, что места для него и его учеников заказаны были в норвичской карете; но эта заметка была потом зачеркнута, словно для того, чтобы скрыть даже направление, в котором надлежало бы искать этот город. Мы не рискнем делать на этот счет никаких догадок, а непосредственно перейдем к своему повествованию, довольствуясь материалами, которыми нас снабдили его герои.

Можно думать, что население Итенсуилла, как и многих других городков, приписывало себе исключительное и особое значение и что каждый житель Итенсуилла, сознавая, сколь важен его личный пример, долгом своим почитал примкнуть душою и сердцем к одной из двух великих партий, на которые делилось население,— к партии *Синих* или к партии *Желтых* *.

Синие не упускали случая стать в оппозицию Желтым, а Желтые не упускали случая стать в оппозицию Синим, вследствие чего, где бы ни встречались Желтые и

Синие — на публичном собрании, в зале городского совета, на рынке или на ярмарке,— споры и крепкие словечки оглашали воздух. Излишне добавлять, что благодаря этим раздорам каждый вопрос в Итенсуилле становился вопросом партийным. Если Желтые предлагали сделать новую стеклянную крышу над рынком, Синие собирали митинги и проваливали это предложение; если Синие предлагали установить новый водопроводный насос на главной улице города, Желтые восставали все как один, пораженные такой чудовищной затеей. В городе были Синие лавки и Желтые лавки, Синие гостиницы и Желтые гостиницы, и даже в церкви были боковые нефы — Желтый и Синий.

Разумеется, было важно и настоятельно необходимо, чтобы у каждой из этих мощных партий был свой излюбленный печатный орган, выражавший ее мнения; соответственно в городе издавалось две газеты: «Итенсуиллская газета» и «Итенсуиллский независимый»; первая защищала принципы Синих, вторая решительно отстаивала взгляды Желтых. Прекрасные это были газеты! Что за передовые статьи и какая пламенная полемика! «Наш недостойный собрат Газета», «Эта позорная и подлая газетка Независимый», «Этот лживый и непристойный Независимый», «Этот злостный клеветнический листок Газета» и подобные разжигающие оскорбления были в изобилии рассеяны на столбцах каждой из них, в каждом номере, пробуждая чувства пламенного восхищения и негодования в сердцах горожан.

Мистер Пиквик, со свойственными ему прозорливостью и чутьем, избрал самый подходящий момент для посещения этого города. Никогда еще борьба партий в нем не достигала такого ожесточения. Почтенный Сэмюел Сламки из Сламки-Холла был кандидатом Синих, а Горацио Физкин, эсквайр из Физкин лоджа * близ Итенсуилла выдвинут был друзьями отстаивать интересы Желтых. «Газета» предупреждала избирателей Итенсуилла, что глаза не одной только Англии, но всего цивилизованного мира устремлены на них; а «Независимый» грозно вопрошал, остаются ли избиратели Итенсуилла по-прежнему славными гражданами, каковыми их всегда считали, или низкими и раболепными орудиями, недостойными назы-

ваться англичанами и пользоваться благословенной свободой. Такого волнения в городе еще никогда не бывало.

Был поздний вечер, когда мистер Пиквик с друзьями при помощи Сэма спустились с крыши итенсуиллской кареты. Большие синие шелковые флаги развевались из окон гостиницы «Городской Герб», а плакаты в каждом окне возвещали гигантскими буквами, что комитет почтенного Сэмюела Сламки заседает здесь ежедневно. Толпа зевак собралась на улице, внимая охрипшему человеку, который столь рьяно превозносил с балкона мистера Сламки, что лицо его стало пунцовым; но силу и остроту его аргументов несколько ослаблял неумолчный грохот четырех огромных барабанов, поставленных комитетом мистера Физкина на углу улицы. Рядом с этим человеком стоял маленький подвижной джентльмен; во время пауз он снимал шляпу и делал знак толпе, чтобы она аплодировала, что и было аккуратно выполняемо с большим энтузиазмом; так как краснолицый джентльмен продолжал говорить, пока его лицо не раскраснелось до последней степени, то казалось, что цели он достиг с таким же успехом, как если бы кто-нибудь его слышал.

Выйдя из кареты, пиквикисты очутились среди честных и независимых, немедленно испустивших три оглушительных «ура», которые, будучи подхвачены всей толпой (ибо толпе отнюдь не обязательно знать, чем вызваны крики), разрослись в такой торжествующий рев, который заставил умолкнуть даже краснолицего человека на балконе.

— Ура! — гаркнула в заключение толпа.

— Еще разок! — крикнул маленький заправила на балконе, и толпа снова заорала, словно у нее были чугунные легкие со стальным механизмом.

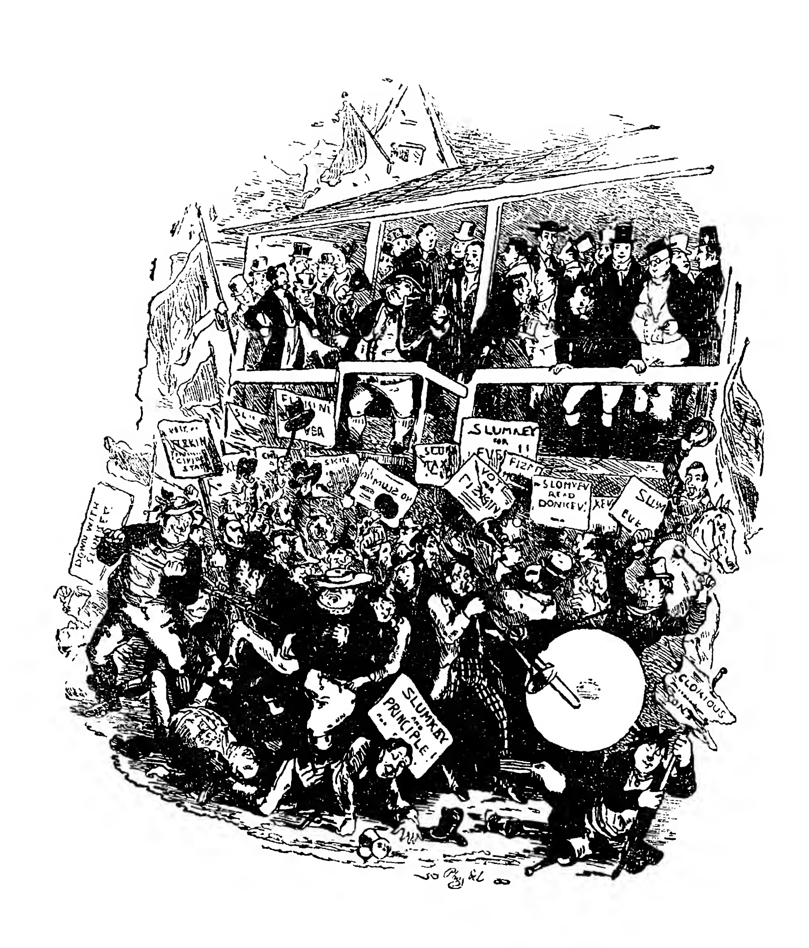
— Да здравствует Сламки! — вторил мистер Пиквик, снимая шляпу.

— Долой Физкина! — орала толпа.

— Долой! — кричал мистер Пиквик.

— Ура!

И снова поднялся такой рев, словно ревел целый зверинец, как ревет он, когда слон звонит в колокол, требуя завтрак.

SLUMKEY FOR
VOTE FOR
SLUMKEY READ DONKEY!
SLUMKEY AND PRINCIPLE!
DOWN WITH
GLORIOUS

— Кто этот Сламки? — прошептал мистер Тапмен.

— Понятия не имею,— отозвался так же тихо мистер Пиквик.— Тсс... Не задавайте вопросов. В таких случаях надо делать то, что делает толпа.

— Но, по-видимому, здесь две толпы,— заметил мистер Снодграсс.

— Кричите с тою, которая больше,— ответил мистер Пиквик.

Фолианты — и те ничего не могли бы прибавить к этому.

Они вошли в гостиницу — горланящая толпа расступилась и пропустила их. Прежде всего надлежало позаботиться о ночлеге.

— Можем мы здесь получить постели? — спросил мистер Пиквик лакея.

— Не знаю, сэр,— ответил тот.— Боюсь, все занято, сэр. Сейчас наведу справки, сэр.

Через минуту он вернулся и спросил, Синие ли джентльмены. Так как ни мистер Пиквик, ни его друзья не были заинтересованы ни в одном из кандидатов, ответить на этот вопрос было затруднительно. Столкнувшись с такой дилеммой, мистер Пиквик вспомнил о своем новом друге, мистере Перкере.

— Вы знаете джентльмена по имени Перкер? — спросил он.

— Как же, сэр, знаю! Это — агент почтенного мистера Сэмюела Сламки.

— Он, кажется, Синий?

— Конечно, сэр.

— В таком случае и мы Синие,— сказал мистер Пиквик; но, заметив, что лакей колеблется, услышав такое заявление, он вручил ему визитную карточку и попросил тотчас же передать ее мистеру Перкеру, если он находится здесь.

Лакей ретировался и скоро вернулся, предложив мистеру Пиквику следовать за ним. Он ввел его в большую комнату во втором этаже, где за длинным столом, заваленным бумагами и книгами, восседал мистер Перкер.

— А, уважаемый сэр! — сказал маленький джентльмен, подходя к нему.— Очень рад вас видеть, уважае-

мый сэр, очень рад. Прошу садиться. Итак, вы не отказались от своего намерения. Вы приехали посмотреть выборы... а?

Мистер Пиквик ответил утвердительно.

— Жаркая борьба, уважаемый сэр,— заметил человечек.

— Очень приятно! — сказал мистер Пиквик, потирая руки.— Очень приятно наблюдать горячий патриотизм, с какой бы стороны он ни проявлялся. Вы говорите, жаркая борьба?

— О да! — ответил человечек.— Очень жаркая. Мы заняли все гостиницы в городе, а противнику оставили только пивные. Ловкий политический ход, уважаемый сэр, а?

И маленький джентльмен самодовольно усмехнулся и угостился изрядной понюшкой табаку.

— А каков может быть исход выборов? — осведомился мистер Пиквик.

— Не ясно, уважаемый сэр, в настоящее время еще не ясно. Тридцать три избирателя заперты людьми Физкина в каретном сарае «Белого Оленя».

— В каретном сарае! — ахнул мистер Пиквик, пораженный этим вторым политическим ходом.

— Да, их держат под замком, пока они не понадобятся,— продолжал маленький человек.— Вы понимаете, делается это для того, чтобы мы их не завербовали; но если бы мы и добрались до них — все равно толку никакого, потому что их умышленно спаивают. Ловкий человек — агент Физкина... очень ловкий.

Мистер Пиквик широко раскрыл глаза, но не сказал ни слова.

— Тем не менее,— мистер Перкер понизил голос почти до шепота,— мы не теряем надежды. Вчера мы устроили маленькую вечеринку... сорок пять особ женского пола, уважаемый сэр... и каждой мы подарили перед уходом зеленый зонтик.

— Зонтик! — воскликнул мистер Пиквик.

— Вот именно, сэр, вот именно. Сорок пять зеленых зонтиков, семь шиллингов шесть пенсов штука. Все женщины любят украшения... поразительный эффект имели эти зонтики. Они обеспечили нам голоса всех мужей и

доброй половины братьев... Это побивает чулки, фланель и все эти пустяки. Моя идея, уважаемый сэр! В град, в дождь, в солнцепек вам не пройти по улице и десятка ярдов, не встретив с полдюжины зеленых зонтиков.

Тут маленьким джентльменом овладел припадок веселых судорог, который прекратился только при появлении третьего лица.

Это был высокий тощий мужчина с рыжеволосой головой, начавшей лысеть, и с лицом, на котором торжественное сознание собственной значительности сочеталось с бездонным глубокомыслием. Он был облачен в длинный коричневый сюртук, черный суконный жилет и мышиного цвета панталоны. На жилете у него болтался лорнет, на голове была шляпа с очень низкой тульей и широкими полями. Вошедший был представлен мистеру Пиквику как редактор «Итенсуиллской газеты» — мистер Потт.

После нескольких вступительных слов мистер Потт повернулся к мистеру Пиквику и торжественно произнес:

— Эта борьба вызывает большой интерес в столице, сэр?

— Мне кажется, вызывает,— ответил мистер Пиквик.

— Смею думать,— продолжал Потт, ища взглядом подтверждения со стороны мистера Перкера,— смею думать, что моя статья в последнем субботнем номере до известной степени этому способствовала.

— Не может быть ни малейших сомнений! — подтвердил маленький джентльмен.

— Пресса — могущественное орудие, сэр! — сказал Потт.

Мистер Пиквик выразил полнейшее согласие с этим положением.

— Но надеюсь, сэр,— продолжал Потт,— я никогда не злоупотреблял той великой властью, которой обладаю. Надеюсь, сэр, что я никогда не направлял врученного мне благородного орудия против священного лона частной жизни или в чувствительное сердце личной репутации... Надеюсь, сэр, что я посвятил свою энергию... попыткам... может быть, слабым, да, да, слабым... внушать те принципы... которые... которые...

Тут редактор «Итенсуиллской газеты», по-видимому, запутался, мистер Пиквик пришел ему на помощь и сказал:

— Ну, конечно.

— Позвольте мне, сэр,— сказал Потт,— спросить вас, человека беспристрастного, как относится общественное мнение Лондона к моей борьбе с «Независимым»?

— Несомненно, с огромным интересом,— вмешался мистер Перкер с лукавой улыбкой, по всей вероятности случайной.

— Эта борьба,— продолжал Потт,— будет длиться, сколько у меня хватит сил, здоровья и той доли таланта, которой я одарен. От этой борьбы, сэр,— пусть она даже внесет смятение в умы людей и разожжет страсти, пусть они не смогут из-за нее выполнять повседневные обязанности,— от этой борьбы, сэр, я не откажусь, пока не раздавлю своей пятой «Итенсуиллский независимый». Я хочу, сэр, чтобы Лондон и вся страна знали, что на меня можно положиться, что я их не покину, что я решил биться, сэр, до конца!

— Ваше поведение, сэр, очень благородно,— произнес мистер Пиквик и пожал руку великодушному Потту.

— Я вижу, сэр, вы человек умный и талантливый,— сказал мистер Потт, едва переводя дух после своей пылкой патриотической декларации.— Я в высшей степени счастлив, сэр, познакомиться с таким человеком.

— А я,— ответил мистер Пиквик,— весьма польщен таким мнением. Разрешите мне, сэр, познакомить вас с моими спутниками, корреспондентами клуба, основанием которого я могу гордиться.

— Я буду в восторге,— сказал мистер Потт.

Мистер Пиквик удалился и, вернувшись со своими друзьями, представил их по всем правилам редактору «Итенсуиллской газеты».

— Теперь, дорогой мой Потт,— сказал маленький мистер Перкер,— возникает вопрос, как нам поступить с нашими друзьями.

— Полагаю, мы можем остановиться в этой гостинице,— сказал мистер Пиквик.

— В гостинице нет ни одной свободной кровати, уважаемый сэр, ни единой кровати.

— Чрезвычайно затруднительное положение,— заметил мистер Пиквик.

— Чрезвычайно! — подтвердили его спутники.

— Мне пришел в голову один план,— сказал мистер Потт,— который, мне кажется, можно с успехом привести в исполнение. В «Павлине» есть две кровати, а я беру на себя смелость заявить от имени миссис Потт, что она рада будет дать пристанище мистеру Пиквику и одному из его друзей, если два других джентльмена не возражают против того, чтобы им со слугою устроиться в «Павлине».

После некоторых настояний со стороны мистера Потта и повторных отказов со стороны мистера Пиквика, не считавшего возможным причинять неудобства или хлопоты любезной супруге мистера Потта, было решено, что это единственно осуществимый план, на каком можно остановиться. На нем и остановились, а засим, пообедав вместе в «Городском Гербе», друзья расстались: мистер Тапмен и мистер Снодграсс пошли к «Павлину», а мистер Пиквик и мистер Уинкль направили свои стопы к дому мистера Потта, условившись заранее, что утром они все соберутся в «Городском Гербе» и будут сопровождать процессию почтенного Сэмюела Сламки до того места, где будут провозглашаться кандидаты.

Семейный круг мистера Потта ограничивался им самим и его женой. У всех, кого мощный гений вознес на большую высоту, обычно имеется какая-нибудь маленькая слабость, несовместимая с основными чертами их характера и тем более примечательная. Если мистер Потт имел какую-нибудь слабость, то, быть может, заключалась она в том, что он, *пожалуй,* слишком подчинялся влиянию своей жены, которая, не без презрения, главенствовала над ним. Мы не считаем себя вправе как-либо подчеркивать этот факт, ибо в данном случае самые пленительные уловки миссис Потт были пущены в ход для встречи двух джентльменов.

— Моя дорогая,— сказал мистер Потт,— мистер Пиквик... мистер Пиквик из Лондона.

Миссис Потт ответила на отеческое рукопожатие мистера Пиквика очаровательной улыбкой; мистер Уинкль, который вовсе не был представлен, шаркал ногами и кланялся, забытый в темном углу комнаты.

— Потт, друг мой...— сказала миссис Потт.

— Жизнь моя! — отозвался мистер Потт.

— Пожалуйста, представь другого джентльмена.

— Тысяча извинений! — сказал мистер Потт.— Разрешите... миссис Потт, мистер...

— Уинкль,— подсказал мистер Пиквик.

— Уинкль! — повторил мистер Потт, и церемония представления была закончена.

— Мы должны извиниться перед вами, сударыня,— начал мистер Пиквик,— в том, что без всякого предупреждения нарушаем ваш домашний покой.

— Прошу вас, не говорите об этом, сэр,— с живостью отвечала дражайшая половина мистера Потта.— Уверяю вас, для меня настоящий праздник увидеть новые лица! Я живу изо дня в день и неделю за неделей в этом скучном месте, никого не видя.

— Никого, дорогая моя! — лукаво воскликнул мистер Потт.

— Никого, кроме *тебя,*— резко отпарировала миссис Потт.

— Знаете, мистер Пиквик,— сказал хозяин в пояснение к жалобе своей жены,— мы до известной степени лишены многих развлечений и удовольствий, которыми могли бы пользоваться при иных условиях. Мое общественное положение редактора «Итенсуиллской газеты», тот вес, каким эта газета пользуется в стране, мое постоянное пребывание в водовороте политики...

— Пи, друг мой...— перебила миссис Потт.

— Жизнь моя...— отозвался редактор.

— Мне бы хотелось, друг мой, чтобы ты попробовал найти какую-нибудь тему для разговора, в которой джентльмены могли бы принять участие.

— Но, милочка...— с великим смирением возразил мистер Потт,— мистер Пиквик этим интересуется.

— И благо ему, если он может этим интересоваться,— выразительно сказала миссис Потт.— А мне до смерти надоела ваша политика, ссоры с «Независимым» и весь этот вздор. Я просто удивляюсь, Пи, что ты лезешь со своими глупостями!

— Но, дорогая моя...— начал мистер Потт.

— Ах, вздор, и слушать не хочу,— прервала миссис Потт.— Вы играете в экарте, сэр?

— Я буду счастлив научиться под вашим руководством,— ответил мистер Уинкль.

В таком случае придвиньте вон тот столик к окну, чтобы я не слыхала больше об этой прозаической политике.

— Джейн,— сказал мистер Потт служанке, которая внесла свечи,— пойдите вниз в контору и принесите мне пачку номеров «Газеты» за тысячу восемьсот двадцать восьмой год. Я хочу прочесть вам,— добавил редактор, обращаясь к мистеру Пиквику,— я хочу прочесть вам сейчас несколько передовых статей, которые я написал в то время о затее Желтых, задумавших назначить нового сборщика пошлин у одной из наших застав... Полагаю, они вас развлекут.

— Да, мне бы очень хотелось послушать,— сказал мистер Пиквик.

Была доставлена пачка газет, и редактор сел рядом с мистером Пиквиком.

Мы тщетно рылись в записной книжке мистера Пиквика в надежде найти хотя бы краткое изложение этих прекрасных статей. Мы имеем все основания предполагать, что он был в полном восхищении от силы и свежести их стиля; во всяком случае мистер Уинкль отметил тот факт, что глаза мистера Пиквика были закрыты, как бы от чрезмерного удовольствия, все время, пока длилось чтение.

Приглашение к ужину положило конец игре в экарте и ознакомлению с красотами «Итенсуиллской газеты». Миссис Потт была в прекраснейшем состоянии духа и в высшей степени любезна. Мистер Уинкль успел в значительной мере снискать ее расположение, и она не задумалась сообщить ему конфиденциально, что мистер Пиквик — «прелестный старичок». Это выражение отличается фамильярностью, которую очень немногие из тех, кто был близко знаком с этим колоссального ума человеком, осмелились бы себе позволить. Однако мы его сохранили, ибо оно является трогательным и убедительным показателем того уважения, с каким относились к нему все слои общества, и той легкости, с какой он находил путь ко всем сердцам и чувствам.

Был поздний час — много времени спустя, после того как мистер Тапмен и мистер Снодграсс заснули в сокровенных тайниках «Павлина»,— когда два друга удалились на отдых. Дремота вскоре окутала сознание мистера Уинкля, но его чувства были взбудоражены и восхищение зажжено; и в течение многих часов, когда сон стер для него восприятие всех земных предметов, лицо и фигура любезной миссис Потт рисовались снова и снова его смятенному воображению.

Шум и суета, возвестившие о наступлении утра, могли вытеснить из головы самого романтического мечтателя в мире все ассоциации, кроме тех, которые непосредственно связывались с быстро приближавшимися выборами. Бой барабанов, звуки рожков и труб, крики людей и топот лошадей гулко проносились вдоль улиц с самого рассвета, а случайные стычки между застрельщиками обеих партий оживляли приготовления и вместе с тем приятно их разнообразили.

— Ну, Сэм,— сказал мистер Пиквик своему камердинеру, появившемуся в дверях спальни, когда он заканчивал свой туалет,— сегодня, кажется, весь город на ногах.

— Сущая потеха, сэр,— отвечал мистер Уэллер.— Наши собрались в «Городском Гербе» и уже надорвали себе глотки.

— А! — сказал мистер Пиквик.— До такой степени они преданы своей партии, Сэм?

— В жизни не видал такой преданности, сэр.

— Деятельные люди? — сказал мистер Пиквик.

— На редкость,— ответил Сэм.— Еще никогда не видал, чтобы люди столько ели и пили. Дивлюсь, как они не боятся лопнуть.

— Это излишняя доброта здешних помещиков,— заметил мистер Пиквик.

— Похоже на то,— коротко ответил Сэм.

— Они производят впечатление славных, свежих, здоровых ребят,— сказал мистер Пиквик, выглядывая из окна.

— Еще бы не свежих,— отозвался Сэм,— я с двумя лакеями из «Павлина» здорово откачивал независимых избирателей после их вчерашнего ужина.

— Откачивали независимых избирателей! — воскликнул мистер Пиквик.

— Ну, да,— ответил его слуга,— спали, где упали, утром мы вытащили их одного за другим и — под насос, а теперь они, регулярно, в полном порядке. По шиллингу с головы комитет выдал за эту работу.

— Быть не может! — воскликнул пораженный мистер Пиквик.

— Помилуй бог, сэр,— сказал Сэм,— где же это вас крестили, да не докрестили? Да это еще пустяки.

— Пустяки? — повторил мистер Пиквик.

— Сущие пустяки, сэр,— отвечал слуга.— Вечером накануне последних выборов противная партия подкупила служанку в «Городском Гербе», чтобы она фокус-покус устроила с грогом четырнадцати избирателям, которые остановились в гостинице и еще не голосовали.

— Что значит устроить фокус-покус с грогом? — осведомился мистер Пиквик.

— Подлить снотворного,— отвечал Сэм.— Будь я проклят, если она не усыпила их всех так, чтоб они опоздали на двенадцать часов к выборам! Одного для пробы положили на носилки и доставили к палатке, где голоса подавались, да не прошло — не допустили голосовать! Тогда его отправили обратно и опять уложили в постель.

— Странные приемы,— сказал мистер Пиквик, не то разговаривая сам с собой, не то обращаясь к Сэму.

— И наполовину не такие странные, сэр, как одно чудесное происшествие, что̀ случилось с моим собственным отцом во время выборов в этом самом городе,— отозвался Сэм.

— А что такое? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— А вот, ездил он сюда прежде с каретой,— начал Сэм,— подошли выборы, одна партия и наняла его доставить избирателей из Лондона. Вечером, накануне отъезда, комитет другой партии посылает за ним потихоньку, он идет за посланным, тот вводит его в большую комнату... множество джентльменов, горы бумаг, перья, чернила и все такое. «А, мистер Уэллер,— говорит джентльмен, сидящий в кресле,— очень рад вас видеть, сэр,

как поживаете?» — «Очень хорошо, благодарю вас, сэр,— говорит отец,— надеюсь, и вы чувствуете себя недурно?» — «Ничего себе, благодарю вас, сэр,— говорит джентльмен,— присаживайтесь, мистер Уэллер... пожалуйста, присаживайтесь, сэр». Вот отец присаживается, и уставились они с джентльменом друг на друга. «Вы меня не помните?» — говорит джентльмен. «Не могу сказать, чтобы помнил»,— говорит отец. «О, я вас знаю,— говорит джентльмен,— знал вас, когда вы мальчиком были»,— говорит он. «Ну, а я вас не помню»,— говорит отец. «Это очень странно»,— говорит джентльмен. «Очень»,— говорит отец. «Должно быть, у вас плохая память, мистер Уэллер»,— говорит джентльмен. «Да, память очень плохая»,— говорит отец. «Я так и думал»,— говорит джентльмен. Ну, тут наливает он ему стакан вина и обхаживает его, говорит, как он, мол, хорошо лошадьми правит; отец, регулярно, разошелся, а под конец тот сует ему в руку билет в двадцать фунтов. «Очень плохая дорога отсюда до Лондона»,— говорит джентльмен. «Местами дорога тяжелая»,— говорит отец. «Особенно около канала, кажется»,— говорит джентльмен. «Место пакостное, это правильно»,— говорит отец. «Ну-с, мистер Уэллер,— говорит джентльмен,— мы знаем, что кучер вы прекрасный и с лошадьми можете сделать что хотите. Все мы вас очень любим, мистер Уэллер; так что если произойдет несчастный случай, когда вы повезете сюда этих вот избирателей, и если они вывалятся в канал без вредных последствий, так эти деньги берите себе»,— говорит он. «Джентльмен, вы очень добры,— говорит отец,— и за ваше здоровье я выпью еще стакан вина»,— говорит он. Выпил, а потом спрятал деньги и откланялся. Вы не поверите, сэр,— продолжал Сэм, с невыразимым бесстыдством глядя на своего хозяина,— что в тот самый день, как поехал он с этими избирателями, его карета и опрокинулась на том вот самом месте, и все до единого высыпались в канал.

— И все они благополучно выбрались оттуда? — быстро спросил мистер Пиквик.

— Как же...— очень медленно отвечал Сэм,— похоже на то, что одного старого джентльмена не досчитались, знаю, что нашли его шляпу, а не совсем уверен, была ли

ней его голова или нет. Но вот тут-то самое странное и удивительное совпадение, по-моему: после того, что сказал этот джентльмен, карета отца опрокинулась на том самом месте и в тот самый день!

— Да, несомненно, это очень странное обстоятельство,— сказал мистер Пиквик.— Но почистите-ка мне шляпу. Сэм, я слышу, что мистер Уинкль зовет меня завтракать.

С этими словами мистер Пиквик спустился в гостиную, где увидел, что завтрак подан и семья в сборе. Позавтракали на скорую руку; у каждого джентльмена шляпа была украшена огромной синей кокардой, сделанной прелестными ручками самой миссис Потт; так как мистер Уинкль вызвался сопровождать эту леди на крышу дома, смежного с платформой, то мистер Пиквик и мистер Потт отправились вдвоем в «Городской Герб», где из заднего окна один из членов комитета мистера Сламки обращался с речью к шести мальчишкам и одной девочке, величая их непрестанно внушительным титулом «мужей итенсуиллских», на что шесть вышеупомянутых мальчишек отвечали громкими криками.

Конный двор недвусмысленно свидетельствовал о славе и могуществе итенсуиллских Синих. Здесь была целая армия синих флагов — одни с одним древком, другие с двумя демонстрировали подобающие лозунги золотыми буквами в четыре фута длиною и соответствующей толщины. Здесь был большой оркестр из труб, фаготов и барабанов, по четыре музыканта в ряду; они добросовестно зарабатывали свои деньги, в особенности очень мускулистые барабанщики. Здесь были отряды констеблей * с синими жезлами, двадцать членов комитета с синими шарфами и толпа избирателей с синими кокардами. Здесь были избиратели верхом и избиратели пешие. Здесь была открытая коляска, запряженная четверкой, для почтенного Сэмюела Сламки; и здесь были четыре коляски, запряженные парой, для его друзей и приверженцев. Флаги шелестели, оркестр играл, констебли ругались, двадцать членов комитета препирались, толпа орала, лошади пятились, форейторы потели; все и всё, что здесь собралось, старались исключительно ради пользы, выгоды, чести и славы почтенного Сэмюела Сламки, из

Сламки-Холла, одного из кандидатов для представительства города Итенсуилла в палате общин парламента Соединенного королевства.

Долго и громко раздавались крики «ура», и величественно шелестело одно из синих знамен с начертанными на нем словами: «Свобода печати», когда рыжая голова мистера Потта была замечена в одном из окон стоявшею внизу толпою; и безгранично возрос энтузиазм, когда сам почтенный Сэмюел Сламки, в сапогах с отворотами и в синем галстуке, выступил вперед, пожал руку вышеназванному Потту и мелодраматическими жестами демонстрировал перед толпой свою несказанную признательность «Итенсуиллской газете».

— Все ли готово? — спросил почтенный Сэмюел Сламки мистера Перкера.

— Все, уважаемый сэр,— был ответ маленького джентльмена.

— Ничего, надеюсь, не забыли? — сказал достопочтенный Сэмюел Сламки.

— Все сделано, уважаемый сэр, все до последней мелочи. На улице у двери находятся двадцать человек, хорошо вымытых, вы им пожмете руки, и шестеро грудных младенцев — вы их погладите по головке и спросите, сколько каждому из них месяцев. Будьте особенно внимательны к детям, уважаемый сэр, не забывайте, что это всегда производит огромное впечатление.

— Я об этом позабочусь,— сказал почтенный Сэмюел Сламки.

И, пожалуй, уважаемый сэр,— добавил предусмотрительный маленький человек,— пожалуй, если бы вы *могли* — я не говорю, что это обязательно,— но если бы вы могли *поцеловать* одного из них, это произвело бы огромное впечатление на толпу.

— Разве не тот же получится эффект, если это сделает пропонент [1] или секундант? — осведомился почтенный Сэмюел Сламки.

— Боюсь, что нет,— отвечал агент,— если вы это

---

[1] Член комитета, предлагавший кандидата в парламент; это предложение должно было быть поддержано вторым лицом — «секундантом». *(Прим. перев.)*

сами сделаете, уважаемый сэр, мне кажется, это создаст вам большую популярность.

— Очень хорошо,— покорно сказал почтенный Сэмюел Сламки,— значит, это должно быть сделано. Вот и все.

— Стройтесь в процессию! — кричали двадцать членов комитета.

Под восторженные крики собравшейся толпы оркестр, констебли, члены комитета, избиратели, всадники и экипажи заняли свои места; в коляски влезло столько джентльменов, сколько могло уместиться в них стоя; а экипаж, предназначенный для мистера Перкера, вместил еще мистера Пиквика, мистера Тапмена и мистера Снодграсса, не считая полудюжины членов комитета.

Наступил момент страшного напряжения, когда процессия ждала, чтобы почтенный Сэмюел Сламки вошел в свой экипаж. Вдруг толпа разразилась громкими криками «ура».

— Вышел! — сказал маленький мистер Перкер чрезвычайно возбужденно, тем более что занимаемая ими позиция лишала его возможности видеть, что происходит впереди.

Новое «ура», еще громче.

— Пожимает руки! — крикнул маленький агент.

Новое «ура», еще сильнее.

— Гладит детей по головке,— сказал мистер Перкер, дрожа от волнения.

Взрыв аплодисментов потрясает воздух.

— Целует ребенка! — восхищенно воскликнул маленький джентльмен.

Второй взрыв.

— Целует другого! — задыхался взволнованный агент.

Третий взрыв.

— Целует всех! — взвизгнул восторженный маленький джентльмен.

И, приветствуемая оглушительными криками толпы, процессия тронулась в путь.

Каким образом и по каким причинам она смешалась с другой процессией и как в конце концов выпутались из сумятицы, за этим воспоследовавшей, описывать мы не беремся, тем более что в самом начале суматохи

шляпа мистера Пиквика одним толчком древка желтого знамени была нахлобучена ему на глаза, нос и рот. Когда ему удавалось хоть что-то разглядеть,— пишет он,— вокруг себя он видел злобные физиономии, огромное облако пыли и густую толпу сражающихся. Он описывает, как был выброшен из экипажа какою-то невидимой силой и лично принял участие в кулачной расправе, но с кем, как и почему — он решительно не в состоянии установить. Затем он почувствовал, как стоявшие сзади подтолкнули его на какие-то деревянные ступеньки, и, водрузив шляпу на место, он оказался в кругу друзей в самых первых рядах левого крыла платформы. Правое было предоставлено партии Желтых, а центр — мэру и его чиновникам, один из коих — толстый герольд Итенсуилла — звонил в колокольчик необычайных размеров, дабы воцарилась тишина. Тем временем мистер Горацио Физкин и почтенный Сэмюел Сламки, прижимая руки к сердцу, кланялись с величайшей приветливостью взбаламученному морю голов, затопившему открытое перед ними пространство, откуда поднималась такая буря стонов, криков, воплей и улюлюканья, которая сделала бы честь землетрясению.

— А вот и Уинкль! — сказал мистер Тапмен, потянув своего друга за рукав.

— Где? — спросил мистер Пиквик, надевая очки, которые, по счастью, хранил до сей поры в кармане.

— Вон там,— ответил мистер Тапмен,— на крыше того дома.

И действительно, в свинцовом желобе черепичной крыши комфортабельно восседали на двух стульях мистер Уинкль и миссис Потт, размахивая носовыми платками в знак приветствия,— любезность, на которую мистер Пиквик ответил, послав леди воздушный поцелуй.

Процедура еще не началась; а так как праздная толпа обычно расположена к шуткам, то достаточно было этого невинного поступка, чтобы их вызвать.

— Ах он старый греховодник,— кричал чей-то голос,— волочится за девчонками!

— Ого, достопочтенный плут! — подхватил другой.

— Напялил очки — замужнюю женщину разглядывать! — кричал третий.

— Да он подмигивает ей своим блудливым глазом! — орал четвертый.

— Присматривай за женою, Потт! — ревел пятый.

За этим последовал взрыв смеха.

Так как эти насмешки сопровождались возмутительными сравнениями мистера Пиквика со старым бараном и различными остротами в таком же духе и вдобавок угрожали задеть репутацию ни в чем не повинной леди, возмущение мистера Пиквика достигло наивысшей степени; но в эту минуту раздался призыв к соблюдению тишины, и он удовлетворился тем, что опалил толпу взглядом, выражавшим сожаление о такой развращенности их умов; в ответ на это раздался еще более буйный хохот.

— Тише! — орали спутники мэра.

— Уиффин, водворите спокойствие! — распорядился мэр с торжественным видом, приличествующим его высокому положению.

Подчиняясь приказанию, герольд исполнил второй концерт на колокольчике, после чего какой-то джентльмен в толпе крикнул: «Пышки, пышки!» — что послужило поводом к новому взрыву смеха.

— Джентльмены! — выкрикнул мэр, напрягая изо всех сил голос.— Джентльмены! Собратья, избиратели города Итенсуилла! Мы сошлись здесь сегодня, чтобы избрать представителя на место нашего покойного...

Тут речь мэра была прервана голосом из толпы.

— Да здравствует мэр! — кричал кто-то.— И пускай он не покидает своей скобяной лавки, где выколачивает денежки!

Этот намек на профессиональные занятия оратора был встречен бурей восторга, которая под аккомпанемент колокольчика заглушила продолжение речи оратора, за исключением последней фразы, выражавшей благодарность собравшимся за терпеливое внимание, с которым они выслушали его от начала до конца, каковое изъявление благодарности вызвало новый взрыв ликования, не затихавший в течение четверти часа.

Засим высокий худой джентльмен в белом и очень жестком галстуке, после настойчивых пожеланий толпы,

чтобы он «послал домой узнать, не оставил ли он свой голос под подушкой», попросил разрешения назвать самое подходящее лицо для представительства в парламенте. И когда он провозгласил, что таковым является Горацио Физкин, эсквайр из Физкин лоджа, близ Итенсуилла, физкивисты зааплодировали, а сламкисты орали так долго и так оглушительно, что и он и секундант могли бы с успехом вместо речи затянуть веселые куплеты,— никто бы этого и не заметил.

После того как друзья Горацио Физкина, эсквайра, закончили свое выступление, невысокий раздражительный краснолицый джентльмен вышел вперед и предложил другое самое подходящее лицо для представительства в парламенте от избирателей Итенсуилла; и краснолицый джентльмен преуспел бы в этом как нельзя лучше, не будь он слишком раздражителен, чтобы должным образом отвечать на веселье толпы. Но после нескольких выразительных фраз краснолицый джентльмен перешел от изобличения тех голосов в толпе, которые его прерывали, к обмену дерзостями с джентльменами на платформе; вслед за сим поднялся такой рев, который привел его к необходимости выразить свои чувства энергической пантомимой, что он и сделал, уступая место секунданту, который читал речь по рукописи в течение получаса, и его нельзя было остановить, потому что он передал ее уже в «Итенсуиллскую газету», и «Итенсуиллская газета» напечатала ее от слова до слова.

Затем Горацио Физкин, эсквайр из Физкин лоджа, близ Итенсуилла, появился собственной персоной, чтобы лично обратиться к избирателям. Едва он выступил, как оркестр, нанятый почтенным Сэмюелом Сламки, заиграл с такой силой, в сравнении с которой утренняя его энергия была ничтожна; в ответ на это Желтая толпа начала обрабатывать головы Синей толпы, а Синяя толпа попыталась освободиться от неприятного соседства Желтой толпы; после чего воспоследовала толкотня, борьба и свалка, воздать должное коим мы можем не в большей мере, чем мог воздать мэр, хотя он и отдал строгий приказ двенадцати констеблям схватить зачинщиков, число которых простиралось примерно до двухсот пятидесяти

человек. По мере развития этих событий ярость и бешенство Физкина, эсквайра из Физкин лоджа, и его друзей возрастали, пока, наконец, Горацио Физкин, эсквайр из Физкин лоджа, не обратился с вопросом к своему противнику, почтенному Сэмюелу Сламки из Сламки-Холла, не играет ли оркестр с его согласия, и когда почтенный Сэмюел Сламки уклонился от ответа, Горацио Физкин, эсквайр из Физкин лоджа, потряс кулаком перед лицом почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла; после чего почтенный Сэмюел Сламки, чья кровь вскипела, вызвал Горацио Физкина, эсквайра, на смертный поединок. При этом нарушении всех известных правил и прецедентов мэр скомандовал исполнить новую фантазию на председательском колокольчике и объявил, что прикажет привести к себе обоих — Горацио Физкина, эсквайра из Физкин лоджа, и почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла — и заставит их поклясться в сохранении мира. В ответ на это грозное предостережение в дело вмешались сторонники обоих кандидатов, и после того как приверженцы двух партий проспорили друг с другом в течение трех четвертей часа, Горацио Физкин, эсквайр, коснулся своей шляпы и взглянул на почтенного Сэмюела Сламки; почтенный Сэмюел Сламки коснулся своей шляпы и взглянул на Горацио Физкина, эсквайра; оркестр умолк; толпа несколько успокоилась, и Горацио Физкину, эсквайру, было позволено продолжать свою речь.

Речи обоих кандидатов, хотя и отличались одна от другой во всех прочих отношениях, воздавали цветистую дань заслугам и высоким достоинствам итенсуиллских избирателей. Каждый выражал убеждение, что более независимых, более просвещенных, более горячих в делах общественных, более благородно мыслящих, более неподкупных людей, чем те, кто обещал за него голосовать, еще не видел мир; каждый туманно высказывал свои подозрения, что избиратели, действующие в противоположных ему интересах, обладают скотскими слабостями и одурманенной головой, лишающей их возможности выполнить важнейшие обязанности, на них возложенные. Физкин выразил готовность делать все, что от него потребуют; Сламки — твердое намерение не

делать ничего, о чем бы его ни просили. Оба говорили о том, что торговля, промышленность, коммерция, процветание Итенсуилла ближе их сердцам, чем что бы то ни было на свете; и каждый располагал возможностью утверждать с полной уверенностью, что именно он — тот, кто подлежит избранию.

Был произведен подсчет поднятых рук; мэр решил в пользу почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла. Горацио Физкин, эсквайр из Физкин лоджа, потребовал поименной подачи голосов, и поименная подача голосов была назначена. Засим голосовали выражение благодарности мэру за то, что он безупречно председательствовал, а мэр, искренне желая безупречно *председательствовать* (ибо в течение всей церемонии он стоял), поблагодарил собравшихся. Процессии перестроились, экипажи медленно проехали сквозь толпу, а толпа, отдаваясь своим чувствам, вопила и кричала вслед все, что ей заблагорассудится.

Пока происходили выборы, город пребывал в лихорадочном возбуждении. Все было проведено в самом либеральном и очаровательном стиле. Продукты, подлежащие акцизу, продавались во всех трактирах удивительно дешево, рессорные фургоны разъезжали по улицам для удобства избирателей, охваченных временным головокружением,— эта эпидемия распространилась среди избирателей во время избирательной борьбы в самых устрашающих размерах, вследствие чего на каждом шагу можно было видеть избирателя, возлежавшего на мостовой в состоянии полного бесчувствия. Небольшая группа избирателей воздерживалась от участия в избирательной кампании до самого последнего момента. Это были расчетливые и рассудительные люди, все еще не убежденные доводами ни одной из партий, хотя они и совещались часто с обеими. За час до конца подачи голосов мистер Перкер стал домогаться чести приватного свидания с этими людьми, понятливыми, благородными; согласие на свидание было дано. Доводы мистера Перкера были кратки, но убедительны. Эти люди отправились к месту подачи голосов всей группой; а когда избиратели оттуда выбрались, почтенный Сэмюел Сламки из Сламки-Холла оказался выбранным.

ГЛАВА XIV,

содержащая краткое описание компании, собравшейся в «Павлине», и повесть, рассказанную торговым агентом

От созерцания борьбы и сутолоки политической жизни приятно обратиться к безмятежному покою жизни семейной. Не будучи по существу рьяным приверженцем ни единой из партий, мистер Пиквик тем не менее заразился энтузиазмом мистера Потта настолько, что все свое время и внимание отдавал делам, описание которых дано в последней главе, составленной на основании его собственных заметок. Пока он был поглощен этим занятием, не терял времени даром и мистер Уинкль,— он посвящал его приятным прогулкам и маленьким загородным экскурсиям с миссис Потт, не упускавшей случая скрасить томительное однообразие жизни, на которое она постоянно жаловалась. Таким образом, оба эти джентльмена прижились в доме редактора, в то время как мистер Тапмен и мистер Снодграсс были в значительной степени предоставлены самим себе. Питая весьма слабый интерес к делам общественным, они коротали свой досуг главным образом за теми развлечениями, какие можно было найти в «Павлине» и которые ограничивались китайским бильярдом, находившимся в первом этаже, и кегельбаном, удаленным на задний двор. В тайну и прелесть этих двух игр, куда более туманных, чем предполагают простые смертные, посвятил их мистер Уэллер, в совершенстве постигший такого рода забавы. Благодаря этому они могли коротать время и не ощущать гнетущей его тяжести, хотя и были большей частью лишены полезного и приятного общества мистера Пиквика.

Однако всего занятнее бывало в «Павлине» по вечерам, что заставляло двух друзей отклонять даже приглашения даровитого, хотя и скучного Потта. Как раз по вечерам «коммерческая комната» служила местом сборища для кружка людей, чьи характеры и нравы с наслаждением наблюдал мистер Тапмен, чьи слова и

дела имел обыкновение заносить в свою книжку мистер Снодграсс.

Всем известно, что̀ такое комнаты для торговых агентов. Комната в «Павлине» по существу ничем не отличалась от такого рода помещений: иными словами, это была большая комната, скудно убранная, обстановка которой в прежние времена была несомненно лучше, чем теперь,— с огромным столом посредине и множеством столиков по углам, с обширной коллекцией разнокалиберных стульев и старым турецким ковром, который занимал в этой просторной комнате столько же места, сколько занял бы дамский носовой платок, разостланный на полу караульни. Две-три огромные географические карты украшали стены; в углу на длинном ряде колышков болтались неуклюжие, пострадавшие от непогоды балахоны с замысловатыми капюшонами. Каминная полка была украшена деревянной чернильницей с огрызком пера внутри и с половинкой облатки на ней, путеводителем и адресной книгой, историей графства без переплета и останками форели в стеклянном гробу. Воздух был насыщен табачным дымом, который придавал грязноватую окраску всей комнате, а в особенности пыльным красным занавескам на окнах. Буфетная служила пристанищем для самых разнообразных предметов, среди которых наибольшее внимание обращали на себя судок с очень мутной соей, ко̀злы, два-три кнута, столько же дорожных пледов, поднос с ножами и вилками и горчица.

Здесь-то и пребывали мистер Тапмен и мистер Снодграсс вечером по окончании выборов, вместе с другими временными обитателями гостиницы проводя досуг за куреньем и выпивкой.

— Ну-с, джентльмены,— сказал дородный, крепкий мужчина лет сорока, об одном глазе — очень блестящем черном глазе, который поблескивал и плутовски и добродушно,— ну-с, джентльмены, выпьем за наши собственные благородные особы. Я всегда предлагаю компании этот тост, а сам пью за здоровье Мэри. Верно, Мэри?

— Не приставайте ко мне, противный! — отозвалась служанка, явно польщенная комплиментом.

— Не уходите, Мэри,— продолжал человек с черным глазом.

— Отстаньте, нахал! — оборвала юная особа.

— Не горюйте, Мэри! — крикнул одноглазый, когда девушка вышла из комнаты.— Скоро я к вам приду. Будьте бодрее, милочка!

Тут он без особых затруднений начал подмигивать всей компании единственным глазом, к превеликому удовольствию пожилого субъекта с грязной физиономией и глиняной трубкой.

— Забавные создания — эти женщины,— сказал грязнолицый субъект, когда водворилось молчание.

— Да, что и говорить,— откликнулся, затягиваясь сигарой, человек с багровым лицом.

После этих философических замечаний разговор снова оборвался.

— А все-таки есть на свете вещи и почуднее женщины,— сказал человек с черным глазом, медленно набивая большую голландскую трубку с очень вместительной головкой.

— Вы женаты? — осведомился человек с грязным лицом.

— Не могу сказать этого о себе.

— Я так и думал.

И грязнолицый радостно захохотал над своею же собственной репликой, а его примеру последовал человек с мягким голосом и благодушной физиономией, который считал своим долгом соглашаться со всеми.

— А все-таки, джентльмены,— сказал восторженный мистер Снодграсс,— в нашей жизни женщины являются великой опорой и утешением!

— Совершенно верно! — тотчас же согласился благодушный джентльмен.

— Когда они в хорошем расположении духа,— вставил грязнолицый.

— И это верно,— сказал благодушный.

— Я восстаю против такой оговорки,— возразил мистер Снодграсс, чьи мысли мгновенно обратились к Эмили Уордль,— восстаю с презрением... с негодованием. Покажите мне человека, который смеет говорить против

женщин как таковых, и я ему напрямик скажу, что он — не мужчина!

И мистер Снодграсс вынул изо рта сигару и энергически ударил кулаком по столу.

— Вот это прекрасный довод,— объявил благодушный.

— Довод, включающий положение, которое я отрицаю,— перебил субъект с грязной физиономией.

— И ваше замечание также весьма справедливо, сэр,— сказал благодушный.

— За ваше здоровье, сэр! — воскликнул одноглавый торговый агент, одобрительно кивая мистеру Снодграссу.

Мистер Снодграсс поблагодарил.

— Всегда люблю послушать хорошие доводы,— сказал торговый агент,— убедительные, вроде вашего... очень поучительно. Ну, а этот маленький спор о женщинах напомнил мне одну историю, которую я слыхал от старика дяди. Вот потому-то я и заметил, что бывают на свете вещи почуднее женщин.

— Хотел бы я услышать эту историю,— заметил краснолицый человек с сигарой.

— Да ну? — лаконически отозвался агент, продолжая курить с большим увлечением.

— Хотел бы и я послушать,— сказал мистер Тапмен, до сей поры не раскрывавший рта.

Он всегда стремился расширить свой кругозор.

— И *вам* хотелось бы? Ну, в таком случае я расскажу. А впрочем, нет!.. Знаю, что вы все равно не поверите,— объявил человек с плутовским глазом, сообщая этому органу на сей раз еще более плутовское выражение.

— Конечно, поверю, раз вы говорите, что это правда,— возразил мистер Тапмен.

— Ну-с, на таких условиях я начну рассказ,— ответил агент.— Слыхали вы когда-нибудь о крупной торговой фирме «Билсон и Слам»? А впрочем, неважно, если и не слыхали, потому что они давненько уже ее прикрыли. Восемьдесят лет прошло с тех пор, как приключилась эта история с агентом фирмы «Билсон и Слам», а был он закадычным другом моего дяди, и дядя расска-

зал всю историю мне. У нее странное название, но обыкновенно он ее называл:

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТОРГОВОГО АГЕНТА

и рассказывал ее примерно так:

«Однажды зимним вечером, часов в пять, когда только-только начало смеркаться, на дороге, что тянется по песчаным холмам Мальборо * в направлении к Бристолю, можно было увидеть человека в двуколке, понукавшего усталую лошадь. Я говорю — можно было увидеть, и не сомневаюсь, что его и увидали бы, случись здесь проходить кому-нибудь, кто не слеп; но погода была такая скверная, а вечер такой сырой и холодный, что на дороге не было ничего, кроме воды, и путник подвигался помаленьку вперед посредине дороги, одинокий и порядком приунывший. Если бы какой-нибудь торговый агент тех времен заметил маленькую ненадежную двуколку с кузовом цвета глины и красными колесами, а также злую, норовистую гнедую рысистую кобылу, которая, казалось, происходила от лошади мясника и пони двухпенсового почтальона, он сразу узнал бы в этом путнике не кого иного, как Тома Смарта из крупной фирмы «Билсон и Слам», Кейтетов-стрит, Сити. Но так как ни один торговый агент его не видел, то никто ничего об этом и не знал; и вот Том Смарт, его двуколка цвета глины, с красными колесами, и злая рысистая кобыла подвигались вместе вперед, храня про себя свою тайну; и никому никакой прибыли от этого не было.

Даже на нашей скучной планете есть много мест получше, чем холмы Мальборо, когда там дует сильный ветер. А если вы сюда еще прибавите пасмурный зимний вечер, грязную мокрую дорогу и проливной дождь да еще испытаете их действие на собственной персоне, вы оцените глубокий смысл этого замечания.

Ветер дул не в лицо и не в спину,— хотя и это не особенно приятно,— а как раз поперек дороги, так что дождь лил струями, косыми, как линейки, которые проводят в школьных тетрадках, чтобы мальчики хорошо писали косым почерком. На секунду ветер стихал, и путник начинал обольщаться надеждой, что ураган, исто-

щив запас злости, прилег на отдых, как вдруг — ууу! — вдали раздавался вой и свист, и ветер мчался над вершинами холмов, рыскал по равнине и, напрягая все силы по мере своего приближения, в бурном порыве обрушивался на лошадь и человека, забивал им в уши острые струи дождя и пронизывал до костей своим холодным, сырым дыханием. Покинув их, он уносился далеко-далеко, с оглушительным ревом, словно высмеивая их слабость и упиваясь сознанием своей силы и могущества.

Гнедая кобыла, опустив уши, шлепала по воде и по грязи, изредка потряхивая головой, точно она возмущалась этим неджентльменским поведением стихий, однако не замедляла шага, пока порыв ветра, своим бешенством превосходивший все прежние атаки, не заставил ее вдруг остановиться и твердо упереться всеми четырьмя ногами в землю, чтобы ее не сдуло ветром. И это счастье, что она так поступила, ибо злая кобыла была такой легкой, двуколка была такой легкой да и Том Смарт был такого легкого веса, что, если бы ветер сдул ее, им всем вместе неизбежно пришлось бы катиться и катиться, пока они не достигнут края земли или ветер не стихнет; и в том и в другом случае весьма вероятно, что злая кобыла, двуколка цвета глины, с красными колесами, и Том Смарт оказались бы в дальнейшем непригодными к работе.

— Черт бы побрал мои штрипки и баки! — говорит Том Смарт (у Тома была прескверная привычка ругаться).— Черт бы побрал мои штрипки и баки,— говорит Том,— если кому-нибудь эта погода приятна, черт бы ее поддувал!

Вероятно, вы меня спросите, почему Том Смарт, которого и так уже чуть было не сдуло, изъявил желание еще раз подвергнуться той же процедуре. На это я ответить не могу, знаю только, что так выразился Том Смарт,— по крайней мере дяде моему он всегда рассказывал, что выразился точь-в-точь так, стало быть, так оно есть.

— Черт бы ее поддувал! — говорит Том Смарт, и кобыла заржала, как будто и она была точно такого же мнения.

— Бодрей, старушка! — сказал Том, поглаживая кнутом шею гнедой кобылы.— Так мы далеко не уедем в такую погодку. Только бы нам до какого-нибудь дома добраться, там мы и остановимся, а потому, чем быстрее ты пойдешь, тем скорее это кончится. Ну-ну, старушка, поживей... поживей!

Умела ли злая кобыла, хорошо знавшая голос Тома, угадывать его мысли по интонации, или она убедилась, что стоять на месте холоднее, чем двигаться, на это я, конечно, не могу ответить. Но вот что мне известно: не успел Том выговорить последнее слово, как она навострила уши и понеслась с такой быстротой и помчала двуколку цвета глины с таким грохотом, что, казалось, красные спицы колес все до единой разлетятся по траве, покрывавшей холмы Мальборо; и даже Том — уж на что̀ был кучер! — не мог ее остановить или придержать, пока она по собственному желанию не остановилась перед гостиницей, справа от дороги, на расстоянии около четверти мили от того места, где кончаются холмы.

Том бросил вожжи конюху, сунул кнут в козлы и быстро окинул взглядом верхние окна дома. Это был своеобразный старый дом, сложенный из каких-то камней, между которыми были вставлены перекрещивавшиеся балки, с выступавшими фронтонами над окнами, с низкой дверью под темным навесом и с двумя крутыми ступенями, ведущими вниз, вместо той полдюжины низких ступенек, которые в домах нового фасона ведут вверх. Впрочем, дом казался уютным: в окно буфетной был виден яркий приветливый свет, блестящая полоса которого пересекала дорогу и освещала даже живую изгородь по другую сторону ее; в окне напротив виднелся красный мерцающий свет, который то угасал, то вспыхивал ярко, пробираясь сквозь спущенные занавески и свидетельствуя о том, что в камине пылает огонь. От глаз опытного путешественника не ускользнули эти мелочи, и Том выскочил из двуколки с быстротой, на какую только были способны его окоченевшие ноги, и вошел в дом.

Пяти минут не прошло, как он уже расположился в комнате напротив буфетной — в той самой комнате, где воображение еще раньше нарисовало ему пылающий

камин,— и сидел перед подлинным, осязаемым буйным огнем, в который был брошен чуть ли не бушель угля и такое количество хвороста, что его хватило бы на несколько приличных кустов крыжовника,— хвороста, нагроможденного чуть ли не до каминной трубы, где огонь гудел и трещал так, что от одних звуков должно было согреться сердце у всякого разумного человека. Было очень уютно, но это еще не все: кокетливо одетая девушка с блестящими глазками и изящными ножками покрывала стол очень чистой белой скатертью; а так как Том сидел, положив ноги в туфлях на каминную решетку, спиною к открытой двери, он видел в зеркале над камином чарующую перспективу буфетной, где в самом соблазнительном и аппетитном порядке стояли на полках ряды зеленых бутылок с золотыми ярлыками, банок с пикулями и вареньем, сыров, вареных окороков и ростбифов. Это также было уютно, но и это еще не все: в буфетной за самым изящным столиком, придвинутым к самому яркому камельку, пила чай полная и красивая вдовушка лет сорока восьми или в этом роде, с лицом таким же уютным, как буфетная,— несомненно хозяйка заведения и верховная правительница всех этих приятных владений. Однако только темное пятно портило очаровательную картину, и этим пятном был рослый мужчина — очень рослый, в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами, мужчина с черными баками и черными волнистыми волосами, распивавший чай вместе с вдовою и, как всякий мало-мальски проницательный наблюдатель мог догадаться, довольно успешно склонявший вдову перестать быть вдовою и даровать ему право усесться в буфетной на весь остаток его земного бытия.

Том Смарт отнюдь не отличался раздражительным или завистливым нравом, но бог весть почему этот рослый мужчина в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами взбудоражил тот небольшой запас желчи, какой входил в его состав, и привел Тома Смарта в крайнее негодование, в особенности когда он со своего места перед зеркалом время от времени замечал, что между рослым мужчиною и вдовою совершается обмен фамильярными любезностями,

позволявшими предполагать, что расположение вдовы к нему отличается такими же размерами, как и его рост. Том любил горячий пунш — я даже могу сказать, что он *очень* любил горячий пунш,— и вот, позаботившись о том, чтобы норовистая кобыла получила хороший корм и стойло, и оказав честь превосходному маленькому обеду, который вдова подала ему собственноручно, Том потребовал стакан пунша для пробы. Ну, а если было что-нибудь во всей области кулинарного искусства, что вдова умела приготовлять лучше всего прочего, то это был именно названный напиток; первый стакан так пришелся по вкусу Тому Смарту, что он, не теряя времени, потребовал второй. Горячий пунш — приятный напиток, джентльмены, весьма приятный напиток при любых обстоятельствах, а в этой уютной старой гостиной, перед огнем, гудевшим в камине, когда ветер снаружи дул с такой силой, что трещали балки старого дома, Том Смарт нашел его поистине восхитительным. Он потребовал еще стакан, а затем еще,— кто его знает, не потребовал ли он после этого еще один,— но чем больше он пил горячего пунша, тем больше думал о рослом мужчине.

— Черт бы его побрал, этого нахала! — сказал самому себе Том.— Что ему тут делать в этой уютной буфетной? Ну, и подлая же у него рожа! Будь у вдовы больше вкуса, она могла бы подцепить кого-нибудь получше.

Тут Том перевел глаза от зеркального стекла над камином к стеклянному стакану на столе; а так как он тем временем расчувствовался, то и осушил четвертый стакан пунша и потребовал пятый.

Том Смарт, джентльмены, тяготел к тому, чтобы быть на виду. Давненько уже мечтал он расположиться за своей собственной стойкой, в зеленом сюртуке, коротких полосатых штанах и сапогах с отворотами. У него была большая склонность председательствовать за веселым обедом, и он часто думал о том, как отличился бы он за разговором в своем собственном трактире и какой блестящий пример мог бы подать своим клиентам по части выпивки. Все эти мысли проносились в голове Тома, когда он сидел у гудящего камина, попивая горя-

чий пунш, и он почувствовал весьма справедливое и уместное негодование по поводу того, что у рослого мужчины все шансы завладеть таким прекрасным заведением, тогда как он, Том Смарт, был так далек от этого. Наконец, рассмотрев за двумя последними стаканами вопрос о том, нет ли у него полного основания затеять ссору с рослым мужчиной, ухитрившимся снискать расположение полной и красивой вдовы, Том Смарт пришел к приятному заключению, что он — несчастный, всеми обиженный человек и лучше всего ему лечь спать.

Кокетливая девушка повела Тома наверх по широкой старинной лестнице, по пути заслоняя рукою свечу от сквозного ветра, который мог бы, и не задувая свечи, найти себе место для прогулок в этом старом доме, где можно было заблудиться. Но он все-таки не задул, и этим воспользовались враги Тома, утверждая, будто свечу задул не ветер, а Том, и будто, когда он делал вид, что хочет ее зажечь, он на самом деле целовал девушку. Как бы ни было, новый свет был возжен, и Тома препроводили по лабиринту комнат и коридоров в помещение, приготовленное для его особы; девушка, пожелав ему спокойной ночи, удалилась.

Это была хорошая, просторная комната с большими стенными шкафами, кроватью, которая могла служить ложем для целого пансиона, и — стоит ли упоминать? — еще с двумя дубовыми шкафами, в которых поместился бы обоз маленькой армии. Но больше всего воображение Тома было потрясено странным, мрачного вида креслом с высокой спинкой, самой фантастической резьбой, с подушкой, обитой розовой материей с разводами; ножки его заканчивались круглыми шишками, старательно обернутыми красной шерстяной материей, словно это были пальцы, пораженные подагрой. Про всякое другое необычное кресло Том подумал бы только: «Какое чудное кресло»,— и делу конец, но в этом исключительном кресле было что-то — хотя он не мог бы сказать, что именно,— столь странное и столь непохожее на все другие предметы меблировки, которые он когда-либо видел, что оно, казалось, зачаровывало его. Он сел у камина и около получаса пялил глаза на старое кресло. Черт бы его побрал, это кресло!

Такое это было старое чудовище, что он не мог глаз от него оторвать.

— Ну,— сказал Том, медленно раздеваясь и ни на минуту не спуская глаз со старого кресла, которое с таинственным видом стояло у кровати,— сколько живу на свете, не видывал такой диковинной штуки! Очень странно,— продолжал Том, рассудительность которого возросла от пунша,— очень странно!

Том глубокомысленно покачал головой и снова взглянул на кресло. Впрочем, он так ничего и не мог понять, а потому улегся в постель, укрылся потеплее и заснул.

Через полчаса Том вздрогнул и проснулся — ему привиделся нелепый сон: рослые мужчины и стаканы с пуншем; первое, что представилось его бодрствующему сознанию, было удивительное кресло.

— Не буду больше на него смотреть,— сказал Том, зажмурился и стал себя убеждать, что опять засыпает. Не тут-то было: диковинные кресла плясали перед его глазами, брыкались, перепрыгивали друг через друга и всячески дурачились.

— Лучше уж смотреть на одно настоящее кресло, чем на несколько дюжин фальшивых,— сказал Том, высовывая голову из-под одеяла.

Оно стояло на месте; при свете камина можно было ясно различить его вызывающий вид.

Том пристально рассматривал кресло, и вдруг на его глазах с ним произошло изумительное превращение. Резьба на спинке постепенно приняла очертания и выражение старого, сморщенного человеческого лица, подушка, обитая розовой материей, стала старинным жилетом с отворотами, круглые шишки разрослись в пару ног, обутых в красные суконные туфли, и все кресло превратилось в подбоченившегося, очень безобразного старика, джентльмена прошлого века. Том уселся в постели и протер глаза, чтобы избавиться от наваждения. Но не тут-то было! Кресло стало безобразным старым джентльменом, и — мало того — сей джентльмен подмигивал Тому Смарту.

Том по природе своей был парень вспыльчивый и беззаботный, а к тому же выпил пять стаканов горячего

пунша, поэтому хотя он и струхнул, однако же начал сердиться, заметив, что старый джентльмен с таким бесстыдным видом подмигивает ему и строит глазки. Наконец, он решил, что больше этого не потерпит; а так как старая рожа продолжала настойчиво подмигивать, Том сердитым голосом спросил:

— Какого черта вы мне подмигиваете?

— Мне это доставляет удовольствие, Том Смарт,— ответило кресло или старый джентльмен (называйте как хотите).

Впрочем, услышав голос Тома, он перестал подмигивать и начал скалить зубы, как престарелая обезьяна.

— Откуда вы знаете мое имя, старая образина? — спросил Том Смарт, несколько озадаченный, но делая вид, будто это ему нипочем.

— Ну-ну, Том! — сказал старик.— Так не разговаривают с солидным красным деревом из Испании. Будь я обшит простой фанерой, вы не могли бы хуже со мной обращаться!

При этом у старого джентльмена был такой грозный вид, что Том струсил.

— У меня и в мыслях не было оскорблять вас, сэр,— сказал Том куда смирнее, чем говорил вначале.

— Ладно, ладно,— отозвался старик,— быть может, и так... быть может, и так. Том...

— Сэр?

Я все о вас знаю, Том... все. Вы бедны, Том.

— Да, что и говорить,— согласился Том.— Но откуда вы это знаете?

— Неважно,— сказал старый джентльмен.— Вы слишком любите пунш, Том.

Том Смарт хотел было сообщить, что даже и капли не отведал с прошлогоднего дня рождения, но, когда встретился глазами со старым джентльменом, у того был такой проницательный вид, что Том вспыхнул и промолчал.

— Том,— продолжал старый джентльмен,— а ведь вдова-то красивая женщина... на редкость красивая женщина, а, Том?

Тут старик закатил глаза к небу, дрыгнул худенькой ножкой и скроил такую противную влюбленную мину,

что Том возмутился его легкомысленным поведением... в таком преклонном возрасте!

— Я — ее опекун, Том,— сказал старый джентльмен.

— Вот как! — отозвался Том Смарт.

— Я знал ее мать, Том,— сказал старик,— и бабушку. Она меня очень любила, Том... сшила мне этот жилет.

— Вот как! — отозвался Том Смарт.

— И эти туфли,— добавил старикашка, приподнимая одну из красных суконных обмоток.— Но вы и не заикайтесь об этом, Том. Не хочется мне, чтобы всем стало известно, как она была ко мне привязана. Это может вызвать недоразумения в семье.

У старого плута был такой нахальный вид, что Том Смарт готов был усесться на него без всяких угрызений совести, о чем он сам заявлял впоследствии.

— Было время, когда я имел большой успех у женщин, Том,— продолжал старый распутник,— сотни красивых женщин часами сиживали у меня на коленях. Что вы на это скажете, бездельник, а?

Старый джентльмен собирался рассказать о своих похождениях в дни юности, но тут напал на него такой мучительный приступ потрескиванья, что он не в силах был продолжать.

«Поделом тебе, старый хрыч»,— подумал Том Смарт, но ни словечка не проронил.

— Ах! — снова начал старик.— Теперь я частенько этим страдаю. Я старею, Том, я разваливаюсь, можно сказать, на части. И вдобавок я перенес операцию — мне вставили какой-то кусочек в спину. Это было суровое испытание, Том.

— Охотно верю, сэр,— отозвался Том Смарт.

— А впрочем, это к делу не относится,— заметил старый джентльмен.— Том! Я хочу, чтобы вы женились на вдове.

— Я, сэр? — сказал Том.

— Вы,— подтвердил старик.

— Бог да благословит ваши почтенные седины! — сказал Том (у старика еще сохранились пучки конского волоса).— Бог да благословит ваши почтенные седины, но она меня не захочет.

И Том невольно вздохнул, вспомнив о буфетной.

— Не захочет? — резко переспросил старый джентльмен.

— Вот именно! — сказал Том.— У нее другой на примете. Рослый мужчина, чертовски рослый мужчина, с черными баками.

— Том,— заявил старый джентльмен,— она ему никогда не достанется.

— Не достанется? — переспросил Том.— Если бы вы, сэр, стояли в буфетной, вы говорили бы другое.

— Вздор, вздор! — перебил старый джентльмен.— Я все это знаю.

— Что? — спросил Том.

— Поцелуи за дверью и тому подобное, Том,— сказал старый джентльмен.

И он снова бесстыдно подмигнул, что очень разозлило Тома, потому что, как вы знаете, джентльмены, неприятно бывает слушать, когда о таких вещах рассуждает старик, которому пора уж взяться за ум... Хуже быть ничего не может.

— Я все об этом знаю, Том,— продолжал старый джентльмен.— Насмотрелся на своем веку, и столько парочек перевидал, Том, что даже говорить вам не хочу. А кончалось это всегда пустяками.

— Должно быть, вы видели много любопытного,— заметил Том, бросив на него проницательный взгляд.

— Можете в этом не сомневаться, Том,— ответил старик, очень хитро подмигивая.— Я — последний представитель нашей семьи, Том,— добавил он с меланхолическим вздохом.

— А семья была большая? — спросил Том Смарт.

— Нас было двенадцать молодцов, Том,— ответил старый джентльмен,— славные, красивые ребята с прямыми спинками — просто загляденье! Не то что ваши теперешние недоноски. Все мы были с ручками и отполированы так, что сердце радовалось,— но, может быть, мне не следует так говорить о себе.

— А где же остальные, сэр?—осведомился Том Смарт.

Старый джентльмен потер локтем глаз и ответил:

— Скончались, Том, скончались. Служба у нас была тяжелая, Том, и не все отличались моим сложением.

У них начались ревматические боли в ногах и руках, и их отправили на кухню и в другие больницы. А один из них от долгой службы и грубого обращения буквально лишился рассудка — развихлялся так, что пришлось его сжечь. Возмутительная история, Том.

— Ужасная! — согласился Том Смарт.

Старик сделал паузу, стараясь овладеть собой. Потом снова заговорил:

— А впрочем, Том, я уклоняюсь в сторону. Том, этот рослый парень — гнусный авантюрист. Сто́ит ему жениться на вдове, и он тотчас продаст всю обстановку и удерет. А что за этим последует? Вдова будет покинута и обречена на нищету, а я насмерть простужусь в лавке какого-нибудь старьевщика.

— Да, но...

— Не перебивайте меня! — сказал старый джентльмен.— О вас, Том, у меня составилось совсем иное представление. Я знаю прекрасно, что, раз обосновавшись в трактире, вы его не покинете, пока в его стенах есть что выпить.

— Очень вам признателен, сэр, за доброе обо мне мнение,— промолвил Том Смарт.

— А стало быть,— безапелляционным тоном заключил старый джентльмен,— вдова достанется вам, а не ему.

— Да что же может ему помешать? — заволновался Том Смарт.

— Разоблачение! — ответил старый джентльмен.— Он уже женат.

— Как же я это докажу? — воскликнул Том, чуть не выпрыгнув из кровати.

Старик высвободил одну руку, опиравшуюся на бедро, указал на дубовый шкаф и тотчас же принял прежнюю позу.

— Он и не подозревает о том, что в правом кармане штанов, висящих в этом шкафу, им забыто письмо, в котором безутешная жена умоляет его вернуться к ней и к шести — заметьте, Том,— к шести ребятам, и все они мал мала меньше.

Как только старый джентльмен торжественно произнес эти слова, черты его лица начали расплываться, а фигура — окутываться дымкой. У Тома Смарта потем-

нело в глазах. Казалось, старик постепенно превращается в кресло, розовый жилет уподобляется подушке, красные туфли съеживаются в красные суконные шишечки. Огонь в камине тихо угас, а Том Смарт откинулся на подушку и погрузился в сон.

Утро пробудило Тома от летаргического сна, который сковал его в момент исчезновения старика. Он уселся в постели и в течение нескольких минут тщетно пытался восстановить в памяти события прошлой ночи. И вдруг они хлынули на него потоком. Он посмотрел на кресло; что и говорить, вид его был фантастический и мрачный. Но только самое буйное воображение позволяло найти у него хоть какое-нибудь сходство со стариком.

— Как поживаете, старина? — осведомился Том. При дневном свете он был храбрее, как и большинство людей.

Кресло оставалось неподвижным и ни слова не проронило.

— Скверное утро,— сказал Том.

Нет, кресло не желало вступать в разговор.

— Вы на какой шкаф показывали? Уж это-то можете мне сказать,— продолжал Том.

Как бы не так, джентльмены, кресло ни словечка не промолвило!

— В конце концов не так уж трудно открыть шкаф,— заметил Том, решительно вставая с кровати.

Он подошел к одному из шкафов. Ключ торчал в замке; он повернул его и открыл дверцы. Там в самом деле висели штаны. Он засунул руку в карман и извлек письмо — то самое, о котором говорил старый джентльмен!

— Странная штука! — сказал Том Смарт, взглянув сперва на кресло, затем на шкаф, затем на письмо, затем снова на кресло.— Очень странная,— повторил Том.

Но так как ни в одном из этих предметов не было ничего, что уменьшало бы эту странность, он решил, что ничто не мешает ему одеться и тотчас же покончить счеты с рослым мужчиною... только бы выйти из затруднительного положения, в каком он очутился.

Спускаясь вниз, Том хозяйским оком осматривал комнаты, попадавшиеся ему на пути, и размышлял о

том, что не за горами, пожалуй, тот час, когда это помещение со всей обстановкой сделается его собственностью. Рослый мужчина, совсем как у себя дома, стоял в маленькой уютной буфетной, заложив руки за спину. Он рассеянно осклабился, взглянув на Тома. Посторонний наблюдатель мог бы объяснить эту улыбку желанием показать белые зубы, но Том Смарт подумал, что у рослого мужчины в том месте, где полагается быть мозгам, вспыхнуло сознание торжества. Том засмеялся ему в лицо и послал за хозяйкой.

— Доброе утро, сударыня! — сказал Том Смарт, закрывая дверь маленькой гостиной, как только вошла вдова.

— Доброе утро, сэр! — отвечала вдова.— Что угодно на завтрак, сэр?

Том обдумывал, как приступить к делу, и ничего не ответил.

— Есть очень хорошая ветчина,— сказала вдова,— и превосходная холодная птица, нашпигованная салом. Прикажете подать, сэр?

Эти слова вывели Тома из задумчивости. Его восхищение вдовой росло по мере того, как она говорила. Заботливое создание! Предусмотрительная хозяйка!

— Сударыня, кто этот джентльмен там, в буфетной? — осведомился Том.

— Его зовут Джинкинс, сэр,— слегка краснея, отвечала вдова.

— Рослый мужчина,— заметил Том.

— Очень красивый мужчина, сэр,— отозвалась вдова,— и очень милый джентльмен.

— Вот как! — сказал Том.

— Еще чего-нибудь желаете, сэр? — полюбопытствовала вдова, несколько смущенная замечанием Тома.

— Ну, конечно,— заявил Том,— сударыня, будьте добры, дорогая моя, присядьте на минутку.

Вдова, казалось, была очень удивлена, однако села; Том также присел рядом с нею.

Не знаю, как это случилось, джентльмены,— да и дядя, бывало, говорил мне, что даже Том Смарт не знал, как это случилось,— но, как бы то ни было, ладонь Тома опустилась на руку вдовы, где и оставалась, пока он разговаривал.

— Сударыня, дорогая моя,— начал Том Смарт — он был мастер любезничать,— сударыня, вы заслуживаете самого превосходного супруга... в этом я уверен.

— Ах, боже мой, сэр! — вскрикнула вдова, да и как ей было не вскрикнуть: такая манера вести разговор была довольно необычной, чтобы не сказать — ошеломляющей, в особенности если не упускать из виду того факта, что вплоть до вчерашнего вечера Том в глаза ее не видал.— Ах, боже мой, сэр!

— Я презираю лесть, сударыня,— продолжал Том Смарт.— Вы заслуживаете идеального супруга, и кто бы это ни был, он будет счастливейшим человеком.

С этими словами Том невольно перевел взгляд с лица вдовы на окружавшую обстановку.

Вдова была озадачена еще больше и хотела встать. Том нежно пожал ей руку, словно желая удержать, и она осталась сидеть. Мой дядя, джентльмены, говаривал, что вдовы редко бывают пугливы.

— Право же, я вам очень признательна, сэр, за ваше доброе мнение,— усмехнувшись, сказала пригожая хозяйка,— и если я когда-нибудь выйду еще раз замуж...

— *Если,*— перебил Том Смарт, пронзительно поглядывая на нее уголком левого глаза.— *Если*...

— Ну, ладно,— сказала вдова и, не выдержав, рассмеялась.— *Когда* я выйду замуж, надеюсь, муж у меня будет такой, какого вы мне желаете.

— То есть Джинкинс? — вставил Том.

— Ах, боже мой, сэр! — воскликнула вдова.

— О, не говорите мне, я его знаю,— объявил Том.

— Я уверена, что те, кто его знает, ничего дурного о нем сказать не могут,— заметила вдова, задетая таинственным тоном собеседника.

— Гм!..— отозвался Том Смарт.

Вдова решила, что настало время расплакаться, и потому вынула носовой платок и пожелала узнать, имеет ли Том намерение ее оскорбить и считает ли он достойным джентльмена порочить репутацию другого джентльмена за его спиной; почему — если у него есть что сказать — он не скажет ему этого прямо в лицо, как мужчина мужчине, вместо того чтобы пугать бедную, слабую женщину, и так далее.

— Я и ему успею сказать,— ответил Том,— но сначала хочу, чтобы вы меня выслушали.

— Что же это такое? — осведомилась вдова, пристально глядя в лицо Тому.

— Я вас удивлю,— предупредил Том, опуская руку в карман.

— Если вы скажете, что у него нет денег,— перебила вдова,— мне это известно, и вы можете не трудиться.

— Вздор, чепуха, это мелочь,— возразил Том Смарт,— у меня у самого нет денег. Не в этом дело.

— Ах, боже мой, что же это может быть! — воскликнула бедная вдова.

— Не пугайтесь,— сказал Том Смарт.

Он медленно вытащил письмо, развернул его и недоверчиво спросил:

— Визжать не будете?

— Нет, нет! — отвечала вдова.— Покажите мне.

— В обморок не упадете и никаких глупостей делать не будете? — продолжал Том.

— Нет, нет! — поспешно сказала вдова.

— И не побежите расправляться с ним? — добавил Том.— Я сделаю это за вас, а вы поберегите свои силы.

— Хорошо, хорошо! — перебила вдова.— Покажите.

— Извольте! — сказал Том Смарт и вручил письмо вдове.

Джентльмены, дядя рассказывал, что, по словам Тома Смарта, вопли вдовы, узнавшей содержание письма, могли пронзить каменное сердце. А Том был очень мягкосердечен, и они пронзили его насквозь. Вдова качалась из стороны в сторону и заламывала руки.

— Ох, какие обманщики и негодяи мужчины! — восклицала она.

— Ужасные обманщики, сударыня, но вы не волнуйтесь, дорогая моя,— успокаивал Том Смарт.

— Как мне не волноваться! — вопила вдова.— Никогда не найду я человека, которого могла бы так сильно полюбить!

— О, конечно, найдете, душенька,— отвечал Том Смарт, проливая крупные слезы из жалости к злополучной вдове.

В порыве сострадания он обвил рукою стан вдовы, а вдова, вне себя от горя, сжала ему руку. Потом посмотрела ему в лицо и улыбнулась сквозь слезы. Том наклонился, заглянул ей в глаза и тоже улыбнулся сквозь слезы.

Так никогда и не удалось мне узнать, джентльмены, поцеловал Том вдову в этот знаменательный момент или не поцеловал. Дяде моему он всегда говорил, что не поцеловал, ну, а я все-таки сомневаюсь. Говоря между нами, джентльмены, я склонен думать, что он ее поцеловал.

Как бы там ни было, но полчаса спустя Том вытолкал за дверь очень рослого мужчину, а месяц спустя женился на вдове. Много лет подряд разъезжал он по округе на своей норовистой кобыле, запряженной в двуколку цвета глины, с красными колесами, а потом бросил свое дело и уехал с женой во Францию; старый дом был тогда снесен».

— Разрешите спросить вас,— осведомился любознательный старый джентльмен,— что сталось с креслом?

— Видите ли,— ответил одноглазый агент,— известно только то, что оно сильно трещало в день свадьбы, но Том Смарт так и не мог узнать, трещало оно от удовольствия или от телесной немощи. Впрочем, он склонен был предположить последнее, так как с тех пор кресло не проронило ни слова.

— И этой истории все поверили? — спросил грязнолицый субъект, набивая трубку.

— Все, кроме врагов Тома,— ответил торговый агент.— Одни утверждали, что Том все выдумал; другие говорили, будто он был пьян, и это ему почудилось, и будто он по ошибке взял чужие штаны, но врагам его никто не верил.

— Том настаивал, что все это правда?

Все до последнего слова.

А ваш дядя?

Верил всему.

— Должно быть, славные были ребята — они оба,— заметил грязнолицый.

— Да, что и говорить,— согласился торговый агент,— ребята были очень славные!

ГЛАВА XV,

в которой даются верные портреты двух выдающихся особ и точное описание парадного завтрака в их доме и владениях, каковой парадный завтрак приводит ко встрече со старыми знакомыми и к началу следующей главы

Мистер Пиквик начал уже испытывать некоторые угрызения совести, вследствие того что позабыл о своих друзьях, находившихся в «Павлине», и на третье утро после выборов он только-только собрался пойти и навестить их, но тут верный слуга подал ему визитную карточку, на которой было выгравировано:

Миссис Лио Хантер. Логовище Итенсуилл.

— Там ждут,— лаконически доложил Сэм.

— Именно меня, Сэм? — осведомился мистер Пиквик.

— Ему нужны только вы, больше никто ему не нужен, как говорил личный секретарь дьявола, уволакивая доктора Фауста,— ответил мистер Уэллер.

— *Ему?* Разве это джентльмен? — спросил мистер Пиквик.

— Если не джентльмен, то очень хорошая подделка под него,— ответил мистер Уэллер.

— Но эта визитная карточка принадлежит леди,— сказал мистер Пиквик.

— Во всяком случае, мне ее дал джентльмен,— возразил Сэм,— он ждет в гостиной, говорит, что готов ждать целый день, только бы вас увидеть.

Узнав о такой решимости, мистер Пиквик спустился в гостиную, где сидел степенный человек, который при его появлении вскочил и с глубоким почтением произнес:

— Если не ошибаюсь, мистер Пиквик?

— Он самый.

— Разрешите мне, сэр, удостоиться чести пожать вам руку. Вашу руку! — сказал посетитель.

— Очень приятно! — ответил мистер Пиквик.

Незнакомец пожал протянутую руку и продолжал:

— Сэр, мы слышали о вашей славе. Шум, поднятый вокруг вашей археологической дискуссии, достиг слуха миссис Лио Хантер — моей жены, сэр. Я — мистер Лио Хантер...

Незнакомец приостановился, словно ждал, что мистер Пиквик будет ошеломлен этим сообщением; но тот хранил полное спокойствие, и незнакомец снова заговорил:

— Моя жена, сэр, миссис Лио Хантер, почитает за честь поддерживать знакомство с теми, кто прославился своими трудами и талантами. Разрешите мне, сэр, поместить на почетном месте в этом списке имена мистера Пиквика и его собратьев — членов клуба, им основанного.

— Я буду чрезвычайно рад познакомиться с такой достойной леди, сэр,— отвечал мистер Пиквик.

— Сэр, вы с нею познакомитесь,— отвечал степенный человек.— Завтра, сэр, мы устраиваем торжественный завтрак — une fête champêtre — для большого числа лиц, прославившихся своими трудами и талантами. Сэр, доставьте миссис Лио Хантер удовольствие видеть вас в Логовище.

— Весьма охотно,— ответил мистер Пиквик.

— Миссис Лио Хантер часто устраивает такие завтраки, сэр,— продолжал новый знакомый,— «пиры ума», сэр,— «души веселье», как выразился весьма прочувственно и оригинально поэт, поднесший миссис Лио Хантер сонет, посвященный ее завтракам.

— *Он* тоже прославился своими трудами и талантами? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Конечно, сэр! — ответил степенный человек.— Все знакомые миссис Лио Хантер — знаменитости. Других знакомых у нее нет — в этом проявляется ее честолюбие.

— Благородное честолюбие,— заметил мистер Пиквик.

— Когда я сообщу миссис Лио Хантер, что эти слова сорвались с *ваших* уст, сэр, она будет гордиться,— заявил степенный человек.— Кажется, сэр, вас сопровождает джентльмен, создавший несколько прекрасных стихотворений?

— Мой друг мистер Снодграсс питает большое пристрастие к поэзии,— ответил мистер Пиквик.

— Как и миссис Лио Хантер. Поэзию она любит до безумия, сэр, она обожает ее... Могу сказать, что мысли и душа ее проникнуты и насыщены поэзией. Она сама создала несколько восхитительных стихотворений, сэр. Быть может, вам, сэр, встречалась ее «Ода издыхающей лягушке»?

— Боюсь, что... не встречалась,— сказал мистер Пиквик.

— Это удивительно, сэр! — заявил мистер Лио Хантер.— Она произвела сенсацию. Она была подписана буквою «Л» и восемью звездочками и в первый раз напечатана в «Журнале для леди». Начинается она так:

О лягушка! Припадая
На живот и замирая,
Возлежишь ты, издыхая,
На бревне,
О, горе мне!

— Превосходно! — сказал мистер Пиквик.

— Восхитительно! — подхватил мистер Лио Хантер.— Так просто!

— Очень просто,— сказал мистер Пиквик.

— Следующая строфа еще трогательнее. Прочесть?

— Пожалуйста,— сказал мистер Пиквик.

— Вот как она звучит,— продолжал степенный мистер Хантер еще более степенным тоном,—

Детский шум и детский крик
До твоих болот проник.
И конец тебя настиг
На бревне,
О, горе мне!

— Тонко выражено,— сказал мистер Пиквик.

— Безукоризненно, сэр! — сказал мистер Лио Хантер.— Но вы бы послушали, как читает эту оду миссис Лио Хантер! Она умеет показать ее с лучшей стороны. Завтра утром, сэр, она будет декламировать ее в костюме.

— В костюме?

— В костюме Минервы. Ах, да! Я забыл сказать: завтрак будет костюмированный.

— Ах, боже мой! — сказал мистер Пиквик, бросив взгляд на собственную фигуру.— Право же, я никак не могу...

— Почему, сэр, почему? — воскликнул мистер Лио Хантер.— У Соломона Лукаса, еврея с Хай-стрит, множество маскарадных костюмов. Подумайте, сэр, предоставляется вам на выбор: Платон, Зенон, Эпикур, Пифагор. Все они — основатели клубов.

— Мне это известно,— сказал мистер Пиквик,— но так как я не могу соперничать с этими великими людьми, то и не смею облачаться в их одежды.

Степенный человек глубоко задумался на несколько секунд и затем сказал:

— Поразмыслив, сэр, я готов допустить, что миссис Лио Хантер приятнее будет, если ее гости увидят столь знаменитого джентльмена в его собственном костюме, а не в маскарадном. Я беру на себя смелость сделать для вас исключение... Да, я не сомневаюсь, что могу обещать вам это от имени миссис Лио Хантер.

— В таком случае,— сказал мистер Пиквик,— я приду с величайшим удовольствием.

— Но я отнимаю у вас время, сэр,— спохватился вдруг степенный гость.— Я знаю, сколь оно драгоценно, сэр. Не буду вас задерживать. Значит, я скажу миссис Лио Хантер, что она может ждать вас и ваших знаменитых друзей! До свиданья, сэр. Я горжусь тем, что удостоился лицезреть столь выдающуюся особу. Ни шагу, сэр, ни слова!

И, не давая мистеру Пиквику времени протестовать или возражать, мистер Лио Хантер степенно удалился.

Мистер Пиквик взял шляпу и направил свои стопы к «Павлину». Мистер Уинкль уже успел принести туда весть о костюмированном бале.

— Миссис Потт тоже там будет,— этими словами встретил он своего наставника.

— Вот как! — отозвался мистер Пиквик.

— В костюме Аполлона,— продолжал мистер Уинкль.— Но Потт возражает против туники.

— Он прав... он совершенно прав,— решительно сказал мистер Пиквик.

— Да, и потому она наденет белое атласное платье с золотыми блестками.

— Пожалуй, никто не догадается, кого она изображает. Как вы думаете? — спросил мистер Снодграсс.

— Конечно, догадаются! — с негодованием возразил мистер Уинкль.— Ведь в руках у нее будет лира.

— Верно, я об этом забыл,— сказал мистер Снодграсс.

— А я оденусь разбойником,— вмешался мистер Тапмен.

— Что?! — сказал мистер Пиквик и даже привскочил.

— Разбойником,— робко повторил мистер Тапмен.

— Неужели вы хотите сказать,— начал мистер Пиквик, внушительно и строго взирая на своего друга,— неужели вы хотите сказать, мистер Тапмен, что намерены нарядиться в зеленую бархатную куртку с двухдюймовыми фалдочками?

— Да, я намерен, сэр,— с жаром ответил мистер Тапмен.— И почему бы мне не нарядиться?

Потому, сэр,— сказал мистер Пиквик, заметно разгорячившись,— потому, что вы слишком стары, сэр.

— Слишком стар! — воскликнул мистер Тапмен.

— А если нужны еще основания,— продолжал мистер Пиквик,— потому, что вы слишком толсты, сэр.

— Сэр! — побагровев, сказал мистер Тапмен.— Это оскорбление.

— Сэр,— тем же тоном отвечал мистер Пиквик,— если вы появитесь передо мной в зеленой бархатной куртке с двухдюймовыми фалдами, это будет более серьезное оскорбление.

— Сэр, вы грубиян,— сказал мистер Тапмен.

— Сэр,— сказал мистер Пиквик,— вы сами грубиян!

Мистер Тапмен шагнул вперед и в упор посмотрел на мистера Пиквика. Мистер Пиквик отвечал таким же взглядом, сосредоточенным в фокус благодаря очкам, и смело бросил вызов. Мистер Снодграсс и мистер Уинкль безмолвствовали, потрясенные столкновением двух таких мужей.

— Сэр,— низким, глухим голосом сказал мистер Тапмен, помолчав несколько секунд,— вы меня назвали старым.

— Назвал,— подтвердил мистер Пиквик.

— И толстым.

— Могу повторить.

— И грубияном.

— Вы и есть грубиян!

Зловещая пауза.

— Моя привязанность к вашей особе, сэр,— голосом, дрожащим от волнения, заговорил мистер Тапмен, засучивая в то же время рукава,— велика... очень велика... однако этой самой особе я должен отомстить немедленно.

— Начинайте, сэр! — ответил мистер Пиквик.

Возбужденный этим диалогом, героический муж поспешил встать в позу человека, разбитого параличом, предполагая, вероятно, как заключили двое свидетелей, что таковой должна быть оборонительная позиция.

— Как! — воскликнул мистер Снодграсс, внезапно обретая дар речи, утраченный было под влиянием крайнего изумления, и бросаясь между двумя противниками с риском получить от каждого по удару в висок.— Как! Мистер Пиквик, ведь на вас взирает весь мир! Мистер Тапмен! Ведь вы наравне со всеми нами озарены блеском его бессмертного имени! Стыдитесь, джентльмены, стыдитесь!

Пока говорил его юный друг, непривычные морщины, проведенные мимолетной вспышкой гнева на ясном и открытом челе мистера Пиквика, постепенно исчезали, как исчезают следы карандаша от мягкого прикосновения резинки. Друг еще не умолк, а на лице мистера Пиквика уже появилось свойственное ему благожелательное выражение.

— Я погорячился,— сказал мистер Пиквик,— слишком погорячился. Тапмен, вашу руку.

Темное облако сбежало с лица мистера Тапмена, когда он крепко пожимал руку своему другу.

— Я тоже погорячился,— заявил он.

— Нет! — перебил мистер Пиквик.— Вина моя. Вы наденете зеленую бархатную куртку?

— Нет! — отвечал мистер Тапмен.

— Наденьте, сделайте такое одолжение,— возразил мистер Пиквик.

— Хорошо, хорошо, надену,— сказал мистер Тапмен.

В результате было решено, что мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс — все трое наденут маскарадные костюмы. Таким образом, растаявший под влиянием своего добросердечия, мистер Пиквик дал согласие на то, против чего восставал его здравый смысл. Более разительную иллюстрацию его доброты вряд ли можно было бы придумать, даже если бы события, изложенные на этих страницах, были целиком вымышлены.

Мистер Лио Хантер не преувеличил ресурсов мистера Соломона Лукаса. Гардероб у него был разнообразный, весьма разнообразный, пожалуй не строго классический, не совсем новый, и не содержал он ни одного костюма, сделанного в стиле какой-либо эпохи, но зато все костюмы были более или менее усеяны блестками; а что *может* быть красивее блесток! Можно выдвинуть возражение: блестки не приспособлены к дневному свету, но всем известно, что они сверкали бы при лампах; и, стало быть, яснее ясного, что если люди дают костюмированные балы днем и костюмы имеют не такой красивый вид, как при вечернем освещении, то вина лежит исключительно на тех, кто дает костюмированный бал, а блестки тут ни в чем не повинны. Таковы были убедительные доводы мистера Соломона Лукаса, и под влиянием таких рассуждений мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс начали облекаться в костюмы, которые мистер Лукас, руководствуясь своим вкусом и опытом, рекомендовал как наиболее соответствующие данным обстоятельствам.

Экипаж для пиквикистов нанят был в «Городском Гербе»; из той же сокровищницы была вытребована коляска, чтобы доставить мистера и миссис Потт во владения миссис Лио Хантер, о которых мистер Потт, деликатно выражая свою признательность за полученное приглашение, уже писал в «Итенсуиллской газете», с уверенностью предсказывая, что «явлено будет зрелище восхитительное и чарующее, ослепительный блеск красоты и таланта, гостеприимство щедрое и безграничное, а главное — великолепие, смягченное изысканнейшим вкусом, и пышность, утонченная благодаря полной гармонии и целомудреннейшему содружеству,— пышность,

по сравнению с которой баснословная роскошь восточной сказочной страны покажется столь же темной и мрачной, как и умонастроение того желчного и жалкого существа, которое осмелилось запятнать ядом зависти приготовления, сделанные добродетельной и весьма выдающейся леди, на чей алтарь возлагаем мы эту смиренную дань восхищения». Этот последний пассаж, полный сарказма, был направлен против «Независимого», который, не получив приглашения, высмеивал на протяжении четырех номеров всю затею, прибегая к самому крупному шрифту и печатая все прилагательные с прописной буквы.

Настало утро.

Приятно было созерцать мистера Тапмена в полном костюме разбойника: в очень узкой куртке, которая делала его плечи и спину похожими на подушечки для булавок; верхняя часть его ног была упакована в бархатные штанишки, нижняя — хитро обмотана сложной сетью бинтов, к которой все разбойники питают особое пристрастие. Приятно было видеть его честную, простодушную физиономию, высовывающуюся из открытого воротника рубашки, украшенную великолепными усами и разрисованную жженой пробкой, и созерцать шляпу в форме сахарной головы, декорированную разноцветными лентами, которую он был вынужден держать на коленях, ибо ни в один нам известный крытый экипаж не вошел бы человек, задумавший поместить такую шляпу в пространстве между своею головой и крышею экипажа. Не менее забавен и мил был мистер Снодграсс в голубых атласных буфах и плаще, в белом шелковом трико и туфлях и в греческом шлеме, каковой костюм, как всякому известно (а если не всякому, то мистеру Соломону Лукасу), являлся несомненным, подлинным и повседневным одеянием трубадуров с древнейших времен и до окончательного их исчезновения с лица земли. Все это было приятно видеть, но каково же было ликование толпы, когда крытый экипаж остановился позади колесницы мистера и миссис Потт, которая в свою очередь остановилась перед дверью мистера Потта, а эта последняя распахнулась, и показался великий Потт, наряженный русским приставом, со страшным кнутом в руке —

изящный символ суровой и непреклонной мощи «Итенсуиллской газеты» и страшных ударов, наносимых ею врагам общества.

— Браво! — воскликнули из коридора мистер Тапмен и мистер Снодграсс при виде ходячей аллегории.

— Браво! — раздался в коридоре голос мистера Пиквика.

— Ура! Да здравствует Потт! — орала толпа.

Под эти приветственные возгласы мистер Потт сел в коляску, улыбаясь с видом благосклонного достоинства, явно свидетельствовавшим о том, что он сознает свою мощь и умеет ею пользоваться.

Затем вышла из дома миссис Потт, которая была бы очень похожа на Аполлона, если бы на ней не было платья; ее сопровождал мистер Уинкль, который в своем светло-красном фраке мог бы быть безошибочно принят за спортсмена, если бы у него не было столь же разительного сходства с почтмейстером. Последним шествовал мистер Пиквик, которого мальчишки приветствовали столь же бурно, предполагая, быть может, что его панталоны в обтяжку и гетры относятся средневековым реликвиям.

Наконец, оба экипажа покатили к владениям миссис Лио Хантер. Мистер Уэллер (который должен был прислуживать за завтраком) помещался на козлах того экипажа, в котором находился его хозяин.

Все до единого — мужчины, женщины, мальчики, девочки и младенцы, собравшиеся поглазеть на гостей в маскарадных костюмах,— завизжали от восторга, когда мистер Пиквик торжественно проследовал в сад под руку с разбойником и трубадуром. А какие раздались ликующие возгласы, когда мистер Тапмен стал водружать на голову конусообразную шляпу, дабы в полном блеске появиться в саду!

Приготовления были сделаны в самом восхитительном стиле, они вполне оправдывали пророческие слова Потта о роскоши восточной сказочной страны и явно опровергали злостные замечания пресмыкающегося «Независимого». Сад — размером не меньше акра с четвертью — был переполнен приглашенными. Никто никогда еще не видывал такого изобилия красоты, элегантности

и литературных талантов! Здесь была молодая леди в костюме султанши, «делавшая» поэзию в «Итенсуиллской газете»; она опиралась на руку молодого джентльмена, который «делал» критику и, как подобает, нарядился в фельдмаршальскую форму — только без фельдмаршальских сапог. Здесь был сонм гениев, и каждый рассудительный человек почел бы за честь встретиться с ними. Мало того, здесь было с полдюжины львов* из Лондона — писателей, настоящих писателей, которые написали целые книги и затем напечатали, а здесь вы могли

их созерцать; они прогуливались, как простые смертные, улыбались и болтали, да, болтали порядочный вздор — несомненно с благим намерением быть понятыми окружающей их вульгарной толпой. Кроме того, здесь был музыкальный ансамбль в картонных шляпах: четыре певца из неведомой страны, одетых в свои национальные костюмы, да дюжина наемных лакеев в *своих* национальных костюмах — и к тому же очень грязных. И, главное, здесь была миссис Хантер, одетая Минервой, принимавшая гостей и сиявшая от гордости и удовольствия при виде такого изысканного общества.

— Мистер Пиквик, сударыня,— доложил слуга, когда этот джентльмен приблизился к руководившей торжеством богине, держа шляпу в руке и в сопровождении разбойника и трубадура по бокам.

— Как! Где?! — вскакивая с места, вскричала миссис Лио Хантер с притворным восторгом и изумлением.

— Здесь,— сказал мистер Пиквик.

— Неужели я имею счастье лицезреть самого мистера Пиквика! — воскликнула миссис Лио Хантер.

— Он самый, сударыня,— с низким поклоном ответил мистер Пиквик.— Разрешите мне представить автору «Издыхающей лягушки» моих друзей — мистер Тапмен, мистер Уинкль, мистер Снодграсс.

Очень немногие, кроме тех, кто испытал это на себе, знают, как трудно кланяться в зеленых бархатных штанишках, узкой куртке и высокой шапке, или в голубых атласных буфах и белом шелковом трико, или в коротких вельветовых штанах и сапогах с отворотами, когда все эти принадлежности туалета сшиты не по мерке и нимало не приспособлены друг к другу и к фигуре, которую облекают. Никто еще не видывал таких судорог, от которых скрючился мистер Тапмен, старавшийся держаться свободно и грациозно, и таких замысловатых поз, какие принимали его костюмированные друзья.

— Мистер Пиквик,— сказала миссис Лио Хантер,— вы должны дать мне слово, что не будете отходить от меня в течение всего дня. Здесь сотни людей, которых я во что бы то ни стало должна вам представить.

Вы очень любезны, сударыня,— отвечал мистер Пиквик.

— Во-первых, вот мои девчурки, я о них почти забыла,— продолжала Минерва, небрежно указывая на двух великовозрастных девиц, одну лет двадцати, другую года на два старше, одетых в детские платьица — для того ли, чтобы им казаться юными, или для того, чтобы их мамаша казалась моложе,— этого пункта мистер Пиквик нам не разъясняет.

— Они премиленькие,— заметил мистер Пиквик, когда представленные ему малютки удалились.

— Они очень похожи на свою маму, сэр,— величественно изрек мистер Потт.

— Ах вы проказник! — воскликнула миссис Лио Хантер, игриво хлопнув редактора веером по руке. (Минерва была с веером!)

— Ну, конечно, дорогая моя миссис Хантер,— сказал мистер Потт, состоявший в Логовище на ролях присяжного трубача.— Вы прекрасно знаете, что в прошлом году, когда ваш портрет появился на выставке Королевской академии, все спрашивали, чей это портрет — ваш или вашей младшей дочери; вы так похожи друг на друга, что различить вас немыслимо.

— Хорошо, пусть будет так, но зачем это повторять при чужих? — сказала миссис Лио Хантер, еще раз ударив веером дремлющего льва «Итенсуиллской газеты».

— Граф, граф! — вдруг взвизгнула она, обращаясь к проходившему мимо субъекту в иностранном мундире и с огромными баками.

— А? Ви меня зовете? — оглянулся граф.

— Я хочу познакомить двух поистине умных людей,— сказала миссис Лио Хантер.— Мистер Пиквик, позвольте вас представить графу Сморлторку!

Затем она быстро шепнула мистеру Пиквику:

— Знатный иностранец... собирает материалы для большой работы об Англии... Гм!.. Граф Сморлторк, мистер Пиквик.

Мистер Пиквик с подобающим почтением приветствовал столь великого человека, а граф вытащил записную книжку.

— Как ви сказали, миссис Хант? — осведомился он, милостиво улыбаясь восхищенной миссис Лио Хантер.— Пиг-Виг или Биг-Виг?.. Так зовете ви... адвокаты... э...

Понимаю, именно Биг-Виг... Большой парик *.— И граф собирался занести мистера Пиквика в свою книжечку как джентльмена из тех, что носят длинные мантии и фамилия которого произошла от его профессиональных занятий, но тут вмешалась миссис Лио Хантер.

— Нет, нет, граф,— сказала она.— Пиквик.

— А, понимаю,— ответил граф.— Пик — имя, Викс — фамилия. Хорошо, очень хорошо,— Пик Викс. Как поживаете, Викс?

— Благодарю вас, прекрасно,— с обычной своей любезностью отвечал мистер Пиквик.— Давно ли вы в Англии?

— Давно... очень давно... больше две недели.

— И долго еще пробудете здесь?

— Одна неделя.

— Вам придется поработать,— с улыбкой заметил мистер Пиквик,— чтобы собрать за это время все нужные материалы.

— Э, они собрались,— объявил граф.

— Вот как! — удивился мистер Пиквик.

— Здесь! — добавил граф, многозначительно хлопнув себя по лбу.— Дома большая книга... полная от заметок... музыка, живопись, наука, поэзия, политик — все.

— Слово «политика», сэр,— сказал мистер Пиквик,— заключает в себе целую науку немалого значения...

— А! — воскликнул граф, снова извлекая книжечку.— Очень хорошо... прекрасные слова начать главу. Глава сорок семь: Политик. Слово «политик» выключает собой...

И в книжечку графа Сморлторка было занесено замечание мистера Пиквика с теми вариациями, какие подсказывала пылкая фантазия графа или недостаточное знание языка.

— Граф! — начала миссис Лио Хантер.

— Миссис Хант? — отозвался граф.

— Вот это мистер Снодграсс, друг мистера Пиквика и поэт.

— Постой! — воскликнул граф, снова хватаясь за книжечку.— Раздел — поэзия... глава: Друзья от литература... фамилия — Сноуграс. Очень хорошо. Был представленный Сноуграс... великий поэт, друг Пика Викса...

через миссис Хант, который написал второе сладкое стихотворение. Как его имя? Лягушка... Изнывающий лягушка... хорошо, очень хорошо.

И граф спрятал записную книжку и удалился с поклонами и приветствиями, очень довольный тем, что ему удалось пополнить запас сведений столь важным и ценным материалом.

— Чудесный человек — граф Сморлторк! — сказала миссис Лио Хантер.

— Трезвый философ,— добавил мистер Потт.

— Ум ясный и проницательный,— продолжал мистер Снодграсс.

Хор гостей подхватил хвалебную песнь в честь графа Сморлторка и, глубокомысленно покачивая головами, провозгласил:

— Оч-чень!

Так как восхищение, вызванное графом Сморлторком, было весьма велико, то и чествовали бы его, быть может, до конца празднества, если бы четыре певца из неведомой страны не выстроились для живописности перед маленькой яблоней и не начали петь свои национальные песни, которые, по-видимому, особых трудностей для исполнения не представляли, ибо весь секрет их как будто заключался в том, что три певца из неведомой страны должны были стонать, а четвертый — выть. По окончании этого интересного концерта, вызвавшего громкие аплодисменты всего общества, какой-то подросток начал пролезать между перекладинами стула, прыгал через него и проползал под ним, катался с ним по земле и проделывал решительно все, только не сидел на нем, затем сделал галстук из собственных ног и обвязал его вокруг шеи, после чего демонстрировал, с какою легкостью можно придать человеческому существу сходство с раздувшейся жабой,— все эти подвиги вызвали восторг и изумление собравшихся зрителей.

Вслед за сим послышался голос миссис Потт, невнятно чирикавшей нечто, названное из вежливости романсом. Все это строго соответствовало классическому стилю и роли, ибо Аполлон сам был композитором, а композиторы очень редко умеют исполнять произведения как свои, так и чужие. Затем воспоследовала

декламация миссис Лио Хантер, читавшей прославленную «Оду издыхающей лягушке», которую она повторила на бис и прочла бы и в третий раз, если бы большинство гостей, по мнению коих давным-давно наступило время слегка перекусить, не заявило, что злоупотреблять добротой миссис Лио Хантер поистине постыдно. И хотя миссис Лио Хантер изъявила полную готовность еще раз декламировать оду, ее добрые и заботливые друзья и слышать об этом не хотели; а когда распахнулась дверь столовой, все, кто бывал здесь раньше, устремились туда с величайшей поспешностью; у миссис Лио Хантер было заведено посылать приглашения ста персонам, а завтрак готовить на пятьдесят, или, иными словами, кормить только самых выдающихся львов и предоставлять менее значительным зверям самим заботиться о себе.

— Где же мистер Потт? — спросила миссис Лио Хантер, разместив вокруг себя упомянутых львов.

— Я — здесь! — отозвался редактор из отдаленнейшего конца комнаты, где для него не было никаких надежд на завтрак, если хозяйка о нем не позаботится.

— Не хотите ли пожаловать сюда?

— Ах, прошу вас, не беспокойтесь о нем,— самым любезным тоном сказала миссис Потт,— вы создаете себе ненужные хлопоты, миссис Хантер. Ведь тебе и там очень хорошо, не правда ли, дорогой мой?

— Конечно, милочка,— с мрачной улыбкой отвечал несчастный мистер Потт.

Увы, что толку от кнута! Мощная рука, которая с такой нечеловеческой силой обрушивалась на общественные репутации, была парализована властным взглядом миссис Потт.

Миссис Лио Хантер с торжеством оглядела собравшихся. Граф Сморлторк деловито отмечал в своей записной книжке поданные блюда; мистер Тапмен угощал нескольких львиц салатом из омаров, превосходя грацией всех известных доселе разбойников; мистер Снодграсс, срезав молодого джентльмена, который резал авторов на страницах «Итенсуиллской газеты», был поглощен страстной дискуссией с молодой леди, которая «делала» поэзию; а мистер Пиквик старался угодить всем и каждому. Казалось, избранное общество было в

полном составе, как вдруг мистер Лио Хантер — на чьей обязанности в таких случаях было стоять у дверей и разговаривать с менее важными особами,— мистер Лио Хантер возвестил:

— Дорогая моя, здесь мистер Чарльз Фиц-Маршалл!

— Ах, боже мой,— воскликнула миссис Лио Хантер,— с каким нетерпением я его ждала! Пожалуйста, потеснитесь, дайте пройти мистеру Фиц-Маршаллу. Дорогой мой, скажите мистеру Фиц-Маршаллу, чтобы он сейчас же подошел ко мне, я его побраню за то, что он так опоздал.

— Иду, сударыня,— раздался голос.— Спешу по мере сил — — толпы народа — — комната переполнена — — трудная работа — — весьма!

Нож и вилка выпали из рук мистера Пиквика. Он посмотрел через стол на мистера Тапмена, который тоже выронил нож и вилку и имел такой вид, словно без дальнейших разговоров готов провалиться сквозь землю.

— А! — слышался голос, когда обладатель его прокладывал себе дорогу между последними двадцатью пятью турками, офицерами, рыцарями и Карлами Вторыми, которые отделяли его от стола.— Настоящий каток для белья — — патент Бейкера — — ни одной морщинки на костюме после такого тискания — — выгладят белье, пока дойду,— — ха-ха, идея недурная — — впрочем, довольно необычно, утюжат на тебе самом — — мучительная процедура — — весьма!

Произнося эти отрывочные фразы, молодой человек в форме морского офицера проложил себе путь к столу, и перед пораженными пиквикистами предстал собственной своей персоной мистер Альфред Джингль.

Злодей едва успел пожать протянутую руку миссис Лио Хантер, когда глаза его встретились с негодующими очками мистера Пиквика.

— Вот те на! — воскликнул Джингль.— Совсем забыл — — распоряжения форейтору — — сейчас отдам — — вернусь через минуту.

— Мистер Фиц-Маршалл, лакей или мистер Хантер сделают это в одну секунду,— заметила миссис Лио Хантер.

— Нет, нет — — я сам — — один момент! — возразил Джингль.

С этими словами он исчез в толпе.

— Разрешите вас спросить, сударыня,— сказал возбужденно мистер Пиквик, вставая с места,— кто этот молодой человек и где он проживает?

— Это богатый джентльмен, мистер Пиквик,— отвечала миссис Лио Хантер,— с которым я очень хочу вас познакомить. Граф будет от него в восторге.

— Да, да,— поспешно проговорил мистер Пиквик,— а проживает он...

— В настоящее время в Бери, в гостинице «Ангел».

— В Бери?

— В Бери Сент Эдмондс *, в нескольких милях отсюда. Ах, боже мой, мистер Пиквик, неужели вы хотите нас покинуть? Нет, нет, мистер Пиквик, право же, вы не можете уйти так рано!

Но задолго до того, как миссис Лио Хантер произнесла последние слова, мистер Пиквик ринулся сквозь толпу и добрался до сада, где в скором времени присоединился к нему мистер Тапмен, следовавший по пятам за своим другом.

— Бесполезно! — сказал мистер Тапмен.— Он ушел!

— Знаю! — отозвался мистер Пиквик.— И последую за ним.

— Последуете за ним! Куда? — осведомился мистер Тапмен.

— В гостиницу «Ангел», в Бери,— с живостью ответил мистер Пиквик.— Откуда нам знать, кого он там обманывает? Однажды он уже обманул достойного человека, и мы, хотя и не по своей вине, были тому причиной. Но больше он никого не обманет, поскольку это от меня зависит. Я его разоблачу... Сэм! Где же мой слуга?

— Я здесь, сэр! — отозвался мистер Уэллер, выходя из уединенного местечка, где он смаковал бутылку мадеры, которую часа два назад утащил со стола, накрытого к завтраку.— Ваш слуга здесь, сэр. Горд титулом, как говорил Живой шкилет, когда его показывали публике.

— Немедленно следуйте за мной! — приказал мистер Пиквик.— Тапмен, если я задержусь в Бери, вы

можете ко мне приехать, когда я напишу. А пока до свиданья!

Возражать не имело смысла. Мистер Пиквик был возбужден, и решение его принято. Мистер Тапмен вернулся к своим приятелям и через час утопил воспоминания о мистере Альфреде Джингле, или мистере Чарльзе Фиц-Маршалле, и в бутылке шампанского и в веселой кадрили. А в это время мистер Пиквик и Сэм Уэллер, сидя на крыше пассажирской кареты, с каждой минутой поглощали пространство, отделявшее их от доброго старого города Бери Сент Эдмондс.

ГЛАВА XVI,

слишком изобилующая приключениями, чтобы можно было кратко их изложить

Нет такого месяца в году, когда бы лик природы был прекраснее, чем в августе. Много прелести есть у весны, и май — лучезарный месяц цветов, но чары этого времени года подчеркнуты контрастом с зимней порой. У августа нет такого преимущества. Он приходит, когда мы помним только о ясном небе, зеленых полях и душистых цветах, когда воспоминание о снеге, льде и холодных ветрах стерлось в памяти так же, как исчезли они с лица земли,— и все-таки какое это чудесное время! Во фруктовых садах и на нивах звенят голоса тружеников, деревья клонятся под тяжестью сочных плодов, пригибающих ветви к земле, а хлеба, красиво связанные в снопы или волнующиеся от малейшего дуновения ветерка, словно задабривающие серп, окрашивают пейзаж в золотистые тона. Как будто мягкая томность окутывает всю землю; и кажется, будто влияние этого времени года распространяется даже на телегу,— только глаз замечает замедленное ее движение по сжатому полю, но ни один резкий звук не касается слуха.

Когда карета быстро катится мимо полей и фруктовых садов, окаймляющих дорогу, группы женщин и

детей, наполняющих решета плодами или подбирающих разбросанные колосья, на секунду отрываются от работы и, заслоняя смуглые лица загорелыми руками, смотрят с любопытством на путешественников, а какой-нибудь здоровый мальчуган — он слишком мал для работы, но такой проказник, что его нельзя оставить дома,— выкарабкивается из корзины, куда его посадили для безопасности, и барахтается и визжит от восторга. Жнец прерывает работу и стоит, сложа руки, глядя на несущийся мимо экипаж; а рабочие лошади бросают на красивую упряжку сонный взгляд, который говорит так ясно, как только может быть ясен взгляд лошади: «Поглазеть на это очень приятно, но медленная ходьба по тучной земле в конце концов лучше, чем такая жаркая работа на пыльной дороге». На повороте дороги вы оглядываетесь. Женщины и дети вернулись к работе; снова согнулась спина жнеца; плетутся клячи, и снова все пришло в движение.

Такое зрелище не могло не повлиять на прекрасно дисциплинированный ум мистера Пиквика. Сосредоточившись на решении разоблачать истинную природу гнусного Джингля везде, где бы тот ни осуществлял свои мошеннические замыслы, он сидел сначала молчаливый и задумчивый, измышляя наилучшие средства для достижения цели. Постепенно внимание его начали привлекать окружающие предметы; и, наконец, поездка стала доставлять ему такое удовольствие, словно он ее предпринял ради приятнейшей цели.

— Чудесный вид, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Почище дымовых труб, сэр,— отвечал мистер Уэллер, притронувшись к шляпе.

— Пожалуй, вы за всю свою жизнь, Сэм, только и видели, что дымовые трубы, кирпичи да известку,— с улыбкой произнес мистер Пиквик.

— Я не всегда был коридорным, сэр,— покачав головой, возразил мистер Уэллер.— Когда-то я работал у ломовика.

— Давно это было? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— А вот как вышвырнуло меня вверх тормашками в мир поиграть в чехарду с его напастями,— ответил

Сэм.— Поначалу я работал у разносчика, потом у ломовика, потом был рассыльным, потом коридорным. А теперь я — слуга джентльмена. Может быть, настанет когда-нибудь время, и сам буду джентльменом с трубкой во рту и беседкой в саду. Кто знает? Я бы не удивился.

— Да вы философ, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Должно быть, это у нас в роду, сэр,— ответил мистер Уэллер.— Мой отец очень налегает теперь на это занятие. Мачеха ругается, а он свистит. Она приходит в раж и ломает ему трубку, а он выходит и приносит другую. Она визжит во всю глотку и — в истерику, а он преспокойно курит, пока она не придет в себя. Это философия, сэр, не правда ли?

— Во всяком случае, очень недурная замена,— смеясь, ответил мистер Пиквик.— Должно быть, она вам сослужила службу, Сэм, в вашей беспокойной жизни?

— Сослужила, сэр! — воскликнул Сэм.— Что и говорить! Когда я удрал от разносчика, а к ломовику еще не нанялся, я две недели жил в немеблированных комнатах.

— В немеблированных комнатах? — переспросил мистер Пиквик.

— Да... под арками моста Ватерлоо. Прекрасное место, чтобы поспать... Десять минут ходьбы от всех общественных учреждений, а если и можно что-нибудь сказать против него, так только одно: ситивация чересчур воздушная. Диковинные вещи я там видел!

— Этому я охотно верю,— сказал мистер Пиквик, весьма заинтересованный.

— Такие вещи, сэр,— продолжал мистер Уэллер,— которые проникли бы в ваше доброе сердце и пронзили бы его насквозь. Регулярных бродяг вы там не увидите, будьте спокойны, они умеют устраивать свои дела. Нищие помоложе, мужчины и женщины,— те, что еще не продвинулись в своей профессии,— проживают там иногда; а обыкновенно в темные закоулки таких заброшенных мест забиваются умирающие с голоду, бездомные люди — жалкие люди, которым двухпенсовая веревка не по карману.

— Сэм, что это за двухпенсовая веревка? — осведомился мистер Пиквик.

— Двухпенсовая веревка, сэр,— ответил мистер Уэллер,— это попросту дешевая ночлежка, по два пенса за койку.

— Почему же постель называется веревкой? — спросил мистер Пиквик.

— Да благословит бог вашу невинность, сэр, не в этом дело,— ответил Сэм.— Когда леди и джентльмены, которые содержат этот отель, только начинали дело, они делали постели на полу, но это, знаете ли, невыгодно, потому что ночлежники валялись полдня, вместо того чтобы скромно выспаться на два пенса. Ну, а теперь хозяева протягивают во всю длину комнаты две веревки, футов шесть одна от другой и фута три от пола, а постели делаются из полотнищ грубой материи, натянутых на веревки.

— Вот как! — сказал мистер Пиквик.

— Именно так! — подтвердил мистер Уэллер.— Выдумка отменная. Утром в шесть часов веревки с одного конца отвязывают, и ночлежники валятся все на пол. Ну, значит, сразу просыпаются, очень спокойно встают и убираются!.. Прошу прощения, сэр,— сказал Сэм, внезапно прерывая свою болтовню,— это Бери Сент Эдмондс?

— Да,— ответил мистер Пиквик.

Карета загрохотала по прекрасно вымощенным улицам красивого города, на вид — процветающего и чистенького, и остановилась перед большой гостиницей, помещавшейся на широкой улице, почти напротив старого аббатства.

— А это «Ангел»! — сказал мистер Пиквик, взглянув вверх.— Мы здесь выйдем, Сэм. Но необходимо соблюдать некоторую осторожность. Займите номер и не называйте моей фамилии. Понимаете?

— Будьте благонадежны, сэр! — хитро подмигнув, ответил мистер Уэллер, и, вытащив чемодан мистера Пиквика из заднего ящика кареты, куда он второпях был брошен, когда они заняли места в итенсуиллской карете, мистер Уэллер исчез, чтобы исполнить распоряжение. Номер был тотчас снят, и мистер Пиквик был введен без промедления.

— Теперь, Сэм,— сказал мистер Пиквик,— нам прежде всего следовало бы...

— Заказать обед, сэр,— подсказал мистер Уэллер.— Уже очень поздно, сэр.

— Верно! — сказал мистер Пиквик, взглянув на часы.— Вы правы, Сэм.

— И если разрешите вам посоветовать, сэр,— добавил мистер Уэллер,— я бы после этого хорошенько отдохнул за ночь и до утра не стал бы наводить справки об этом пройдохе. Ничто так не освежает, как сон, сэр, как сказала служанка, собираясь выпить полную рюмку опия.

— Думаю, что вы правы, Сэм,— сказал мистер Пиквик.— Но сначала я должен удостовериться, что он в этом доме и не собирается уехать.

— Предоставьте это мне, сэр,— сказал Сэм.— Разрешите заказать для вас сытный обед и навести справки внизу, пока его приготовят; я, сэр, могу в пять минут выудить любой секрет у коридорного.

— Так и поступите,— сказал мистер Пиквик, и мистер Уэллер немедленно удалился.

Через полчаса мистер Пиквик сидел за весьма удовлетворительным обедом, а через три четверти часа мистер Уэллер вернулся с известием, что мистер Чарльз Фиц-Маршалл приказал оставить за ним его комнату впредь до дальнейших распоряжений. Он собирался провести вечер в гостях, где-то по соседству, велел коридорному не ложиться до его возвращения, а своего слугу взял с собой.

— Теперь, сэр,— заявил мистер Уэллер, закончив свое донесение,— если мне удастся потолковать поутру с этим-вот слугою, он все мне расскажет о своем хозяине.

— Почему вы так думаете? — спросил мистер Пиквик.

— Помилуй бог, сэр, на то и существуют слуги! — ответил мистер Уэллер.

— Ах да, я об этом забыл,— сказал мистер Пиквик.— Хорошо.

— Тогда вы решите, как поступить, сэр, и мы соответственно начнем действовать.

По-видимому, этот план был наилучший, и в конце концов на нем остановились. Мистер Уэллер, с разрешения своего хозяина, отправился провести вечер по собственному усмотрению; вскоре затем он был единогласно избран собравшейся компанией на председательское место в распивочной, на каковом почетном посту снискал такое расположение джентльменов завсегдатаев, что взрывы хохота и одобрения проникали в спальню мистера Пиквика и сократили по меньшей мере на три часа его нормальный отдых.

Рано поутру, когда мистер Уэллер разгонял последние остатки возбуждения, вызванного вечерним пиршеством, при посредстве душа за полпенни (соблазнив предложением этой монеты молодого джентльмена, пристроенного к конюшенному ведомству, окатывать ему из насоса голову и лицо, пока он окончательно не оправится), его внимание было привлечено молодым человеком в ливрее цвета шелковицы, который сидел на скамейке во дворе и читал, по-видимому, сборник гимнов с видом глубоко сосредоточенным; тем не менее время от времени он поглядывал украдкой на человека под насосом, как будто заинтересованный его операциями.

«Ну и чудной парень, как я погляжу!» — подумал мистер Уэллер, как только встретил взгляд незнакомого человека в шелковичной ливрее, у которого было широкое, желтое, некрасивое лицо, глубоко запавшие глаза и гигантская голова, с которой свисали космы гладких черных волос. «Ну и чудной же парень!» — подумал мистер Уэллер, подумал и продолжал умываться, размышляя уже о другом.

Однако молодой человек упорно переводил взгляд со своей книги гимнов на Сэма и с Сэма на книгу гимнов, как будто хотел начать разговор. Тогда Сэм, чтобы дать повод к этому, спросил, фамильярно кивая ему:

— Как поживаете, командир?

— Я счастлив, что могу сказать — прекрасно, сэр,— неторопливо и вдумчиво ответил молодой человек, закрывая книгу.— Надеюсь, и вы также, сэр?

— Ну, не чувствуй я себя, как ходячая бутылка бренди, я бы тверже держался сегодня на ногах,—

ответил Сэм.— Вы стоите в этой гостинице, старина?

Шелковичный субъект отвечал утвердительно.

— Почему вас не было вчера с нами? — осведомился Сэм, вытирая лицо полотенцем.— Вы как будто весельчак... на вид общительны, как живая форель в липовой корзинке,— добавил мистер Уэллер про себя.

— Вчера мы с хозяином были в гостях,— отвечал незнакомец.

— Как его зовут? — полюбопытствовал мистер Уэллер, сильно раскрасневшись от внезапного волнения и упражнения с полотенцем.

— Фиц-Маршалл,— ответил шелковичный субъект.

— Дайте вашу руку,— сказал мистер Уэллер, подходя к нему,— я хочу с вами познакомиться. Мне нравится ваше лицо.

— Это очень странно,— простодушно заметил шелковичный субъект.— Мне ваше так понравилось, что я хотел заговорить с вами, как только увидел вас под насосом.

— Да ну?

— Честное слово. Ну, не чудно́ ли это?

— Очень удивительно,— сказал Сэм, мысленно радуясь податливости незнакомца.— Как вас зовут, патриарх?

— Джоб.

— Какое прекрасное имя! Единственное, насколько мне известно, от которого нет уменьшительного. А дальше как?

— Троттер,— сказал незнакомец.— А вас как?

Сэм хранил в памяти наставления хозяина и ответил:

— Меня зовут Уокер *, моего хозяина — Уилкинс. Не хотите ли промочить сейчас горло, мистер Троттер?

Мистер Троттер согласился на это приятное предложение и, опустив книгу в карман, отправился вместе с мистером Уэллером в распивочную, где они вскоре занялись обсуждением веселящего напитка, составленного путем смешения в оловянном сосуде определенного

количества британского джина с ароматной эссенцией гвоздики.

— Хорошее у вас место? — полюбопытствовал Сэм, вторично наполняя стакан своего собутыльника.

— Плохое,— сказал Джоб, причмокивая губами,— очень плохое.

— Да что вы! — сказал Сэм.

— Верно. Хуже всего то, что мой хозяин собирается жениться.

— Не может быть!

— Но это так, и еще хуже то, что он собирается удрать с ужасно богатой наследницей из пансиона.

— Ну и дракон! — воскликнул Сэм, снова наполняя стакан приятелю.— Должно быть, какой-нибудь пансион здесь, в городе?

Хотя этот вопрос был задан самым небрежным тоном, какой только можно вообразить, мистер Джоб Троттер ясно показал жестами, что от него не укрылось желание нового друга выудить ответ. Он осушил стакан, посмотрел таинственно на приятеля, подмигнул по очереди своими крошечными глазками и сделал движение рукой, словно приводил в действие воображаемый насос, тем самым давая понять, что, по его (мистера Троттера) соображению, мистер Сэмюел Уэллер хочет нечто из него выкачать.

— Нет, нет,— сказал в заключение мистер Троттер,— об этом не говорят первому встречному. Это секрет... большой секрет, мистер Уокер.

Сказав это, шелковичный субъект перевернул стакан вверх дном, дабы напомнить своему приятелю, что ему нечем утолить жажду. Сэм понял намек и, оценив деликатность, с какою он был сделан, приказал вновь наполнить оловянный сосуд. Глазки шелковичного субъекта засверкали.

— Так это секрет? — проговорил Сэм.

— Похоже на то,— ответил шелковичный субъект, с довольной миной потягивая свой напиток.

— Должно быть, ваш хозяин очень богат? — сказал Сэм.

Мистер Троттер улыбнулся и, держа стакан в левой руке, правой раза четыре похлопал по карману своих

шелковичных невыразимых, давая этим понять, что его хозяин мог бы сделать то же самое, никого не потревожив звоном монеты.

— А, вот оно что! — сказал Сэм.

Шелковичный субъект многозначительно кивнул.

— Ну, а не сдается ли вам, старина,— продолжал мистер Уэллер,— что вы окажетесь сущим негодяем, если позволите своему хозяину провести молодую леди?

— Я это знаю,— сказал Джоб Троттер, обращая к своему собеседнику удрученную физиономию и тихонько охая.— Я это знаю, и вот это-то меня больше всего сокрушает. Но что же мне делать?

— Что делать! — воскликнул Сэм.— Открыть все начальнице и выдать своего хозяина.

— Кто мне поверит? — возразил Джоб Троттер.— Молодая леди считается образцом невинности и скромности. Она станет это отрицать, мой хозяин тоже. Кто мне поверит? Я потеряю место, и меня обвинят в заговоре или еще в чем-нибудь. Вот все, что я получу за доброе побуждение.

— Это смахивает на правду,— задумчиво сказал Сэм,— да, пожалуй, смахивает на правду.

— Если бы я знал какого-нибудь почтенного джентльмена, который взялся бы за это дело,— продолжал мистер Троттер,— тогда у меня была бы надежда помешать побегу, но тут, мистер Уокер, опять та же загвоздка. В этом чужом городе я ни одного джентльмена не знаю, да если бы и знал, десять против одного, что он не поверит моему рассказу.

— Пойдемте со мной! — воскликнул Сэм, внезапно вскакивая и хватая шелковичного субъекта за руку.— Мой хозяин — вот кто вам нужен.

И, преодолев слабое сопротивление со стороны Джоба Троттера, Сэм повел своего новообретенного друга в комнату мистера Пиквика, которому представил его вместе с кратким изложением диалога, только что нами приведенного.

— Мне очень жалко предавать моего хозяина, сэр,— сказал Джоб Троттер, прикладывая к глазам розовый клетчатый носовой платочек величиною не больше шести квадратных дюймов.

— Такие чувства делают вам честь,— заметил мистер Пиквик,— но тем не менее это ваш долг.

— Знаю, что это мой долг, сэр,— согласился Джоб с большим чувством.— Нам всем следовало бы исполнять свой долг, сэр, и я смиренно стараюсь исполнить свой, сэр, но это тяжелое испытание — предать хозяина, сэр, чье платье вы носите и чей хлеб едите, хотя бы он был мошенник, сэр.

— Вы очень хороший человек,— сказал глубоко растроганный мистер Пиквик,— честный человек.

— Ну-ну! — вмешался Сэм, который взирал на слезы мистера Троттера с заметным нетерпением.— Прекратите эту-вот поливку. Толку от нее не будет никакого.

— Сэм,— укоризненно сказал мистер Пиквик,— я с сожалением замечаю, что вы не питаете никакого уважения к чувствам этого молодого человека.

— Чувства у него отличные, сэр,— отвечал мистер Уэллер,— очень даже прекрасные, и просто жалость, если он их зря растратит, вот я и думаю, что лучше бы он их припрятал в своей груди и не давал им превращаться в горячую воду, особливо если нет от них никакого толку. Слезы никогда еще часов не заводили и паровой машины не двигали. В следующий раз, как пойдете в гости, молодой человек, набейте этими-вот мыслями свою трубку, а сейчас спрячьте-ка в карман этот кусок розовой бумажной материи. Не так уж он красив, чтобы вы им размахивали, как канатный плясун.

— Мой слуга по-своему прав,— сказал мистер Пиквик, обращаясь к Джобу,— хотя его манера выражать свое мнение грубовата, а иной раз непонятна.

— Он, сэр, совершенно прав,— заявил мистер Троттер,— я больше не буду распускаться.

— Отлично,— сказал мистер Пиквик.— Ну, а где же находится этот пансион?

— Это большой старый дом из красного кирпича в самом предместье, сэр,— отвечал Джоб Троттер.

— А когда этот гнусный замысел будет приведен в исполнение? — продолжал мистер Пиквик.— Когда должен состояться побег?

— Сегодня ночью, сэр,— ответил Джоб.

— Сегодня ночью! — воскликнул мистер Пиквик.

— В эту самую ночь, сэр,— отвечал Джоб Троттер.— Вот что меня так тревожит.

— Надо немедленно принять меры! — заявил мистер Пиквик.— Я сейчас же повидаюсь с начальницей заведения.

— Прошу прощенья, сэр, но такие действия ни к чему не приведут,— возразил Джоб.

— Почему? — осведомился мистер Пиквик.

— Мой хозяин, сэр, очень хитрый человек.

— Я это знаю,— сказал мистер Пиквик.

— И он так обвился вокруг сердца старой леди, сэр,— продолжал Джоб,— что она ничему плохому о нем не поверит, даже если вы станете на колени и будете клясться, в особенности раз у вас нет никаких доказательств, кроме слов слуги, о котором она может знать только то (а мой хозяин непременно так скажет), что он был рассчитан за какую-то провинность и делает это в отместку.

— Что же в таком случае предпринять? — спросил мистер Пиквик.

— Старую леди ничем не убедишь, если он не будет захвачен при побеге, сэр,— ответил Джоб.

— Все эти старые кошки непременно хотят удариться головой об жернов,— заметил в скобках мистер Уэллер.

— Но я боюсь, что это чрезвычайно трудно — захватить его при побеге,— сказал мистер Пиквик.

— Не знаю, сэр,— сказал мистер Троттер, на секунду призадумавшись.— Мне кажется, это можно было бы сделать очень просто.

— Как? — задал вопрос мистер Пиквик.

— Да мой хозяин и я договорились с двумя служанками, и в десять часов они нас спрячут в кухне. Когда в доме все улягутся спать, мы выйдем из кухни, а молодая леди выйдет из своей спальни. Дорожная карета будет ждать, и мы тотчас укатим.

— Ну? — сказал мистер Пиквик.

— Ну, вот я и подумал, сэр, что если бы вы поджидали в саду, один...

— Один,— повторил мистер Пиквик.— Почему один?

— Старая леди, понятно, будет недовольна,— отве-

тил Джоб,— если такое неприятное открытие произойдет на глазах посторонних и лишних людей. Да и молодая леди, сэр,— подумайте об ее чувствах!

— Вы совершенно правы,— сказал мистер Пиквик.— Это соображение свидетельствует о деликатности ваших чувств. Продолжайте. Вы совершенно правы.

— Так вот, сэр, я и подумал, что, если вы подождете один в саду и я вас впущу ровно в половине двенадцатого через дверь в конце коридора, выходящую в сад, вы поспеете как раз вовремя и поможете мне разрушить замыслы этого дурного человека, к которому я, по несчастью, попал в лапы.

Мистер Троттер глубоко вздохнул.

— Не огорчайтесь по этому поводу,— сказал мистер Пиквик.— Будь у него хоть крупица той деликатности, которая отличает вас, невзирая на ваше скромное положение, я бы еще мог возлагать на него некоторые надежды.

Джоб Троттер низко поклонился, и, несмотря на замечания мистера Уэллера, слезы снова выступили у него на глазах.

— Никогда еще не видывал такого парня,— сказал Сэм.— Будь я проклят, если у него в голове нет водопровода, который всегда работает.

— Сэм, придержите язык,— сказал мистер Пиквик очень строго.

— Слушаю, сэр,— отвечал мистер Уэллер.

— Мне этот план не нравится,— сказал мистер Пиквик после глубокого размышления.— Почему бы мне не снестись с друзьями молодой леди?

— Потому что они живут в ста милях отсюда, сэр,— ответил Джоб Троттер.

— Вот так загвоздка! — сказал мистер Уэллер в сторону.

— Ну, а этот сад? — продолжал мистер Пиквик.— Как я туда проберусь?

— Ограда очень низкая, сэр, а ваш слуга поможет вам взобраться.

— Мой слуга поможет мне взобраться,— машинально повторил мистер Пиквик.— А вы наверное будете возле той двери, о которой говорите?

— Ошибки быть не может, сэр, там только одна дверь, которая выходит в сад. Постучите в нее, когда услышите бой часов, и я тотчас открою.

— Мне этот план не нравится,— повторил мистер Пиквик,— но, раз я другого не могу придумать и раз на карту поставлено счастье всей жизни молодой леди, я согласен. Я буду там.

Таким образом, во второй раз природная доброта мистера Пиквика вовлекла его в предприятие, от которого он с великой охотой держался бы в стороне.

— Как называется этот дом? — спросил мистер Пиквик.

— Вестгет-Хаус, сэр. Вы повернете немного вправо, когда дойдете до конца города, дом стоит особняком, в стороне от дороги, на воротах — медная доска с названием.

— Я его знаю,— сказал мистер Пиквик.— Я обратил на него внимание раньше, когда был в этом городе. Можете на меня положиться.

Мистер Троттер отвесил еще один поклон и хотел удалиться, а мистер Пиквик сунул ему в руку гинею.

— Вы славный малый,— сказал мистер Пиквик,— я восхищаюсь вашим добрым сердцем. Не благодарите. Помните: одиннадцать часов.

— Будьте спокойны, не забуду, сэр,— отвечал Джоб Троттер.

С этими словами он вышел из комнаты в сопровождении Сэма.

— Послушайте,— сказал тот,— совсем не плохая штука — это-вот хныканье. За такую хорошую плату я готов плакать, как водосточная труба в ливень. Как вы это проделываете?

— Это исходит от сердца, мистер Уокер,— торжественно ответил Джоб.— Прощайте, сэр.

«Чудак слабонервный, а все-таки мы из него вытянули все»,— подумал мистер Уэллер, когда Джоб удалился.

О том, что думал мистер Троттер, мы сказать с точностью не можем, ибо сие нам неведомо.

Прошел день, настал вечер, и около десяти часов Сэм Уэллер доложил, что мистер Джингль и Джоб

вышли вместе, что их вещи уложены и что они заказали карету. Заговор, по-видимому, приводится в исполнение по плану, изложенному мистером Троттером.

Пробило половина одиннадцатого — время, когда мистеру Пиквику надлежало приступить к исполнению деликатной миссии. От предложенного Сэмом пальто он отказался, чтобы не было никаких помех при перелезании через ограду, и отправился в путь, сопровождаемый своим слугой.

Луна взошла, но скрывалась за облаками. Была прекрасная сухая ночь, но удивительно темная. Тропинки, изгороди, поля, дома и деревья были окутаны тьмой. Было жарко и душно, зарницы слабо вспыхивали над линией горизонта, и только они одни оживляли тусклый сумрак, все обволакивавший,— не слышно было никаких звуков, кроме отдаленного лая какой-то беспокойной собаки.

Они нашли дом, прочитали медную табличку, обошли вокруг ограды и остановились там, где кончался сад.

— Вы вернетесь в гостиницу, Сэм, когда поможете мне перелезть,— сказал мистер Пиквик.

— Слушаю, сэр.

— И будете ждать моего возвращения.

— Конечно, сэр.

— Возьмите меня за ногу и, когда я скажу «вверх», осторожно меня поднимите.

— Да, сэр.

Покончив с приготовлениями, мистер Пиквик ухватился рукой за верхушку ограды и скомандовал «вверх», что и было исполнено буквально. Позаимствовало ли его тело гибкость, свойственную его уму, или представление мистера Уэллера об осторожном подсаживании было несколько грубее, чем представление мистера Пиквика,— как бы там ни было, но непосредственным результатом его услуги было то, что сей бессмертный джентльмен перелетел через ограду прямо на клумбу, где, примяв предварительно три куста крыжовника и розовый куст, растянулся на земле во весь рост.

— Надеюсь, вы ничего себе не повредили, сэр? — громким шепотом спросил Сэм, как только оправился от

изумления, вызванного таинственным исчезновением хозяина.

— Я-то себе, конечно, не повредил, Сэм,— отвечал мистер Пиквик из-за ограды,— но склонен думать, что *вы* мне повредили.

— Надеюсь, что нет, сэр,— отозвался Сэм.

— Ничего, всего несколько царапин,— сказал мистер Пиквик, вставая.— Ступайте, а то нас услышат.

— Прощайте, сэр.

— Прощайте.

Сэм Уэллер осторожно удалился, оставив мистера Пиквика одного в саду.

Время от времени огни вспыхивали в различных окнах дома или появлялись на лестнице; обитатели дома, видимо, готовились ко сну. Не рискуя раньше условленного часа подходить слишком близко к двери, мистер Пиквик приютился в углу ограды и ждал его приближения.

Ситуация была такова, что легко могла подействовать угнетающе на многих людей. Мистер Пиквик, однако, не чувствовал ни угнетенности, ни беспокойства. Он знал, что намерения у него благие, и всецело полагался на высоконравственного Джоба. Конечно, было тоскливо, скучно, чтобы не сказать — жутко, но человек, склонный к созерцанию, всегда может заняться размышлениями. Мистер Пиквик доразмышлялся до того, что погрузился в дремоту, как вдруг его разбудили куранты на соседней церкви, пробившие условленный час — половину двенадцатого.

«Пора!» — подумал мистер Пиквик, осторожно поднимаясь на ноги. Он взглянул на дом. Огни погасли, и ставни были закрыты — несомненно все улеглись. Он подошел на цыпочках к двери и тихонько постучал. Спустя две-три минуты, не дождавшись ответа, он снова постучал, несколько громче, и снова — еще громче.

Наконец, на лестнице послышались шаги, а затем сквозь замочную скважину блеснуло пламя свечи. Долго возились с цепью и засовами, и вот дверь стала медленно открываться.

Дверь открывалась наружу; и по мере того как она открывалась шире и шире, мистер Пиквик отступал за

нее дальше и дальше. Каково же было его изумление, когда, соблюдая осторожность, он чуть-чуть высунулся и увидел, что человек, открывавший дверь, был... не Джоб Троттер, а служанка со свечою в руке!

Мистер Пиквик снова втянул голову с живостью, свойственной превосходному мелодраматическому актеру Панчу, когда тот подстерегает тупоголового комедианта с жестяной музыкальной шкатулкой.

— Должно быть, Сара, это была кошка,— сказала девушка, обращаясь к кому-то в доме.— Кис-кис-кис!

Но так как этот ласковый зов не выманил никакого животного, девушка не спеша закрыла дверь и снова ее заперла, оставив в саду мистера Пиквика, который вытянулся во весь рост и прижался к стене.

«Очень странно,— подумал мистер Пиквик.— Вероятно, они засиделись дольше, чем обычно. Чрезвычайно некстати они выбрали именно эту ночь... чрезвычайно».

С такими мыслями мистер Пиквик осторожно удалился в угол сада, где прятался раньше, и стал дожидаться момента, когда можно будет безопасно повторить сигнал.

Он не пробыл здесь и пяти минут, как за яркой вспышкой молнии последовал оглушительный удар грома, который загрохотал и с ужасающим шумом раскатился вдали; затем снова вспышка молнии, ярче, чем первая, и второй удар грома, оглушительнее, чем предыдущий; а затем полил дождь с силой и бешенством, сметавшими все на своем пути.

Мистер Пиквик прекрасно знал, что дерево — опасный сосед во время грозы. Дерево находилось справа от него, дерево слева, третье перед ним и четвертое сзади. Останься он на месте, он рискует стать жертвой несчастного случая; выйди он на середину сада, он рискует попасть в руки констебля. Раза два он пытался перелезть через ограду, но так как на сей раз у него не было других подпорок, кроме тех, какими его снабдила природа, то единственным результатом его отчаянных попыток было появление множества очень неприятных царапин на коленях и бедрах, а также весьма обильной испарины.

— Какое ужасное положение! — сказал мистер Пиквик, приостановившись, чтобы вытереть лоб после этих упражнений. Он взглянул на дом — всюду было темно. Должно быть, теперь все улеглись. Он попробует снова дать сигнал.

Он прошел на цыпочках по сырому песку и постучал в дверь.

Затаив дыхание, он стал слушать через замочную скважину.

Ответа никакого. Очень странно. Снова стук. Он опять прислушался. В доме раздался тихий шепот, и затем послышался крик:

— Кто там?

«Это не Джоб,— подумал мистер Пиквик, поспешно прижимаясь снова к стене.— Это женщина».

Едва успел он прийти к такому заключению, как над лестницей распахнулось окно и три-четыре женских голоса повторили вопрос:

— Кто там?

Мистер Пиквик не смел шевельнуть ни рукой, ни ногой. Было ясно, что проснулся весь дом. Он решил оставаться на месте, пока тревога не уляжется, а затем сделать сверхъестественное усилие и перелезть через ограду или погибнуть при этой попытке.

Подобно всем решениям мистера Пиквика, это явилось наилучшим, какое можно было принять при данных обстоятельствах; но, к сожалению, оно зиждилось на предположении, что в доме не рискнут снова открыть дверь. Каково же было его отчаяние, когда он услышал, что цепь и засовы снимают, и увидел, как дверь медленно открывается шире и шире! Шаг за шагом отступал он к стене. Что делать! Препятствие в виде его собственной персоны мешало двери распахнуться настежь.

— Кто там? — завизжал с лестницы целый хор сопрано, в состав которого входили голоса старой девы, начальницы заведения, трех воспитательниц, пяти служанок и тридцати воспитанниц. Все они были полураздеты, а на головах — лес папильоток.

Конечно, мистер Пиквик не ответил на вопрос: «Кто там?» — и послышался новый припев хора: «О боже, как страшно!»

— Кухарка! — сказала леди-настоятельница, благоразумно оставшаяся на самом верху лестницы, в арьергарде.— Кухарка, почему вы не выйдете в сад?

— Простите, сударыня, я боюсь,— ответила кухарка.

— Ах, боже, как глупа эта кухарка! — воскликнули тридцать воспитанниц.

— Кухарка! — сказала с большим достоинством леди-настоятельница.— Молчите! Я требую, чтобы вы сейчас же вышли в сад!

Кухарка расплакалась, а горничная сказала: «Стыдно!» — за каковое соучастие получила тут же предупреждение об увольнении через месяц.

— Вы слышите, кухарка? — сказала леди-настоятельница, нетерпеливо топая ногой.

— Вы слышите, кухарка, что говорит ваша хозяйка? — сказали три воспитательницы.

— Какая наглая особа эта кухарка! — сказали тридцать воспитанниц.

Злополучная кухарка, столь энергически понукаемая, сделала два шага вперед и, держа свечу так, что перед собой ровно ничего не могла видеть, заявила, будто там никого нет и, по всей вероятности, это ветер. Собрались было уже закрыть дверь, как вдруг одна любопытная воспитанница, заглянув в щель между дверными петлями, разразилась ужасными воплями, которые заставили мгновенно отступить кухарку и горничную, а вслед за ними и всех наиболее храбрых воспитанниц.

— Что случилось с мисс Смитерс? — спросила леди-настоятельница, когда вышеназванная мисс Смитерс впала в истерику в четыре девических силы.

— Ах, боже, милая мисс Смитерс! — воскликнули остальные двадцать девять воспитанниц.

— О, мужчина... мужчина... за дверью! — возопила мисс Смитерс.

Едва леди-настоятельница услышала этот устрашающий вопль, она ретировалась в свою спальню, заперла дверь, дважды повернув ключ, и комфортабельно упала в обморок. Воспитанницы, воспитательницы и служанки стремглав бросились вверх по лестнице, налетая друг на друга; никогда еще не бывало таких воплей, обмороков и

такого смятения. В разгар суматохи мистер Пиквик вынырнул из своего убежища и предстал перед ними.

— Леди... дорогие леди! — промолвил мистер Пиквик.

— О, он называет нас дорогими! — воскликнула самая старая и безобразная воспитательница.— О, негодяй!

— Леди! — закричал мистер Пиквик, доведенный до отчаяния опасностью своего положения.— Выслушайте меня. Я не грабитель. Мне нужна хозяйка дома.

— О, какое свирепое чудовище! — взвизгнула другая воспитательница.— Ему нужна мисс Томкинс!

Поднялся общий визг.

— Ударьте в сигнальный колокол! — крикнуло несколько голосов.

— Не надо, не надо! — вскричал мистер Пиквик.— Посмотрите на меня. Разве я похож на грабителя? Дорогие мои леди, вы можете связать меня по рукам и по ногам или запереть в чулан, если вам угодно. Только выслушайте, что я вам скажу... только выслушайте меня.

— Как вы попали в наш сад? — растерянно пролепетала горничная.

— Попросите сюда начальницу, и я расскажу ей все... все,— сказал мистер Пиквик, напрягая легкие до крайнего предела.— Попросите ее... успокойтесь только и попросите ее, и вы узнаете все.

Внешность мистера Пиквика или манеры, а может быть, соблазн — столь непреодолимый для женской натуры — услышать нечто, в данный момент окутанное тайной, привели наиболее разумных обитательниц дома (каких-нибудь четыре особы) в состояние сравнительного спокойствия. Для испытания правдивости мистера Пиквика они предложили, чтобы он немедленно согласился подвергнуться лишению свободы,— если он согласен вести беседу с мисс Томкинс изнутри чулана, где приходящие воспитанницы вешают шляпы и сумочки с завтраком, то должен войти туда добровольно, что он и сделал, после чего его тщательно там заперли.

Это оживило всех. И когда мисс Томкинс пришла в себя и сошла вниз, совещание началось.

— Мужчина! Что вы делали у меня в саду? — слабым голосом спросила мисс Томкинс.

— Я пришел предупредить вас, что одна из ваших молодых леди собиралась сбежать сегодня ночью,— ответил мистер Пиквик из чулана.

— Сбежать! — воскликнули мисс Томкинс, три воспитательницы, тридцать воспитанниц и пять служанок.— С кем?

— С вашим другом, мистером Чарльзом Фиц-Маршаллом.

— С *моим* другом? — Я не знаю такого человека.

— В таком случае с мистером Джинглем.

— Никогда в жизни не слыхала этой фамилии.

— Значит, меня обманули и одурачили! — воскликнул мистер Пиквик.— Я стал жертвой заговора... гнусного и низкого заговора. Пошлите в «Ангел», сударыня, если вы мне не верите. Пошлите в «Ангел» за слугою мистера Пиквика, умоляю вас, сударыня.

— Вероятно, он человек порядочный. Вы слышите — он держит слугу,— сказала мисс Томкинс учительнице чистописания и арифметики.

— По моему мнению, мисс Томкинс,— сказала учительница чистописания и арифметики,— слуга держит его. Я думаю, что он сумасшедший, мисс Томкинс, а тот при нем сторожем.

— Мне кажется, вы совершенно правы, мисс Гуин,— ответствовала мисс Томкинс.— Пошлите двух служанок в «Ангел», а другие останутся здесь охранять нас.

Таким образом, две служанки были посланы в «Ангел» на поиски мистера Сэмюела Уэллера, а три остались охранять мисс Томкинс, трех воспитательниц и тридцать воспитанниц. А мистер Пиквик уселся в чулане, под сенью сумочек, и ждал возвращения посланных, вооружившись всем благоразумием и мужеством, какие только мог призвать на помощь.

Прошло полтора часа, прежде чем они вернулись, а когда, наконец, пришли, мистер Пиквик услышал, кроме голоса мистера Сэмюела Уэллера, еще два голоса, чьи интонации показались ему знакомыми, но кому принадлежали они, он ни за какие блага не мог припомнить.

Последовал очень краткий разговор. Дверцу отперли. Мистер Пиквик вышел из чулана и очутился перед всем населением Вестгет-Хауса, перед мистером Сэмюелом Уэллером и... старым Уордлем, а также его будущим зятем, мистером Трандлем!

— Дорогой мой друг! — воскликнул мистер Пиквик, бросаясь вперед и хватая мистера Уордля за руку.— Дорогой мой друг, умоляю вас, ради самого неба, объясните

этой леди печальное и ужасное положение, в какое я поставлен. Вы, вероятно, знаете уже обо всем от моего слуги, скажите им, дорогой мой, что я во всяком случае не грабитель и не сумасшедший!

— Я это сказал, дорогой мой друг... я это уже сказал,— ответил мистер Уордль, пожимая правую руку своему другу, в то время как мистер Трандль пожимал левую.

— А если кто-нибудь скажет или сказал, что это не так,— вмешался мистер Уэллер, выступая вперед,— тот говорит неправду, которая на правду нисколько не похожа, а наоборот, совсем не похожа. А сколько бы ни было здесь молодцов, которые так говорят, я буду счастлив доказать, что они ошибаются,— в этой самой комнате, если эти почтенные леди будут так добры удалиться и подавать их сюда по одному.

Сделав с большой непринужденностью этот вызов, мистер Уэллер выразительно ударил кулаком по раскрытой ладони и дружески подмигнул мисс Томкинс, которая пришла в неописуемый ужас, услышав предположение, будто в границах Вестгет-Хауса, пансиона для юных леди, могут находиться какие-то молодцы.

Объяснение мистера Пиквика с мисс Томкинс, так как оно частично уже имело место, закончилось быстро. Но ни по пути в гостиницу, куда он направился в сопровождении своих друзей, ни позже, когда мистер Пиквик сидел за ужином перед пылающим камином, в котором он больше всего нуждался, нельзя было вытянуть из него ни единого слова. Он казался ошеломленным и озадаченным. Один-единственный раз он повернулся к мистеру Уордлю и спросил:

— Как вы сюда попали?

— Мы с Трандлем приехали сюда, чтобы хорошенько поохотиться первого числа,— отвечал Уордль.— Мы прибыли ночью и с изумлением узнали от вашего слуги, что и вы находитесь здесь. Но я рад вас видеть,— добавил старик, хлопнув его по спине.— Я рад вас видеть. У нас будет веселая охота первого числа, и Уинклю мы дадим еще один шанс,— верно, старина?

Мистер Пиквик не дал никакого ответа; он даже не осведомился о своих друзьях в Дингли Делле и вскоре

после этого отправился спать, распорядившись, чтобы Сэм пришел снять нагар со свечи, когда он позвонит.

Спустя некоторое время раздался звонок, и мистер Уэллер явился.

— Сэм! — сказал мистер Пиквик, выглядывая из-под одеяла.

— Сэр? — сказал мистер Уэллер.

Мистер Пиквик некоторое время молчал; мистер Уэллер снял нагар со свечи.

— Сэм! — повторил мистер Пиквик, словно делая над собой отчаянное усилие.

— Сэр? — повторил мистер Уэллер.

— Где этот Троттер?

— Джоб, сэр?

— Да.

— Уехал, сэр.

— Со своим хозяином, надо думать?

— Друг, или хозяин, или кто бы он ни был, а они уехали вместе,— ответил мистер Уэллер.— Ну и парочка, сэр!

— Джингль, мне кажется, догадался о моем намерении и подбил парня рассказать эту историю,— задыхаясь, выговорил мистер Пиквик.

— Так оно и есть, сэр,— ответил мистер Уэллер.

— Конечно, все было ложью?

— Все, сэр! — ответил мистер Уэллер.— Регулярное надувательство, сэр, ловкая проделка.

— Не думаю, что он так легко ускользнет от нас в следующий раз, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Не думаю, сэр.

— Когда бы я ни встретил опять этого Джингля,— сказал мистер Пиквик, приподнимаясь в постели и нанося жестокий удар подушке,— я с ним лично расправлюсь и предам все дело огласке, чего он вполне заслуживает. Я сделаю это, или мое имя — не Пиквик!

— А попадись он только мне в руки, этот тихоня с черными волосами,— сказал Сэм,— если я не выкачаю у него из глаз тут же на месте воды, без всякого обмана, мое имя — не Уэллер! Спокойной ночи, сэр!

ГЛАВА XVII,

показывающая, что приступ ревматизма в некоторых случаях действует возбудительно на творческий ум

Хотя по своему телосложению мистер Пиквик в состоянии был вынести весьма значительное напряжение и утомление, однако он не устоял перед сочетанием напастей, которым подвергся в достопамятную ночь, описанную в предыдущей главе. Процесс ночного купанья на воздухе и обсыханья в чулане столь же опасен, сколь и своеобразен. Приступ ревматизма приковал мистера Пиквика к постели.

Но хотя телесные силы великого человека, таким образом, подвергались немалому испытанию, духовная его энергия сохраняла изначальную свою свежесть. Состояние его духа было напряженное, бодрость вновь была обретена. Даже раздражение, вызванное недавним приключением, покинуло его, и он без гнева и без смущения мог присоединиться к веселому смеху, каким разражался мистер Уордль при малейшем намеке на это приключение. Но мало этого. В течение двух дней, что мистер Пиквик был прикован к постели, Сэм был его несменяемой сиделкой. В первый день он старался забавлять хозяина анекдотами и беседой; на второй день мистер Пиквик потребовал ящик с письменными принадлежностями, перо и чернила и был очень занят в течение целого дня. На третий день, когда он уже мог сидеть у себя в спальне, он отправил своего слугу к мистеру Уордлю и мистеру Трандлю с приказанием передать им, что они окажут ему большое одолжение, если согласятся распить у него вечером бутылку вина. Приглашение было принято с большой охотой; и когда они сидели за стаканами вина, мистер Пиквик, не раз заливаясь румянцем, предложил их вниманию следующую маленькую повесть, которая являла собой обработанную им во время болезни запись безыскусственного рассказа мистера Уэллера.

«ПРИХОДСКИЙ КЛЕРК

Повесть об истинной любви

В очень маленьком провинциальном городке, на значительном расстоянии от Лондона, жил некогда маленький человек по имени Натэниел Пипкин, который был приходским клерком в маленьком городке и жил в маленьком доме на маленькой Хай-стрит, в десяти минутах ходьбы от маленькой церкви, и которого можно было застать ежедневно от девяти до четырех внедряющих свой маленький запас знаний в маленьких мальчиков. Натэниел Пипкин был кротким, безобидным, добродушным созданием со вздернутым носом и кривыми ногами, слегка косившим и прихрамывавшим; он делил свое время между церковью и своей школой, искренне веря, что никогда не существовало на лице земли такого умного человека, как приходский священник, такого внушительного помещения, как ризница, или такого упорядоченного учебного заведения, как его собственное. Только один-единственный раз в жизни Натэниел Пипкин видел епископа — настоящего епископа, у которого были батистовые рукавчики, а на голове парик. Он видел, как тот ходил, и он слышал, как тот говорил на конфирмации, и когда во время этой величественной церемонии вышеупомянутый епископ положил руку ему на голову, Натэниел Пипкин был столь преисполнен почтения и благоговейного ужаса, что тут же упал в обморок и был вынесен из церкви сторожем.

Это было великое событие, ошеломляющее событие в жизни Натэниела Пипкина, и оно было единственным, какое замутило тихий поток его спокойного существования, покуда в один прекрасный день он не отвел в рассеянности глаза от доски, на которой писал головоломную задачу на правило сложения для провинившегося шалуна, и его взгляд внезапно не остановился на румяном лице Мерайи Лобс, единственной дочери старого Лобса, важного шорника, жившего по другую сторону улицы.

Глаза мистера Пипкина останавливались на хорошеньком личике Мерайи Лобс много раз, когда он встречал ее в церкви или где-нибудь в других местах; но глаза Мерайи Лобс никогда не были такими блестящими, щеки Мерайи Лобс никогда не были такими румяными, как в

этот именно день. Не удивительно, что Натэниел Пипкин не мог отвести глаз от лица мисс Лобс; не удивительно, что мисс Лобс, поймав на себе пристальный взгляд молодого человека, отвернулась от окна, из которого выглядывала, закрыла его и спустила штору; не удивительно, что Натэниел Пипкин немедленно вслед за этим набросился на юного шалуна, который раньше провинился, и отшлепал и отколотил его со всей возможной добросовестностью. Все это было очень естественно, и удивляться тут совершенно нечему.

Однако есть чему удивиться, если человек такого робкого нрава и нервического темперамента, как мистер Натэниел Пипкин, а главное — человек с такими ничтожными доходами, осмеливался, начиная с этого дня, домогаться руки и сердца единственной дочери вспыльчивого старого Лобса — старого Лобса, важного шорника, который мог бы купить целую деревню одним росчерком пера и даже не заметить издержек, старого Лобса, который, как было хорошо известно, имел уйму денег, помещенных в банке ближайшего базарного городка, старого Лобса, у которого, по слухам, были несметные и неистощимые сокровища, накопленные в маленьком железном сейфе с большой замочной скважиной, находившемся над каминной полкой в задней комнате, старого Лобса, который, как было хорошо известно, украшал в праздничные дни свой обеденный стол чайником, молочником и сахарницей из чистого серебра, каковые — он похвалялся в гордыне сердца своего — должны были стать собственностью его дочери, когда та найдет себе мужа по вкусу. Я повторяю,— ибо это вызывает глубокое изумление и крайнее недоумение,— что Натэниел Пипкин имел дерзость скосить глаза в ту сторону. Но, как известно, любовь слепа, известно также, что Натэниел Пипкин слегка косил, и, быть может, именно эти два обстоятельства взятые вместе помешали ему увидеть все дело в настоящем свете.

Если бы у старого Лобса было хотя бы самое отдаленное или туманное представление о чувствах Натэниела Пипкина, он бы попросту сровнял школу с землей, или стер учителя с лица земли, или совершил какой-нибудь другой оскорбительный и чудовищный поступок, в равной мере жестокий и неистовый, ибо он был ужасным стари-

ком, этот Лобс, когда задевали его гордость или в нем вскипала кровь. А ругался он! Такие вереницы проклятий катились иной раз с грохотом через улицу, когда он обличал леность своего костлявого подмастерья на тонких ногах, что Натэниела Пипкина с ног до головы охватывала от ужаса дрожь и волосы на головах его учеников вставали дыбом от страха.

Ну, так вот, день за днем, когда кончались занятия в школе и ученики расходились, Натэниел Пипкин садился у окна на улицу и, делая вид, будто читает книгу, бросал косые взгляды через улицу в надежде увидеть блестящие глазки Мерайи Лобс; и не просидел он таким образом и двух-трех дней, как в верхнем окне появились блестящие глазки, тоже прикованные, по-видимому, к книге. Это было восхитительно и радовало сердце Натэниела Пипкина. Ради этого стоило просиживать здесь часами и смотреть на хорошенькое личико, когда глазки были опущены; но когда Мерайя Лобс начинала отрывать глаза от книги и бросать лучистые взгляды в сторону Натэниела Пипкина, его восторг и упоение были буквально безграничны. Однажды, зная, что старого Лобса нет дома, Натэниел Пипкин дерзнул, наконец, послать воздушный поцелуй Мерайе Лобс, а Мерайя Лобс, вместо того чтобы закрыть окно и опустить штору, послала воздушный поцелуй *ему* и улыбнулась. Вот почему Натэниел Пипкин решил — будь что будет, а он откроет свои чувства без дальнейшего промедления!

Никогда еще не украшали землю более изящная ножка и веселое сердце, более милое личико и хрупкая фигурка, чем у Мерайи Лобс, дочери старого шорника. В ее блестящих глазках играл плутовской огонек, который воспламенил бы сердце, значительно менее чувствительное, чем сердце Натэниела Пипкина; и в ее веселом смехе звучала такая радостная нота, что самый суровый мизантроп должен был улыбнуться, ее услышав. Даже сам старик Лобс, в минуту крайнего раздражения, не мог противиться ласкам своей хорошенькой дочери; а когда она и ее кузина Кейт — лукавая, очаровательная маленькая особа с дерзким взглядом — вместе вели атаку на старика, что, сказать по правде, делали они очень часто, он не мог им отказать ни в чем, потребуй они даже часть несметных и

неистощимых сокровищ, укрытых от дневного света в железном сейфе.

У Натэниела Пипкина сильно забилось сердце, когда он увидел эту соблазнительную парочку ярдах в ста впереди летним вечером, на том самом поле, по которому он много раз бродил до наступления темноты, размышляя о красоте Мерайи Лобс. Но хотя не раз думал он о том, как живо и легко подойдет к Мерайе Лобс и расскажет ей о своей страсти, если только ему удастся ее встретить, он почувствовал теперь, когда она неожиданно появилась перед ним, что вся кровь бросилась ему в лицо, к явному ущербу для его ног, которые, лишившись своей обычной доли крови, задрожали. Когда девушки останавливались сорвать цветок или послушать пение птицы, Натэниел Пипкин также останавливался и делал вид, что погружен в размышления, и это соответствовало действительности, ибо он думал о том, что же ему делать, когда они повернут назад — а это было неизбежно — и встретятся с ним лицом к лицу. Но хотя ему страшно было их догнать, он не согласился бы потерять их из виду; вот почему, когда они ускоряли шаги, и он ускорял шаги, когда они замедляли их, и он замедлял, когда они останавливались, и он останавливался; и так они могли бы продолжать свою прогулку до наступления темноты, если бы Кейт не оглянулась украдкой и не поманила ободряюще Натэниела Пипкина. В манерах Кейт было что-то, чему нельзя было противостоять, и вот Натэниел Пипкин пошел на зов; Натэниел Пипкин густо краснел, а коварная маленькая кузина неудержимо смеялась; Натэниел Пипкин преклонил колени на покрытой росой траве и объявил о своем решении остаться коленопреклоненным навеки, если ему не будет разрешено встать признанным возлюбленным Мерайи Лобс. В ответ на это в тихом вечернем воздухе зазвенел веселый смех Мерайи Лобс,— впрочем, нимало как будто не потревожив тишины, так приятно он звучал,— коварная маленькая кузина засмеялась еще безудержнее, а Натэниел Пипкин покраснел гуще, чем когда бы то ни было. Наконец, Мерайя Лобс, побуждаемая к смелости беззаветной любовью маленького человека, отвернула головку и шепотом попросила кузину сказать,— или во всяком случае Кейт *сказала,*— что она чувствует себя весьма

польщенной вниманием мистера Пипкина, что ее рукой и сердцем распоряжается ее отец, но что все должны признать достоинства мистера Пипкина. Так как все это было сказано с большой серьезностью и так как Натэниел Пипкин возвращался домой с Мерайей Лобс и пробовал добиться поцелуя при прощанье, то он лег спать счастливым человеком, и всю ночь ему снилось, что он смягчает сердце старого Лобса, открывает денежный сундук и женится на Мерайе.

На следующий день Натэниел Пипкин видел, что старый Лобс уехал на своем старом сером пони, и после многих сигналов, подаваемых из окна маленькой коварной кузиной, цель и смысл которых он никак не мог понять, костлявый подмастерье на тонких ногах явился сообщить, что его хозяин не вернется домой до утра и что леди ждут мистера Пипкина к чаю ровно в шесть часов. Как проходили в тот день уроки, об этом ни Натэниел Пипкин, ни его ученики не могли бы сказать больше, чем вы; но так или иначе, а они кончились, и когда мальчики разошлись, Натэниел Пипкин ровно в шесть часов оделся, не упустив ни одной мелочи. Нельзя сказать, чтобы он долго выбирал, какой костюм надеть, ибо никакого выбора ему не представлялось; но надеть костюм так, чтобы, предварительно вычистив, придать ему блеск, было делом чрезвычайно трудным и важным.

Собралось очень приятное маленькое общество, состоявшее из Мерайи Лобс, ее кузины Кейт и трех-четырех веселых, добродушных, румяных девушек. Натэниел Пипкин увидел наглядное подтверждение того факта, что слухи о сокровищах старого Лобса не были преувеличены. Настоящий массивный серебряный чайник, молочник и сахарница красовались на столе, настоящие серебряные чайные ложки, настоящие фарфоровые чашки и такие же тарелки для печенья и гренок... Единственным темным пятном на всем этом был кузен Мерайи Лобс — брат Кейт,— которого Мерайя Лобс звала Генри и который, казалось, целиком завладел вниманием Мерайи Лобс, заняв с нею один угол стола. Весьма приятно видеть родственную любовь, но с нею можно зайти, пожалуй, слишком далеко, и Натэниел Пипкин невольно подумал, что Мерайя Лобс, должно быть, исключительно привязана к

своим родственникам, если она оказывает им всем такое же внимание, как этому кузену. После чаю, когда маленькая коварная кузина предложила играть в жмурки, случилось почему-то так, что Натэниел Пипкин почти все время водил, и когда бы ни попадался ему под руку кузен, Натэниел Пипкин неизменно убеждался, что Мерайя Лобс находится тут же. И хотя маленькая коварная кузина и другие девушки щипали его, дергали за волосы, подставляли стулья и дразнили, Мерайя Лобс, казалось, не подходила к нему вовсе. А один раз — один раз — Натэниел Пипкин готов был поклясться, что он слышал звук поцелуя, затем слабые протесты Мерайи Лобс и приглушенный смех ее подруг. Все это было странно, очень странно, и нельзя предсказать, что мог бы или чего не мог бы в результате сделать Натэниел Пипкин, если бы его мысли не были внезапно направлены в новое русло.

Причиной, которая направила его мысли в новое русло, послужил громкий стук в парадную дверь, а человек, громко стучавший в парадную дверь, был не кто иной, как сам старый Лобс, который неожиданно вернулся и стучал, как гробовщик, потому что хотел есть. Не успел костлявый подмастерье на тонких ногах принести тревожную весть, как девушки на цыпочках побежали наверх, в комнату Мерайи Лобс, а кузен и Натэниел были втиснуты в два стенных шкафа в гостиной, за неимением лучшего потайного местечка; а когда Мерайя Лобс и маленькая коварная кузина спрятали их и привели комнату в порядок, они открыли дверь старому Лобсу, который так ни на секунду и не переставал стучать.

К несчастью, старый Лобс очень проголодался и был чудовищно зол. Натэниел Пипкин слышал, как он ворчал, словно старая охрипшая цепная собака, а стоило войти в комнату злополучному подмастерью на тонких ногах, как старый Лобс неизменно начинал ругать его, словно лютый сарацин, хотя, по-видимому, единственной его целью и намерением было облегчить свою грудь, отделавшись от избытка ругательств. Наконец, на стол был подан ужин, который предварительно разогрели, и старый Лобс набросился на него по всем правилам; покончив с этим делом в один момент, он поцеловал дочь и потребовал трубку.

Природа устроила колени Натэниела Пипкина так, что они находились в очень близком соседстве, но когда он услышал, что старый Лобс требует трубку, они застучали, как будто хотели стереть друг друга в порошок; ибо в этом самом шкафу, где он стоял, на двух крючках висела та самая большая трубка с коричневым чубуком и серебряной головкой, которую он видел во рту старого Лобса аккуратно каждый день и каждый вечер в течение последних пяти лет. Две девушки стали искать трубку внизу, искали трубку наверху и всюду, но только не там, где, как они знали, находилась трубка, а старый Лобс тем временем бушевал самым неописуемым образом. Наконец, он вспомнил о стенном шкафе и подошел к нему. Не было никакого смысла такому маленькому человеку, как Натэниел Пипкин, тянуть дверцу внутрь, когда такой большой, сильный мужчина, как старый Лобс, тянул ее наружу. Старый Лобс рванул ее разок и открыл настежь, обнаружив Натэниела Пипкина, который стоял прямой, как палка, и дрожал от страха с головы до пят. Помилуй бог, каким ужасным взглядом окинул его старый Лобс, когда вытащил за шиворот и держал на расстоянии вытянутой руки!

— Какого черта вам здесь нужно? — страшным голосом спросил старый Лобс.

Натэниел Пипкин не мог дать никакого ответа, и потому старый Лобс раскачивал его взад и вперед в течение двух-трех минут, дабы привести его мысли в порядок.

— Что вам здесь нужно? — заревел Лобс.— Чего доброго, *вы* явились за моей дочерью?

Старый Лобс сказал это только в насмешку, ибо он не думал, чтобы самонадеянность смертного могла завести Натэниела Пипкина так далеко. Каково же было его негодование, когда бедняга ответил:

— Да, мистер Лобс. Я пришел за вашей дочерью. Я люблю ее, мистер Лобс.

— Ах вы плаксивый, криворотый, жалкий негодяй! — ахнул старый Лобс, ошеломленный страшным признанием.— Что вы под этим подразумеваете? Отвечайте прямо! Проклятье! Я вас задушу!

Не было ничего невероятного в том, что старый Лобс в припадке бешенства привел бы эту угрозу в исполнение,

если бы его руку не остановило весьма неожиданное явление — а именно кузен, который, выйдя из своего шкафа и подойдя к старому Лобсу, сказал:

— Сэр, я не могу допустить, чтобы этот безобидный человек, приглашенный сюда по какой-то девичьей причуде, брал на себя весьма благородным образом вину (если это вина), которая лежит на мне и которую я готов признать. Я люблю вашу дочь, сэр, и *я* пришел сюда с целью повидаться с нею.

Тут старый Лобс раскрыл глаза очень широко, но не шире, чем Натэниел Пипкин.

— Вы? — произнес старый Лобс, овладев, наконец, дыханием, чтобы вымолвить слово.

— Я.

— Но я давно отказал вам от дома.

— Да, вы отказали. Иначе я не пришел бы сюда тайком сегодня вечером.

Мне грустно говорить это о старом Лобсе, но я думаю, что он поколотил бы кузена, если бы его хорошенькая дочка, блестящие глаза которой наполнились слезами, не вцепилась ему в руку.

— Не удерживайте его, Мерайя,— сказал молодой человек,— если у него есть желание меня ударить, пусть ударит. Ни за какие блага в мире я не трону ни единого волоса на его седой голове.

Старик опустил глаза, услышав этот упрек, и встретил взгляд своей дочери. Я уже упоминал раз или два, что глаза у нее были очень блестящие, и хотя теперь они наполнились слезами, однако не стали менее выразительными. Старый Лобс отвернулся, словно желал избежать их влияния, и тут, по воле судьбы, его взгляд упал на лицо маленькой коварной кузины, которая, побаиваясь за брата и в то же время подсмеиваясь над Натэниелом Пипкиным, состроила такую очаровательную мину, слегка испуганную вдобавок, что на нее стоило посмотреть и старому и молодому. Затем она умоляюще продела свою руку под руку старика и прошептала ему что-то на ухо; старый Лобс ничего не мог поделать,— он расплылся в улыбку, и в то же самое время по щеке у него скатилась слеза.

Минут пять спустя из комнаты Мерайи появились девицы; они хихикали и смущались; когда молодежь обрела

полное счастье, старый Лобс достал свою трубку и закурил ее; и любопытно одно обстоятельство, касающееся именно этой трубки табаку: она оказалась самой умиротворяющей и приятной трубкой, какую он когда-либо курил.

Натэниел Пипкин счел наилучшим хранить свою тайну и благодаря этому вошел постепенно в милость к старому Лобсу, который со временем научил его курить, и в течение многих последующих лет они сиживали в саду ясными вечерами, весьма торжественно покуривая и попивая. Он скоро оправился от своей страсти, ибо мы находим его имя в приходской книге, где он расписался как свидетель бракосочетания Мерайи Лобс и ее кузена; выяснилось также, на основании других документов, что в ночь свадьбы он был посажен в деревенскую тюрьму, ибо совершил на улице, в состоянии опьянения, ряд эксцентрических поступков, в чем его поддерживал и к чему его подстрекал костлявый подмастерье на тонких ногах».

ГЛАВА XVIII,

вкратце поясняющая два пункта: во-первых, силу истерики и, во-вторых, силу обстоятельств

В течение двух дней, следовавших за завтраком у миссис Хантер, пиквикисты оставались в Итенсуилле, с беспокойством ожидая вестей от своего досточтимого вождя. Мистеру Тапмену и мистеру Снодграссу было по-прежнему предоставлено развлекаться по-своему, ибо мистер Уинкль, уступая самому настойчивому приглашению, продолжал жить в доме мистера Потта и посвящать свой досуг обществу его очаровательной супруги. Не раз и сам мистер Потт присоединялся к ним для довершения их блаженства. Глубоко погруженный в размышления об общественном благе и о посрамлении «Независимого», этот великий муж редко решался снизойти с высоты своего ума к скромному уровню умов ординарных. Но на сей раз, как бы подчеркивая свое расположение к любому последователю мистера Пиквика, он снисходил, уступал, спускался со своего пье-

дестала и шагал по земле, милостиво приноравливая свои замечания к разумению стада и, если судить не по духу, а по форме, казалось, сопричислял себя к этому стаду.

При таком отношении сего знаменитого общественного деятеля к мистеру Уинклю легко себе представить крайнее удивление, изобразившееся на лице этого джентльмена, сидевшего в столовой за утренним завтраком, когда дверь быстро распахнулась и столь же быстро захлопнулась за мистером Поттом, который величественно направился к нему и, оттолкнув протянутую руку, заскрежетал зубами, словно хотел отточить то, что собирался произнести, и воскликнул скрипучим голосом:

— Змея!

— Сэр! — воскликнул мистер Уинкль, вставая с кресла.

— Змея, сэр! — повторил мистер Потт, возвышая голос, а затем внезапно понижая: — Я сказал, змея, сэр,— понимайте как знаете.

Если вы расстались с человеком друзьями в два часа ночи, а он встречает вас утром в половине десятого и вместо приветствия называет вас змеей, есть основания заключить, что за это время случилось нечто неприятное. Эта мысль пришла в голову мистеру Уинклю. Он ответил мистеру Потту ледяным взглядом и, следуя совету сего джентльмена, старался «понять как знает», что такое змея. Однако из этого ничего не вышло, и после нескольких минут глубокого молчания он сказал:

— Змея, сэр... змея, мистер Потт! Что вы хотите сказать, сэр?.. Это шутка!

— Шутка, сэр! — закричал мистер Потт, сделав жест, выражавший горячее желание запустить чайником из британского металла в голову гостя.— Шутка, сэр... Но нет, я буду сдержан! Я буду сдержан, сэр!

И, в доказательство своей сдержанности, мистер Потт с пеной у рта бросился в кресло.

— Дорогой сэр! — выкликнул мистер Уинкль.

— *Дорогой сэр!* — подхватил Потт.— Как вы смеете, сэр, обращаться ко мне со словами «дорогой сэр»? Как вы смеете, говоря это, смотреть мне в глаза, сэр?

— В таком случае, сэр, мне остается спросить,— ответил мистер Уинкль,— как вы смеете смотреть *мне* в глаза и называть меня змеей, сэр?

— Потому что вы змея! — отвечал мистер Потт.

— Докажите это, сэр! — горячо сказал мистер Уинкль.— Докажите!

Мрачное облако пронеслось по глубокомысленному лицу издателя, когда он вытащил из кармана утренний номер «Независимого» и, ткнув пальцем в какую-то заметку, шнырнул газету через стол мистеру Уинклю.

Сей джентльмен взял ее и прочел следующее:

«Наш невежественный и мерзкий противник в отвратительных заметках по поводу последних выборов в нашем городе осмелился вторгнуться в святилище частной жизни и коснулся крайне недвусмысленным образом личных дел нашего бывшего кандидата и нашего будущего представителя, несмотря на гнусно подстроенное его поражение — мистера Физкина. Чего добивается наш подлый противник? Что сказал бы этот грубиян, если бы мы пренебрегли, подобно ему, общественной благопристойностью и приподняли завесу, которая, к счастью для него, защищает *его* личную жизнь от насмешек, чтобы не сказать омерзения? Что, если бы мы указали и комментировали факты и обстоятельства, которые хорошо известны и замечены всеми, кроме нашего слепого, как крот, противника?.. Что, если бы мы обнародовали следующее излияние, которое мы получили, когда начали писать эту статью, от талантливого согражданина и сотрудника:

МЕДНЫЙ ЛОБ

Коли знал бы П...
Как много забот
Рогатым состоять супругом,
То сделал бы, поверь,
Чего нельзя теперь,—
И свел ее до свадьбы с Уи...ем другом».

— Какие рифмы к слову «забот», негодяй? — торжественно вопросил мистер Потт.

— Какие рифмы к слову «забот»? — повторила миссис Потт, чье появление в этот момент предупредило ответ.— Скажем — Потт!

Говоря это, миссис Потт ласково улыбнулась ошарашенному пиквикисту и протянула ему руку. Взволнован-

ный молодой человек в смущении готов был пожать поданную ему руку, если бы не вмешался негодующий Потт.

— Назад, сударыня, назад! — крикнул редактор.— Пожимать ему руку на моих глазах!

— Мистер Потт! — сказала удивленная леди.

— Несчастная женщина, смотрите! — воскликнул супруг.— Смотрите, сударыня,— «Медный лоб». «Медный лоб» — это я. «Она» — это вы, сударыня... вы!

В порыве бешенства, сопровождаемого чем-то вроде дрожи, вызванной выражением лица его супруги, Потт бросил свежий номер «Итенсуиллского независимого» к ее ногам.

— Однако, сэр,— сказала удивленная миссис Потт, наклоняясь, чтобы поднять газету.— Однако, сэр!

Мистер Потт вздрогнул под презрительным взглядом своей супруги. Он делал отчаянные усилия подвинтить свою храбрость, но она быстро развинчивалась.

Ничего нет ужасного в этой краткой реплике: «Однако, сэр!» — когда приходится ее читать, но тон, каким она была произнесена, и взгляд, ее сопровождавший, казалось, прямо указывали на отмщение, долженствующее обрушиться на голову Потта, и произвели на него соответствующее впечатление. Самый неопытный наблюдатель мог бы обнаружить в его взволнованной физиономии готовность уступить свои веллингтоновские сапоги любому бесстрашному заместителю, который согласился бы в данный момент стоять в них перед миссис Потт.

Миссис Потт прочла статью, испустила громкий крик и грохнулась на ковер у камина, визжа и колотя каблуками, так что нельзя было сомневаться в характере ее чувств по данному поводу.

— Моя милая,— сказал устрашенный Потт,— я ведь не говорил, что верю этому... Я...— но голос несчастного утонул в визге его супруги.

— Миссис Потт, сударыня, позвольте и мне... умоляю вас, успокойтесь! — сказал мистер Уинкль, но вопли и стук участились и стали еще громче.

— Дорогая моя,— сказал мистер Потт,— мне очень жаль. Если ты не думаешь о своем здоровье, подумай хотя бы обо мне, дорогая. Перед домом соберется толпа.

Но чем настойчивей умолял мистер Потт, тем неистовей были вопли.

К счастью, однако, при особе миссис Потт состояла телохранительница, некая молодая леди, прямой обязанностью коей было заведование ее туалетом, но крайне полезная во многих случаях жизни и больше всего в этой специальной области, где ее госпоже требовались поддержка и содействие в любой ее склонности противоречить желаниям несчастного Потта. В надлежащий срок вопли достигли слуха молодой леди и привели ее в комнату с быстротой, которая существенно угрожала привести в беспорядок ее локончики, затейливо свисавшие из-под чепчика.

— О моя дорогая миссис! — восклицала телохранительница, стремительно опускаясь на колени рядом с распростертой на полу миссис Потт.— О моя дорогая миссис! Что случилось?

— Ваш хозяин... ваш жестокий хозяин...— бормотала страдалица.

Потт явно начал сдаваться.

— Какой позор! — укоризненно сказала телохранительница.— Я знаю, он сведет вас в могилу, сударыня. Бедный ангел!

Он сдавался все заметнее. Противник продолжал атаку.

— Ох, не оставляйте меня... не оставляйте меня, Гудуин! — лепетала миссис Потт, судорожно цепляясь за руку упомянутой Гудуин.— Вы — единственное существо, которое меня любит, Гудуин!

После этого трогательного обращения Гудуин разыграла маленькую семейную трагедию собственного сочинения и пролила обильные слезы.

— Никогда, сударыня... никогда,— сказала Гудуин.— О сэр, вам следует быть заботливее... внимательнее, вы не знаете, как вы обижаете миссис. Когда-нибудь вы об этом пожалеете, я знаю, что пожалеете, и всегда это знала.

Несчастный Потт робко поднял глаза, но ничего не сказал.

— Гудуин,— позвала миссис Потт слабым голосом.

— Сударыня? — отозвалась Гудуин.

— Если бы вы только знали, как я любила этого человека!

— Не расстраивайте себя воспоминаниями, сударыня! — сказала телохранительница.

У Потта был совершенно перепуганный вид. Пришла пора, когда оставалось только прикончить его.

— А теперь,— рыдала миссис Потт,— теперь, после всего, что было, с тобой так обращаются, так позорят и оскорбляют в присутствии третьего лица, и это лицо — посторонний человек. Но я этого не потерплю! Гудуин,— продолжала миссис Потт, приподнимаясь в объятиях своей союзницы,— мой брат, лейтенант, заступится за меня. Я разведусь с ним, Гудуин!

— Он этого заслуживает, сударыня,— сказала Гудуин.

Какие бы мысли ни пробудила в уме мистера Потта угроза о разводе, он их скрыл и удовлетворился тем, что сказал с великим смирением:

— Моя дорогая, ты меня выслушаешь?

Единственным ответом был новый взрыв рыданий, и миссис Потт с возрастающей истеричностью начала требовать, чтобы ей сообщили, зачем она родилась на свет божий, и чтобы ей дали целый ряд сведений того же рода.

— Дорогая моя,— увещевал мистер Потт,— не поддавайся этим горьким чувствам. Я ни на минуту не поверил, что для этой заметки есть какие-либо основания, дорогая... Это невозможно! Я только рассердился, моя милая... Можно сказать, был в бешенстве... оттого, что шайка «Независимого» осмелилась это напечатать, вот и все!

Мистер Потт бросил умоляющий взгляд на безвинного виновника несчастья, словно просил его не упоминать о змее.

— А какие шаги, сэр, намереваетесь вы предпринять, чтобы получить удовлетворение? — осведомился мистер Уинкль, обретая смелость по мере того, как он видел, что Потт ее теряет.

— О Гудуин! — пролепетала миссис Потт.— Он собирается отхлестать редактора «Независимого»... собирается, Гудуин?

— Тише, тише, сударыня, прошу вас, успокойтесь,— ответила телохранительница.— Конечно, отхлещет, раз вы этого хотите, сударыня.

— Обязательно! — сказал Потт, уловив в поведении супруги симптомы нового обморока.— Конечно, я его отхлещу!

— Когда, Гудуин? — осведомилась миссис Потт, еще не решив, как ей быть с обмороком.

— Разумеется, немедленно,— сказал мистер Потт.— Сегодня!

— О Гудуин,— продолжала миссис Потт,— это единственный способ ответить на клевету и восстановить мою честь в глазах общества.

— Ну, конечно, сударыня,— отвечала Гудуин.— Ни один мужчина, если только он мужчина, сударыня, не может отказаться.

Так как истерика все еще носилась в воздухе, мистер Потт подтвердил, что не откажется, но миссис Потт была так потрясена при одной мысли о павшем на нее подозрении, что еще с полдюжины раз собиралась устроить припадок и, вне всякого сомнения, лишилась бы чувств, если бы не беспрерывная поддержка со стороны неутомимой Гудуин и не повторные мольбы о прощении побежденного Потта. Когда, наконец, несчастный был запуган вконец и унижен до подобающего ему уровня, миссис Потт пришла в себя, и они приступили к завтраку.

— Вы, конечно, не допустите, мистер Уинкль, чтобы эта презренная газетная клевета сократила время вашего пребывания у нас? — спросила миссис Потт, улыбаясь сквозь слезы.

— Надеюсь, что нет,— сказал мистер Потт, одержимый при этих словах горячим желанием, чтобы его гость подавился гренком, который тот подносил в этот момент ко рту, и тем са́мым основательно сократил свое пребывание у них.— Надеюсь, что нет.

— Вы очень добры,— ответил мистер Уинкль,— но от мистера Пиквика получено письмо — об этом я узнал из записки мистера Тапмена, которая была доставлена мне сегодня утром, когда я еще спал,— в нем мистер Пиквик просит нас встретиться с ним сегодня в Бери. Мы отправляемся с каретой в полдень.

— Но вы вернетесь? — спросила миссис Потт.

— О, конечно! — ответил мистер Уинкль.

— Вы уверены? — сказала миссис Потт, украдкой посылая нежный взгляд гостю.

— Совершенно,— отозвался мистер Уинкль.

Завтрак прошел в молчании, ибо каждый был погружен в мысли о личных неприятностях. Миссис Потт сожалела о потере своего кавалера; мистер Потт — о своем опрометчивом обещании отхлестать «Независимого»; мистер Уинкль — о том, что невольно поставил себя в такое щекотливое положение. Наступил полдень, и после многочисленных «до свиданья» и обещаний вернуться он вырвался от гостеприимных супругов.

«Если он вернется, я его отравлю»,— думал мистер Потт, направляясь в свой маленький кабинет, где он фабриковал громовые стрелы.

«Если я когда-нибудь еще вернусь сюда и снова буду водиться с этими людьми,— думал мистер Уинкль, держа путь к «Павлину»,— я заслуживаю того, чтобы меня самого отхлестали... вот и все!»

Друзья его уже собрались к отъезду, карета была наготове, и через полчаса они пустились в путешествие той самой дорогой, какой ехали недавно мистер Пиквик и Сэм и поэтическое описание которой, сделанное мистером Снодграссом, мы не намерены приводить, так как кое-что о ней уже было сказано нами.

Мистер Уэллер встретил их у дверей «Ангела», и когда этот джентльмен провел их в комнату мистера Пиквика, они, к немалому удивлению мистера Уинкля и мистера Снодграсса и к немалому замешательству мистера Тапмена, застали там старого Уордля и Трандля.

— Как поживаете? — спросил пожилой джентльмен, пожимая руку мистеру Тапмену.— Не удручайтесь и не принимайте этого близко к сердцу, ничего не поделаешь, дружище. В ее интересах я бы хотел, чтобы она стала вашей, в ваших собственных — я очень рад, что этого не случилось. Такой молодой человек, как вы, не упустит своего... а?

Высказав это утешительное соображение, Уордль хлопнул мистера Тапмена по спине и добродушно рассмеялся.

— А вы как поживаете, любезные друзья? — спросил пожилой джентльмен, пожимая руки одновременно ми-

стеру Уинклю и мистеру Снодграссу.— Сию минуту я говорил Пиквику, что нам нужно было бы всем собраться на рождество. У нас будет свадьба... на этот раз настоящая свадьба.

— Свадьба? — воскликнул мистер Снодграсс бледнея.

Да, свадьба. Но не пугайтесь,— сказал добродушный пожилой джентльмен,— это только Трандль и Белла.

— О, вот как! — воскликнул мистер Снодграсс, освобождаясь от мучительных сомнений, теснивших его грудь.— Поздравляю вас, сэр. А как поживает Джо?

— О, прекрасно! — ответил пожилой джентльмен.— Пребывает во сне, по обыкновению.

— А ваша матушка, а священник и все остальные?

Великолепно.

— Где...— произнес с усилием мистер Тапмен,— где... *она,* сэр? — Он отвернулся и закрыл лицо рукой.

— *Она?* — переспросил пожилой джентльмен, лукаво кивая головою.— Вы имеете в виду мою незамужнюю родственницу... а?

Мистер Тапмен кивком головы дал понять, что его вопрос относился к обманутой Рейчел.

— О, она уехала,— сказал пожилой джентльмен.— Она живет довольно далеко у родственников. Она не могла ужиться с девочками, и я отправил ее. Но вот и обед! Вы, должно быть, проголодались с дороги. А я и без дороги голоден, а потому — к делу!

Обеду было оказано должное внимание, и когда после трапезы они сидели за столом, мистер Пиквик к вящему возмущению и ужасу своих последователей рассказал о пережитом им приключении и об успехе, увенчавшем гнусные ухищрения дьявольского Джингля.

— А приступ ревматизма, схваченного мною в этом саду, заставляет меня хромать до сих пор,— сказал в заключение мистер Пиквик.

— У меня также было приключение,— сказал, улыбаясь, мистер Уинкль, и на вопрос мистера Пиквика он ответил рассказом о злостной клевете «Итенсуиллского независимого» и последовавшем возмущении их друга, редактора.

Чело мистера Пиквика омрачалось по мере того, как рассказывал мистер Уинкль. Друзья заметили это,

и когда мистер Уинкль кончил, наступило глубокое молчание. Мистер Пиквик выразительно ударил по столу кулаком и произнес следующее.

— Не удивительно ли,— сказал мистер Пиквик,— что мы не можем, по-видимому, войти ни в один дом, чтобы не навлечь на него какие-нибудь неприятности? Не свидетельствует ли, спрашиваю я, о нескромности или, что еще хуже, о порочности — да, я должен это сказать! — моих последователей то обстоятельство, что, под чьим бы кровом они ни поселились, они нарушают покой и благополучие какой-нибудь доверчивой женской души? Не явствует ли это, говорю я...

По всей вероятности, мистер Пиквик продолжал бы в таком тоне еще долго, если бы появление Сэма с письмом в руках не заставило его прервать поток красноречия. Он вытер лоб носовым платком, снял очки, протер их и снова надел; его голос вновь обрел обычную мягкость, когда он спросил:

— Что это у вас, Сэм?

— Только что был на почте и нашел это-вот письмо, оно лежит там уж два дня,— ответил мистер Уэллер.— Запечатано облаткой, и адрес написан крупным почерком.

— Не знаю этого почерка,— сказал мистер Пиквик, распечатывая письмо.— Боже милосердный! Что это? Должно быть, шутка, это... это... не может этого быть?

— Что случилось? — воскликнули все в один голос.

— Никто не умер? — спросил Уордль, встревоженный испуганным лицом мистера Пиквика.

Мистер Пиквик ничего не ответил: бросив письмо через стол и предложив мистеру Тапмену прочесть вслух, он откинулся на спинку кресла,— лицо его выражало такое бессмысленное удивление, что жутко было смотреть.

Мистер Тапмен дрожащим голосом прочел письмо следующего содержания:

«Фрименс-Корт, Корнхилл, августа 28 1830 г.
Бардл против Пиквика

Сэр.

Уполномоченные миссис Мартой Бардл начать против вас дело о нарушении брачного обещания, убытки от какового нарушения истица определяет в полторы тысячи

фунтов, доводим до вашего сведения, что приказ о возбуждении дела против вас в Суде Общих Тяжб * выдан; просим поставить нас с обратной почтой в известность об имени вашего поверенного в Лондоне, коему будет поручено ведение этого дела с вашей стороны.

Пребываем, сэр,

Вашими покорными слугами

Додсон и Фогг.

Мистеру Сэмюелу Пиквику».

Немое изумление, с каким каждый взирал на соседа и на мистера Пиквика, было столь выразительно, что, казалось, все боялись заговорить. В конце концов молчание было нарушено мистером Тапменом.

— Додсон и Фогг,— повторил он машинально.

— Бардл и Пиквик,— сказал мистер Снодграсс раздумчиво.

— Покой и благополучие доверчивой женской души,— пробормотал мистер Уинкль с рассеянным видом.

— Это заговор! — сказал мистер Пиквик, когда к нему возвратился, наконец, дар речи.— Гнусный заговор этих двух жадных поверенных — Додсона и Фогга! Миссис Бардл никогда бы на это не пошла, это не в ее характере... и повода у нее нет. Какая нелепость!.. Какая нелепость!

— О ее характере,— сказал Уордль с улыбкой,— вы, конечно, судить можете. Я не хочу вас обескураживать, но должен сказать, что об ее притязаниях Додсон и Фогг судить могут лучше, чем любой из нас.

— Это подлая попытка вымогательства! — сказал мистер Пиквик.

— Надеюсь, что так,— отозвался Уордль, сухо покашливая.

— Слышал ли кто когда-нибудь, чтобы я говорил с ней иначе, чем полагается говорить жильцу с квартирной хозяйкой? — продолжал мистер Пиквик с подъемом.— Видел ли кто когда-нибудь меня с нею? Даже друзья мои, присутствующие здесь, никогда...

— Если не считать одного раза,— сказал мистер Тапмен.

Мистер Пиквик изменился в лице.

— Ну? — сказал Уордль.— Это важно. Надеюсь, ничего подозрительного не было?

Мистер Тапмен с опаской посмотрел на своего вождя.

— Ну, конечно,— сказал он,— ничего подозрительного. Но... заметьте, я не знаю, как это вышло... она несомненно была в его объятиях.

— Боже милосердный! — воскликнул мистер Пиквик, когда в уме его воскресло яркое воспоминание об этой сцене.— Какое ужасное стечение обстоятельств! Так и есть... так и есть.

— И наш друг ее утешал,— прибавил мистер Уинкль не без ехидства.

— Это правда,— сказал мистер Пиквик.— Не буду отрицать. Это правда.

— Вот те на! — воскликнул Уордль.— Для дела, в котором нет ничего подозрительного, это кажется довольно странным, не правда ли, Пиквик? Ах, хитрец... хитрец! — И он захохотал так, что посуда в шкафу зазвенела.

— Какое ужасное недоразумение! — воскликнул мистер Пиквик, хватаясь за голову.— Уинкль... Тапмен... Я прошу простить мне замечания, которые я только что сделал. Все мы жертвы обстоятельств, а я в особенности.

После этого извинения мистер Пиквик закрыл лицо руками и предался размышлениям. Уордль подмигивал и кивал остальным членам компании, описав полный круг.

— Так или иначе, я хочу, чтобы все разъяснилось,— сказал мистер Пиквик, поднимая голову и колотя кулаками по столу.— Я должен видеть Додсона и Фогга! Завтра же я еду в Лондон.

— Только не завтра,— сказал Уордль,— вы еще сильно хромаете.

— Хорошо, послезавтра.

— Послезавтра — первое сентября, и вы обещали непременно поехать с нами по крайней мере до поместья сэра Джеффри Маннинга и присоединиться к нам за завтраком, если не пожелаете принять участие в охоте.

— Хорошо, через два дня,— сказал мистер Пиквик.— В четверг. Сэм!

— Сэр? — отозвался мистер Уэллер.

— Закажите два наружных места в Лондон на четверг на утро — для себя и для меня.

— Слушаю, сэр.

Мистер Уэллер вышел и медленным шагом отправился выполнять поручение, заложив руки в карманы и уставившись взглядом в землю.

— Странный человек — мой повелитель! — говорил мистер Уэллер, медленно идя по улице.— Ухаживать за миссис Бардл... а у нее еще сынишка в придачу... И всегда это приключается с этакими-вот старичками, какими бы на вид ни казались они степенными. А все-таки я не думал, чтобы он на это пошел... А все-таки я не думал, чтобы он на это пошел!

И, рассуждая в таком духе, мистер Сэмюел Уэллер направил свои стопы к конторе пассажирских карет.

ГЛАВА XIX

Приятный день, неприятно окончившийся

Птицы, которые, к счастью, для собственного душевного спокойствия и благополучия, пребывали в блаженном неведении тех приготовлений, какие делались, чтобы поразить их первого сентября, приветствовали утро этого дня как самое приятное утро в эту пору года. Молодые куропатки, самодовольно разгуливавшие по жнивью со всем хвастливым фанфаронством молодости, и более взрослые куропатки, следившие круглым глазком, с презрительным видом умудренных опытом птиц, за легкомысленным поведением младших, равно не подозревали о надвигающейся гибели и весело и радостно нежились в свежем утреннем воздухе, а несколько часов спустя были повержены в прах. Но мы впадаем в чувствительность. Будем продолжать.

Итак, говоря языком простым и прозаическим, наступило прекрасное утро,— столь прекрасное, что едва можно было поверить, будто немногие месяцы английского лета уже пролетели. Живые изгороди, поля и деревья, холмы и вересковая долина являли взору непрерывно меняющиеся оттенки сочного, ярко-зеленого цвета; вряд ли хотя бы один лист упал, вряд ли хотя бы одна

желтая крапинка, сливаясь с тонами лета, предупреждала вас о наступлении осени. Небо было безоблачное, солнце сияло яркое и теплое; в воздухе звенело пение птиц, жужжали насекомые, а деревенские сады, пестревшие цветами всех оттенков, ярких и прекрасных, искрились в густой росе, как клумбы сверкающих драгоценных камней. На всем лежал отпечаток лета, и ни одна из его великолепных красок еще не поблекла.

Таково было утро, когда открытый экипаж, в котором находились трое пиквикистов (мистер Снодграсс предпочел остаться дома), мистер Уордль и мистер Трандль, с Сэмом Уэллером на козлах рядом с кучером, остановился на краю дороги у ворот, перед которыми стояли высокий сухопарый дозорщик и мальчик в башмаках и кожаных гетрах, каждый с сумкою внушительных размеров; два пойнтера сопровождали их.

— Послушайте,— прошептал мистер Уинкль, обращаясь к Уордлю, когда дозорщик опустил подножку экипажа,— неужели они думают, что мы настреляем столько дичи, чтобы наполнить эти сумки?

— Наполнить? — воскликнул старый Уордль.— Господи помилуй, ну, конечно! Вы одну, я другую. Наполним, да еще в карманах наших охотничьих курток поместится столько же.

Мистер Уинкль вылез из экипажа, ничего не ответив на это замечание, но про себя подумал, что, если его друзья останутся на открытом воздухе, пока он не наполнит сумки, они серьезно рискуют схватить насморк.

— Эй, Джуно, сюда, старуха! Куш, Деф, куш! — говорил Уордль, лаская собак.— Сэр Джеффри, конечно, еще в Шотландии, Мартин?

Рослый дозорщик отвечал утвердительно и с некоторым удивлением перевел взгляд с мистера Уинкля, который держал свое ружье так, словно хотел, чтобы карман куртки избавил его от необходимости нажать спуск, на мистера Тапмена, который держал свое ружье так, словно боялся его,— и нет никакого реального основания сомневаться в том, что он действительно боялся.

— Мои друзья еще не вполне освоились с такого рода забавой, Мартин,— сказал Уордль, заметивший этот взгляд.— Век живи, век учись, знаете ли. Скоро они будут

хорошими стрелками. А впрочем, прошу прощенья у моего друга Уинкля, он уже имеет некоторый опыт.

В ответ на этот комплимент мистер Уинкль слабо улыбнулся поверх своего синего галстука и начал производить манипуляции ружьем такие загадочные, что, будь оно заряжено, он неизбежно был бы убит на месте.

— Не вздумайте так обращаться с ружьем, когда оно будет заряжено, сэр,— проворчал рослый дозорщик,— или будь я проклят, если вы не превратите кого-нибудь из нас в кусок холодного мяса.

Мистер Уинкль после такого предостережения поспешил изменить положение ружья и при этом ухитрился привести ствол в соприкосновение с головой мистера Уэллера.

— Эх! — воскликнул Сэм, поднимая сбитую шляпу и потирая висок.— Помилуйте, сэр! Если вы этак приметесь за дело, вы одним выстрелом наполните одну из этих сумок, и даже с избытком.

Тут мальчик в кожаных гетрах весело расхохотался, но тотчас попробовал сделать вид, будто это не он, а мистер Уинкль величественно нахмурился.

— Мартин, где вы велели ждать нас с закуской? — осведомился Уордль.

— На склоне холма Одинокое Дерево в двенадцать часов, сэр.

— Там кончается поместье сэра Джеффри?

— Да, сэр, но этот участок примыкает к его земле. Это земля капитана Болдуига, но никто нам не помешает, а лужайка там славная.

— Отлично,— сказал старый Уордль.— Чем раньше мы тронемся в путь, тем лучше. Стало быть, вы присоединитесь к нам в полдень, Пиквик?

Мистеру Пиквику очень хотелось видеть охоту, тем более что он несколько опасался за целость и сохранность мистера Уинкля. К тому же в такое приятное утро было очень мучительно возвращаться назад и предоставить друзьям развлекаться без него. Поэтому мистер Пиквик ответил очень унылым тоном:

— Да, пожалуй, так и придется сделать.

— Разве джентльмен не охотник, сэр? — осведомился долговязый дозорщик.

11*

— Нет, и вдобавок он хромает,— ответил Уордль.

— Мне бы очень хотелось остаться с вами,— сказал мистер Пиквик.— Очень!

Последовала краткая пауза, выражавшая соболезнование.

— По ту сторону изгороди стоит тачка,— сказал мальчик.— Если бы слуга джентльмена катил ее по тропинкам, он бы от нас не отставал, а мы бы переносили тачку через все перелазы.

— Самое подходящее дело,— заявил мистер Уэллер, который был лицом заинтересованным, поскольку ему страстно хотелось видеть охоту,— самое подходящее дело. Хорошо сказано, малыш. Я моментально ее притащу.

Но тут возникло затруднение. Долговязый дозорщик решительно восстал против включения в охоничью компанию джентльмена в тачке, видя в этом грубое нарушение всех установленных правил и прецедентов.

Затруднение было серьезное, непреодолимое. Когда на дозорщика воздействовали с помощью лести и мзды и когда он облегчил душу, щелкнув по голове изобретательного юнца за то, что тот предложил воспользоваться тачкой,— мистера Пиквика усадили в нее, и все тронулись в путь; Уордль и рослый дозорщик шли впереди, а мистер Пиквик в тачке, приводимой в движение Сэмом, замыкал шествие.

— Стойте, Сэм! — сказал мистер Пиквик, когда они пересекали первое поле.

— Ну, что еще случилось? — осведомился Уордль.

— Эта тачка не подвинется ни на шаг вперед,— решительно заявил мистер Пиквик,— пока Уинкль не будет нести своего ружья иначе.

— Да как же мне его нести? — спросил несчастный Уинкль.

— Несите его дулом вниз,— ответил мистер Пиквик.

— Это не принято у спортсменов,— возразил Уинкль.

— Мне нет дела до того, принято это у спортсменов или не принято,— отвечал мистер Пиквик,— я не желаю, чтобы ради соблюдения приличий меня застрелили в тачке.

— Я уверен, что джентльмен не успокоится, пока не всадит в кого-нибудь заряда,— проворчал долговязый.

— Хорошо, хорошо, мне все равно! — сказал бедный Уинкль, поворачивая ружье прикладом вверх.— Ну вот!

— Все что угодно за спокойную жизнь! — изрек мистер Уэллер, и они снова тронулись в путь.

— Стойте! — крикнул мистер Пиквик, когда они прошли несколько ярдов.

— Ну, что еще? — спросил Уордль.

— Ружье в руках Тапмена небезопасно, решительно небезопасно! — сказал мистер Пиквик.

— Как? Что? Небезопасно? — воскликнул с большой тревогой мистер Тапмен.

— Да, раз вы его так держите,— отвечал мистер Пиквик.— Мне очень неприятно снова вмешиваться, но я не соглашусь ехать дальше, пока вы не будете держать его так же, как Уинкль.

— Лучше, если вы примете этот совет, сэр,— сказал рослый дозорщик,— иначе вы можете всадить заряд в самого себя или в кого-нибудь другого.

Мистер Тапмен с самой учтивой поспешностью повернул должным образом ружье, и компания снова двинулась вперед. Оба любителя охоты шагали с опущенными дулом вниз ружьями, как солдаты на королевских похоронах.

Собаки вдруг остановились как вкопанные, и охотники, ступив шаг вперед, тоже остановились.

— Что это случилось у собак с ногами? — прошептал мистер Уинкль.— Как странно они стоят!

— Нельзя ли потише! — шепотом отозвался Уордль.— Вы не видите, что они делают стойку?

— Делают стойку? — повторил мистер Уинкль, осматриваясь по сторонам, словно надеясь обнаружить какие-то исключительные красоты в пейзаже, к которым умные животные старались привлечь особое внимание.— Делают стойку? А зачем же им стоять?

— Не зевайте! — сказал Уордль, который в этот волнующий момент пропустил вопрос мимо ушей.— Ну!

Раздалось громкое хлопанье крыльев, заставившее мистера Уинкля отскочить, точно его самого подстрелили. «Бах, бах!» — прозвучали два выстрела. Дым быстро пронесся над полем и заклубился в воздухе.

— Где они? — воскликнул мистер Уинкль, который, находясь в состоянии крайнего возбуждения, вертелся, как

волчок.— Где они? Скажите, когда стрелять. Где они? Где они?

— Где они? — повторил Уордль, поднимая двух птиц, которых собаки притащили к его ногам.— Да вот они.

— Нет, нет, я говорю о других! — сказал ошеломленный Уинкль.

— Сейчас уже довольно далеко от нас,— ответил Уордль, спокойно заряжая ружье.

— Вероятно, минут через пять мы наткнемся на другой выводок,— сказал рослый дозорщик.— Если джентльмен начнет стрелять сейчас, пожалуй он выпустит заряд как раз к тому времени, когда они взлетят.

— Ха-ха-ха! — расхохотался мистер Уэллер.

— Сэм! — сказал мистер Пиквик, сочувствуя своему сконфуженному и растерянному ученику.

— Сэр?

— Не смейтесь.

— Слушаю, сэр.

В виде компенсации мистер Уэллер, стоя за тачкой, состроил гримасу исключительно для увеселения мальчика в гетрах, разразившегося громким смехом и немедленно получившего удар кулаком от рослого дозорщика, которому нужен был предлог отвернуться, чтобы скрыть улыбку.

— Браво, старина! — сказал Уордль мистеру Тапмену.— На этот раз вы несомненно выстрелили.

— О да! — отвечал мистер Тапмен с понятной гордостью.— Я спустил курок.

— Прекрасно, в следующий раз вы что-нибудь подстрелите, если будете смотреть в оба. Это очень легко, не правда ли?

— Да, это очень легко,— согласился мистер Тапмен.— А все-таки как больно бьет в плечо! Меня едва не опрокинуло. Я понятия не имел, что эти маленькие ружья так отдают.

— Ах, вот что! — улыбаясь, отозвался пожилой джентльмен.— Со временем вы к этому привыкнете. Ну что, все готовы? Все обстоит благополучно с тачкой?

— Все в порядке, сэр,— ответил мистер Уэллер.

— В таком случае вперед!

— Держитесь крепко, сэр,— сказал Сэм, берясь за тачку.

— Держусь,— сказал мистер Пиквик, и они двинулись дальше, развив соответствующую скорость.

— Теперь задержите эту тачку! — крикнул Уордль, когда ее перетащили через перелаз на другое поле и мистер Пиквик был снова в нее водворен.

— Все в порядке, сэр,— ответил мистер Уэллер приостанавливаясь.

— Ну, Уинкль,— сказал пожилой джентльмен,— ступайте осторожно за мною и постарайтесь не опоздать на этот раз.

— Будьте покойны,— отозвался мистер Уинкль.— Они делают стойку?

— Нет, нет! еще нет! тише! тише!

Они осторожно подвигались вперед и подошли бы очень тихо, если бы мистер Уинкль, совершая какие-то весьма сложные манипуляции со своим ружьем, случайно не выпалил в самый критический момент над головой мальчика, как раз в то самое место, где находился бы мозг рослого дозорщика, будь тот на месте мальчика.

— Да на кой черт вы стреляли? — воскликнул старый Уордль, когда птицы улетели, нимало не пострадав.

— В жизни не видал такого ружья,— отвечал бедный мистер Уинкль, разглядывая замок, как будто это могло исправить дело.— Оно стреляет само. Стреляет, да и только.

— Стреляет, да и только! — повторил Уордль слегка раздраженным тоном.— Хотел бы я, чтобы оно само что-нибудь застрелило.

— Оно и застрелит, сэр,— заметил дозорщик тихим пророческим тоном.

— Что вы хотите этим сказать, сэр? — сердито спросил мистер Уинкль.

— Ничего, сэр, ничего,— отвечал дозорщик,— а мать вот этого мальчика получит кое-какие блага от сэра Джеффри, если мальчик будет убит на его земле. Заряжайте, сэр, заряжайте.

— Отнимите у него ружье! — кричал из тачки мистер Пиквик, устрашенный мрачными намеками дозорщика.— Пусть кто-нибудь отнимет у него ружье, слышите?

Никто, однако, не вызвался исполнить приказание, и мистер Уинкль, бросив строптивый взгляд на мистера Пиквика, зарядил ружье и продолжал путь вместе с другими.

Мы вынуждены, опираясь на авторитет мистера Пиквика, заявить, что приемы мистера Тапмена отличались значительно большей осторожностью и осмотрительностью, чем приемы, усвоенные мистером Уинклем. Тем не менее это нисколько не умаляет значительного авторитета сего последнего джентльмена во всех вопросах, связанных со спортом; ибо,— как правильно замечает мистер Пиквик,— с незапамятных времен почему-то случалось так, что многие из наилучших и способнейших философов, которые были истинными светочами науки в области теории, оказывались совершенно неспособными применять эти теории на практике.

Метод мистера Тапмена, подобно многим нашим замечательнейшим открытиям, был чрезвычайно прост. С быстротой и проницательностью гения он сразу подметил, что нужно придерживаться двух важнейших правил: первое — стрелять так, чтобы не причинить вреда самому себе, и второе — стрелять так, чтобы не подвергать опасности окружающих; ясно, что наилучший способ, когда преодолена трудность самого выстрела, заключается в том, чтобы плотно зажмурить глаза и палить в воздух.

Случилось так, что, совершив этот подвиг, мистер Тапмен открыл глаза и увидел, как падала на землю подстреленная жирная куропатка. Он собирался поздравить мистера Уордля с неизменным успехом, но этот джентльмен приблизился к нему и с жаром пожал ему руку.

— Тапмен,— сказал пожилой джентльмен,— вы наметили именно эту птицу?

— Нет,— сказал мистер Тапмен,— нет.

— Наметили,— возразил мистер Уордль.— Я видел... я заметил, как вы ее выбрали... я обратил внимание на вас, когда вы подняли ружье и прицелились, и вот что я скажу: лучший стрелок не сделал бы этого с большим искусством. Вы вовсе не такой новичок, каким я считал вас, Тапмен,— вы охотились раньше.

Тщетно возражал мистер Тапмен с улыбкой самоотречения, что он никогда не охотился. Даже улыбка была

принята как доказательство противоположного, и с этого дня его репутация была установлена. Это не единственная репутация, приобретенная с такою ловкостью, и столь счастливое стечение обстоятельств бывает не только во время охоты на куропаток.

Между тем мистер Уинкль палил, гремел и пускал дым, не достигая никаких осязательных результатов, достойных упоминания: то посылал заряд в воздух, то предоставлял ему скользить так низко над поверхностью земли, что жизнь двух собак все время находилась в некоторой опасности. Его манера стрелять — как пример стрельбы фантастической — была очень изменчива и любопытна; как демонстрирование стрельбы в цель, она была, пожалуй, неудачна. Считается признанной аксиомой, что «всякой пуле своя доля». Если она применима в равной степени к дроби, то дробинки мистера Уинкля были несчастными подкидышами, лишенными естественных прав, обреченными скитаться по миру и обездоленными.

— Ну,— сказал Уордль, подходя к тачке и вытирая пот, струившийся по его веселой красной физиономии,— горячий денек, не правда ли?

— Да, что и говорить,— отозвался мистер Пиквик.— Солнце ужасно припекает, даже я это чувствую. Не представляю себе, каково приходится вам.

— Да,— сказал пожилой джентльмен,— довольно жарко. Но уже первый час. Видите вон тот зеленый холм?

— Конечно.

— Там мы будем завтракать. И клянусь Юпитером, мальчик с корзинкой уже там — точен, как часовой механизм.

— Совершенно верно,— просияв, сказал мистер Пиквик.— Славный малый! Сейчас дам ему шиллинг. Ну, Сэм, катите меня.

— Держитесь, сэр,— сказал мистер Уэллер, оживившись от предвкушения завтрака.— Прочь с дороги, кожаные гетры! Если вы дорожите моей жизнью, не опрокиньте меня, как говорил джентльмен вознице, когда тот вез его на Тайбурн *.

И, разбежавшись, мистер Уэллер легко покатил своего хозяина к зеленому холму, ловко вывалил его у самой

корзины и принялся ее распаковывать с величайшим проворством.

— Телятина в тесте,— беседовал сам с собой мистер Уэллер, раскладывая съестные припасы на траве.— Очень хорошая штука — телятина в тесте, если вы знаете леди, которая ее готовила, и совершенно уверены, что это не кошатина, а в конце концов не все ли равно, если кошка так похожа на телятину, что даже сами пирожники не могут отличить.

— Не могут, Сэм? — спросил мистер Пиквик.

— Не могут, сэр,— отвечал мистер Уэллер, прикасаясь рукою к шляпе.— Когда-то я жил в одном доме с пирожником, сэр, и очень он был хороший человек — регулярная голова вдобавок,— паштеты умел выделывать из чего угодно. «У вас много кошек, мистер Брукс»,— говорю я ему, когда подружился с ним. «Да, говорит, у меня их очень много»,— говорит. «Должно быть, очень любите кошек»,— говорю. «Не я, а другие любят,— говорит и подмигивает мне,— а впрочем, сейчас не их сезон, подождем зимы»,— говорит. «Не их сезон!» — говорю. «Да, говорит, фрукты в сезон — кошки вон».— «Что вы хотите этим сказать?» — говорю. «Что хочу сказать? — говорит.— Да то, что я никогда не войду в союз мясников, чтобы повышать цену на мясо,— говорит.— Мистер Уэллер,— говорит он, жмет мне руку очень крепко и шепчет на ухо: — Вы этого никогда не повторяйте, но все дело в том, чтобы их подсезонить. От этого они все превращаются в благородных животных,— говорит и показывает на очень хорошенького серого котенка,— и я их сезоню под бифштекс, телятину или почки, смотря по спросу. Я вам больше скажу,— говорит он,— телятину я могу сделать бифштексом, бифштекс — почками, либо и то и другое — бараниной в один момент, как только изменится спрос на рынке и аппетиты потребуют разнообразия».

— Должно быть, это был очень изобретательный молодой человек, Сэм,— заметил с легкой дрожью мистер Пиквик.

— Вот именно, сэр,— ответил мистер Уэллер, продолжая выгружать корзину,— и паштеты были прекрасные. Язык — очень хорошая штука, если это не женский язык. Хлеб, окорок ветчины — ну и картина!.. Холодный рост-

биф нарезанный — очень хорошо! А что в этих глиняных кувшинах, молодой повеса?

— В одном пиво,— сказал мальчик, снимая с плеча две больших глиняных бутыли, связанные кожаным ремнем,— в другом холодный пунш.

— А завтрак получился очень недурной,— заметил мистер Уэллер, с большим удовлетворением обозревая расставленные им закуски.— Ну-с, джентльмены, милости просим, как сказали, примкнув штыки, англичане французам.

Второго приглашения не понадобилось, чтобы побудить компанию воздать должное трапезе; не пришлось также настаивать, чтобы мистер Уэллер, рослый дозорщик и двое мальчиков расположились на траве неподалеку и начали уничтожать соответствующее количество яств. Старый дуб предоставил свою тень охотникам, а перед ними расстилалась широкая перспектива полей и лугов, пересеченных живыми изгородями и пышно декорированных лесом.

— Восхитительно, поистине восхитительно! — воскликнул мистер Пиквик, на чьем выразительном лице кожа под действием солнца быстро начала лупиться.

— Верно, верно, старина! — отозвался Уордль.— Ну-ка, стаканчик пунша!

— С большим удовольствием,— сказал мистер Пиквик, и довольная его физиономия, когда пунш был выпит, подтверждала искренность ответа.

— Хорошо! — причмокивая, сказал мистер Пиквик.— Очень хорошо. Выпью еще стаканчик. Холодный, очень холодный. Ну-с, джентльмены,— продолжал мистер Пиквик, все еще не выпуская из рук кувшина,— тост! За наших друзей в Дингли Делле.

Тост был принят под громкие возгласы.

— Я вам скажу, что я намерен сделать, чтобы наловчиться в стрельбе,— начал мистер Уинкль, который ел ветчину с хлебом, пользуясь складным ножом.— Я посажу чучело куропатки на столб и буду упражняться, начну с небольшого расстояния и постепенно буду его увеличивать. Мне кажется, это превосходная практика.

— Я знаю одного джентльмена, сэр,— сказал мистер Уэллер,— который так и сделал и начал с двух ярдов, но

больше ему не пришлось стрелять, потому что начисто сдул птицу с первого же выстрела, так что и перышка ее никто с тех пор не видал.

— Сэм! — сказал мистер Пиквик.

— Сэр? — отозвался мистер Уэллер.

— Будьте добры, приберегите свои анекдоты, пока они не потребуются.

— Слушаю, сэр.

При этом мистер Уэллер так искусно подмигнул глазом, не заслоненным кружкой пива, которую он поднес к губам, что с двумя мальчиками сделались конвульсии и даже долговязый дозорщик снисходительно улыбнулся.

— Да, это, несомненно, превосходнейший холодный пунш,— сказал мистер Пиквик, многозначительно поглядывая на глиняную бутыль,— а день чрезвычайно жаркий, и... Тапмен, мой дорогой друг, стаканчик пунша?

— С величайшим наслаждением,— ответил мистер Тапмен, и, осушив этот стаканчик, мистер Пиквик выпил еще один, но лишь затем, чтобы узнать, нет ли в пунше апельсинной корки, ибо от апельсинной корки ему всегда бывало худо; убедившись, что ее нет, мистер Пиквик выпил еще стаканчик за здоровье отсутствующего друга, а затем почувствовал безусловную необходимость выпить за неизвестного составителя пунша.

Это непрерывное осушение стаканчиков возымело заметное действие на мистера Пиквика; его физиономия сияла самыми солнечными улыбками, губы подергивались от смеха, в глазах светилось благодушное веселье. Уступая мало-помалу действию возбуждающего напитка, оказывавшего особенное влияние благодаря жаре, мистер Пиквик выразил сильное желание вспомнить песенку, которую слышал в детстве, и, так как попытка оказалась неудачной, попробовал подстегнуть свою память еще несколькими стаканчиками пунша, каковые, по-видимому, оказали как раз обратное действие; ибо, забыв слова песни, он начал забывать и членораздельное произношение слов; в заключение он встал, желая обратиться к обществу с красноречивым спичем, но свалился в тачку и моментально заснул крепким сном.

Когда корзину вновь увязали и выяснилась полная невозможность вывести мистера Пиквика из оцепенения,

стали совещаться, как поступить: отвезти ли мистеру Уэллеру своего хозяина назад, или оставить его на месте, пока они не соберутся в обратный путь. В конце концов остановились на последнем решении; и так как предстоящая экспедиция должна была занять не больше часу и так как мистер Уэллер очень настойчиво просил их взять его с собой, решено было оставить мистера Пиквика спать в тачке и зайти за ним на обратном пути. Таким образом, они пустились в путь, а мистер Пиквик с полным комфортом храпел в тени.

Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что мистер Пиквик все храпел бы и храпел в тени, пока не вернутся его друзья или, в случае их опоздания, пока не спустятся на землю вечерние тени,— при условии, конечно, что его покой ничем не будет нарушен. Но его покой был нарушен. И вот как это произошло.

Капитан Болдуиг был маленький сердитый человек в синем сюртуке и жестком черном галстуке; когда он снисходил до прогулки по своим владениям, то совершал ее в обществе толстой трости с медным наконечником, а также садовника и его помощника с раболепными физиономиями, которым (садовникам, не трости) капитан Болдуиг отдавал приказания со всем подобающим величием и строгостью; ибо свояченица капитана Болдуига была замужем за маркизом, дом капитана был виллой, а земля его — «владениями», и все это было очень внушительно, даже величественно.

Мистер Пиквик не проспал и получаса, как явился маленький капитан Болдуиг в сопровождении двух садовников, шагая со всей быстротой, какую допускали его осанка и важность. Приблизившись к дубу, капитан Болдуиг остановился, глубоко перевел дух и окинул взглядом расстилавшийся перед ним пейзаж, словно этот пейзаж должен был испытывать великое удовольствие от того, что капитан Болдуиг обращает на него внимание; засим он выразительно ударил по земле тростью и позвал старшего садовника.

— Хант! — сказал капитан Болдуиг.

— Что прикажете, сэр? — сказал садовник.

— Завтра утром утрамбовать здесь, слышите, Хант?

— Слушаю, сэр.

— И позаботьтесь о том, чтобы содержать это место в полном порядке. Слышите, Хант?

— Слушаю, сэр.

— И напомните мне сделать объявление о нарушителях права владения, пороховых ловушках * и тому подобном, чтобы сюда не лазили. Слышите, Хант... Слышите?..

— Не забуду, сэр.

— Прошу прощенья, сэр,— сказал второй садовник, приподнимая шляпу.

— В чем дело, Уилкинс? — спросил капитан Болдуиг.

— Прошу прощенья, сэр, но, мне кажется, здесь кто-то уже побывал сегодня.

— Ка-ак! — сказал капитан, грозно озираясь.

— Да, сэр, мне кажется, здесь обедали, сэр.

— Проклятье! Какая наглость! Совершенно верно! — сказал капитан Болдуиг, когда его взгляд упал на корки хлеба и объедки, валявшиеся на траве.— Здесь действительно жрали. Хотел бы я застать этих бродяг! — воскликнул капитан Болдуиг, сжимая свою толстую трость.

— Прошу прощенья, сэр,— сказал Уилкинс,— но...

— Что «но»? А? — заревел капитан, и, следуя за робким взглядом Уилкинса, его глаза остановились на тачке и мистере Пиквике.

— Кто вы такой, негодяй? — спросил капитан, тыкая толстой тростью в мистера Пиквика.— Как ваше имя?

— Холодный пу...унш...— пробормотал мистер Пиквик, снова погружаясь в сон.

— Что? — вопросил капитан Болдуиг.

Никакого ответа.

— Как он себя назвал? — спросил капитан.

— Кажется, Панч, сэр,— ответил Уилкинс.

— Вот наглость, черт подери, вот наглец! — воскликнул капитан Болдуиг.— Он только притворяется, будто спит! — яростно кричал капитан Болдуиг.— Он пьян! Пьяный плебей! Увезите его, Уилкинс, увезите его немедленно!

— Куда прикажете, сэр? — робко осведомился Уилкинс.

— К черту! — отвечал капитан Болдуиг.

— Очень хорошо, сэр,— сказал Уилкинс.

— Стойте! — сказал капитан.

Уилкинс послушно остановился.

— Отвезите его,— сказал капитан,— в загон для скота, и посмотрим; назовет ли он себя Панчем, когда очнется. Я не позволю над собой издеваться, я не позволю над собой издеваться! Увезите его!

И мистера Пиквика увезли, подчиняясь категорическому предписанию, а величественный капитан Болдуиг, пыжась от негодования, продолжал прогулку.

Трудно передать изумление охотников, когда они, вернувшись, обнаружили, что мистер Пиквик исчез вместе со своею тачкой. Случай был весьма таинственный и необъяснимый. Ибо одно то, что хромой человек вдруг встал на ноги и ушел, было фактом чрезвычайным; но если он вдобавок покатил перед собой для развлечения тяжелую тачку — случай казался поистине сверхъестественным. Все вместе и каждый поодиночке они обшарили все уголки и закоулки; они кричали, свистали, хохотали, звали — и все безрезультатно. Мистер Пиквик пропал бесследно. После нескольких часов бесплодных поисков они пришли к печальному выводу, что придется вернуться домой без него.

Между тем мистер Пиквик, по-прежнему спавший в своей тачке, был отвезен в загон для скота и бережно водворен там, к невыразимому восторгу не только всех деревенских мальчишек, но и трех четвертей взрослого населения, собравшегося в ожидании его пробуждения. Если одно его появление в тачке доставило им величайшее удовольствие, то во сколько же раз усилился их восторг, когда, после нескольких невнятных возгласов: «Сэм!» — он приподнялся, сел в тачке и с неописуемым удивлением воззрился на лица, перед ним находившиеся.

Крики толпы были, конечно, сигналом его пробуждения; его невольный вопрос: «Что случилось?» — вызвал новый взрыв криков, пожалуй еще более громкий.

— Вот так потеха! — ревела толпа.

— Где я? — воскликнул мистер Пиквик.

— В загоне,— отвечали голоса.

— Как я сюда попал? Что со мной было? Откуда меня привезли? Выпустите меня! — кричал мистер Пиквик.— Где мой слуга? Где мои друзья?

— Какие еще друзья! Ура! — И в мистера Пиквика полетели брюква, картофель, яйца и другие знаки игривого расположения духа.

Трудно сказать, сколь долго тянулась бы эта сцена и сколько пришлось бы претерпеть мистеру Пиквику, если бы быстро мчавшийся мимо загона экипаж не остановился и из него не вышли старик Уордль и Сэм Уэллер; первый значительно быстрей, чем можно это описать и даже прочесть, проложил себе дорогу к мистеру Пиквику и усадил его в экипаж как раз в тот момент, когда второй, вступив в единоборство с бидлом *, закончил третий и последний раунд.

— Бегите к судье! — раздались голоса.

— Вот-вот, бегите,— сказал мистер Уэллер, вскакивая на козлы. — Привет от меня, привет от мистера Уэллера судье, и скажите ему, что я намял бока его бидлу, а если он назначит нового, я зайду завтра, чтобы и тому намять бока. Погоняйте, старина!

— Как только приеду в Лондон, подам жалобу на этого капитана Болдуига и привлеку его к суду за незаконное задержание,— сказал мистер Пиквик, когда экипаж выехал из города.

— Кажется, мы вторглись в чужие владения,— заметил Уордль.

— Мне все равно,— отвечал мистер Пиквик,— я подам в суд.

— Нет, не подадите,— возразил Уордль.

— Подам, клянусь...— Но, заметив насмешливое выражение лица Уордля, мистер Пиквик запнулся и спросил: — А что?

— Да то,— сказал старый Уордль, заливаясь смехом,— что дело можно обратить против кое-кого из нас и сказать, что мы выпили слишком много холодного пунша.

Как ни удерживался мистер Пиквик, но на лице его появилась улыбка, улыбка уступила место смеху, смех — хохоту; хохотали все. А для того чтобы поддержать хорошее расположение духа, остановились у первой придорожной таверны и потребовали по стаканчику грога для всех и большой стакан экстраординарной крепости для мистера Сэмюела Уэллера.

ГЛАВА XX,

повествующая о том, какими дельцами были Додсон и Фогг, и какими повесами их клерки, и как происходило трогательное свидание мистера Уэллера с его давно пропавшим родителем; а также о том, какое избранное общество собралось в «Сороке и Пне» и какой превосходной будет следующая глава

В нижнем этаже мрачного дома в самом дальнем конце Фрименс-Корта, на Корнхилле, сидело четверо клерков фирмы Додсона и Фогга, двух поверенных * его величества при Суде Королевской Скамьи *, Общих Тяжб в Вестминстере и верховного Канцлерского суда *; у вышеупомянутых клерков во время дневных занятий было столько же надежды уловить проблески небесного света и солнца, сколько и у человека, посаженного на дно достаточно глубокого колодца; и притом они не могли увидеть днем звезды, каковой возможности не лишает пребывание в колодце.

Комната для клерков в конторе Додсона и Фогга была темной, сырой, затхлой, и в ней находились: высокая деревянная перегородка, долженствовавшая заслонять клерков от взглядов непосвященных, два старых деревянных стула, очень громко тикающие часы, календарь, стойка для зонтов, вешалка и несколько полок, заваленных перенумерованными связками грязных бумаг, старыми сосновыми ящиками с бумажными наклейками и пустыми, всех видов и размеров, глиняными бутылками из-под чернил. Стеклянная дверь выходила в коридор, выводивший во двор. С наружной стороны этой стеклянной двери в пятницу утром, наступившим после событий, правдиво изложенных в предыдущей главе, и предстал мистер Пиквик в сопровождении Сэма Уэллера.

— Входите, что же вы! — раздался голос из-за перегородки в ответ на тихий стук мистера Пиквика.

Мистер Пиквик и Сэм вошли.

— Мистер Додсон или мистер Фогг дома, сэр? — вежливо осведомился мистер Пиквик, направляясь со шляпой в руке к перегородке.

— Мистера Додсона нет дома, а мистер Фогг очень занят,— ответил голос, и в то же время голова с пером за ухом,— та, которой принадлежал этот голос,— показалась из-за перегородки перед мистером Пиквиком.

Это была неопрятная голова, на которой рыжеватые волосы, тщательно разделенные боковым пробором и напомаженные, завивались полукруглыми хвостиками, обрамлявшими плоскую физиономию, украшенную парой маленьких глазок, очень грязным воротничком сорочки и порыжевшим черным галстуком.

— Мистера Додсона нет дома, а мистер Фогг очень занят,— сказал человек, которому принадлежала голова.

— Когда вернется мистер Додсон, сэр? — осведомился мистер Пиквик.

— Не могу вам сказать.

— Скоро ли освободится мистер Фогг, сэр?

— Не знаю.

Тут человек принялся преспокойно чинить перо, а другой клерк, который размешивал зейдлицкий порошок * под крышкой своей конторки, одобрительно засмеялся.

— В таком случае я подожду,— сказал мистер Пиквик.

Ответа не последовало. Мистер Пиквик уселся без приглашения и стал слушать громкое тиканье часов и приглушенный разговор клерков.

— Вот была потеха, правда? — сказал джентльмен в коричневом фраке с медными пуговицами, в закапанных брюках мышиного цвета и блюхеровских башмаках *, заканчивая рассказ о своих похождениях прошлой ночью.

— Здорово, чертовски здорово! — сказал человек с зейдлицким порошком.

— Том Каминс председательствовал,— продолжал человек в коричневом фраке.— В половине пятого я добрался до Сомерс-Тауна * и до того нагрузился, что никак не мог попасть ключом в замочную скважину, пришлось разбудить старуху. Интересно, что сказал бы старый Фогг, если бы узнал об этом. Пожалуй, выставил бы?

Это веселое предположение вызвало дружный смех всех клерков.

— Сегодня утром была потеха с Фоггом,— сказал человек в коричневом фраке.— Пока Джек разбирал бумаги,

а вы оба ушли вносить гербовый сбор, Фогг был здесь, распечатывал письма, когда пришел, знаете, этот самый, против которого у нас есть судебный приказ * в Кемберуэл...* Как его фамилия?

— Ремси,— подсказал клерк, который отвечал мистеру Пиквику.

— Да, Ремси... Довольно-таки потрепанный клиент. «Ну, сэр,— говорит старый Фогг и глядит на него очень грозно, сами знаете его манеру,— ну, сэр, вы пришли покончить дело?» — «Да, пришел, сэр,— сказал Ремси, опуская руку в карман и вытаскивая деньги,— долг два фунта десять шиллингов да судебные издержки два фунта пять. Вот деньги, сэр»,— и тяжело вздохнул, вытаскивая деньги, завернутые в промокательную бумагу. Старый Фогг посмотрел сперва на деньги, потом на него, потом кашлянул по-своему, так что я уже знал — сейчас начнется. «Должно быть, вы не знаете, что декларация по иску зарегистрирована *, а это значительно увеличивает судебные издержки?» — спросил Фогг. «Что вы говорите, сэр! — воскликнул Ремси, отшатнувшись.— Срок истек только вчера вечером, сэр».— «Тем не менее,— сказал Фогг,— мой клерк как раз пошел регистрировать. Мистер Джексон пошел регистрировать декларацию по делу Булмен и Ремси, мистер Уикс?» Конечно, я сказал «да», тогда Фогг опять кашлянул и посмотрел на Ремси. «Боже мой! — воскликнул Ремси.— А я-то чуть с ума не сошел, наскребывая эти деньги, и все ни к чему!» — «Совершенно ни к чему,— холодно сказал Фогг,— а посему вы лучше отправляйтесь назад, наскребите еще кое-что и принесите сюда вовремя».— «Черт подери, больше не могу!» — крикнул Ремси, ударив кулаком по столу. «Не угрожайте мне, сэр»,— сказал Фогг, делая вид, будто испугался. «Я вам не угрожаю, сэр»,— сказал Ремси. «Угрожаете,— сказал Фогг.— Уходите, сэр, уходите из этой конторы, сэр, и возвращайтесь, сэр, когда научитесь, как себя вести». Ну, Ремси попробовал что-то сказать, но Фогг не дал ему, тогда он спрятал деньги в карман и потихоньку вышел. Едва закрылась дверь, как старый Фогг, с приятной улыбкой на лице, поворачивается ко мне и вытаскивает из кармана декларацию. «Уикс,— говорит Фогг,— наймите кэб, поезжайте как можно скорее в

Темпль и зарегистрируйте это. О судебных издержках можно не беспокоиться, потому что он человек степенный, семья большая, жалованье двадцать пять шиллингов в неделю, и если он выдаст нам адвокатскую гарантию *,— а в конце концов он должен будет это сделать,— я знаю, что его хозяева позаботятся об уплате; поэтому, мистер Уикс, мы должны выудить у него все, что можно; это христианский поступок, мистер Уикс, ибо, имея большую семью и получая маленькое жалованье, он извлечет пользу из доброго урока и не будет делать долгов, не так ли, мистер Уикс, не так ли?» И, уходя, он с таким добродушием улыбнулся, что приятно было на него смотреть. Превосходный делец! — сказал Уикс тоном глубочайшего восхищения.— Превосходный, не правда ли?

Остальные трое от души присоединились к этому мнению, рассказ доставил им беспредельное удовольствие.

— Славные здесь люди,— сказал мистер Уэллер своему хозяину,— и, нечего сказать, славное у них понятие о забаве, сэр.

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия и кашлянул с целью привлечь внимание молодых джентльменов за перегородкой, которые, облегчив себя краткой беседой, снисходительно занялись новым клиентом.

— Быть может, Фогг уже освободился,— сказал Джексон.

— Пойду узнаю,— сказал Уикс, медленно слезая с табурета.— Как доложить о вас мистеру Фоггу?

— Пиквик,— ответил прославленный герой этих записок.

Мистер Джексон отправился с докладом наверх и немедленно вернулся с ответом, что мистер Фогг примет мистера Пиквика через пять минут. Исполнив поручение, он снова занял место за конторкой.

— Как он себя назвал? — прошептал Уикс.

— Пиквик,— сообщил Джексон,— это ответчик по делу Бардл и Пиквик.

Из-за перегородки вдруг послышалось шарканье ног и приглушенный смех.

— Они на вас глазеют, сэр,— шепнул мистер Уэллер.

— Глазеют на меня, Сэм! — повторил мистер Пиквик.— Что вы имеете в виду?

Вместо ответа мистер Уэллер указал большим пальцем через плечо, и мистер Пиквик, подняв взор, обнаружил следующий приятный факт: все четыре клерка — лица их выражали крайнюю веселость, а головы торчали над деревянной перегородкой — внимательно изучали фигуру и весь облик человека, якобы игравшего женскими сердцами и разрушившего женское счастье. Когда он поднял глаза, ряд голов мгновенно исчез, и немедленно вслед за этим раздался скрип перьев, путешествовавших с бешеной скоростью по бумаге.

Внезапный звон колокольчика, висевшего в конторе, призвал мистера Джексона в кабинет Фогга; оттуда он вернулся и сказал, что он (Фогг) готов принять мистера Пиквика, если тот поднимется наверх.

Мистер Пиквик поднялся наверх, оставив Сэма Уэллера внизу. Во втором этаже на двери комнаты, выходящей во двор, были начертаны удобочитаемыми буквами внушительные слова: «Мистер Фогг»; постучав в дверь и получив приглашение войти, Джексон ввел мистера Пиквика.

— Мистер Додсон вернулся? — осведомился мистер Фогг.

— Только что вернулся, сэр.

— Попросите его заглянуть сюда.

— Слушаю, сэр.

(Те же без Джексона.)

— Присядьте, сэр,— сказал Фогг,— не угодно ли газету, сэр? Мой компаньон сейчас придет, и мы потолкуем об этом деле, сэр.

Мистер Пиквик взял стул и газету, но вместо того чтобы читать, поглядывал поверх нее и рассматривал дельца. Это был пожилой человек, прыщеватый, сидящий на растительной диете, человек в черном фраке, темных панталонах и коротких черных гетрах,— существо, которое, казалось, было неотъемлемой частью своей конторки и не превосходило ее ни умом, ни сердечностью.

Через несколько минут явился мистер Додсон, полный, осанистый, суровый на вид человек с громким голосом, и разговор начался.

— Это мистер Пиквик,— сказал Фогг.

— А! Вы — ответчик, сэр, по делу Бардл и Пиквик? — спросил Додсон.

— Да, сэр,— ответил мистер Пиквик.

— Итак, сэр,— сказал Додсон,— что же вы предлагаете?

— Да,— сказал Фогг, засовывая руки в карманы панталон и откидываясь на спинку стула.— Что вы предлагаете, мистер Пиквик?

— Погодите, Фогг,— сказал Додсон,— дайте мне выслушать, что хочет сказать мистер Пиквик.

— Я пришел, джентльмены,— начал мистер Пиквик, безмятежно взирая на двух компаньонов,— я пришел сюда, джентльмены, чтобы выразить изумление по поводу полученного на днях письма от вас и осведомиться, какие у вас основания для вчинения мне иска.

— Основания для...— Фогг только это и успел выговорить, когда его остановил Додсон.

— Мистер Фогг,— сказал Додсон,— говорить буду я.

— Прошу извинить меня, мистер Додсон,— сказал Фогг.

— Что касается оснований иска, сэр,— продолжал Додсон назидательным тоном,— вы должны спросить свою собственную совесть и свои собственные чувства. Мы, сэр, руководствуемся исключительно заявлением нашего клиента. Это заявление, сэр, может быть правдивым или лживым, оно может быть достойно доверия или не достойно, но если оно правдиво и если оно достойно доверия, я, не колеблясь, скажу, сэр, что наши основания иска, сэр, серьезны и не могут быть опровергнуты. Может быть, вы, сэр, несчастный человек или, может быть, коварный человек, но если бы меня призвали в качестве присяжного, сэр, высказать мнение о вашем поведении, сэр, то — заявляю, не колеблясь,— у меня имелось бы только одно мнение по этому вопросу.

Тут Додсон выпрямился с видом оскорбленной добродетели и взглянул на Фогга, который глубже засунул руки в карманы и, глубокомысленно кивнув, сказал тоном весьма убежденным:

— Несомненно.

— Так вот, сэр,— сказал мистер Пиквик, на лице которого отразилось сильное огорчение,— разрешите мне заверить вас, что я — несчастнейший человек, поскольку речь идет об этом деле.

— Надеюсь, что так, сэр,— отозвался Додсон,— хочу верить, сэр. Если вы действительно не повинны в том, что вменяется вам в вину, то вы более несчастливы, чем можете себе представить. Что скажете *вы,* мистер Фогг, по этому поводу?

— Скажу то же, что и вы,— с недоверчивой улыбкой ответил Фогг.

— Первоначальный приказ *, сэр,— продолжал Додсон,— был выдан правильно. Мистер Фогг, где наша книга praecipe? *

— Вот она,— сказал Фогг, протягивая квадратную книгу в пергаментном переплете.

— Вот запись,— продолжал Додсон.— «Мидлсекс. *Марта Бардл, вдова versus*[1] *Сэмюел Пиквик.* Размер убытков 1500 фунтов, Додсон и Фогг со стороны истицы. Авг. 28, 1830». Все в порядке, сэр, в полном порядке.

Додсон кашлянул и посмотрел на Фогга, который тоже сказал: «В полном». Затем оба посмотрели на мистера Пиквика.

— Должен ли я это понимать так,— сказал мистер Пиквик,— что вы действительно намерены дать ход этому делу?

— Понимать, сэр? Это вы, несомненно, можете,— отвечал Додсон, изобразив улыбку, которая не наносила бы ущерба его достоинству.

— И то, что убытки действительно исчислены в полторы тысячи фунтов? — спросил мистер Пиквик.

— К этому вы можете прибавить мое заверение, что, если бы мы могли повлиять на нашу клиентку, сумма была бы увеличена втрое, сэр,— ответил Додсон.

— Во всяком случае, мне кажется, миссис Бардл особенно настаивала,— заметил Фогг, взглянув на Додсона,— что она не уступит ни одного фартинга.

— Несомненно,— сухо отозвался Додсон.— Ибо иск только что вчинен и не следовало допускать, чтобы мистер Пиквик пошел на компромисс, даже если бы он к этому склонялся.

— Поскольку вы ничего не предлагаете, сэр,— сказал Додсон, держа в правой руке кусок пергамента, а левой

---

[1] Против *(лат.).*

любовно протягивая мистеру Пиквику копию,— мне остается только вручить вам копию приказа. Оригинал остается у нас, сэр.

— Прекрасно, джентльмены, прекрасно! — сказал мистер Пиквик, вставая во весь рост и вскипая гневом.— Вы будете иметь дело с моим поверенным, джентльмены.

— Мы будем в восторге,— сказал Фогг, потирая руки.

— В восторге! — повторил Додсон, открывая дверь.

— Но раньше чем уйти, джентльмены,— начал возбужденный мистер Пиквик, останавливаясь на пороге,— разрешите мне сказать, что из всех гнусных и подлых дел...

— Погодите, сэр, погодите,— очень вежливо перебил Додсон.— Мистер Джексон! Мистер Уикс!

— Сэр? — отозвались два клерка, появляясь на нижней площадке лестницы.

— Я хочу только, чтобы вы слышали, что говорит этот джентльмен,— пояснил Додсон.

— Пожалуйста, продолжайте, сэр... Кажется, вы сказали: «Гнусные и подлые дела»?

— Сказал! — подтвердил мистер Пиквик, совершенно взбешенный.— Я сказал, сэр, что из всех гнусных и подлых дел, какие когда-либо затевались, это является самым гнусным. Я это повторяю, сэр!

— Вы слышите, мистер Уикс? — спросил Додсон.

— Вы не забудете этих выражений, мистер Джексон? — спросил Фогг.

— Быть может, вы желали бы назвать нас вымогателями, сэр? — сказал Додсон.— Пожалуйста, назовите, сэр, если вам угодно, пожалуйста, назовите, сэр.

— Назову! — сказал мистер Пиквик.— Вы — вымогатели!

— Прекрасно,— сказал Додсон.— Надеюсь, вам слышно там, внизу, мистер Уикс?

— О да, сэр! — ответил Уикс.

— Если не слышно, поднимитесь, пожалуйста, на одну-две ступеньки,— добавил мистер Фогг.— Продолжайте, сэр, продолжайте! Назовите нас ворами, сэр, или, быть может, вам угодно нанести одному из нас оскорбление действием? Сделайте одолжение, сэр, мы не окажем ни малейшего сопротивления. Сделайте одолжение, сэр!

Так как Фогг стоял на соблазнительно близком расстоянии от сжатого кулака мистера Пиквика, то вряд ли можно сомневаться, что сей джентльмен исполнил бы его настойчивую просьбу, не вмешайся в дело Сэм, который, заслышав спор, выскочил из конторы, взбежал по лестнице и схватил своего хозяина за руку.

— Уходите-ка отсюда,— сказал мистер Уэллер.— Волан — прекрасная игра, но если вы — волан, а два законника — ракетки, тогда игра чересчур возбуждает, чтобы быть приятной. Уходите отсюда, сэр! Если вам нужно облегчить душу и вздуть кого-нибудь, выйдем на улицу и вздуйте меня, а здесь, пожалуй, это дорогая забава.

И без всяких церемоний мистер Уэллер стащил своего хозяина с лестницы, вывел его в переулок и, благополучно доставив на Корнхилл, поместился за его спиной, готовый следовать, куда бы тот ни пошел.

Мистер Пиквик рассеянно побрел вперед, перешел улицу против Меншен-Хауса * и направил свои стопы к Чипсайду. Сэм уже начал недоумевать, куда они идут, как вдруг его хозяин оглянулся и произнес:

— Сэм, я иду прямо к мистеру Перкеру.

— Это как раз то самое место, куда вам нужно было пойти еще вчера вечером, сэр,— ответил мистер Уэллер.

— Думаю, что так, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Наверняка,— сказал мистер Уэллер.

— Хорошо, хорошо, Сэм! — отозвался мистер Пиквик.— Мы сейчас же туда пойдем, но сначала, так как я несколько вышел из себя, мне бы хотелось выпить стаканчик грога, Сэм. Где его можно было бы получить, Сэм?

Сведения мистера Уэллера о Лондоне были пространны и своеобразны. Он ответил, нимало не задумываясь:

— Второй поворот направо, предпоследний дом по той же стороне. Займите отделение у самого камина, там у столика нет средней ножки, а у других есть, и это очень неудобно.

Мистер Пиквик слепо подчинился указаниям своего слуги и, приказав Сэму идти за ним, вошел в намеченную таверну, где ему был быстро подан горячий грог, а мистер Уэллер на почтительном расстоянии, но за одним столом с хозяином, устроился за пинтой портера.

Помещение было очень простое и находилось, по-

видимому, под особым покровительством кучеров пассажирских карет, ибо несколько джентльменов, которые по всем внешним признакам принадлежали к этой просвещенной профессии, пили и курили, сидя за низкими перегородками. Среди них находился тучный, краснолицый, пожилой человек, сидевший в отделении против мистера Пиквика и привлекший его внимание. Тучный человек курил с большим увлечением, но после каждой полдюжины затяжек вынимал трубку изо рта и взглядывал сначала на мистера Уэллера, а потом на мистера Пиквика. Затем он погружал в кружку часть физиономии, какую могла вместить кружка в кварту, и снова бросал взгляд на Сэма и на мистера Пиквика. Затем он делал еще с полдюжины затяжек с видом глубоко задумчивым и взглядывал на них снова. Наконец, тучный человек, положив ноги на скамью и прислонившись спиной к стене, начал без конца дымить, разглядывая сквозь дым вновь прибывших, словно решил изучить их досконально.

Сначала маневры тучного человека ускользнули от внимания мистера Уэллера, но вскоре, видя, что взгляд мистера Пиквика то и дело устремляется в одном направлении, он также начал смотреть в ту сторону, заслоняя в то же время глаза рукой, как будто распознал находившийся перед ним объект и хотел окончательно убедиться в том, что не ошибается. Впрочем, сомнения его быстро рассеялись, ибо тучный человек извлек густое облако из своей трубки и хриплым голосом, напоминавшим голос чревовещателя и вырвавшимся из-под широких шарфов, обматывающих его шею и грудь, медленно издал следующие звуки:

— Ну да, Сэмми!

— Кто это, Сэм? — осведомился мистер Пиквик.

— Не верю своим глазам, сэр! — ответил мистер Уэллер, с изумлением вытаращив глаза.— Это старик!

— Старик!—повторил мистер Пиквик.— Какой старик?

— Мой отец, сэр! — ответил мистер Уэллер.— Как поживаете, развалина?

Выразив столь почтительно сыновнюю любовь, мистер Уэллер подвинулся, чтобы освободить место для тучного человека, который с трубкой во рту и с кружкой в руке подошел поздороваться с ним.

— Ну, Сэмми,— сказал отец,— я тебя не видал больше двух лет.

— Что и говорить, старина! — ответил сын.— Как мачеха?

— Я тебе вот что скажу, Сэмми,— начал мистер Уэллер-старший с большой торжественностью.— Не бывало на свете вдовы лучше этой моей второй суженой — славное было создание, Сэмми, а теперь скажу об ней одно: она была такая на редкость приятная вдова, и как жаль, что она изменила свое положение! Она не годится в жены, Сэмми.

— Не годится? — переспросил мистер Уэллер-младший.

Мистер Уэллер-старший покачал головой и ответил со вздохом:

— Я проделал это на один раз больше, чем следовало, Сэмми, на один раз. Бери пример с твоего отца, мой мальчик, и всю жизнь остерегайся вдов, в особенности — если они держат трактир.

Подав с большим пафосом этот отеческий совет, мистер Уэллер-старший набил трубку табаком из жестянки, которую носил в кармане, и, раскурив новую трубку от прежней, начал весьма энергически дымить.

— Прошу прощенья, сэр,— сказал он после длительной паузы, возобновляя разговор и обращаясь к мистеру Пиквику.— Надеюсь, я вас не задел, сэр, надеюсь, вы не женаты на вдове, сэр?

— Нет, я не женат на вдове,— смеясь, ответил мистер Пиквик.

Пока мистер Пиквик смеялся, Сэм Уэллер шепотом уведомил своего родителя о том, в каких отношениях он состоит с этим джентльменом.

— Прошу прощенья, сэр! — сказал мистер Уэллер-старший, снимая шляпу.— Надеюсь, вам не в чем упрекнуть Сэмми?

— Решительно не в чем,— ответил мистер Пиквик.

— Очень рад это слышать, сэр,— заявил старик,— я отпускал его одного бегать по улицам, когда он был малышом, чтобы он сам выпутывался из беды. Это единственный способ сделать мальчика сметливым, сэр.

— Довольно опасный прием, сказал бы я,— с улыбкой заметил мистер Пиквик.

— И вдобавок не такой уж надежный,— присовокупил мистер Уэллер-младший,— на днях меня, регулярно, провели.

— Да ну! — воскликнул отец.

— Провели! — подтвердил сын и рассказал по возможности кратко, как он был одурачен Джобом Троттером.

Мистер Уэллер-старший выслушал рассказ с глубочайшим вниманием и по окончании его спросил:

— Один из этих молодцов тощий и высокий, с длинными волосами, а язык у него так и скачет в галоп?

Мистер Пиквик не совсем понял последнюю часть описания, но, уразумев первую, сказал наугад: «Да».

— А другой — черноволосый, в шелковичной ливрее и с очень большой головой?

— Да, да, это он! — с живостью воскликнул мистер Пиквик и Сэм.

— Ну, так я знаю, где они, можете не сомневаться,— объявил мистер Уэллер,— они в Ипсуиче, в целости и сохранности оба.

— Быть не может! — воскликнул мистер Пиквик.

— Факт! — сказал мистер Уэллер.— И я вам расскажу, как я это узнал. Иной раз я езжу с ипсуичской каретой вместо одного приятеля. Я работал как раз после той ночи, когда вы схватили ревматизм, и в «Черном Парне» в Чемсфорде * — самое подходящее для них место — они сели в мою карету, и я их повез прямо в Ипсуич, а слуга — тот, что в шелковичном,— сказал мне, что они думают остаться там надолго.

— Я еду за ним! — сказал мистер Пиквик.— Мы можем посетить Ипсуич, как и всякое другое место. Я поеду за ним.

— Вы твердо уверены, что это были они, командир? — осведомился мистер Уэллер-младший.

— Твердо, Сэмми, твердо,— отвечал отец,— потому что вид у них очень чудной, а вдобавок я подивился, что джентльмен запанибрата со своим слугой, и вот еще что: они сидели как раз позади козел, и я слышал — они смеялись и толковали о том, что обработали старую петарду.

— Старую... что? — переспросил мистер Пиквик.

— Старую петарду, сэр, и я ничуть не сомневаюсь — они говорили о вас, сэр.

Нет в сущности ничего оскорбительного или чудовищного в прозвище «старая петарда», однако оно отнюдь не является почтительным или лестным наименованием. Все обиды, нанесенные Джинглем, всплыли в памяти мистера Пиквика, как только заговорил мистер Уэллер; не хватало одного-единственного перышка, чтобы опустилась чаша весов, и таким перышком оказалась «старая петарда».

— Я догоню его! — сказал мистер Пиквик, энергически стукнув по столу.

— Послезавтра я еду в Ипсуич, сэр,— сказал мистер Уэллер-старший,— карета отправляется из «Быка» в Уайтчепле *. И если вы и в самом деле хотите ехать, поезжайте со мной.

— Так мы и сделаем,— сказал мистер Пиквик.— Отлично! Я могу написать в Бери и встретиться с друзьями в Ипсуиче. Мы поедем с вами. Но не торопитесь, мистер Уэллер. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

— Вы очень добры, сэр! — сказал мистер Уэллер, тотчас же останавливаясь.— Пожалуй, стаканчик бренди за ваше здоровье, сэр, и за успехи Сэмми окажется не лишним.

— Разумеется,— отозвался мистер Пиквик.— Подайте стаканчик бренди.

Подали бренди, и мистер Уэллер, поклонившись мистеру Пиквику и кивнув Сэму, сразу опрокинул в свою поместительную глотку все содержимое стаканчика, точно тот был величиною с наперсток.

— Здорово, отец! — сказал Сэм.— Берегитесь, старина, как бы вас опять не скрутила ваша старая болезнь — подагра.

— Я нашел верное средство от нее, Сэмми,— объявил мистер Уэллер.

— Верное средство от подагры? — сказал мистер Пиквик, поспешно извлекая записную книжку.— Какое же это средство?

— Подагра, сэр,— отвечал мистер Уэллер,— это напасть, которая приключается от слишком покойной жизни со всеми удобствами. Если когда-нибудь вас скрутит

подагра, сэр, тотчас женитесь на вдове, у которой голос очень зычный и которая понимает, как им пользоваться, и у вас подагры как не бывало. Чудесное лекарство, сэр. Я принимаю его регулярно и могу поручиться, что оно прогоняет всякую болезнь, которая происходит от слишком веселой жизни.

Открыв этот бесценный секрет, мистер Уэллер осушил второй стаканчик, подмигнул, глубоко вздохнул и медленно удалился.

— Ну, какого вы мнения, Сэм, о том, что сказал ваш отец? — улыбаясь, полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Какого я мнения, сэр? — отозвался мистер Уэллер.— Да я того мнения, что он — жертва супружеской жизни, как сказал капеллан Синей Бороды, прослезившись от жалости на его похоронах.

На это весьма уместное заключение ответить было нечего, и посему мистер Пиквик, расплатившись, снова направил свои стопы к Грейз-Инну *. Но когда он добрался до его уединенных садов, пробило восемь, и непрерывный поток джентльменов в грязных башмаках, испачканных светлых шляпах и порыжевших костюмах, который устремлялся к проездам, ведущим к выходу, возвестил ему, что бо́льшая часть контор уже закрыта.

Поднявшись по крутой и грязной лестнице на третий этаж, он убедился, что его предположение оправдалось. «Парадная дверь» мистера Перкера была заперта, и мертвое молчание в ответ на повторный стук Сэма свидетельствовало о том, что клерки ушли, закончив свой рабочий день.

— Досадно, Сэм,— сказал мистер Пиквик,— не хотелось бы откладывать свидание с ним, я уверен, что ночью не засну ни на секунду, если не успокоюсь на мысли, что передал это дело в руки человека опытного.

— А вот какая-то старуха поднимается по лестнице, сэр,— отозвался Сэм,— быть может, она знает, где нам кого-нибудь найти. Послушайте, старая леди, где клерки мистера Перкера?

— Клерки мистера Перкера...— повторила чахлая, жалкая на вид старуха, останавливаясь, чтобы перевести дух,— клерки мистера Перкера ушли, а я иду убирать контору.

— Вы — служанка мистера Перкера? — осведомился мистер Пиквик.

— Я — прачка у мистера Перкера,— ответила старуха.

— Подумайте! — тихо сказал Сэму мистер Пиквик.— Любопытное обстоятельство, Сэм: старух в этих домах называют прачками. Хотел бы я знать почему?

— Должно быть, потому, что они смертельно не любят что-нибудь мыть, сэр,— отозвался мистер Уэллер.

— Меня бы это не удивило,— сказал мистер Пиквик, глядя на старуху, чья внешность, равно как и вид конторы, которую она к тому времени открыла, указывали на закоренелую антипатию к применению мыла и воды.— Не знаете ли вы, моя милая, где я могу найти мистера Перкера?

— Нет, не знаю,— ответила старуха хриплым голосом,— его нет сейчас в городе.

— Досадно,— сказал мистер Пиквик.— Где его клерк? Вы не знаете?

— Да, знаю, но он меня не поблагодарит, если я вам скажу,— ответила прачка.

— У меня очень важное дело,— заметил мистер Пиквик.

— А подождать до утра нельзя? — спросила старуха.

— Не хотелось бы,— ответил мистер Пиквик.

— Ну, раз дело очень важное,— промолвила старуха,— мне приказано сказать, где он, и, значит, беды не будет, коли я вам скажу. Если вы пойдете в «Сороку и Пень» и спросите в буфетной мистера Лаутена, вас проведут к нему, а он и есть клерк мистера Перкера.

Получив эти указания и узнав также, что гостиница, о которой шла речь, расположена в переулке и пользуется двумя преимуществами — находится по соседству с Клейр-маркет и вплотную примыкает к заднему фасаду Нью-Инна, мистер Пиквик и Сэм благополучно спустились по шаткой лестнице и отправились на поиски «Сороки и Пня».

Эту излюбленную таверну, освященную вечерними оргиями мистера Лаутена и его приятелей, люди заурядные назвали бы трактиром. О склонности содержателя трактира зарабатывать деньги свидетельствовал в достаточной мере тот факт, что маленькая пристройка под

окном распивочной, размером и формой слегка напоминающая портшез, была сдана башмачнику, чинившему старую обувь; а его филантропический дух проявлялся в той протекции, какую он оказывал пирожнику, который, не опасаясь помехи, продавал свои лакомства у самой двери. В нижних окнах, украшенных занавесками шафранного цвета, висело два-три печатных объявления о девонширском сидре и данцигском пиве, а большая черная доска, возвещая белыми буквами просвещенной публике о пятистах тысячах бочек портера, находящегося в погребах заведения, поселяла в уме довольно приятные сомнения и неуверенность относительно точного направления, в каком тянется в недрах земли эта гигантская пещера. Если мы добавим, что пострадавшая от непогоды вывеска хранила полустертое подобие сороки, пристально созерцающей кривую полосу коричневой краски, которую соседи научились с детства считать «пнем»,— мы скажем все, что следует сказать о внешнем виде здания.

Когда мистер Пиквик вошел в буфетную, из-за перегородки появилась пожилая особа женского пола.

— Мистер Лаутен здесь, сударыня? — осведомился у нее мистер Пиквик.

— Здесь, сэр,— ответила хозяйка.— Эй, Чарли, проводите джентльмена к мистеру Лаутену.

— Джентльмен не может войти туда сейчас,— сказал неуклюжий слуга с рыжими волосами,— потому что мистер Лаутен исполняет комические куплеты и он ему помешает. Мистер Лаутен скоро кончит, сэр.

Рыжеволосый слуга едва успел договорить, как дружные удары по столу и звон стаканов возвестили, что песня допета, и мистер Пиквик, посоветовав Сэму утешаться в буфетной, отправился вслед за слугой.

Когда было доложено о «джентльмене, который хочет говорить с вами, сэр», молодой человек с одутловатым лицом, занимавший председательское место во главе стола, посмотрел не без удивления в ту сторону, откуда раздался голос, и удивление, казалось, отнюдь не рассеялось, когда его взгляд упал на человека, которого он видел впервые.

— Прошу прощенья, сэр,— сказал мистер Пиквик,— а также очень сожалею, что помешал остальным джентль-

менам, но я пришел по весьма важному делу, и если вы разрешите мне отвлечь вас на пять минут, не покидая этой комнаты, я буду вам очень признателен.

Одутловатый молодой человек встал и, придвинув к мистеру Пиквику стул в темном углу комнаты, внимательно выслушал его печальный рассказ.

— О! — сказал он, когда мистер Пиквик умолк.— Додсон и Фогг ловко обделывают дела... превосходные дельцы Додсон и Фогг, сэр.

Мистер Пиквик признал ловкость Додсона и Фогга, а Лаутен продолжал:

— Перкера в городе нет и не будет до конца будущей недели, но если вы желаете поручить ему защиту ваших интересов, оставьте мне копию, и я приготовлю все, что нужно, до его возвращения.

— Для этого-то я и пришел сюда,— сказал мистер Пиквик, передавая бумагу.— Если случится что-нибудь важное, вы можете мне написать до востребования в Ипсуич.

— Отлично! — ответил клерк мистера Перкера, а затем, видя, что мистер Пиквик с любопытством перевел взгляд на стол, он добавил: — Не хотите ли присоединиться к нам на полчасика? Сегодня здесь собралась чудесная компания. Тут старший клерк Семкина и Грина, заведующий канцелярией у Смитерса и Прайса, делопроизводитель Пимкина и Томаса — он знает чудесную песню — и Джек Бембер, и много еще народу. Вы, кажется, вернулись недавно в город. Не хотите ли присоединиться к нам?

Мистер Пиквик не мог устоять перед столь соблазнительной возможностью изучения человеческой природы. Он позволил увлечь себя к столу, где его должным образом представили собранию и усадили рядом с председателем, после чего он заказал стакан своего любимого напитка.

Вопреки ожиданиям мистера Пиквика наступило глубокое молчание.

— Надеюсь, сэр, вас это не беспокоит? — осведомился его сосед справа, джентльмен с сигарой во рту и с мозаичными запонками в клетчатой рубашке.

— Нисколько,— ответил мистер Пиквик,— мне очень приятно, хотя я сам не курю.

— К сожалению, не могу сказать того же о себе,— вмешался другой джентльмен, сидевший напротив.— Для меня куренье — это и стол и квартира.

Мистер Пиквик взглянул на говорившего джентльмена и подумал, что было бы еще лучше, если бы оно служило ему также и умыванием.

Снова наступила пауза. Мистер Пиквик был человеком посторонним, и, очевидно, его приход подействовал угнетающе на собрание.

— Мистер Гранди сейчас порадует общество пением,— сказал председатель.

— Нет, не порадует,— сказал мистер Гранди.

— Почему? — спросил председатель.

— Потому что не может,— сказал мистер Гранди.

— Скажите лучше — не хочет,— возразил председатель.

— Ну, значит, не хочет,— отрезал мистер Гранди.

Категорический отказ мистера Гранди доставить удовольствие собравшимся вызвал новую паузу.

— Неужели никто нас не расшевелит? — уныло спросил председатель.

— Почему вы сами не расшевелите нас, председатель? — заметил сидевший в конце стола молодой человек с бакенбардами, косоглазый и с открытым воротом рубашки (грязным).

— Правильно! — крикнул джентльмен-курильщик с мозаичными украшениями.

— Потому что я знаю только одну песню, и я ее уже спел, а петь одно и то же дважды в один вечер — прекрасный повод уплатить штраф.

На это нечего было возразить, и снова воцарилось молчание.

— Я побывал сегодня вечером, джентльмены,— начал мистер Пиквик, надеясь затронуть тему, в обсуждении которой могут участвовать все присутствующие,— я побывал сегодня вечером в одном месте, которое вам всем, несомненно, прекрасно знакомо, но где я не бывал уже несколько лет и знаю о нем очень мало; я говорю о Грейз-Инне, джентльмены. Эти старинные Инны — любопытные закоулки в таком огромном городе, как Лондон.

— Клянусь Юпитером,— прошептал председатель, обращаясь через стол к мистеру Пиквику,— вы затронули тему, на которую один из нас во всяком случае готов говорить без конца. Вы развяжете язык старому Джеку Бемберу. Никто не слыхал, чтобы он говорил о чем-либо другом, он сам жил там в полном одиночестве, пока у него не помутился рассудок.

Субъект, о котором говорил Лаутен, был маленький желтый сутулый человек, которого мистер Пиквик сначала не заметил, потому что тот имел привычку сидеть сгорбившись, когда молчал. Но вот старик поднял сморщенное лицо и устремил на него серые глаза, проницательные и испытующие, и мистер Пиквик удивился, как могло такое незаурядное лицо ускользнуть хотя бы на секунду от его внимания. Напряженная мрачная улыбка не сходила с этого лица; человек сидел, опираясь подбородком на длинную костлявую руку с необычайно длинными ногтями; а когда он склонил голову набок и зорко посмотрел из-под косматых седых бровей, в его хитрой физиономии можно было уловить какое-то странное, дикое лукавство, которое производило отталкивающее впечатление.

Этот человек теперь встрепенулся и разразился неудержимым потоком слов. Но так как эта глава затянулась и так как старик был замечательной личностью, то будет более почтительно по отношению к нему и более удобно для нас предоставить ему говорить самому за себя в новой главе.

ГЛАВА XXI,

в которой старик обращается к излюбленной теме и рассказывает повесть о странном клиенте

— Так! — сказал старик, кратким описанием манер и внешности которого заканчивается предыдущая глава.— Кто говорит об Иннах?

— Я, сэр,— ответил мистер Пиквик.— Я упомянул о том, как своеобразны эти старые дома.

— *Вы!* — презрительно воскликнул старик.— Что знаете *вы* о том времени, когда молодые люди запирались в этих уединенных комнатах и читали, читали, час за часом и ночь за ночью, пока рассудок их не мутился от полуночных занятий, пока духовные силы не истощались, пока утренний свет не отказывал им в бодрости и здоровье, и они погибали, неразумно посвятив молодую энергию своим сухим старым книгам? Обратимся к более позднему времени и к совсем иной эпохе. Что знаете *вы* о медленном умирании от чахотки или о быстром угасании от нервного расстройства — об этих потрясающих результатах «жизни» и разгула, которые выпадают на долю обитателям этих самых комнат? Как вы думаете, сколько людей, тщетно моливших о милосердии, уходило с разбитым сердцем из адвокатских контор, чтобы найти успокоение в Темзе или пристанище в тюрьме? О, это не простые дома! Нет доски в этих старых, обшитых панелями стенах, которая, будь она наделена даром речи и памятью, не могла бы рассказать своей ужасной повести! Романтика жизни, сэр, романтика жизни! Быть может, теперь они и производят впечатление заурядных домов, но я вам говорю, что это странные старые дома, и я бы предпочел прослушать много легенд с устрашающими названиями, чем подлинную историю одной из этих квартир.

Было нечто столь странное в неожиданной вспышке старика и в теме, вызвавшей эту вспышку, что у мистера Пиквика не нашлось готового ответа, а старик, подавив волнение и вновь обретя хитрую усмешку, которая исчезла было во время его возбужденной речи, сказал:

— Посмотрите на них с другой точки зрения, более обыденной, и отнюдь не романтической. Какие это удивительные места, где люди подвергаются медленным пыткам! Подумайте о бедняке, растратившем все, что у него было, дошедшем до нищеты, обобравшем друзей, чтобы заняться профессией, которая не даст ему куска хлеба. Ожидание... надежда... разочарование... страх... горе... бедность... разбитые надежды и конец карьеры... быть может, самоубийство или нищета и пьянство. Разве я говорю неправду?

И старик потер руки и усмехнулся, словно радуясь, что ему удалось по-новому осветить излюбленную тему.

Мистер Пиквик с большим любопытством разглядывал старика, а остальные улыбались и помалкивали.

— Толкуют о немецких университетах,— продолжал маленький старик.— Вздор! У нас здесь романтики достаточно, даже на полмили незачем отходить, только об этом никогда не думают.

— Об этой романтике я действительно никогда еще не думал,— смеясь, сказал мистер Пиквик.

— Конечно, не думали,— отозвался маленький старик.— Как говорил мне один мой друг: «В сущности, что особенного в этих помещениях?» — «Странные старые дома»,— отвечал я. «Нисколько»,— говорил он. «Уединенные»,— продолжал я. «Ничуть не бывало»,— говорил он. Как-то утром он умер от апоплексического удара, когда собирался открыть свою выходную дверь. Он упал головой на свой собственный ящик для писем и так пролежал полтора года. Все думали, что он уехал из города.

— А как же его в конце концов нашли? — полюбопытствовал мистер Пиквик.

— Старейшины * решили взломать дверь, потому что он два года не платил за квартиру. Так и сделали. Взломали замок, и покрытый пылью скелет в синем фраке, черных коротких штанах и шелковых чулках упал в объятия швейцара, который открыл дверь. Странно! Пожалуй, довольно странно, а?

Старичок еще ниже склонил голову к плечу и с невыразимым удовольствием потер руки.

— Я знаю другой случай,— сказал старичок, когда хихиканье его постепенно стихло.— Это произошло в Клиффордс-Инне. Жилец верхнего этажа — человек дурной репутации — заперся в стенном шкафу в своей спальне и принял мышьяку. Управляющий подумал, что он сбежал, отпер его дверь и вывесил объявление. Явился другой человек, нанял квартиру, меблировал ее и переехал туда. Почему-то он не мог спать — ему было тревожно и неуютно. «Странно,— сказал он.— Устрою спальню в другой комнате, а здесь будет моя гостиная». Он произвел эту перемену и очень хорошо спал ночью, но вдруг обнаружил, что почему-то не может читать по вечерам: он

начал нервничать, беспокоиться, все время снимал нагар со свечей и осматривался по сторонам. «Ничего не понимаю»,— сказал он, когда вернулся как-то вечером из театра и пил холодный грог, прислонившись спиной к стене, чтобы не могло ему почудиться, будто кто-то стоит у него за спиной. «Ничего не понимаю»,— сказал он, и как раз в эту секунду его взгляд упал на маленький стенной шкаф, который всегда был заперт, и дрожь пробежала по всему его телу с головы до пят. «Это странное чувство я испытывал раньше,— сказал он,— я невольно думаю о том, что с этим шкафом связано что-то неладное». Он сделал над собой усилие, собрался с духом, сбил замок двумя ударами кочерги, открыл дверцу и... да, сомнений быть не могло: в углу, выпрямившись во весь рост, стоял прежний жилец, крепко сжимая в руке маленькую бутылочку, а лицо его... ну, ладно!..

Закончив рассказ, маленький старик с мрачной торжествующей улыбкой обвел глазами внимательные лица своей изумленной аудитории.

— Какие странные вещи вы рассказываете, сэр,— заметил мистер Пиквик, пристально разглядывая сквозь очки физиономию старика.

— Странные! — повторил маленький старик.— Нисколько! Вам они кажутся странными, потому что вы ничего об этом не знаете. Они забавны, но заурядны.

— Забавны! — невольно воскликнул мистер Пиквик.

— Да, забавны, не правда ли? — с дьявольской усмешкой отозвался маленький старик, а затем, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Я знал другого человека... Позвольте... сорок лет прошло с тех пор... он нанял старую, сырую, скверную квартиру в одном из самых старинных Иннов, которая много лет пустовала и стояла запертой. Пожилые женщины рассказывали множество историй об этой квартире, и ее, конечно, не назовешь веселой, но он был беден, а комнаты дешевы, и для него это было бы достаточным основанием, будь они в десять раз хуже. Ему пришлось купить кое-какую ветхую мебель, находившуюся в квартире, и между прочим огромный, громоздкий деревянный шкаф для бумаг с большими стеклянными дверцами, занавешенными изнутри. Совершенно бесполезная для него

вещь, ибо у него не было никаких бумаг, а что касается одежды, он носил ее всю на себе, и больше никаких забот она не требовала. Итак, он перевез всю свою мебель — не набралось полной подводы — и расставил ее так, чтобы казалось, будто здесь не четыре стула, а дюжина. Вечером он сидел у камина и осушал первый стакан виски из тех двух галлонов, которые взял в кредит, и размышлял о том, будет ли когда-нибудь все это оплачено, и если будет, то через сколько лет, как вдруг глаза его остановились на стеклянных дверцах деревянного шкафа. «Эх,— сказал он,— не будь я вынужден купить эту безобразную штуку, по расценке старого маклера, я мог бы приобрести что-нибудь получше за те же деньги. Я вот что тебе скажу, старина,— продолжал он громко, обращаясь к шкафу, ибо больше ему не к кому было обратиться,— если бы стоило труда разбить твой старый остов, я бы в один момент бросил тебя в камин!» Едва произнес он эти слова, как из шкафа вырвался, казалось, какой-то звук, напоминающий слабый стон. Сначала он испугался, но решив после недолгих размышлений, что, должно быть, это застонал какой-нибудь молодой человек в соседней комнате, который обедал не дома, он положил ноги на каминную решетку и поднял кочергу, чтобы размешать угли. В эту секунду звук повторился, и за стеклянной дверцей, медленно приоткрывавшейся, предстал бледный, истощенный человек в запачканном и поношенном костюме, стоявший выпрямившись в шкафу. Человек был высокий и худой, на лице его отражались озабоченность и тревога; в оттенке кожи и во всей изможденной и странной фигуре было что-то такое, чего никогда не бывает у обитателей этого мира. «Кто вы такой? — спросил новый жилец, сильно побледнев, но тем не менее взвешивая в руке кочергу и целясь прямо в лицо джентльмену.— Кто вы такой?» — «Не бросайте в меня этой кочерги,— отозвался тот.— Если вы ее швырнете, даже прицелившись метко, она свободно пройдет сквозь меня, и вся сила удара обрушится на дерево за мною. Я — дух».— «А скажите, пожалуйста, что вам здесь нужно?» — пролепетал жилец. «В этой комнате,— отвечало привидение,— свершилась моя земная гибель, здесь я и мои дети — мы нищенствовали. В этом шкафу хранились скопившиеся в течение многих лет

бумаги по одному длинному-длинному судебному процессу. В этой комнате, когда я умер от горя и отчаяния, два коварных хищника поделили богатства, за которые я боролся на протяжении всей своей жалкой жизни, и ни одного фартинга не досталось моему несчастному потомству. Я их запугал и прогнал отсюда и с тех пор скитался по ночам — только по ночам я могу возвращаться на землю — в тех местах, где так долго бедствовал. Это помещение мое,— оставьте его мне».— «Если вы так твердо решили явиться сюда,— сказал жилец, который успел прийти в себя во время этой невеселой речи призрака,— я с величайшим удовольствием откажусь от своих прав, но, с вашего разрешения, мне бы хотелось задать вам один вопрос».— «Задавайте»,— сурово отозвалось привидение. «Видите ли,— сказал жилец,— я не отношу этого замечания к вам лично, так как оно в равной мере относится к большинству привидений, о которых я когда-либо слышал, но я считаю нелепым, что теперь, когда у вас есть возможность посещать чудеснейшие уголки земного шара — ибо, я полагаю, пространство для вас ничто,— вы неизменно возвращаетесь как раз в те самые места, где были особенно несчастливы».— «Ей-богу, это совершенно верно, я никогда об этом не думал»,— сказал призрак. «Видите ли, сэр,— продолжал жилец,— это очень неудобная комната. Судя по внешнему виду этого шкафа, я склонен предположить, что в нем водятся клопы, и, право же, я думаю, что вы могли бы найти гораздо более комфортабельное помещение, не говоря уже о лондонском климате, который чрезвычайно неприятен».— «Вы совершенно правы, сэр,— вежливо сказал призрак,— раньше мне это никогда не приходило в голову, я немедленно испробую перемену климата». И действительно, он начал испаряться в то время, как говорил; ноги его совсем уже исчезли. «И если, сэр,— крикнул ему вдогонку жилец,— вы будете так добры и намекнете другим леди и джентльменам, которые в настоящее время обитают в старых пустых домах, что они могли бы устроиться гораздо удобнее в каком-нибудь другом месте, вы окажете великое благодеяние обществу».— «Я это сделаю,— ответил призрак,— должно быть, мы в самом деле тупы, очень тупы. Не понимаю, как мы могли быть такими дураками». С этими словами

призрак исчез. И вот что замечательно,— добавил старик, зорким взглядом окинув сидевших за столом,—с тех пор он ни разу не возвращался.

— Неплохо, если это правда,— сказал человек с мозаичными запонками, закуривая новую сигару.

— *Если!* — с чрезвычайным презрением воскликнул старик.— Пожалуй,— добавил он, обращаясь к Лаутену,— он скажет, что и мой рассказ о странном клиенте, который был у нас, когда я служил у поверенного, тоже выдумки... Я бы не удивился.

— Об этом я ничего не рискну сказать, потому что никогда не слышал этого рассказа,— заметил владелец мозаичных украшений.

— Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали эту историю, сэр,— сказал мистер Пиквик.

— Ах, расскажите! — подхватил Лаутен.— Никто ее не слышал, кроме меня, а я ее почти забыл.

Старик окинул взглядом слушателей и усмехнулся еще страшнее, чем раньше, как бы торжествуя при виде того внимания, какое отразилось на всех лицах. Затем, потирая рукой подбородок и созерцая потолок словно для того, чтобы освежить воспоминания, он начал следующий рассказ:

«РАССКАЗ СТАРИКА О СТРАННОМ КЛИЕНТЕ

— Для вас не имеет значения,— начал старик,— где и когда я узнал эту краткую историю. Если бы я стал излагать ее в том порядке, в каком она до меня дошла, я должен был бы начать с середины и, рассказав до конца, вернуться к началу. Достаточно сказать, что кое-какие события произошли на моих глазах. Что же касается остальных, то мне известно, что они действительно случились и еще живы многие, кто помнит их слишком хорошо.

На Хай-стрит в Боро, близ церкви Сент Джорджа, и по той же стороне, находится, как почти всем известно, самая маленькая из наших долговых тюрем — Маршелси. Хотя в наше время она резко отличается от той клоаки, какою некогда была, но и в усовершенствованном виде она представляет мало соблазна для людей расточительных и мало утешения для непредусмотрительных. Осуж-

денный преступник пользуется в Ньюгете * таким же хорошим двором для прогулок на свежем воздухе, как и несостоятельный должник в тюрьме Маршелси [1].

Моя ли это фантазия, или я не могу отделить это место от старых воспоминаний, с ним связанных, но эту часть Лондона я не выношу. Улица широкая, магазины просторные, грохот проезжающих экипажей, шаги людей, движущихся непрерывным потоком,— все звуки оживленного уличного движения слышны здесь с утра до полуночи. Но прилегающие улицы грязны и узки; бедность и разврат гноятся в густо населенных переулках; нужда и несчастье загнаны в тесную тюрьму; кажется, по крайней мере мне, будто облако печали и уныния нависло над этим местом и оно стало каким-то нездоровым и убогим.

Многие из тех, чьи глаза давно уже сомкнулись в могиле, взирали на эту картину довольно легкомысленно, когда в первый раз входили в ворота старой тюрьмы Маршелси, ибо отчаяние редко сопутствует первому жестокому удару судьбы. Человек питает доверие к друзьям, еще не испытанным, он помнит многочисленные предложения услуг, столь щедро рассыпавшиеся его веселыми приятелями, когда он в этих услугах не нуждался, у него есть надежда, вызванная счастливым неведением, и как бы ни согнулся он от первого удара, она вспыхивает в его груди и расцветает на короткое время, пока не увянет под тяжестью разочарования и пренебрежения. Как скоро начинали эти самые глаза, глубоко ушедшие в орбиты, освещать лица, изможденные от голода и пожелтевшие от тюремного заключения, в те дни, когда должники гнили в тюрьме, не надеясь на освобождение и не чая свободы! Жестокость неприкрашенная больше не существует, но ее осталось достаточно, чтобы порождать события, от которых сердце обливается кровью.

Двадцать лет назад этот тротуар топтали женщина и ребенок, которые день за днем, неизменно, как наступление утра, появлялись у ворот тюрьмы; часто после ночи, проведенной в тревожном унынии и беспокойном

---

[1] Лучшим. Но так было в прошлом, в лучшие времена, а ныне и тюрьмы этой не существует. *(Прим. автора к одному из позднейших изданий.)*

раздумье, приходили они на целый час раньше положенного времени, и тогда молодая мать, покорно уходя, вела ребенка к старому мосту и, взяв его на руки, чтобы показать сверкающую воду, окрашенную светом утреннего солнца и оживленную теми суетливыми приготовлениями к работе, какие начинались на реке в этот ранний час, старалась занять его мысли находившимися перед ним предметами. Но скоро она опускала его на землю и, закрыв лицо платком, давала волю слезам, которые слепили ей глаза; ни любопытства, ни радости не отражалось на худом и болезненном личике ребенка. Его воспоминания были довольно скудны и однообразны, все они связаны были с бедностью и горем его родителей. Часами просиживал он у матери на коленях и с детским участием следил, как слезы катятся по ее лицу, а потом забивался тихо в какой-нибудь темный угол, сам плакал и засыпал в слезах. Суровая реальность жизни со многими ее наихудшими лишениями — голодом и жаждой, холодом и нуждой — открылась ему на заре его жизни, когда разум его только пробудился; и хотя на вид он оставался ребенком, но он не знал детской беспечности, веселого смеха, и глаза его были тусклы.

Отец и мать смотрели на него и друг на друга, не смея выразить словами мучительной мысли. Здоровый, сильный человек, который мог вынести чуть ли не любые тяготы, связанные с физическим трудом, хирел в заключении в нездоровой атмосфере тюрьмы, переполненной людьми. Слабая и хрупкая женщина чахла под двойным бременем телесных и душевных страданий. Юное сердце ребенка надрывалось.

Пришла зима, и с нею — неделя холодных проливных дождей. Бедная женщина переселилась в жалкую комнату неподалеку от места заключения мужа, и хотя к этой перемене привела нищета, женщина была теперь счастлива, потому что находилась ближе к нему. В течение двух месяцев она и ее маленький спутник являлись, по обыкновению, к открытию ворот. Однажды она не пришла — в первый раз. Настал следующий день, и она пришла одна. Ребенок умер.

Мало знают те, кто хладнокровно говорит о тяжелых утратах бедняка как о счастливом освобождении от мук

для умершего и благодетельном избавлении от расходов для оставшихся в живых,— повторяю, мало знают они о том, сколь мучительны такие утраты. Безмолвный взгляд, говорящий о любви и заботе, когда все остальные холодно отворачиваются, сознание, что мы владеем сочувствием и любовью одного существа, когда все остальные нас покинули, являются стержнем, опорой, утешением в глубочайшей скорби, которых не оплатят никакие сокровища и не подарит никакая власть. Ребенок просиживал часами у ног родителей, обратив к ним худое, бледное личико и терпеливо сложив маленькие ручки. Они видели, как он таял с каждым днем, и хотя его недолгая жизнь была жизнью безрадостной и теперь он обрел тот мир и покой, которых он, ребенок, никогда не ведал на земле,— они были его родителями, и его смерть глубоко ранила их души.

Тем, кто видел изменившееся лицо матери, было ясно, что смерть скоро должна положить конец ее скорби и испытаниям. Тюремные товарищи мужа не пожелали докучать ему в его страданиях и горе и предоставили ему одному маленькую камеру, которую он раньше занимал вместе с двумя заключенными. Женщина поселилась здесь с ним и, влача жизнь без боли, но и без надежды, медленно угасала.

Однажды вечером она потеряла сознание в объятиях мужа, а он перенес ее к открытому окну, чтобы воздух ее оживил, и тогда лунный свет, падавший прямо ей в лицо, открыл ему происшедшую в ней перемену, и, словно беспомощный ребенок, он зашатался под тяжестью своей ноши.

— Помоги мне сесть, Джордж,— слабым голосом сказала она.

Он повиновался, сел рядом с нею, закрыл лицо руками и заплакал.

— Очень тяжело покидать тебя, Джордж,— сказала она,— но такова воля божия, и ты должен это вынести ради меня. О, как я ему благодарна за то, что он взял нашего мальчика! Он счастлив, теперь он на небе. Что делал бы он здесь без матери!

— Ты не умрешь, Мэри, не умрешь! — вскакивая с места, воскликнул муж.

Он быстро зашагал по комнате, колотя кулаками по голове, потом снова сел рядом с ней и, поддерживая ее в своих объятиях, добавил более спокойно:

— Ободрись, моя дорогая. Прошу, умоляю тебя. Ты еще вернешься к жизни.

— Никогда, Джордж, никогда,— сказала умирающая.— Пусть только меня положат рядом с моим бедным мальчиком, но обещай мне, что, если ты когда-нибудь покинешь это ужасное место и разбогатеешь, ты перенесешь нас далеко-далеко, очень далеко отсюда, на какое-нибудь тихое деревенское кладбище, где мы можем покоиться в мире. Дорогой Джордж, обещай мне это!

— Обещаю, обещаю! — сказал муж, в отчаянии бросаясь перед ней на колени.— Скажи мне, Мэри, еще хоть слово. Один взгляд, один только взгляд!

Он умолк, ибо рука, обвивавшая его шею, отяжелела. Глубокий вздох вырвался из обессиленного тела, губы зашевелились, и лицо озарилось улыбкой; но губы были бледны, и улыбка застыла, напряженная и страшная. Он остался один на свете.

Ночью, в молчании и уединении своей жалкой камеры, несчастный муж опустился на колени перед телом жены и призвал бога в свидетели страшной клятвы: начиная с этого часа он посвящал себя мщению за ее смерть и смерть своего ребенка, начиная с этого часа и до последнего мгновения жизни все силы его будут направлены к достижению этой единственной цели, его мщение будет длительным и ужасным, его ненависть будет вечной и неугасимой и будет гнаться за своей жертвой по всей земле.

Глубокое отчаяние и страсть, вряд ли человеческая, произвели такие ужасные изменения в его лице и фигуре, что его товарищи по несчастью в страхе отпрянули от него, когда он проходил мимо. Глаза его налились кровью, лицо было мертвенно бледно, спина сгорблена, словно от старости. В жестокой душевной муке он чуть не насквозь прокусил нижнюю губу, и кровь, хлынувшая из раны, стекла по подбородку и запятнала рубашку и шейный платок. Ни одной слезы, ни одной жалобы он не проронил; но блуждающий взгляд и суетливая торопливость, с какою он шагал взад и вперед по двору, указывали на жар, его сжигавший.

Тело его жены было приказано унести немедленно из тюрьмы. Он принял это известие с полным спокойствием и признал его целесообразность. Почти все обитатели тюрьмы собрались, чтобы присутствовать при выносе; они расступились, когда появился вдовец; он поспешно прошел вперед и остановился, один, на маленькой огороженной площадке у ворот, откуда отступила толпа, руководимая инстинктивным чувством деликатности. Дешевый гроб медленно пронесли на плечах. Толпой владело мертвое молчание, нарушаемое только сетованиями женщин и шарканьем о каменную мостовую ног носильщиков. Они достигли того места, где стоял осиротелый муж, и остановились. Он положил руку на гроб, машинально поправил пелену, покрывавшую его, и дал знак идти дальше. Тюремные сторожа сняли шапки, когда гроб поровнялся с ними, и через секунду тяжелые ворота закрылись за ним. Муж рассеянно взглянул на толпу и рухнул на землю.

Хотя на протяжении многих последующих недель он днем и ночью бился в жесточайшей горячке и в бреду, но сознание понесенной утраты и воспоминание о данной клятве не покидали его ни на миг. Картины мелькали перед его глазами, одно место сменялось другим, и события следовали за событиями со всей быстротою горячечного бреда; но все они были так или иначе связаны с его единой великой целью. Он плыл по беспредельному морю; над ним кроваво-красное небо; сердитые волны, вздымаясь в бешенстве, вскипают и надвигаются с обеих сторон. Впереди вторсе судно, с трудом идет оно в ревущем шторме, его рваные паруса развеваются, как ленты, на мачтах, а на палубе теснятся люди, привязанные к поручням, через которые перекатываются каждое мгновенье гигантские волны, унося обреченных в пенящееся море. Заднее судно несется среди ревущих валов, с быстротой и силой, которым ничто не может противостоять, и, врезавшись в корму переднего судна, разбивает его своим килем. Из чудовищной воронки, образовавшейся на месте затонувшего судна, вырывается вопль, такой громкий и пронзительный,— предсмертные крики тонущих, слившиеся в неистовый вой,— что заглушает боевой клич стихии и прокатывается долгим эхом, которое, казалось, прорезает воздух, небо и океан. Но что это там — эта

старая, седая голова, которая показалась над водой и, бросая отчаянные взгляды и взывая о помощи, борется с волнами? Один взгляд — и он прыгает за борт судна и, сильными взмахами рук рассекая воду, плывет к ней. Он приближается к ней, настигает ее. Это — лицо *того* человека. Старик заметил его приближение и тщетно пытается от него ускользнуть. Но он крепко схватывает его и влечет ко дну. Вниз, вниз вместе с ним, на глубину трехсот футов; борьба все слабее, слабее и, наконец, прекращается. Старик мертв — он убил его и сдержал свою клятву.

Босой и одинокий, идет он по раскаленным пескам необъятной пустыни. Песок душит его и слепит глаза, мелкие песчинки проникают в поры кожи и доводят почти до безумия. Гигантские массы песка, гонимые ветром и насквозь пронизанные лучами палящего солнца, вздымаются вдали, подобно огненным колоннам. Кости людей, погибших в ужасной пустыне, валяются у его ног, зловещий свет озаряет все вокруг; сколько хватает глаз, все внушает ужас и страх. В отчаянии он тщетно пытается вскрикнуть, но язык прилип к гортани, и вне себя он бросается вперед. Наделенный сверхъестественной силой, он бредет по песку, пока не падает без чувств на землю, измученный усталостью и жаждой. Какая ароматическая свежесть оживила его, что это за журчанье? Вода! Да, это источник, и чистый, прохладный ручей струится у его ног. Он пьет с жадностью, его ноющее тело отдыхает на берегу, и он погружается в блаженное забытье. Приближающиеся шаги заставляют его очнуться. Седой старик, шатаясь, идет утолить невыносимую жажду. Опять это он! Он обвивает руками тело старика и не пускает его. Тот борется и пронзительно кричит, умоляя дать воды, одну каплю воды, для спасения жизни! Но он крепко держит старика и жадно следит за его агонией, и когда голова его безжизненно поникла на грудь, он ногами отталкивает от себя труп.

Когда горячка прошла и сознание вернулось к нему, он узнал, что богат и свободен, узнал, что отец, который мог обречь его на смерть в тюрьме,— *мог!* — который *обрек* тех, кто был его сыну дороже жизни, на смерть от нищеты и той болезни сердца, какой не врачует ни одно

лекарство,— отец был найден мертвым на своих пуховиках. У него хватило бы духу оставить сына нищим, но он был так горд своим здоровьем и силой, что считал преждевременным писать завещание, а теперь было слишком поздно, и в ином мире он мог скрежетать зубами, думая о богатстве, которое по его оплошности досталось сыну.

Он очнулся, чтобы узнать это, но и не только это: вспомнил цель, ради которой он жил, вспомнил, что его врагом был родной отец его жены — человек, бросивший его в тюрьму и прогнавший от своей двери дочь с ребенком, когда они у ног его молили о милосердии. О, как проклинал он слабость, которая препятствовала ему встать и немедленно приступить к мщению!

Он распорядился, чтобы его увезли из того места, которое было свидетелем его утраты и скорби, и отправили в тихий уголок на морском берегу; он не надеялся обрести душевный мир или счастье, ибо и то и другое улетело навеки, он хотел восстановить утраченные силы и обдумать лелеемый им план. И вот здесь какой-то злой дух предоставил ему случай для осуществления его первой и самой страшной мести.

Стояло лето; погруженный в мрачные мысли, он выходил в ранний вечерний час из своего уединенного жилища, пробирался узкой тропинкой под утесами к дикому и пустынному месту, которое понравилось ему во время его бесцельных прогулок, садился на какой-нибудь сорвавшийся обломок скалы и, закрыв руками лицо, просиживал здесь часами, пока не спускалась ночь и длинные тени утесов над его головой не окутывали густым черным мраком все окружающее.

Как-то в тихий вечер он сидел здесь в обычной своей позе, изредка поднимая голову, чтобы проследить полет чайки или бросить взгляд на великолепную алую тропу, которая, начинаясь на поверхности океана, уводила, казалось, к самому горизонту, где закатывалось солнце, как вдруг глубокую тишину нарушил громкий крик о помощи; он прислушался, не обманул ли его слух, но крик повторился, крик еще более громкий, чем раньше, и, вскочив, он поспешил в ту сторону, откуда неслись звуки.

С первого взгляда все стало ясно: на берегу было брошено платье, на небольшом расстоянии от берега над волнами едва виднелась голова человека, вдоль берега метался какой-то старик, в отчаянии ломая руки и взывая о помощи. Больной, чье здоровье уже было в значительной мере восстановлено, разделся и ринулся к морю, собираясь броситься в воду и вытащить утопающего на берег.

— Поспешите, сэр, ради господа бога, помогите, помогите, сэр, во имя неба! Это мой сын, сэр, мой единственный сын! — воскликнул вне себя старик, бросаясь ему навстречу.— Мой единственный сын, сэр, и он гибнет на глазах отца.

При первом же слове старика незнакомец остановился и, скрестив руки, застыл на месте.

— О боже! — закричал старик, отпрянув.— Хейлинг!

Незнакомец улыбнулся, но не издал ни звука.

— Хейлинг! — взволнованно заговорил старик.— Хейлинг, смотрите, смотрите — мой дорогой мальчик!

Задыхаясь, несчастный отец указал на то место, где юноша вел борьбу со смертью.

— Слушайте! — сказал старик.— Он опять вскрикнул. Он еще жив. Хейлинг, спасите его, спасите!

Незнакомец снова улыбнулся и стоял неподвижный, как статуя.

— Я причинил вам зло! — кричал старик, падая на колени и ломая руки.— Отомстите мне, возьмите у меня все, возьмите мою жизнь, бросьте меня в воду у ваших ног, и если человеческая природа может отказаться от борьбы, я умру, не пошевельнув ни рукой, ни ногой! Сделайте это, Хейлинг, сделайте это, но спасите моего мальчика, он так молод, Хейлинг, слишком молод, и должен умереть!

— Слушайте! — сказал Хейлинг, в бешенстве схватив старика за руку.— Мне нужна жизнь за жизнь, и вот я дождался. Мой ребенок умер на глазах своего отца, и его смерть была тяжелее и мучительнее той, какую встретит сейчас, пока я говорю, этот юноша, порочивший честь своей сестры. Вы смеялись — смеялись в лицо своей дочери, когда смерть уже простерла над нею свою руку, тогда вы смеялись над нашими страданиями. Что вы о них думаете теперь? Смотрите туда!

С этими словами незнакомец указал на море. Слабый крик замер над водой; последняя отчаянная борьба утопающего взволновала зыбь на несколько секунд, и того места, где он опустился в свою безвременную могилу, нельзя было отыскать на поверхности воды.

Спустя три года какой-то джентльмен вышел из собственного экипажа у двери лондонского поверенного, который в те времена пользовался репутацией человека не слишком щепетильного в своей профессиональной практике, и потребовал свидания по важному делу. Хотя джентльмен был, по-видимому, еще не стар, но лицо у него было бледное, изможденное и мрачное, и не требовалось острой наблюдательности дельца, чтобы заметить с первого же взгляда, что болезнь или страдание изменили его внешность сильнее, чем могла бы изменить рука времени за период, вдвое превышавший его возраст.

— Я хочу поручить вам ведение дела,— сказал незнакомец.

Поверенный раболепно поклонился и взглянул на большой сверток, который был в руке джентльмена. Посетитель заметил этот взгляд и продолжал:

— Дело необычное, и эти бумаги очутились у меня в руках ценою многих хлопот и больших издержек.

Поверенный поглядел на сверток с еще большим любопытством, а посетитель, развязав веревку, показал ему пачку долговых обязательств с копиями разных документов и другие бумаги.

— На этих бумагах,— сказал клиент,— человек, чье имя здесь значится, нажил, как вы увидите, много денег на протяжении нескольких лет. Существовало молчаливое соглашение между ним и теми, в чьи руки первоначально попали эти бумаги и у кого я постепенно их скупил, уплатив втрое и вчетверо больше номинальной стоимости,— существовало соглашение, сводившееся к тому, что обязательства эти будут время от времени возобновляться в течение определенного срока. Это соглашение нигде не занесено на бумагу. За последнее время должник понес большие потери, и необходимость уплатить сразу по всем обязательствам явится для него сокрушающим ударом.

— Общая сумма равняется многим тысячам фунтов,— заметил поверенный, просматривая бумаги.

— Да,— подтвердил клиент.

—. Что же мы предпримем? — осведомился делец.

— Что предпримем? — неожиданно воспламеняясь, воскликнул клиент.— Приведем в движение все колеса закона, прибегнем ко всем уловкам, какие изобретательность может придумать, а подлость — осуществить, прибегнем к средствам честным и бесчестным, к открытому нажиму на закон, подкрепленному всеми ухищрениями самых хитроумных его исполнителей. Я хочу, чтобы его смерть сопровождалась страшной и длительной агонией. Разорите его, захватите и продайте все его движимое и недвижимое имущество, выгоните его из дому и родного гнезда, заставьте нищенствовать на старости лет и умереть в тюрьме!

— Но издержки, мой дорогой сэр, связанные с этим издержки! — возразил поверенный, оправившись от изумления.— Если ответчик окажется нищим, кто оплатит издержки, сэр?

— Назовите любую сумму,— ответил незнакомец,— рука у него так сильно дрожала от волнения, что он едва мог удержать перо, которое схватил,— любую сумму, и вы ее получите. Не бойтесь назвать ее. Мне она не покажется чрезмерной, если вы достигнете цели.

Поверенный назвал наугад большую сумму — аванс, необходимый для того, чтобы обеспечить себя на случай проигрыша дела, но скорее с целью удостовериться, далеко ли думает зайти его клиент, чем в надежде на то, что он удовлетворит требование. Незнакомец выписал на своего банкира чек на всю сумму и удалился.

Чек был оплачен, и поверенный, убедившись, что на странного клиента можно вполне положиться, принялся за дело всерьез. В течение следующих двух лет Хейлинг целыми днями просиживал в конторе, изучая бумаги, по мере того как они накапливались, и с глазами, сверкающими от радости, перечитывал снова и снова письма с протестами, мольбы о небольшой отсрочке, указания на неизбежное разорение, грозившее противной стороне,— письма, которые притекали потоком, когда начались тяжба за тяжбой и процесс за процессом. На все просьбы о нич-

тожном снисхождении ответ был один: деньги должны быть уплачены. Земля, дом, мебель — все по очереди было отобрано по многочисленным исполнительным листам, и самого старика заключили бы в тюрьму, не ускользни он от бдительности судебных исполнителей и не обратись в бегство.

Неумолимая злоба Хейлинга, отнюдь не утоленная успехом преследования, усилилась во сто крат после вызванного им разорения. Когда ему сообщили о бегстве старика, ярость его была безгранична. Он в бешенстве скрежетал зубами, рвал на себе волосы и осыпал страшными проклятиями людей, которым было поручено произвести арест. Его удалось кое-как успокоить только повторными уверениями, что беглец несомненно будет найден. Агенты были разосланы на поиски во всех направлениях, прибегли ко всем уловкам, какие только можно было изобрести с целью обнаружить его убежище, но все было тщетно. Прошло полгода, а его все еще не нашли.

Однажды поздним вечером Хейлинг, которого нигде не видно было в течение многих недель, явился на квартиру своего поверенного и приказал доложить, что джентльмен желает видеть его немедленно. Не успел поверенный, который с верхней площадки лестницы узнал его голос, распорядиться, чтобы его впустили, как он уже взбежал по лестнице и вошел в приемную, бледный и задыхающийся. Закрыв дверь, чтобы их не подслушали, он опустился на стул и сказал, понизив голос:

— Тише! Наконец-то я его нашел.

— Неужели? — воскликнул поверенный.— Прекрасно, дорогой сэр!

— Он скрывается в жалкой лачуге в Кемден-Тауне,— сказал Хейлинг.— Пожалуй, это хорошо, что мы потеряли его из виду, так как все это время он жил там один, в жестокой нищете, он беден, очень беден.

— Отлично,— сказал поверенный.— Конечно, вы хотите, чтобы его арестовали завтра?

— Да,— ответил Хейлинг.— Позвольте! Нет! Послезавтра. Вы удивляетесь, что я хочу это отложить,— добавил он с мрачной улыбкой,— но я совсем забыл. Послезавтра годовщина одного события в его жизни, пусть это совершится послезавтра.

— Отлично,— сказал поверенный.— Быть может, вы сообщите полицейскому чиновнику?

— Нет. Мы встретимся с ним здесь в восемь часов вечера, я отправлюсь вместе с ним.

Они встретились в назначенный вечер и, наняв карету, приказали кучеру остановиться на том углу старой Пенкрес-роуд, где находится приходский работный дом. Когда они приехали туда, уже совсем стемнело; пройдя вдоль глухой стены перед Ветеринарным госпиталем, они свернули в маленькую боковую улицу, которая называется, или в то время называлась, Литтл Колледж-стрит, и какой бы ни была она теперь, но в те дни являлась довольно жалкой улицей, окруженной полями и канавами.

Надвинув на глаза дорожную шляпу и завернувшись в плащ, Хейлинг остановился перед самым жалким домом на этой улице и тихо постучал в дверь. Ее тотчас же открыла женщина, которая, узнав его, сделала реверанс, а Хейлинг, шепотом приказав полицейскому чиновнику остаться внизу, осторожно поднялся по лестнице и, открыв дверь комнаты, выходящей на улицу, быстро вошел.

Тот, кого он искал и так ненавидел — теперь это был дряхлый старик,— сидел за простым сосновым столом, на котором стояла жалкая свеча. Старик вздрогнул, когда вошел незнакомец, и с трудом встал.

— Что еще? — спросил он.— Еще какая-нибудь беда? Что вам нужно.

— Сказать *вам* несколько слов,— ответил Хейлинг.

С этими словами он присел к другому концу стола и, сняв плащ и шляпу, повернулся лицом к старику.

Старик, казалось, мгновенно лишился дара речи. Он откинулся на спинку стула и, сжимая руки, смотрел на посетителя с отвращением и страхом.

— Сегодня,— сказал Хейлинг,— исполнилось шесть лет с тех пор, как я потребовал от вас жизнь, которую вы должны были отдать мне за жизнь моего ребенка. Старик! Над бездыханным телом вашей дочери я поклялся посвятить свою жизнь мести. Я не уклонялся от этого намерения ни на мгновенье, но если бы уклонился, одно воспоминание об ее покорном страдальческом взгляде, когда она умирала, или об изможденном лице невинного ребенка придало бы мне сил для осуществления замысла. Мой пер-

вый акт отмщения вы помните хорошо, сегодня — последний.

Старик задрожал, и руки его бессильно опустились.

— Завтра я покидаю Англию,— продолжал Хейлинг после краткой паузы.— С сегодняшней ночи вы будете заживо погребены в той самой могиле, на которую обрекли ее... в тюрьме, без надежды покинуть...

Он взглянул на старика и умолк. Поднес свечу к его лицу, осторожно поставил ее на стол и вышел из комнаты.

— Вы бы наведались к старику,— сказал он женщине и, открыв дверь, дал знак чиновнику идти вслед за ним на улицу.— Мне кажется, он болен.

Женщина закрыла дверь, быстро взбежала по лестнице и нашла старика бездыханным.

Под простой могильной плитой, на одном из самых мирных и уединенных кладбищ Кента, где полевые цветы пестреют в траве и спокойный пейзаж обрамляет прекраснейший уголок в саду Англии, покоятся останки молодой матери и ее кроткого ребенка. Но прах отца не смешался с их прахом, и, начиная с той ночи, поверенный не мог добыть никаких сведений о дальнейшей судьбе своего странного клиента».

Закончив рассказ, старик подошел к вешалке в углу, снял свою шляпу и пальто, надел их с величайшим спокойствием и, не прибавив больше ни слова, медленно удалился. Так как джентльмен с мозаичными запонками заснул, а большая часть присутствующих увлеклась веселой забавой — капала ему в грог сало с подтаявшей свечи, то мистер Пиквик вышел, никем не замеченный, и, расплатившись за себя и за мистера Уэллера, покинул вместе с этим джентльменом обитель «Сороки и Пня».

ГЛАВА XXII

Мистер Пиквик едет в Ипсуич и наталкивается на романтическое приключение с леди средних лет в желтых папильотках

— Это и есть багаж твоего хозяина, Сэмми? — осведомился мистер Уэллер у своего любящего сына, когда тот явился во двор гостиницы «Бык» в Уайтчепле, с дорожным саком и небольшим чемоданом.

— Догадка хоть куда, могла быть хуже, старина, — отвечал мистер Уэллер-младший, складывая свою ношу на дворе и усаживаясь на нее.— Сейчас прибудет и сам хозяин.

— Должно быть, едет в кэбе? — предположил отец.

— Да, две мили опасностей по восьми пенсов за милю,— дал ответ сын.— Как поживает сегодня мачеха?

— Чудно́, Сэмми, чудно́,— с внушительной серьезностью ответил старший мистер Уэллер.— За последнее время она вроде как в методистский орден * записалась, Сэмми, и она на редкость благочестива, уж это верно. Она

слишком хороша для меня, Сэмми. Я чувствую, что я ее не заслуживаю.

— Вот как! — сказал мистер Сэмюел.— Это очень самоотверженно с вашей стороны.

— Очень,— со вздохом подтвердил его родитель.— Она ухватилась за какую-то выдумку, будто взрослые люди рождаются снова, Сэмми; новое рождение,— так, кажется, это у них называется. Очень бы мне хотелось посмотреть, как эта система работает, Сэмми. Очень бы мне хотелось видеть новое рождение твоей мачехи. Уж я бы ее спровадил к кормилице!

— Как ты думаешь, что эти женщины устроили на днях? — продолжал мистер Уэллер после непродолжительного молчания, в течение которого он многозначительно постукивал себя указательным пальцем по носу.— Как ты думаешь, что они устроили на днях, Сэмми?

— Не знаю,— ответил Сэм.— А что?

— Собрались и устроили большое чаепитие для одного молодца, которого называют своим пастырем,— сказал мистер Уэллер.— Я стоял и глазел у нашей лавочки с картинками, вдруг вижу маленькое объявление: «Билеты — полкроны. Со всеми заявлениями обращаться в комитет. Секретарь миссис Уэллер». А когда пришел домой, вижу — этот комитет заседает у нас в задней комнате. Четырнадцать женщин. Ты бы их послушал, Сэмми! Выносили резолюции, голосовали смету, и всякая такая потеха. Ну, тут твоя мачеха пристала, чтобы и я пошел, да я и сам думал, что надо идти, увижу диковинные вещи, я и записался на билет. В пятницу вечером, в шесть часов, я нарядился, и мы отправились со старухой; поднимаемся на второй этаж, там стол накрыт на тридцать человек и целая куча женщин, начинают шептаться и глазеть на меня, словно никогда не видывали довольно плотного джентльмена лет пятидесяти восьми. Сидим. Вдруг поднимается суматоха на лестнице, вбегает долговязый парень с красным носом и в белом галстуке и кричит: «Се грядет пастырь навестить свое верное стадо!» — и входит жирный молодец в черном, с широкой белой физиономией, улыбается — прямо циферблат. Ну, и пошла потеха, Сэмми! «Поцелуй мира»,— говорит пастырь и пошел целовать женщин всех подряд, а когда кончил, за дело принялся

красноносый. Только я подумал, не начать ли и мне,— нужно сказать, со мной рядом сидела очень приятная леди,— как вдруг появляется твоя мачеха с чаем,— она внизу кипятила чайник. За дело принялись не на шутку. Какой оглушительный гомон, Сэмми, пока заваривали чай, какая молитва перед едой, как ели и пили! А поглядел бы ты, как пастор набросился на ветчину и пышки! В жизни не видал такого мастера по части еды и питья... никогда не видал! Красноносый тоже был не из тех, кого выгодно нанять за харчи, но куда ему до пастыря! Ну, напились чаю, спели еще гимн, и пастырь начал проповедь, и очень хорошо проповедовал, если вспомнить, как он набил себе живот пышками. Вдруг он приосанился да как заорет: «Где грешник? Где жалкий грешник?» Тут все женщины воззрились на меня и давай стонать, точно вот-вот помрут. Довольно-таки странно, но я все-таки молчу. Вдруг он снова приосанивается, смотрит на меня во все глаза и говорит: «Где грешник? Где жалкий грешник?» А все женщины опять застонали, в десять раз громче. Я тогда малость рассвирепел, шагнул вперед и говорю: «Друг мой, говорю, это замечание вы сделали на мой счет?» Вместо того чтобы извиниться, как полагается джентльмену, он начал браниться еще пуще: назвал меня сосудом, Сэмми, сосудом гнева и всякими такими именами. Тут кровь у меня, регулярно, вскипела, и сперва я влепил две-три оплеухи ему самому, потом еще две-три для передачи красноносому, с тем и ушел. Послушал бы ты, Сэмми, как визжали женщины, когда вытаскивали пастыря из-под стола... Ба! А вот и командир, в натуральную величину!

В это время мистер Пиквик вышел из кэба и вошел во двор.

— Славное утро, сэр,— сказал мистер Уэллер-старший.

— И в самом деле прекрасное,— отозвался мистер Пиквик.

— И в самом деле прекрасное,— подхватил рыжеволосый человек с пытливым носом и синими очками, который выкарабкался из другого кэба одновременно с мистером Пиквиком.— В Ипсуич, сэр?

— Да,— ответил мистер Пиквик.

— Необычайное совпадение. Я тоже.

Мистер Пиквик поклонился.

— Наружное место? — спросил рыжеволосый.

Мистер Пиквик снова поклонился.

— Ах, боже мой, вот удивительно — у меня тоже наружное! — сказал рыжеволосый.— Решительно мы едем вместе!

И рыжеволосый субъект внушительного вида, востроносый, обладавший привычкой загадочно выражаться и птичьей манерой вскидывать голову после каждой произнесенной фразы, улыбнулся, словно сделал одно из удивительнейших открытий, какие когда-либо выпадали на долю мудреца.

— Меня радует перспектива путешествовать в вашем обществе, сэр,— сказал мистер Пиквик.

— Ах! Это очень приятно для нас обоих, не так ли? — отозвался вновь прибывший.— Общество, видите ли... общество — это... это совсем не то, что одиночество, не правда ли?

— Этого никак нельзя отрицать,— с приветливой улыбкой вмешался в разговор мистер Уэллер.— Это я называю истиной, не требующей доказательств, как заметил продавец собачьего корма, когда служанка сказала ему, что он не джентльмен.

— Что? — спросил рыжеволосый, высокомерно окинув взглядом мистера Уэллера с головы до ног.— Ваш друг, сэр?

— Не совсем так,— понизив голос, ответил мистер Пиквик.— Дело в том, что это мой слуга, но я ему разрешаю многие вольности, ибо, говоря между нами, мне приятно думать, что он — оригинал, и я, пожалуй, горжусь им.

— Ах так...— отозвался рыжеволосый.— Это, видите ли, дело вкуса. Я не любитель оригинального. Мне оно не нравится, не вижу никакой необходимости в нем. Ваше имя, сэр?

— Вот моя карточка, сэр,— ответил мистер Пиквик, которого очень позабавил этот неожиданный вопрос и странные манеры незнакомца.

— Так! — сказал рыжеволосый, пряча карточку в бумажник.— Пиквик. Очень хорошо. Я люблю знать фамилию человека, это избавляет от многих затруднений. Вот моя карточка, сэр. Магнус, изволите видеть,

сэр. Магнус моя фамилия. Неплохая фамилия, не правда ли, сэр?

— Действительно, очень хорошая,— сказал мистер Пиквик, которому не удалось скрыть улыбку.

— Да, я тоже так думаю,— продолжал мистер Магнус.— И перед ней стоит хорошее имя, изволите видеть. Разрешите, сэр... если держать карточку слегка наклонно, вот так, свет упадет на верхнюю строку. Вот — Питер Магнус. Мне кажется, звучит хорошо, сэр.

— Очень хорошо,— согласился мистер Пиквик.

— Любопытное совпадение инициалов, сэр,— продолжал мистер Магнус.— Как видите, Р. М. — post meridiem. В спешных записках близким приятелям я иногда подписываюсь: «Пополудни». Это чрезвычайно забавляет моих друзей.

— Я полагаю, это доставляет им величайшее удовольствие,— заметил мистер Пиквик, позавидовав легкости, с какой можно позабавить друзей мистера Магнуса.

— Джентльмены,— сказал конюх,— карета подана, пожалуйте.

— Все ли мои вещи уложены? — осведомился мистер Магнус.

— Все в порядке, сэр.

— Красный сак уложен?

— Уложен, сэр.

— А полосатый?

— Под козлами, сэр.

— А пакет в оберточной бумаге?

— Под сиденьем, сэр.

— А кожаный футляр для шляп?

— Все уложено, сэр.

— Не пора ли садиться? — спросил мистер Пиквик.

— Простите! — отозвался мистер Магнус, стоя на колесе.— Простите, мистер Пиквик. Я не могу сесть, пока мои сомнения не рассеялись. Поведение этого человека совершенно убедило меня в том, что кожаный футляр не уложен.

Торжественные уверения конюха ни к чему не привели, и кожаный футляр пришлось извлечь из самой глубины ящика под козлами, дабы убедить мистера Магнуса в том, что футляр был надежно уложен. А когда он успо-

коился касательно этого пункта, у него возникло серьезное предчувствие, что красный сак положен не туда, куда следует, полосатый украден, а пакет в оберточной бумаге «развязался». Наконец, получив наглядное доказательство полной необоснованности всех этих подозрений, он согласился вскарабкаться на крышу кареты, заметив, что теперь, когда все его опасения рассеялись, он чувствует себя вполне довольным и счастливым.

— У вас нервы разошлись, сэр? — осведомился мистер Уэллер-старший, искоса поглядывая на незнакомца, когда тот занял свое место.

— Да, они у меня всегда немного пошаливают вот из-за таких мелочей,— ответил незнакомец,— но сейчас все в порядке, в полном порядке.

— Ну, и слава богу,— сказал мистер Уэллер.— Сэмми, помоги хозяину взобраться ко мне на козлы. Другую ногу, сэр, вот так, дайте нам руку, сэр. Пожалуйте наверх. Мальчиком вы были полегче, сэр.

— Совершенно верно, мистер Уэллер,— добродушно отозвался запыхавшийся мистер Пиквик, заняв место рядом с ним на козлах.

— Прыгай на переднее место, Сэмми,— сказал мистер Уэллер.— Ну, Уильям, выводи коней. Берегитесь арки, джентльмены. «Берегите головы!» — как говорит пирожник с лотком на голове. Уильям, пусти их.

И карета покатила по Уайтчеплу, к великому восторгу всех обитателей этого густо населенного квартала.

— Не очень-то красивая местность, сэр,— заметил Сэм, притронувшись к шляпе, что делал всегда, вступая в беседу с хозяином.

— Да, действительно некрасивая,— согласился мистер Пиквик, обозревая людную и грязную улицу.

— Очень замечательное обстоятельство, сэр,— сказал Сэм,— что бедность и устрицы всегда идут как будто рука об руку.

— Я вас не понимаю, Сэм,— отозвался мистер Пиквик.

— Вот что я хочу сказать, сэр,— пояснил Сэм,— чем беднее место, тем больше спрос на устриц. Посмотрите, сэр, здесь на каждые пять-шесть домов приходится лоток с устрицами. Улица завалена ими. Провалиться мне на

месте, но мне кажется, когда человек очень беден, он выбегает из дому и в регулярном отчаянии поедает устрицы.

— Так и есть,— подтвердил мистер Уэллер-старший,— и точь-в-точь то же самое с маринованной лососиной!

— Это два весьма замечательных факта, над которыми я до сих пор не задумывался,— сказал мистер Пиквик.— На первой же остановке я его запишу.

К тому времени они доехали до заставы у Майль-Энда; глубокое молчание не нарушалось, пока они не проехали еще двух-трех миль, а тогда мистер Уэллер-старший неожиданно повернулся к мистеру Пиквику и сказал:

— Чудну́ю жизнь ведет заставщик, сэр.

— Кто? — спросил мистер Пиквик.

— Заставщик.

— Кого вы называете заставщиком? — осведомился мистер Питер Магнус.

— Старик говорит о сторожах у заставы,— заметил в виде пояснения мистер Сэмюел Уэллер.

— А! — сказал мистер Пиквик.— Понимаю! Да, очень странная жизнь... Очень беспокойная.

— Все эти люди повстречались с каким-нибудь разочарованием в жизни,— сказал мистер Уэллер-старший.

— Неужели? — отозвался мистер Пиквик.

— Да. А потому они ушли от мира и заперлись в этих будках, чтобы жить в одиночестве и чтобы отомстить людям, заставляя их платить пошлину.

— Ах, боже мой! — сказал мистер Пиквик.— Я этого раньше не знал.

— Факт, сэр,— отвечал мистер Уэллер,— будь они джентльменами, вы бы их назвали мизантропами, а так они считаются только заставщиками.

Такого рода разговорами, отличавшимися неоценимым очарованием, поскольку в них приятное сочеталось с полезным, мистер Уэллер скрашивал томительное путешествие в течение доброй половины дня. В темах для разговора не было недостатка, ибо, если даже иссякала разговорчивость мистера Уэллера, ее с избытком возмещало желание мистера Магнуса познакомиться с полной биографией его попутчиков и громко выражаемое им на каждой остановке беспокойство касательно сохранности и благо-

получия двух саков, кожаного футляра и пакета в оберточной бумаге.

На главной улице Ипсуича, по левой стороне,— если миновать площадь перед ратушей,— находится гостиница, широко известная под названием «Большой Белый Конь», которая привлекает к себе особое внимание вознесенной над главным входом каменной статуей какого-то буйного животного с развевающимися гривой и хвостом, отдаленно напоминающего взбесившуюся ломовую лошадь. «Большой Белый Конь» славится в окрестностях — до известной степени по той же причине, что и премированный бык, или брюква, отмеченная в газете графства, или чудовищная свинья, а именно своими огромными размерами. Никогда еще не встречалось под одной крышей такого лабиринта коридоров, не покрытых коврами, такого скопления сырых и плохо освещенных комнат, такого великого множества каморок для еды или спанья, как те, что были заключены между четырьмя стенами «Большого Белого Коня» в Ипсуиче.

Перед этой-то неестественно разросшейся таверной лондонская карета останавливалась каждый вечер в один и тот же час; и с крыши этой самой лондонской кареты спустились мистер Пиквик, Сэм Уэллер и мистер Питер Магнус в тот вечер, о котором повествует настоящая глава.

— Вы здесь остановитесь, сэр? — осведомился мистер Питер Магнус, когда полосатый сак, красный сак, пакет в оберточной бумаге и кожаный футляр были перенесены в коридор.— Вы здесь остановитесь, сэр?

— Да, сэр,— ответил мистер Пиквик.

— Ах, боже мой! — воскликнул мистер Магнус.— Никогда не слышал о таких изумительных совпадениях. Да ведь я тоже здесь остановлюсь. Надеюсь, мы обедаем вместе?

— С удовольствием,— ответил мистер Пиквик.— Но, может быть, я встречу здесь кое-кого, из... своих друзей. Послушайте, милейший, нет ли здесь среди ваших постояльцев джентльмена по фамилии Тапмен?

Толстяк — под мышкой у него была салфетка, отслужившая две недели, на ногах — чулки, сверстники салфетки,— неохотно оторвался от своего занятия, заключавшегося в созерцании улицы, когда мистер Пиквик задал

ему этот вопрос, и, после тщательного осмотра внешности этого джентльмена, начиная с тульи шляпы и кончая последней пуговицей на гетрах, ответил выразительно:

— Нет!

— А джентльмена по фамилии Снодграсс? — осведомился мистер Пиквик.

— Нет!

— А Уинкль?

Нет!

Моих друзей еще нет, сэр,— сказал мистер Пиквик.— Стало быть, мы пообедаем вдвоем. Милейший, проводите нас в отдельную комнату.

По предъявлении такого требования толстяк снизошел до того, что приказал коридорным внести багаж джентльменов, и, шествуя впереди по длинному темному коридору, ввел их в большую плохо меблированную комнату с грязным камином, в котором маленький огонек делал отчаянные попытки казаться бодрым, но быстро поникал под влиянием унылой обстановки. По прошествии часа путешественникам подали по куску рыбы и мяса, и когда с обедом было покончено, мистер Пиквик и мистер Питер Магнус придвинули свои стулья к камину и, заказав бутылку самого скверного портвейна по самой высокой цене, на радость хозяину, принялись за грог к собственному своему удовольствию.

Мистер Питер Магнус был от природы весьма общителен, а грог творил чудеса, извлекая из его груди самые сокровенные тайны. Сообщив всяческие сведения о себе самом, своей семье, своих связях, своих друзьях, своих шутках, своей профессии и своих братьях (болтливые люди могут много порассказать о своих братьях), мистер Магнус в течение нескольких минут созерцал мистера Пиквика в голубом свете сквозь цветные стекла своих очков, а затем сказал с застенчивым видом:

— А как вы думаете, как *вы думаете,* мистер Пиквик, зачем я сюда приехал?

— Честное слово,— сказал мистер Пиквик,— я никак не могу угадать. Быть может, по делу.

— Отчасти вы правы, сэр,— ответил мистер Питер Магнус,— а отчасти не правы. Попытайтесь еще раз, мистер Пиквик.

— Право же,— сказал мистер Пиквик,— я должен просить у вас пощады! Как вам угодно, можете не говорить, но мне не угадать, хотя бы я строил предположения всю ночь.

— Ну, в таком случае... хи-хи-хи! — начал мистер Питер Магнус, застенчиво хихикая,— что вы скажете, мистер Пиквик, если я приехал сюда сделать предложение, сэр, а? Хи-хи-хи!

— Что я скажу? Вы, по всей вероятности, достигнете цели,— ответил мистер Пиквик, посылая одну из своих лучезарных улыбок.

— Ну!— воскликнул мистер Магнус.— Но вы действительно так думаете, мистер Пиквик? Вы так думаете?

— Конечно,— сказал мистер Пиквик.

— Нет, вы шутите!

— Право же, не шучу.

— Ну, в таком случае,— сказал мистер Магнус,— открою вам маленький секрет: *я* тоже так думаю. Я даже скажу вам, мистер Пиквик, хотя я от природы ужасно ревнив... чудовищно ревнив: леди находится в этом доме!

С этими словами мистер Магнус снял очки, чтобы подмигнуть, и снова надел их.

— Так вот почему вы так часто выбегали из комнаты перед обедом,— лукаво заметил мистер Пиквик.

— Тсс! Да, вы правы, так оно и было, а впрочем, я не так глуп, чтобы пойти повидаться с ней.

— Вот как!

— Да, не следует это делать, знаете ли, сейчас же после путешествия. Лучше подождать до завтра, сэр, шансов будет вдвое больше. Мистер Пиквик, сэр, в том саке у меня платье, а в том футляре — шляпа, от которых я жду неоценимых услуг, сэр, благодаря тому впечатлению, какое они произведут.

— В самом деле? — отозвался мистер Пиквик.

— Да, вы, вероятно, заметили, как я о них беспокоился сегодня. Я не верю, мистер Пиквик, чтобы можно было приобрести за деньги второй такой же костюм и такую же шляпу.

Мистер Пиквик поздравил с такой покупкой счастливого владельца неотразимой одежды, и мистер Питер

Магнус в течение нескольких секунд был, по-видимому, погружен в размышления.

— Она — милое созданье,— сказал мистер Магнус.

— Да? — сказал мистер Пиквик.

— Очень! — сказал мистер Магнус.— Очень! Она живет милях в двадцати отсюда, мистер Пиквик. Я узнал, что она приедет сюда сегодня вечером и пробудет здесь все завтрашнее утро, и вот я приехал, чтобы воспользоваться удобным случаем. Мне кажется, мистер Пиквик, гостиница — подходящее место для того, чтобы сделать предложение одинокой женщине. Пожалуй, она сильнее почувствует одиночество во время путешествия, чем у себя дома. Как вы думаете, мистер Пиквик?

— Считаю это весьма вероятным,— ответил сей джентльмен.

— Прошу прощенья, мистер Пиквик,— сказал мистер Питер Магнус,— но я от природы довольно любопытен: с какой целью приехали сюда *вы*?

— По делу, далеко не столь приятному, сэр,— ответил мистер Пиквик, краснея при одном воспоминании.— Я приехал сюда, сэр, с целью разоблачить предательство и обман одной особы, чьей правдивости и честности я слепо доверял.

— Ах, боже мой! — сказал мистер Питер Магнус.— Это очень неприятно. Полагаю, это леди? Э? А! Хитрец, мистер Пиквик, хитрец! О нет, мистер Пиквик, ни за что на свете, сэр, не стал бы я касаться ваших чувств. Это мучительная тема, сэр, весьма мучительная. Не обращайте на меня внимания, мистер Пиквик, если вам хочется излить свои чувства. Я знаю, что значит пережить измену, я сам это испытал три-четыре раза.

— Я вам весьма признателен за сочувствие, с каким вы отнеслись к тому, что считаете моим несчастьем,— сказал мистер Пиквик, заводя свои часы и кладя их на стол,— но...

— Нет, нет! — перебил мистер Питер Магнус.— Ни слова больше: это мучительная тема. Я понимаю, понимаю! Который час, мистер Пиквик?

— Уже за полночь.

— Ах, боже мой, пора спать. Не следует засиживаться. Я буду бледен завтра, мистер Пиквик.

При одной мысли о такой беде мистер Питер Магнус позвонил служанке, и когда полосатый сак, красный сак, кожаный футляр и пакет в оберточной бумаге были доставлены в его спальню, он вместе с подсвечником, покрытым японским лаком, удалился в одно крыло дома, тогда как мистера Пиквика с другим подсвечником, покрытым японским лаком, проводили по бесконечным извилистым коридорам в другое крыло.

— Вот ваша комната, сэр,— сказала служанка.

— Прекрасно,— ответил мистер Пиквик, озираясь.

Это была довольно большая комната с двумя кроватями и камином; в общем, более комфортабельное помещение, чем склонен был ожидать мистер Пиквик, основываясь на кратком своем знакомстве с теми удобствами, которые можно было найти в «Большом Белом Коне».

— Надеюсь, другая кровать никем не занята? — осведомился мистер Пиквик.

— О нет, сэр.

— Прекрасно. Велите моему слуге завтра в половине девятого принести горячей воды, а сегодня он мне больше не понадобится.

— Слушаю, сэр.

И, пожелав мистеру Пиквику спокойной ночи, служанка ушла и оставила его в одиночестве.

Мистер Пиквик сел в кресло у камина и отдался потоку бессвязных мыслей. Сначала он подумал о своих друзьях и задал себе вопрос, когда же они присоединятся к нему; потом мысли его обратились к миссис Марте Бардл, а от этой леди, естественно, перекочевали к грязной конторе Додсона и Фогга. От Додсона и Фогга они по касательной поплыли к самому центру истории странного клиента, а затем вернулись к «Большому Белому Коню» в Ипсуиче, с достаточной ясностью давая понять мистеру Пиквику, что он засыпает. Поэтому он встал и начал раздеваться, как вдруг вспомнил, что оставил свои часы внизу на столе.

Часы эти пользовались особой любовью мистера Пиквика, который носил их под сенью своего жилета в течение большего числа лет, чем считаем мы себя вправе здесь указывать. Мысль о том, чтобы лечь спать, не слыша их мерного тикания под подушкой или в туфельке над

головой, не вмещалась в мозгу мистера Пиквика. Так как час был поздний и ему не хотелось звонить среди ночи, то он надел фрак, который только что снял, и, взяв в руку подсвечник, покрытый японским лаком, стал потихоньку спускаться по лестнице.

Чем дальше спускался мистер Пиквик, тем больше как будто обнаруживалось лестниц, по которым предстояло спускаться, и снова и снова, когда мистер Пиквик попадал в какой-нибудь узкий коридор и начинал поздравлять себя с прибытием в нижний этаж, появлялась перед его изумленными глазами новая лестница. Наконец, он добрался до вестибюля с каменным полом, который ему запомнился при входе в дом. Он исследовал коридор за коридором; обозрел комнату за комнатой; наконец, собираясь в отчаянии отказаться от поисков, он открыл дверь той самой комнаты, где провел вечер, и увидел на столе забытые им часы.

Мистер Пиквик с торжеством схватил часы и направил свои стопы обратно в спальню. Если путешествие его в нижний этаж было сопряжено с трудностями и неуверенностью, то обратный путь оказался несравненно более сложным. Ряды дверей, украшенных башмаками всех видов, фасонов и размеров, тянулись, разветвляясь, во все стороны. Несколько раз повертывал он осторожно ручку ведущей в спальню двери, которая была похожа на его дверь, но ворчливый окрик, доносившийся из-за нее: «Кто там, черт подери?», или: «Что вам здесь нужно?» — заставлял его удаляться на цыпочках с изумительной быстротой. Он был на грани отчаяния, но тут его взгляд упал на открытую дверь. Он заглянул в комнату. Наконец-то! Здесь было две кровати — он прекрасно помнил, как они стояли,— и огонь в камине еще горел. Его свеча, не отличавшаяся величиной, когда он ее получил, оплыла от сквозняков во время его скитаний и погасла, как только он закрыл за собой дверь. «Неважно,— сказал мистер Пиквик,— я могу раздеться при свете камина».

Кровати стояли справа и слева от двери, и между каждой кроватью и стеной оставался маленький проход, в конце которого стоял стул с плетеным сиденьем,— проход такой ширины, чтобы в случае надобности взобраться с этой стороны на кровать или слезть с нее. Тщательно

задвинув занавески кровати с наружной стороны, мистер Пиквик уселся на стул с плетеным сиденьем и не спеша снял башмаки и гетры. Затем он снял и сложил фрак, жилет и галстук, и, медленно напялив ночной колпак с кисточкой, укрепил его на голове, завязав под подбородком тесемки, которые у него всегда были пришиты к этой принадлежности туалета. И в этот момент он вдруг представил себе всю нелепость своего недавнего блуждания. Откинувшись на спинку стула с плетеным сиденьем, мистер Пиквик засмеялся так искренне, что для всякого здравомыслящего человека было бы истинным наслаждением созерцать улыбки, расцветавшие на приветливой физиономии мистера Пиквика и сиявшие из-под ночного колпака.

«Это самая смешная вещь,— говорил самому себе мистер Пиквик, улыбаясь так, что тесемки ночного колпака могли лопнуть,— это самая смешная вещь, о какой я слышал,— заблудиться в гостинице и скитаться по лестницам. Забавно, забавно, очень забавно!»

Мистер Пиквик улыбнулся еще более широкой улыбкой и в наилучшем расположении духа хотел вновь приступить к процедуре раздевания, как вдруг его остановила весьма неожиданная помеха, а именно появление в комнате какой-то особы со свечой в руке, которая, заперев дверь, подошла к туалетному столику и поставила на него свечу.

Улыбка, игравшая на лице мистера Пиквика, мгновенно уступила место выражению безграничного изумления и недоумения. Кто-то вошел так внезапно и так бесшумно, что у мистера Пиквика не было времени окликнуть его или помешать ему войти. Кто бы это мог быть? Грабитель? Какой-нибудь злоумышленник, который видел, быть может, как он поднимался по лестнице, держа в руке красивые часы? Что же ему теперь оставалось делать?

Единственное, что мог сделать мистер Пиквик, чтобы взглянуть на таинственного посетителя, не подвергая себя опасности быть замеченным, это взобраться на кровать и выглянуть в просвет между занавесками с противоположной стороны. К этому маневру он и прибег. Осторожно придерживая рукой занавески так, что ничего не было

видно, кроме его головы и ночного колпака, мистер Пиквик, надев очки, собрался с духом и выглянул.

От ужаса и смущения он едва не лишился чувств. Перед зеркалом стояла леди средних лет в желтых папильотках и старательно расчесывала волосы. Каким бы образом ни очутилась в комнате ничего не ведающая леди средних лет, было ясно, что она рассчитывала остаться здесь, ибо принесла тростниковую свечу * с экраном, каковую, принимая похвальные меры предосторожности против пожара, поместила в таз на полу, где она и мерцала, словно гигантский маяк на удивительно маленьком водном пространстве.

«Господи помилуй! — подумал мистер Пиквик.— Какое ужасное положение!»

— Кхе! — кашлянула леди, и мистер Пиквик с быстротой автомата втянул голову.

«Никогда я не бывал в таком безвыходном положении,— подумал бедный мистер Пиквик; капли холодного пота выступили на его ночном колпаке.— Никогда! Это ужасно!»

Но слишком велико было желание видеть, что происходит в комнате. И голова мистера Пиквика высунулась снова. Положение ухудшилось. Леди средних лет привела в порядок волосы, заботливо прикрыла их муслиновым чепчиком с маленькой сборчатой каймой и задумчиво смотрела на огонь.

«Положение становится угрожающим,— рассуждал сам с собой мистер Пиквик.— Я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Самообладание этой леди ясно указывает, что, должно быть, я попал не в ту комнату. Если я крикну, она поднимет на ноги весь дом, но если я останусь здесь, последствия окажутся еще более устрашающими».

Нет надобности упоминать о том, что мистер Пиквик был одним из скромнейших и деликатнейших людей. Одна мысль предстать в ночном колпаке перед леди подействовала на него ошеломляюще; но он завязал узлом эти проклятые тесемки и, несмотря на все усилия, не мог спять колпак. Следовало дать знать о своем присутствии. Для этого был только один способ. Он спрятался за занавеску и издал очень громкий звук:

— Кхе-хм!

В том, что леди вздрогнула, услышав этот неожиданный звук, нельзя было сомневаться, ибо она попятилась в не освещенный ночником угол комнаты; в том, что она убедила себя, будто это ей почудилось, тоже нельзя было сомневаться, ибо, когда мистер Пиквик подумал, не упала ли она от испуга в обморок, и осмелился выглянуть еще раз, она по-прежнему задумчиво смотрела в огонь.

«В высшей степени необычайная женщина»,— подумал мистер Пиквик, снова исчезая за занавеской.

— Кхе-хм!

На сей раз звуки,— напоминающие те, коим, как сообщают нам легенды, свирепый великан Бландербор давал сигнал накрывать на стол,— были слишком отчетливы, чтобы можно было снова принять их за игру воображения.

— Боже мой! — воскликнула леди средних лет.— Что это?

— Это... это... только джентльмен, сударыня,— сказал мистер Пиквик из-за занавески.

— Джентльмен! — с ужасом взвизгнула леди.

«Все кончено!» — подумал мистер Пиквик.

— Чужой мужчина! — возопила леди.

Еще секунда — и весь дом всполошится. Ее юбки зашуршали, когда она метнулась к двери.

— Сударыня! — сказал мистер Пиквик, в порыве отчаяния высовывая голову.— Сударыня!

Хотя мистер Пиквик не преследовал никакой определенной цели, высовывая голову, однако это немедленно произвело благоприятный эффект. Леди, как мы уже заявили, находилась у двери. Ей стоило только переступить порог, чтобы выйти на лестницу, и совершенно несомненно, что в этот момент она бы это сделала, если бы внезапно появившийся ночной колпак мистера Пиквика не отогнал ее в самый дальний угол комнаты, где она и остановилась, дико взирая на мистера Пиквика, в то время как мистер Пиквик в свою очередь дико взирал на нее.

— Негодный! — сказала леди, закрывая лицо руками.— Что вам здесь нужно?

— Ничего, сударыня! Решительно ничего, сударыня,— с жаром ответил мистер Пиквик.

— Ничего! — повторила леди, поднимая взор.

— Ничего, сударыня, клянусь честью! — сказал мистер Пиквик, так энергически мотая головой, что кисточка ночного колпака пустилась в пляс.— Сударыня, я готов провалиться сквозь землю от смущения, потому что принужден разговаривать с леди, не снимая ночного колпака (тут леди поспешно сорвала свой), но я не могу его снять, сударыня (при этом мистер Пиквик дернул его изо всех сил в подтверждение своих слов). Теперь мне ясно, сударыня, что я по ошибке принял эту спальню за свою. Я не провел здесь и пяти минут, сударыня, когда вы внезапно вошли.

— Если эта невероятная история действительно правдива, сэр,— сказала леди, громко всхлипывая,— вы немедленно удалитесь.

— Удаляюсь, сударыня, с величайшим удовольствием,— ответил мистер Пиквик.

— Немедленно, сэр,— сказала леди.

— Конечно, сударыня! — поспешно согласился мистер Пиквик.— Конечно, сударыня! Я... я очень сожалею, сударыня,— продолжал мистер Пиквик, появляясь из-за кровати,— что помимо своей воли был виновником этой тревоги и волнения, глубоко сожалею, сударыня.

Леди указала на дверь. Одна из превосходных черт характера мистера Пиквика великолепно проявилась в этот момент при крайне тяжелых обстоятельствах. Хотя впопыхах он надел шляпу поверх ночного колпака, на манер ночного сторожа былых времен, хотя башмаки и гетры он держал в руке, а фрак и жилет перебросил через руку,— ничто не могло сломить его природную вежливость.

— Я чрезвычайно сожалею, сударыня,— сказал мистер Пиквик, низко кланяясь.

— В таком случае вы немедленно удалитесь из этой комнаты,— сказала леди.

— Немедленно, сударыня, сию секунду, сударыня,— сказал мистер Пиквик, открывая дверь и с шумом роняя башмаки.

— Надеюсь, сударыня,— продолжал мистер Пиквик, подбирая башмаки и поворачиваясь, чтобы еще раз поклониться,— надеюсь, сударыня, что моя безупречная

репутация и глубочайшее уважение, какое я питаю к вашему полу, послужат некоторым оправданием этого...

Но, раньше чем мистер Пиквик успел закончить фразу, леди вытолкнула его в коридор и заперла за ним дверь на ключ и на задвижку.

Какие бы ни были у мистера Пиквика основания поздравлять себя с таким мирным разрешением трудного дела, его положение в настоящий момент было отнюдь не завидное. Он находился один в коридоре незнакомого дома, среди ночи, полуодетый; нечего было и думать, что в полной темноте ему удастся отыскать комнату, которую он никак не мог найти со свечой; а при малейшем шуме во время своих бесплодных поисков он подвергался опасности, что какой-нибудь страдающий бессонницей обитатель гостиницы выстрелит в него и, быть может, убьет.

У него был только один выход: остаться на месте и ждать рассвета. Поэтому, пройдя ощупью несколько шагов по коридору и, к великому ужасу, задев при этом ногой за несколько пар сапог, мистер Пиквик присел в маленькой нише, чтобы ждать утра со всем философским терпением, на какое был способен.

Однако ему не суждено было подвергнуться еще и этому испытанию, ибо он недолго пребывал в своем убежище: к невыразимому его ужасу в конце коридора появился человек со свечой в руке. Его ужас вдруг уступил место радости, когда он распознал фигуру своего верного слуги. Действительно, это был мистер Сэмюел Уэллер, который не спал до столь позднего часа, беседуя с коридорным, бодрствовавшим в ожидании почты, и только теперь направлялся на покой.

— Сэм! — сказал мистер Пиквик, внезапно появляясь перед ним.— Где моя спальня?

Мистер Уэллер с красноречивым изумлением воззрился на своего хозяина, и вопрос был повторен трижды, раньше чем он повернулся и пошел по направлению к долго разыскиваемой комнате.

— Сэм,— сказал мистер Пиквик, когда улегся в постель,— этой ночью я совершил одну из самых удивительных ошибок.

— Очень может быть, сэр,— сухо ответил мистер Уэллер.

— Но вот что я решил, Сэм,— продолжал мистер Пиквик:— если бы мне пришлось прожить в этом доме полгода, я не рискнул бы ходить здесь один.

— Это самое благоразумное решение, к какому только вы могли прийти, сэр,— отозвался мистер Уэллер.— Нужно, чтобы за вами кто-нибудь присматривал, сэр, когда ваша голова отправляется делать визиты.

— Что вы хотите этим сказать, Сэм? — спросил мистер Пиквик.

Он приподнялся на кровати и вытянул руку, словно хотел еще что-то добавить, но вдруг запнулся, повернулся на другой бок и пожелал своему камердинеру «спокойной ночи».

— Спокойной ночи, сэр,— ответил мистер Уэллер.

Выйдя за дверь, он приостановился, покачал головой, сделал несколько шагов, остановился, снял нагар со свечи, снова покачал головой и, наконец, пошел не спеша в свою комнату, по-видимому погруженный в глубочайшие размышления.

ГЛАВА XXIII,

в которой мистер Сэмюел Уэллер направляет свою энергию на борьбу с мистером Троттером, чтобы добиться реванша

В ранний час того самого утра, которому предшествовало приключение мистера Пиквика с леди средних лет в желтых папильотках, в маленькой комнате по соседству с конюшнями восседал мистер Уэллер-старший, готовясь к обратному путешествию в Лондон. Он сидел в самой заманчивой для живописца позе.

Весьма возможно, что в какой-нибудь ранний период его жизненной карьеры профиль мистера Уэллера был очерчен смело и определенно. Однако его лицо расплылось благодаря хорошему питанию и замечательной склонности мириться с обстоятельствами, и смелые мясистые контуры щек вышли так далеко за пределы, первоначально им предназначенные, что трудно было различить что-нибудь, кроме кончика багрового носа. Подбородок, по той же причине, обрел степенную и внушительную форму,

которую обычно обозначают, приставляя слово «двойной» к названию этой выразительной части лица; а цвет лица представлял то своеобразное пестрое сочетание оттенков, какое можно увидеть только на лицах джентльменов его профессии и на недожаренном ростбифе. Шея была у него обмотана малиновым дорожным шарфом, который столь неприметно сливался с подбородком, что трудно было отличить складки одного от складок другого. Поверх этого шарфа на нем был длинный жилет с широкими розовыми полосами, а поверх жилета широкий зеленый кафтан, декорированный большими медными пуговицами, из коих две, украшавшие талию, отстояли так далеко друг от друга, что никто никогда не видел обе эти пуговицы одновременно. Волосы, короткие, гладкие и черные, едва виднелись из-под пространных полей коричневой шляпы с низкой тульей. Ноги были упакованы в короткие вельветовые штаны и сапоги с цветными отворотами; медная часовая цепочка, заканчивающаяся печаткой и ключом тоже из меди, болталась у весьма обширного пояса.

Мы сказали, что мистер Уэллер был занят приготовлениями к обратному путешествию в Лондон,— и действительно, он подкреплялся. Перед ним на столе стояла кружка эля, лежал кусок холодного мяса и весьма почтенного вида каравай хлеба, между которыми он распределял свою благосклонность по очереди, с самым суровым беспристрастием. Он только что отрезал солидный ломоть хлеба, когда шаги человека, входящего в комнату, заставили его поднять голову, и он увидел своего сына.

— Доброго утра! — сказал отец.

Сын вместо ответа подошел к кружке с элем и, многозначительно кивнув головой родителю, хлебнул.

— Прекрасно умеешь присасываться, Сэмми,— заметил мистер Уэллер-старший, заглядывая в кружку, когда его первенец поставил ее на стол, осушив до половины.— Из тебя получилась бы на редкость способная устрица, Сэмми, если бы ты родился на этом жизненном посту.

— Да, пожалуй, мне бы удалось иметь приличный доход,— ответил Сэм, принимаясь с немалым рвением за холодную говядину.

— Мне очень грустно, Сэмми,— сказал старший мистер Уэллер, взбалтывая эль, прежде чем пить его,—

мне очень грустно, Сэмми, слышать из твоих уст, что ты дал себя одурачить этой-вот шелковице. До позавчерашнего дня я думал, что кличка «одураченный» никогда не прилипнет к Веллеру... никогда не прилипнет!

— Никогда, за исключением, конечно, случая со вдовой,— сказал Сэм.

— Вдо́вы, Сэмми,— отозвался мистер Уэллер, слегка меняясь в лице,— вдо́вы — это исключения из любого правила. Я когда-то слыхал, сколько нужно обыкновенных женщин, чтобы так обойти человека, как обойдет одна вдова. Кажется, двадцать пять, но я хорошенько не знаю, может быть больше.

— Этого достаточно,— сказал Сэм.

— Вдобавок,— продолжал мистер Уэллер, не обращая внимания на то, что его прервали,— это совсем другое дело. Ты знаешь, Сэмми, что сказал законник, защищавший джентльмена, который колотил жену кочергой, когда бывал навеселе. «А в конце концов, милорд,— сказал он,— это любовная слабость». То же самое говорю я о вдовах, Сэмми, и то же скажешь ты, когда доживешь до моих лет.

— Знаю, мне бы следовало смотреть в оба,— сказал Сэм.

— Следовало смотреть в оба! — повторил мистер Уэллер, ударяя кулаком по столу.— Следовало смотреть в оба! Да, я знаю одного юнца, который и на половину и на четверть не был так хорошо воспитан, как ты,— не ночевал на рынках по полгода,— так он не дал бы одурачить себя таким манером, не дал бы, Сэмми.

В смятении чувств, вызванном этими мучительными размышлениями, мистер Уэллер позвонил в колокольчик и потребовал дополнительную пинту эля.

— Ну, что толку говорить об этом,— отозвался Сэм.— Дело сделано, и его не исправить, и это единственное утешение, как говорят в Турции, когда отрубят голову не тому, кому следует. Теперь мой ход, папаша, и как только я заполучу этого Троттера, я сделаю хороший ход.

— Надеюсь, Сэмми, надеюсь,— ответил мистер Уэллер.— За твое здоровье, Сэмми, и постарайся поскорее смыть позор, которым ты запятнал нашу фамилию.

В ознаменование этого тоста мистер Уэллер осушил одним духом по крайней мере две трети только что поданной пинты и передал ее сыну, дабы покончить с остатками, что тот немедленно и исполнил.

— А теперь, Сэмми,— продолжал мистер Уэллер, взглядывая на большие серебряные часы, висевшие на медной цепочке,— теперь пора мне в контору—получить список пассажиров и посмотреть, как заряжают карету, потому что карета, Сэмми, что пушка,— заряжать их нужно с большой осторожностью, прежде чем пустить в ход.

На эту родительскую и профессиональную шутку мистер Уэллер-младший ответил сыновней улыбкой. Его уважаемый родитель продолжал торжественным тоном:

— Я покидаю тебя, Сэмивел, сын мой, и неизвестно, когда я увижу тебя снова. Твоя мачеха может оказаться мне не под силу, или мало ли что может случиться к тому времени, когда ты опять услышишь о знаменитом мистере Веллере из «Прекрасной Дикарки». Честь нашей фамилии зависит во многом от тебя, Сэмивел, и, надеюсь, ты не ударишь в грязь лицом. Во всяких мелочах касательно хорошего воспитания я знаю, что могу положиться на тебя, как на самого себя. Стало быть, мне остается дать тебе только один маленький совет: если тебе когда-нибудь перевалит за пятьдесят и ты почувствуешь расположение жениться на ком-нибудь — все равно на ком, запрись в своей комнате, если она у тебя будет, и отравись не мешкая. Повеситься — пошлое дело, и потому ты этим делом не занимайся. Отравись, Сэмивел, мой мальчик, отравись, и впоследствии ты об этом не пожалеешь!

Произнеся эту трогательную речь, мистер Уэллер посмотрел пристально на сына, медленно повернулся на каблуках и скрылся из виду.

Погруженный в задумчивость, которая была вызвана этими словами, мистер Сэмюел Уэллер, расставшись с отцом, вышел из «Большого Белого Коня» и, направив свои стопы к церкви Сент Клемента, постарался рассеять свою меланхолию прогулкой по прилегающим к церкви древним местам. Он слонялся в течение некоторого времени, пока не очутился в уединенном месте, напоминавшем двор почтенного вида, из которого, как он обнаружил, можно было выйти только тем путем, каким он туда проник. Он

собирался было уже повернуть назад, как вдруг был прикован к месту внезапным явлением; к описанию природы и характера этого явления мы непосредственно и переходим.

Мистер Сэмюел Уэллер взирал вверх на старые красные кирпичные дома, изредка, в глубокой рассеянности, делая глазки какой-нибудь цветущей служанке, когда та поднимала штору или открывала окно спальни, как вдруг зеленая садовая калитка в конце двора распахнулась и из нее вышел человек, который весьма старательно закрыл ее за собой и быстро направился к тому самому месту, где стоял мистер Уэллер.

В сущности, если рассматривать этот факт, обособленный и без связи с какими бы то ни было привходящими обстоятельствами, в нем нет ничего из ряда вон выходящего, ибо во многих частях света люди выходят из сада, закрывают за собой зеленые калитки и даже удаляются быстрыми шагами, не привлекая к себе особого внимания общества. Ясно поэтому, что в человеке, в его манерах было нечто, привлекшее особое внимание мистера Уэллера. Так это или не так, предоставляется решить читателю, когда мы правдиво изобразим поведение субъекта, о котором идет речь.

Когда упомянутый нами человек закрыл за собой зеленую калитку, он пошел, как сказали мы уже дважды, быстрыми шагами по двору; но, едва заметив мистера Уэллера, он споткнулся и остановился, точно был не уверен в том, какой избрать путь. Так как зеленая калитка за ним закрылась, а идти можно было только вперед, он тотчас сообразил, что должен пройти мимо мистера Сэмюела Уэллера. Поэтому он снова пошел быстрым шагом и приближался, глядя прямо перед собой. Самым поразительным в этом человеке было то, что он уродовал свою физиономию самыми ужасными и невероятными гримасами, какие приходилось когда-либо видеть. Еще ни одно произведение природы не искажалось с таким необыкновенным искусством, с каким неустанно искажались черты лица этого человека.

«Однако! — сказал про себя мистер Уэллер, покуда человек приближался к нему.— Это очень странно. Я бы мог поклясться, что это он!»

Человек подошел, и его лицо исказилось еще более ужасной гримасой.

— Могу дать присягу, что это-вот те самые черные волосы и шелковичная пара,— сказал мистер Уэллер,— только вот лица такого никогда не видывал.

Когда мистер Уэллер произнес эти слова, лицо человека исказилось сверхъестественной гримасой, поистине омерзительной. Однако он был вынужден пройти очень близко от Сэма, и проницательный взгляд этого джентльмена помог обнаружить, несмотря на эти устрашающие гримасы, нечто слишком напоминающее маленькие глазки мистера Джоба Троттера, чтобы можно было ошибиться.

— Эй, вы, сэр! — свирепо крикнул Сэм.

Незнакомец остановился.

— Эй, вы! — повторил Сэм еще грубее.

Человек с устрашающим лицом посмотрел с величайшим удивлением в глубь двора, и в конец двора, и на окна домов — всюду, только не на Сэма Уэллера, и сделал еще шаг вперед, но был остановлен новым окликом.

— Эй, вы, сэр! — крикнул Сэм в третий раз.

Теперь уже нельзя было притвориться, будто не слышишь, откуда исходит голос, и незнакомцу оставалось только посмотреть, наконец, Сэму Уэллеру прямо в глаза.

— Это не пройдет, Джоб Троттер,— сказал Сэм.— Ну-ка! Без глупостей. Не так уж ты красив, чтобы разбрасывать свои прелести. Переставь эти-вот глаза на свое место, пока я не вышиб их из твоей башки. Слышишь?

Так как мистер Уэллер, по-видимому, был расположен действовать в духе этой речи, то мистер Троттер постепенно вернул своему лицу его естественное выражение и, радостно встрепенувшись, воскликнул:

— Кого я вижу! Мистер Уокер!

— А! — отозвался Сэм.— Вы очень рады меня видеть, не так ли?

— Рад! — воскликнул Джоб Троттер.— О мистер Уокер, если бы вы только знали, как я мечтал об этой встрече! Это слишком, мистер Уокер, я не вынесу этого, право же не вынесу!

Эти слова мистера Троттера сопровождались слезным наводнением, и, схватив мистера Уэллера за руки, он в порыве восторга крепко его обнял.

— Убирайся! — крикнул Сэм, возмущенный таким поведением и тщетно пытаясь высвободиться из объятий своего восторженного знакомого.— Проваливай, говорю тебе! Чего ради ты ревешь надо мной, пожарный насос?

— Потому что я так рад вас видеть,— отвечал Джоб Троттер, постепенно освобождая мистера Уэллера, по мере того как у Сэма исчезали первые симптомы желания вступить в драку.— О мистер Уокер, это уж слишком!

— Слишком! — повторил Сэм.— Думаю, что слишком... еще бы! Ну, что вы можете мне сказать, а?

Мистер Троттер не дал никакого ответа, ибо розовый носовой платочек был уже пущен в ход.

— Что вы можете мне сказать, прежде чем я проломлю вам череп? — повторил мистер Уэллер угрожающим тоном.

— Как? — спросил мистер Троттер с видом праведного изумления.

— Что вы можете мне сказать?

— Я, мистер Уокер?

— Не называйте меня Уокером; моя фамилия Уэллер, вы это прекрасно знаете. Что вы можете мне сказать?

— Да благословит вас бог, мистер Уокер... то есть Уэллер... очень много, только пойдемте куда-нибудь, где можно потолковать на свободе. Если бы вы знали, как я искал вас, мистер Уэллер...

— Очень старательно, должно быть? — сухо осведомился Сэм.

— Очень, очень, сэр! — отвечал мистер Троттер, и ни один мускул на его лице не дрогнул.— Но дайте пожать вашу руку, мистер Уэллер.

Сэм созерцал своего собеседника в течение нескольких секунд, а затем, словно повинуясь внезапному импульсу, исполнил его просьбу.

— Как поживаете? — начал Джоб Троттер, когда они тронулись в путь.— Как поживает ваш уважаемый, добрый хозяин? О, это достойный джентльмен, мистер Уэллер! Надеюсь, он не простудился в ту страшную ночь, сэр?

Когда Джоб Троттер произнес эти слова, в глазах его мелькнуло на мгновение крайне лукавое выражение, которое заставило крепче сжаться кулак мистера Уэллера, загоревшегося желанием пересчитать мистеру Троттеру

ребра. Однако Сэм сдержался и ответил, что хозяин чувствует себя прекрасно.

— О, я так рад! — отозвался мистер Троттер.— Он здесь?

— А ваш? — вместо ответа спросил Сэм.

— О да, он здесь, и я с прискорбием должен сказать, мистер Уэллер, что он ведет себя еще хуже.

— Вот как? — сказал Сэм.

— О, возмутительно, ужасно!

— В пансионе для девиц? — спросил Сэм.

— Нет, не в пансионе,— ответил Джоб Троттер с тем лукавым взглядом, который уже уловил Сэм.— Не в пансионе.

— В доме с зеленой калиткой? — продолжал Сэм, внимательно глядя на своего спутника.

— Нет, нет, не там,— ответил Джоб с живостью, весьма ему несвойственной,— не там.

— А вы сами что там делали? — спросил Сэм, бросая на него зоркий взгляд.— Быть может, случайно вошли в калитку?

— Видите ли, мистер Уэллер,— ответил Джоб,— я не прочь открыть вам маленькую тайну, потому что мы, знаете ли, с первой встречи почувствовали влечение друг к другу. Помните, как приятно мы провели утро?

— О да, помню,— нетерпеливо сказал Сэм.

— Ну, так вот,— продолжал Джоб, понижая голос, будто открывая важную тайну,— в том доме с зеленой калиткой, мистер Уэллер, держат очень много слуг.

— Это можно угадать, взглянув на дом,— перебил Сэм.

— Вот именно,— продолжал мистер Троттер,— и там есть кухарка, которая отложила немного денег, мистер Уэллер, и желает, знаете ли, если ей удастся устроиться в жизни, завести маленькую торговлю колониальными товарами... Вы меня понимаете?

— Да.

— Вот-вот, мистер Уэллер. Так вот, сэр, я с ней встретился в церкви, которую посещаю... очень славная маленькая часовня в этом городе, мистер Уэллер, где поют гимны по сборнику номер четвертый, который я обыкновенно ношу с собой; быть может, вы видели у меня в руках

маленькую книжку. И я с этой кухаркой немножко сблизился, мистер Уэллер, и мы узнали друг друга лучше, и смею сказать, мистер Уэллер, что мне предстоит быть лавочником.

— А, из вас выйдет очень симпатичный лавочник,— отозвался Сэм, искоса поглядывая на Джоба с крайней неприязнью.

— Преимущество этого решения, мистер Уэллер,— продолжал Джоб, у которого глаза в это время наполнились слезами,— заключается в том, что мне удастся оставить мою теперешнюю постыдную службу у этого дурного человека и всецело посвятить себя лучшей и более добродетельной жизни, которая больше подобала бы тому воспитанию, мистер Уэллер, которое мною было получено.

— Должно быть, вы получили очень хорошее воспитание,— заметил Сэм.

— О да, очень хорошее, мистер Уэллер, очень! — подтвердил Джоб.

При воспоминании о своем непорочном детстве мистер Троттер извлек розовый носовой платочек и незамедлительно пролил обильные слезы.

— Должно быть, на редкость приятно было учиться вместе с таким мальчиком,— сказал Сэм.

— Вы правы, сэр,— отвечал Джоб, испуская глубокий вздох.— Я был кумиром школы.

— Вот как! — сказал Сэм.— Я этому не удивляюсь. Каким утешением были вы, должно быть, для вашей счастливой маменьки!

При этих словах мистер Джоб Троттер приложил кончик розового платочка к уголку сперва одного, а потом другого глаза и пролил потоки слез.

— Что такое с этим человеком? — вознегодовал Сэм.— Водопровод в Челси * ничто по сравнению с вами. Почему вы сейчас расчувствовались? Раскаиваетесь в своей подлости?

— Я не могу сдержать свои чувства, мистер Уэллер,— сказал Джоб после непродолжительного молчания.— Подумать только, что мой хозяин догадался о разговоре, который я вел с вами, и увез меня в дорожной карете, и, убедив милую молодую леди сказать, что она ничего о нем

не знает, и подкупив для этой же цели начальницу пансиона, покинул ее в поисках лучшего! О мистер Уэллер, я содрогаюсь при мысли об этом.

— О, так вот как обстояло дело? — сказал мистер Уэллер.

— Конечно,— ответил Джоб.

— Ну, ладно,— сказал Сэм, так как они уже подходили к гостинице,— я хочу немного потолковать с вами, Джоб; если вы не слишком заняты, я бы хотел повидаться с вами в «Большом Белом Коне» сегодня вечером, часов в восемь.

— Я непременно приду,— сказал Джоб.

— Приходите непременно,— отозвался Сэм, бросая на него многозначительный взгляд,— а не то я, пожалуй, начну наводить о вас справки по ту сторону зеленой калитки и могу, знаете ли, стать вам поперек дороги.

— Я непременно приду, сэр,— сказал мистер Троттер, и, с великим жаром пожав Сэму руку, он удалился.

— Берегись, Джоб Троттер, берегись! — промолвил Сэм, глядя ему вслед.— На этот раз тебе со мной не сладить!

Произнеся этот монолог и проводив взглядом Джоба, пока тот не скрылся из виду, мистер Уэллер не замедлил отправиться в спальню своего хозяина.

— Дело на мази, сэр! — сказал Сэм.

— Что на мази, Сэм? — осведомился мистер Пиквик.

— Я их нашел, сэр,— сказал Сэм.

— Кого нашли?

— Того странного чудака и меланхоличного парня с черными волосами.

— Не может быть, Сэм! — с большим волнением воскликнул мистер Пиквик.— Где они, Сэм, где они?

— Тише, тише! — отозвался мистер Уэллер, и, помогая мистеру Пиквику одеваться, он развернул план дальнейших действий.

— Но когда это удастся сделать, Сэм? — осведомился мистер Пиквик.

— Все в свое время, сэр,— ответил Сэм.

Удалось ли это сделать в свое время, будет видно из дальнейшего.

ГЛАВА XXIV,

в которой мистер Питер Магнус становится ревнивым, а леди средних лет пугливой, вследствие чего пиквикисты попадают в тиски закона

Когда мистер Пиквик спустился в комнату, в которой провел с мистером Питером Магнусом вечер накануне, он увидел, что этот джентльмен, дабы выставить свою особу в лучшем свете, воспользовался содержимым двух саквояжей, кожаного футляра и пакета в оберточной бумаге и теперь шагал взад и вперед по комнате в состоянии крайнего возбуждения и волнения.

— Доброе утро, сэр,— сказал мистер Питер Магнус.— Как вы это находите, сэр?

— Очень эффектно! — ответил мистер Пиквик, обозревая с добродушной улыбкой костюм мистера Питера Магнуса.

— И мне так кажется,— сказал мистер Магнус.— Мистер Пиквик, сэр, я уже послал свою визитную карточку.

— Неужели? — сказал мистер Пиквик.

— Да. И лакей принес ответ, что она примет меня сегодня в одиннадцать — в одиннадцать, сэр. Это значит через четверть часа.

— Да, это очень скоро,— сказал мистер Пиквик.

— О да, очень скоро! — отозвался мистер Магнус.— Пожалуй, слишком скоро, мистер Пиквик, сэр?

— Уверенность — великая вещь в таких случаях,— заметил мистер Пиквик.

— Совершенно согласен, сэр,— сказал мистер Питер Магнус.— Во мне много уверенности, сэр. В самом деле, мистер Пиквик, я не понимаю, почему мужчина испытывает страх в таких случаях, сэр? В чем суть дела, сэр? Стыдиться нечего, все основано на взаимном соглашении, и ничего больше. С одной стороны муж, с другой — жена. Таков мой взгляд на это дело, мистер Пиквик.

— Взгляд философический,— заметил мистер Пиквик.— Но завтрак уже готов, мистер Магнус. Идемте!

Они уселись за завтрак, но, несмотря на похвальбу мистера Питера Магнуса, было очевидно, что он находится в крайне нервическом состоянии, коего главными

симптомами служили: потеря аппетита, наклонность опрокидывать чайную посуду, неловкие попытки шутить и неодолимая потребность смотреть каждую секунду на часы.

— Хи-хи-хи! — хихикнул мистер Магнус, напуская на себя веселость и задыхаясь от волнения.— Осталось только две минуты, мистер Пиквик. Я бледен, сэр?

— Не очень,— ответил мистер Пиквик.

Наступила короткая пауза.

— Прошу простить, мистер Пиквик, но в былое время вы когда-нибудь предпринимали что-нибудь подобное? — спросил мистер Магнус.

— Вы разумеете, делал ли я предложение? — спросил мистер Пиквик.

— Да.

— Никогда! — ответил мистер Пиквик с великой энергией.— Никогда!

— Значит, вы не имеете понятия о том, как получше приступить к делу?

— Этого сказать нельзя,— отвечал мистер Пиквик.— Кое-какое понятие об этом предмете у меня есть, но так как я никогда не проверял его на опыте, мне бы не хотелось, чтобы вы им руководились в своих поступках.

— Я был бы крайне признателен вам, сэр, за любой совет,— сказал мистер Магнус, еще раз бросая взгляд на часы, стрелка которых приближалась к пяти минутам двенадцатого.

— Хорошо, сэр,— согласился мистер Пиквик с глубокой торжественностью, благодаря которой сей великий муж придавал, когда ему было угодно, особую выразительность своим замечаниям.— Я бы начал, сэр, с восхваления красоты леди и ее исключительных качеств; засим, сэр, я перешел бы к тому, сколь я недостоин...

— Очень хорошо,— вставил мистер Магнус.

— Недостоин, но только *ее* одной, заметьте, сэр,— пояснил мистер Пиквик,— но, дабы показать, что я не совсем недостоин, я сделал бы краткий обзор своей прежней жизни и своего настоящего положения. Путем сравнения я бы ей доказал, что для всякой другой женщины я был бы очень желательным объектом. Затем я бы распространился о своей горячей любви и глубокой преданности.

Быть может, в этот момент я попытался бы взять ее за руку.

— Понимаю! Это очень важный пункт,— подхватил мистер Магнус.

— Затем, сэр,— продолжал мистер Пиквик, воспламеняясь по мере того, как вся картина представлялась ему в более ослепительных красках,— затем, сэр, я бы подошел к простому и ясному вопросу: «Хотите быть моей?» Мне кажется, я не ошибусь, если предположу, что после этого она отвернется.

— Вы думаете, что это случится? — спросил мистер Магнус.— Если она этого не сделает в нужный момент, это может сбить меня.

— Мне кажется, сделает,— сказал мистер Пиквик.— После сего, сэр, я бы сжал ее руку, и думаю, *думаю,* мистер Магнус, поступи я так,— предположим, что отказа не последовало,— я бы нежно отвел в сторону носовой платок, который, как подсказывают мне мои скромные познания человеческой натуры, леди должна в этот момент прикладывать к глазам, и запечатлел бы почтительный поцелуй. Мне кажется, я бы поцеловал ее, мистер Магнус; и я решительно утверждаю, что в этот самый момент, если леди будет склонна принять мое предложение, она стыдливо прошепчет мне на ухо о своем согласии.

Мистер Магнус вздрогнул, несколько мгновений молча смотрел на одухотворенное лицо мистера Пиквика, а затем (часы показывали десять минут двенадцатого) горячо пожал ему руку и бросился с решимостью отчаяния вон из комнаты.

Мистер Пиквик несколько раз прошелся взад и вперед по комнате; маленькая стрелка часов, подражая ему и постепенно двигаясь вперед, приблизилась к месту, обозначающему на циферблате полчаса, когда дверь внезапно распахнулась. Он обернулся, чтобы приветствовать мистера Питера Магнуса, но вместо него увидел перед собою радостное лицо мистера Тапмена, безмятежную физиономию мистера Уинкля и одухотворенные черты мистера Снодграсса.

Пока мистер Пиквик здоровался с ними, в комнату влетел мистер Питер Магнус.

— Мои друзья — мистер Магнус, джентльмен, о котором я говорил,— представил мистер Пиквик.

— Ваш покорный слуга, джентльмены,— сказал мистер Магнус, находившийся, видимо, в крайнем возбуждении.— Мистер Пиквик, разрешите мне отвлечь вас на один момент, сэр, только на момент.

Говоря это, мистер Магнус запряг указательный палец в петлю фрака мистера Пиквика и, оттащив его в оконную нишу, сказал:

— Поздравьте меня, мистер Пиквик! Я следовал вашему совету буква в букву.

— И все сошло удачно? — осведомился мистер Пиквик.

— Все. Лучше и быть не могло,— ответил мистер Магнус.— Мистер Пиквик, она — моя!

— Поздравляю вас от всего сердца,— промолвил мистер Пиквик, горячо пожимая руку своему новому другу.

— Вы должны познакомиться с нею,— сказал мистер Магнус.— Пойдемте со мной, прошу вас. Мы вернемся через секунду. Прошу прощенья, джентльмены.

И мистер Магнус поспешно увлек мистера Пиквика из комнаты. Он остановился у двери соседней комнаты и почтительно постучал.

— Войдите,— послышался женский голос.

И они вошли.

— Мисс Уитерфилд,— произнес мистер Магнус,— разрешите мне познакомить вас с близким моим другом, мистером Пиквиком. Мистер Пиквик, позвольте вас представить мисс Уитерфилд.

Леди находилась в другом конце комнаты. Раскланиваясь, мистер Пиквик извлек очки из жилетного кармана и надел их... но едва он это сделал, как вскрикнул от удивления и попятился, а леди, слегка взвизгнув, закрыла лицо руками и опустилась в кресло; мистер Питер Магнус остолбенел, переводя взгляд с одного на другого в крайнем удивлении и ужасе.

Все это казалось совершенно необъяснимым, но дело в том, что, едва мистер Пиквик надел очки, он тотчас же признал в будущей миссис Магнус ту самую леди, в комнату которой он этой ночью вторгся незваным гостем, и едва очки были водружены на носу мистера Пиквика,

как леди тотчас же узнала физиономию, которая живо напомнила ей обо всех ужасах, связанных со злосчастным ночным колпаком. Леди взвизгнула, а мистер Пиквик вздрогнул.

— Мистер Пиквик! — воскликнул мистер Магнус, растерявшись от удивления.— Что это значит, сэр? Что это значит, сэр? — грозно повторил мистер Магнус, повышая голос.

— Сэр,— сказал мистер Пиквик, приходя в возмущение от внезапного перехода мистера Питера Магнуса к повелительному тону.— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

— Вы отказываетесь, сэр? — спросил мистер Магнус.

— Отказываюсь, сэр,— ответил мистер Пиквик,— без согласия и разрешения леди я считаю невозможным упоминать о том, что может компрометировать ее или пробудить в ней неприятные воспоминания.

— Мисс Уитерфилд, вы знаете этого человека? — сказал мистер Питер Магнус.

— Знаю ли я его? — нерешительно переспросила леди средних лет.

— Да, знаете ли вы его, сударыня? Я спросил, знаете ли вы его? — свирепо повторил мистер Магнус.

— Я его видела,— ответила леди средних лет.

— Где? — спросил мистер Магнус.— Где?

— Этого...— повторила леди средних лет, вставая с кресла и отворачиваясь.— Этого я не открою ни за что на свете.

— Я понимаю вас, сударыня,— сказал мистер Пиквик,— и уважаю вашу деликатность. Можете на меня положиться, я никогда этого не открою, положитесь на меня.

— Принимая во внимание положение, в которое я поставлен по отношению к вам, вы подходите к этому вопросу с удивительным спокойствием, сударыня,— сказал мистер Магнус.

— Жестокий мистер Магнус! — воскликнула леди средних лет, после чего залилась слезами.

— Обращайтесь со своими замечаниями ко мне, сэр,— прервал мистер Пиквик.— Если кто и виноват, то один я.

— О, вы один виноваты, не так ли, сэр? — сказал мистер Магнус.— Я... я... отлично понимаю. Вижу все насквозь, сэр. Теперь вы раскаиваетесь в своем решении, сэр, не так ли?

— В моем решении! — воскликнул мистер Пиквик.

— Да, в вашем решении, сэр! О! Не смотрите на меня, сэр,— сказал мистер Магнус.— Я помню ваши слова, сказанные вчера вечером, сэр. Вы явились сюда, сэр, с целью разоблачить предательство и обман одной особы, чьей правдивости и честности вы слепо доверяли, не так ли?

Тут мистер Питер Магнус позволил себе изобразить на лице саркастическую улыбку и, сняв зеленые очки, которые в припадке ревности, по-видимому, счел излишними, начал вращать маленькими глазками так, что страшно было смотреть.

— Не так ли? — сказал мистер Магнус, и улыбка его сделалась еще более саркастической.— Но вы поплатитесь за это, сэр!

— Поплачусь? За что? — спросил мистер Пиквик.

— Помалкивайте, сэр,— ответил мистер Магнус, шагая по комнате.— Помалкивайте!

Есть что-то всеобъемлющее в этом выражении «помалкивайте», ибо мы не можем вспомнить ни одной ссоры, коей мы были свидетелями, на улице, в театре, в общественном месте или где бы то ни было, которая не сопровождалась бы этим стандартным ответом на все воинственные вопросы. «Вы себя называете джентльменом, сэр?» — «Помалкивайте, сэр».— «Разве я позволю себе сказать что-нибудь обидное молодой женщине, сэр?» — «Помалкивайте, сэр».— «Вы что, хотите, чтобы я разбил вам голову об эту стенку, сэр?» — «Помалкивайте, сэр». Замечательно, что в этом универсальном «помалкивайте, сэр», как будто скрывается какая-то едкая насмешка, пробуждающая в груди того, кому оно адресовано, больше негодования, чем может вызвать самая грубая брань.

Мы не будем утверждать, что эта реплика по адресу мистера Пиквика вызвала такое же негодование в душе мистера Пиквика, каковое безусловно вскипело бы в груди какой-нибудь вульгарной натуры. Мы только отмечаем факт, что мистер Пиквик открыл дверь и отрывисто крикнул:

— Тапмен, подите сюда!

Мистер Тапмен немедленно явился с выражением крайнего удивления на физиономии.

— Тапмен,— сказал мистер Пиквик,— тайна несколько деликатного свойства, касающаяся этой леди, послужила причиной столкновения между этим джентльменом и мною. Если я заверяю его, в вашем присутствии, что эта тайна не имеет никакого отношения к нему и не касается его личных дел, едва ли мне нужно просить вас иметь в виду, что если он и дальше будет настаивать на своем, тем самым он выразит сомнение в моей правдивости, и мне остается только рассматривать это как оскорбление.

И мистер Пиквик смерил взглядом мистера Питера Магнуса с ног до головы.

Почтенная и полная достоинства осанка мистера Пиквика вместе с отличавшими его силою и энергией выражений убедили бы всякого нормального человека, но, к несчастью, именно в этот момент рассудок мистера Питера Магнуса был в каком угодно состоянии, только не в нормальном. Вместо того чтобы удовлетвориться, как подобало бы ему, объяснениями мистера Пиквика, он немедленно начал раздувать в себе докрасна раскаленную, испепеляющую, всепожирающую злобу и говорить о своих чувствах и тому подобных вещах; он старался придать особую выразительность своей декларации тем, что шагал по комнате и ерошил волосы,— развлечение, которое он время от времени разнообразил, потрясая кулаком перед добродушным лицом мистера Пиквика.

В свою очередь мистер Пиквик, в сознании собственной невинности и правоты, а также раздраженный тем, что столь некстати поставил леди средних лет в неприятное положение, находился не в обычном для него мирном состоянии духа. В результате громкие слова произносились еще более громким голосом, пока, наконец, мистер Магнус не заявил мистеру Пиквику, что тот еще услышит о нем, на каковое заявление мистер Пиквик с похвальной вежливостью ответил, что чем скорее он о нем услышит, тем лучше; вслед за сим леди средних лет в ужасе бросилась вон из комнаты, мистер Тапмен увлек мистера Пиквика, а мистер Питер Магнус был предоставлен самому себе и своим размышлениям.

Если бы леди средних лет больше общалась с деловым миром или была знакома с нравами и обычаями тех, кто составляет законы и устанавливает моды, она бы знала, что такого рода ожесточение — самая безобидная вещь в природе; но так как она почти всегда жила в провинции и никогда не читала отчетов о парламентских прениях, то была весьма мало осведомлена в подобных тонкостях цивилизованной жизни. Поэтому, когда она добралась до своей комнаты, заперлась и начала размышлять о сцене, которая сейчас произошла, в ее воображении возникли самые страшные картины кровопролития и смертоубийства; среди этих картин далеко не самой страшной был портрет в натуральную величину мистера Питера Магнуса с ружейным зарядом в груди, несомого домой четырьмя носильщиками. Чем больше размышляла леди средних лет, тем больше приходила в ужас; в конце концов она решила отправиться к главному городскому судье с просьбой безотлагательно задержать мистера Пиквика и мистера Тапмена.

К этому решению леди средних лет была приведена рядом соображений, из коих главным было то, что она тем самым даст неопровержимое доказательство своей преданности мистеру Питеру Магнусу и своих забот о его безопасности. Она слишком хорошо знала его ревнивый характер, чтобы отважиться хотя бы слегка намекнуть на истинную причину своего волнения при встрече с мистером Пиквиком, и она верила в силу своего влияния и в способность маленького человека поддаться ее убеждениям и умерить свою неистовую ревность, если мистер Пиквик будет удален и исчезнет повод к новой ссоре. Погруженная в такие мысли, леди средних лет облачилась в капор и шаль и направилась к дому мэра.

Джордж Напкинс, эсквайр, упоминаемый выше главный судья, был самой величественной особой, какую мог бы встретить самый быстрый ходок в промежуток времени от восхода до заката солнца в день двадцать первого июня, каковой день, согласно календарю, является самым длинным днем в году, что, естественно, обеспечивает ходоку наиболее продолжительный срок для поисков. В это именно утро мистер Напкинс пребывал в состоянии крайнего возбуждения и раздражения, ибо в городе вспыхнул

мятеж: приходящие воспитанники самой большой школы составили заговор с целью разбить стекла у ненавистного торговца яблоками, освистали бидла и забросали камнями констебля — пожилого джентльмена в сапогах с отворотами, вызванного для подавления мятежа,— джентльмена, бывшего с юных лет и в течение полувека блюстителем порядка.

Мистер Напкинс восседал в своем удобном кресле, величественно хмурясь и кипя яростью, когда доложили о леди, пришедшей по срочному, приватному и важному делу. Мистер Напкинс принял ледяной и грозный вид и приказал впустить леди, каковое приказание, подобно всем распоряжениям монархов, судей и прочих могущественных земных владык, было немедленно исполнено, и мисс Уитерфилд, взволнованная и кокетливая, была введена.

— Мазль! — сказал судья.

Мазль был низкорослый слуга с длинным туловищем и короткими ногами.

— Мазль!

— Слушаю, ваша честь.

— Подайте кресло и удалитесь.

— Слушаю, ваша честь.

— Итак, сударыня, потрудитесь изложить ваше дело,— сказал судья.

— Это очень тягостное дело, сэр,— проговорила мисс Уитерфилд.

— Очень возможно, сударыня,— отозвался судья.— Успокойтесь, сударыня! — Мистер Напкинс принял милостивый вид.— И расскажите, по какому делу, подлежащему вниманию закона, вы сюда явились, сударыня.

Тут судья восторжествовал над человеком, и мистер Напкинс снова принял суровый вид.

— Мне очень неприятно, сэр, являться к вам с таким сообщением,— сказала мисс Уитерфилд,— но я боюсь, что здесь состоится дуэль.

— У нас, сударыня?! — воскликнул судья.— Где, сударыня?

— В Ипсуиче.

— В Ипсуиче, сударыня?.. Дуэль в Ипсуиче?! — снова вскричал судья, пришедший в ужас при этом сообщении.—

Невероятно, сударыня! Я уверен, что в нашем городе этого быть не может. Боже мой, сударыня, известна ли вам энергия наших местных властей? Может быть, вам случалось слышать, сударыня, как четвертого мая я ворвался на ринг в сопровождении только шестидесяти констеблей, с риском пасть жертвой разъяренной толпы. Я прекратил кулачное состязание между мидлсекским Дамплингом и саффокским Бентамом. Дуэль в Ипсуиче, сударыня! Я не верю... не верю,— продолжал судья, рассуждая сам с собой,— чтобы двое людей взяли на себя смелость замыслить такое нарушение мира в этом городе.

— К несчастью, то, что я сообщила, слишком верно,— сказала леди средних лет.— Я была свидетельницей ссоры.

— Это дело в высшей степени необычайное,— сказал пораженный судья.— Мазль!

— Слушаю, ваша честь.

— Пошлите сюда мистера Джинкса! Немедленно!

— Слушаю, ваша честь.

Мазль исчез, и бледный, остроносый, полуголодный, оборванный клерк средних лет вошел в комнату.

— Мистер Джинкс! — обратился к нему судья.— Мистер Джинкс!

— Сэр? — отозвался мистер Джинкс.

— Эта леди, мистер Джинкс, явилась сюда с сообщением о замышляемой у нас в городе дуэли.

Мистер Джинкс, не зная в точности, как ему поступить, раболепно улыбнулся.

— Над чем вы смеетесь, мистер Джинкс? — спросил судья.

Мистер Джинкс мгновенно принял серьезный вид.

— Мистер Джинкс,— сказал судья,— вы — болван!

Мистер Джинкс смиренно взглянул на великого мужа и закусил кончик пера.

— Вы можете, сэр, видеть в этом сообщении нечто смешное, но я должен сказать, мистер Джинкс, что смеяться тут нечего,— сказал судья.

Полуголодный Джинкс вздохнул, словно действительно удостоверился, что поводов для смеха у него было очень мало, и, получив приказание записать сообщение леди, потащился к столу и начал записывать.

— Этот Пиквик, как я понял,— дуэлянт? — спросил судья, когда заявление было записано.

— Вот именно,— сказала леди средних лет.

— А другой скандалист.... Как его имя, мистер Джинкс?

— Тапмен, сэр.

— Тапмен — секундант?

— Да.

— Второй дуэлянт, вы сказали, сударыня, скрылся?

— Да,— ответила мисс Уитерфилд, покашливая.

— Прекрасно! — заявил судья.— Эти два лондонских головореза, явившись сюда для истребления подданных его величества, воображают, что на таком расстоянии от столицы рука правосудия слаба и парализована. Они получат урок! Приготовьте ордера на арест, мистер Джинкс. Мазль!

— Слушаю, ваша честь.

— Граммер внизу?

— Да, ваша честь.

— Пошлите его сюда.

Раболепный Мазль исчез и скоро вернулся в сопровождении пожилого джентльмена в сапогах с отворотами, главными приметами которого были: распухший нос, хриплый голос, сюртук табачного цвета и блуждающий взор.

— Граммер! — обратился к нему судья.

— Ваш-шесть?

— В городе спокойно?

— Благополучно, ваш-шесть,— ответил Граммер.— Народное волнение немного улеглось — мальчишки ушли играть в крикет.

— В такие времена, Граммер, нужны энергические меры,— решительно сказал судья.— Если ни во что не ставят авторитет королевских чиновников, надо прочесть во всеуслышание закон о мятеже *. Если гражданские власти не в состоянии защитить эти окна, Граммер, войска могут защитить и гражданскую власть и окна. Мне кажется, это — основное положение конституции, мистер Джинкс?

— Разумеется, сэр,— сказал Джинкс.

— Прекрасно,— продолжал судья, подписывая орде-

ра.— Граммер, вы приведете этих людей ко мне сегодня же. Вы найдете их в «Большом Белом Коне». Вы помните историю с мидлсекским Дамплингом и саффокским Бентамом, Граммер?

Мистер Граммер покивал головой, давая понять, что никогда он этого не забудет. Впрочем, он и не мог забыть, поскольку об этом упоминалось ежедневно.

— А это еще более противоконституционный поступок,— продолжал судья,— еще большее нарушение мира и спокойствия и грубое нарушение прерогатив его величества. Дуэль — одна из самых бесспорных прерогатив его величества, если я не ошибаюсь, не правда ли, мистер Джинкс?

— Особо оговоренная в Великой хартии *, сэр,— ответил мистер Джинкс.

— Один из самых блестящих перлов британской короны, отторгнутый у его величества баронами, если я не ошибаюсь, не так ли, мистер Джинкс? — сказал судья.

— Совершенно верно, сэр,— ответил мистер Джинкс.

— Прекрасно! — сказал судья, горделиво приосанившись.— Прерогатива не должна быть попрана в этой части владений короля. Граммер, возьмите подкрепление и приведите эти приказы в исполнение как можно скорей. Мазль!

— Слушаю, ваша честь.

— Проводите леди.

Мисс Уитерфилд ушла, глубоко потрясенная учеными справками судьи; мистер Напкинс ушел завтракать; мистер Джинкс ушел в самого себя, ибо это было единственное место, куда он мог уйти, за исключением дивана, служившего ему постелью в маленькой общей комнате, которая днем была занята семьей его квартирной хозяйки; мистер Граммер ушел, дабы исполнением нового поручения смыть оскорбление, нанесенное ему и другому представителю его величества, бидлу, утром этого дня.

В то время как подготовлялись эти твердые и решительные меры к охранению «королевского мира», мистер Пиквик со своими друзьями, ничего не подозревая о надвигающихся великих событиях, мирно уселись за обед; все были разговорчивы и общительны. Мистер Пиквик только что начал рассказывать о своих ночных приклю-

чениях, к великому удовольствию учеников, а в особенности мистера Тапмена, как вдруг дверь открылась и какая-то противная физиономия просунулась в комнату. Глаза этой противной физиономии в течение нескольких секунд внимательно осматривали мистера Пиквика и, по всем признакам, остались вполне удовлетворены своим исследованием, ибо фигура, коей принадлежала противная физиономия, медленно втиснулась в комнату и предстала в образе пожилого субъекта в сапогах с отворотами. Чтобы не держать читателя и далее в неизвестности, скажем коротко: это были блуждающие глаза мистера Граммера, а фигура была фигурой этого же джентльмена.

Поведение мистера Граммера было профессиональным, но своеобразным. Первым его актом было запереть изнутри дверь на задвижку, вторым — тщательно вытереть голову и лицо бумажным носовым платком, третьим — положить шляпу, с бумажным носовым платком внутри, на ближайший стул, и четвертым — вытащить из внутреннего кармана сюртука короткий жезл, увенчанный медной короной, которым он, как мрачное привидение, поманил мистера Пиквика.

Мистер Снодграсс первый нарушил молчание, вызванное общим недоумением. Сначала он пристально посмотрел на мистера Граммера, а затем выразительно сказал:

— Это частное помещение, сэр... частное помещение.

Мистер Граммер покачал головой и ответил:

— Для его величества не существует частных помещений, раз мы переступили порог дома: таков закон. Воображают, будто дом англичанина — его крепость. Вздор!

Удивленные пиквикисты переглянулись.

— Кто из вас мистер Тапмен? — спросил мистер Граммер.

Интуитивно он представлял себе мистера Пиквика; его он узнал с первого взгляда.

— Мое имя Тапмен,— отозвался этот джентльмен.

— Мое имя — закон! — сказал мистер Граммер.

— Как? — задал вопрос мистер Тапмен.

— Закон! — ответил мистер Граммер.— Закон, власть гражданская и исполнительная — это мои титулы, а вот

мое полномочие: «Пробел * — Тапмен, пробел — Пиквик... против мира державного нашего государя короля... * и предусматривая». Все в надлежащем порядке. Вы арестованы, Пиквик и Тапмен... вышеназванные.

— Что значит эта наглость? — сказал мистер Тапмен, вскакивая с места.— Потрудитесь выйти отсюда!

— Ах, так! — крикнул мистер Граммер, быстро ретируясь к двери и приоткрывая ее на дюйм или на два.— Дабли!

— Здесь! — послышался густой низкий голос из коридора.

— Сюда, Дабли! — сказал мистер Граммер.

В ответ на команду грязнолицый мужчина ростом выше шести футов и соответственного сложения протиснулся в полуоткрытую дверь (сильно покраснев во время этой операции) и очутился в комнате.

— Другие специальные констебли за дверью, Дабли? — осведомился мистер Граммер.

Мистер Дабли, человек немногословный, утвердительно кивнул головой.

— Введите свой отряд, Дабли,— сказал мистер Граммер.

Мистер Дабли исполнил приказание, и в комнату ввалились человек шесть, снабженные дубинками с медной короной. Мистер Граммер засунул свой жезл в карман и посмотрел на мистера Дабли, мистер Дабли засунул *свой* жезл в карман и посмотрел на отряд; констебли засунули *свои* жезлы в карман и посмотрели на мистеров Тапмена и Пиквика.

Мистер Пиквик и его ученики встали как один человек.

— Что означает это грубое вторжение в помещение, которое я занимаю? — сказал мистер Пиквик.

— Кто смеет меня арестовать? — сказал мистер Тапмен.

— Что вам здесь нужно, канальи? — сказал мистер Снодграсс.

Мистер Уинкль не сказал ничего, но уставился на Граммера и пожаловал его таким взглядом, который пронзил бы насквозь его мозг, если бы Граммер был

способен что-нибудь почувствовать. Но при существующем положении вещей сколько-нибудь заметного воздействия этот взгляд не оказал.

Когда представители исполнительной власти заметили, что мистер Пиквик и его друзья склонны оказать сопротивление закону, они крайне выразительно засучили рукава, словно сшибить сперва с ног, а затем подобрать — акт чисто профессиональный; нужно было только решиться, а уж там все произойдет само собою. Эта демонстрация не ускользнула от внимания мистера Пиквика. Пошептавшись несколько секунд с мистером Тапменом, он выразил готовность отправиться в резиденцию мэра, но попросил всех прибывших и прибывающих иметь в виду его твердое намерение немедленно по освобождении протестовать против такого чудовищного нарушения его привилегий англичанина; в ответ на это все прибывшие и прибывающие очень весело расхохотались, за исключением одного мистера Граммера, который, повидимому, считал, что малейшее сомнение в божественном праве судей есть недопустимое кощунство.

Но когда мистер Пиквик выразил готовность склониться пред законами своей страны и когда лакеи, конюхи, горничные, форейторы, которые предвкушали приятную суматоху, вытекавшую из его угрожающего упрямства, начали расходиться, разочарованные в своих ожиданиях, возникло одно непредвиденное затруднение. Несмотря на все свое почтение к законным властям, мистер Пиквик решительно возражал против появления на людных улицах в окружении и под охраной служителей правосудия, подобно простому преступнику. Мистер Граммер, принимая во внимание смятенные чувства населения (ибо день был полупраздничный и мальчишки еще не разошлись по домам), столь же решительно возражал против того, чтобы идти по другой стороне улицы, и отказывался поверить на слово мистеру Пиквику, что тот отправится прямо к судье, а мистер Пиквик и мистер Тапмен не менее энергически протестовали против расходов по найму кареты, являющейся единственным респектабельным экипажем, какой можно было получить. Спор разгорался, а дилемма оставалась неразрешимой; но как раз в тот момент, когда исполнительная власть

собиралась преодолеть нежелание мистера Пиквика отправиться к судье избитым способом, заключавшимся в том, чтобы отнести его туда, кто-то вспомнил, что во дворе гостиницы стоит старый портшез *, который, будучи первоначально сооружен для подагрического джентльмена солидных размеров, выдержит мистера Пиквика не хуже, чем современный легкий двухместный экипаж. Портшез был нанят и доставлен в вестибюль гостиницы, мистер Пиквик и мистер Тапмен втиснулись в него и опустили шторы; два носильщика были быстро найдены, и процессия тронулась в путь в торжественном порядке. Специальные констебли окружали носилки; мистер Граммер и мистер Дабли с триумфом шагали впереди; мистер Снодграсс и мистер Уинкль шли рука об руку сзади; а неумытое население Ипсуича замыкало шествие.

Для городских лавочников,— хотя они имели очень смутное представление о природе преступления,— это зрелище не могло не быть весьма назидательным и благотворным. Это была властная рука правосудия, опустившаяся с силой двадцати золотобитов на двух преступников, прибывших из самой столицы; могучей машиной руководил их собственный судья, и ее обслуживали их собственные блюстители порядка; и благодаря их соединенным усилиям оба преступника были надежно заперты в тесном портшезе. Многочисленны были одобрительные и восторженные возгласы, приветствовавшие мистера Граммера, когда он с жезлом в руке возглавлял шествие, громки и протяжны были крики, поднятые неумытыми гражданами, и среди этих единодушных изъявлений общественного одобрения процессия подвигалась медленно и величественно вперед.

Мистер Уэллер в утренней куртке с черными коленкоровыми рукавами возвращался в довольно мрачном расположении духа после безрезультатного созерцания таинственного дома с зеленой калиткой, как вдруг, подняв глаза, узрел толпу, запрудившую улицу и окружавшую некий предмет, весьма похожий на портшез. Желая отвлечь мысли от своего неудачного предприятия, он отступил в сторону, чтобы поглазеть на толпу, и, убедившись, что она выражает восторг преимущественно для

собственного своего удовольствия, немедленно начал (для поднятия своего духа) тоже орать изо всех сил.

Проследовал мистер Граммер, проследовал мистер Дабли, проследовал портшез, проследовал отряд охраны, а Сэм все еще отвечал на восторженные клики толпы и размахивал шляпой, словно был вне себя от радости (хотя, конечно, он ни малейшего представления не имел о происходящем), как вдруг его остановило неожиданное появление мистера Уинкля и мистера Снодграсса.

— Что за шум, джентльмены? — крикнул Сэм.— Кто там у них сидит в этой траурной будке?

Оба джентльмена ответили в один голос, но их слова потонули в гуле.

— Кто? — снова крикнул Сэм.

Ему еще раз в один голос был дан ответ, и хотя слов не было слышно, Сэм догадался по движению двух пар губ, что они произнесли магическое слово «Пиквик».

Этого было достаточно. В одну минуту мистер Уэллер проложил себе дорогу в толпе, остановил носильщиков и преградил путь осанистому Граммеру.

— Эй, почтенный джентльмен! — крикнул Сэм.— Кого вы запрятали в это-вот сооружение?

— Назад! — сказал мистер Граммер, у которого, как и у многих других людей, чувство собственного достоинства удивительно возросло благодаря незначительной популярности.

— Дайте ему хорошенько, чтоб не лез,— посоветовал мистер Дабли.

— Я вам очень признателен, почтенный джентльмен,— отвечал Сэм,— за вашу заботу о моих удобствах, и я еще более признателен за прекрасный совет другому джентльмену, у которого такой вид, будто он только что удрал из каравана великанов, но я бы предпочел, чтобы вы ответили на мой вопрос, если вам все равно... Как поживаете, сэр?

Это последнее замечание было адресовано покровительственным тоном мистеру Пиквику, который смотрел в переднее оконце.

Мистер Граммер, онемев от негодования, извлек из особого кармана жезл с медной короной и помахал им перед глазами Сэма.

— А! — сказал Сэм.— Очень милая вещица, особенно корона, совсем как настоящая.

— Назад! — кричал возмущенный мистер Граммер.

Чтобы придать силу своему распоряжению, он ткнул медной эмблемой королевской власти в галстук Сэма и схватил его другой рукой за шиворот — любезность, на которую мистер Уэллер ответил, сбив его с ног одним ударом, предварительно и весьма заботливо уложив под него одного из носильщиков.

Был ли мистер Уинкль охвачен временным припадком того безумия, какое порождают оскорбленные чувства, или воодушевлен доблестным примером мистера Уэллера, неизвестно, но известен тот факт, что, едва узрев поверженного мистера Граммера, он храбро налетел на мальчишку, который стоял возле него, после чего мистер Снодграсс, действуя в истинно христианском духе и с целью никого не застигнуть врасплох, громко провозгласил, что намерен приступить к действию, и с величайшей заботливостью начал снимать сюртук. Он был немедленно окружен и обезврежен; и нужно отдать справедливость как ему, так и мистеру Уинклю,— они не сделали ни малейшей попытки ни к своему освобождению, ни к освобождению мистера Уэллера, который, после самого энергического сопротивления, был сломлен численно превосходящим противником и захвачен в плен. Затем процессия перестроилась, носильщики снова заняли свои места, и шествие возобновилось.

Негодование мистера Пиквика в течение всей сцены было безгранично. Он мог видеть только, как Сэм метался и опрокидывал специальных констеблей, и больше он ничего не видел, ибо дверцы портшеза не открывались, а шторы не поднимались. Наконец, с помощью мистера Тапмена ему удалось откинуть крышку портшеза. Взобравшись на сиденье и придерживаясь за плечо этого джентльмена, чтобы не потерять равновесия, мистер Пиквик обратился к толпе с речью: он настаивал на недопустимом способе обращения с ним и призывал всех в свидетели, что его слуга первый подвергся нападению. Таким порядком приблизились они и к дому судьи, носильщики бежали рысью, арестованные следовали за ними, мистер Пиквик ораторствовал, толпа кричала.

ГЛАВА XXV,

показывающая, наряду с приятными вещами, сколь величественен и беспристрастен был мистер Напкинс и как мистер Уэллер отбил волан мистера Джоба Троттера с такою же силой, с какою тот был пущен; и повествующая еще кое о чем, что обнаружится в надлежащем месте

Велико было негодование мистера Уэллера, когда его уносили; многочисленны были намеки на наружность и манеры мистера Граммера и его спутника, и доблестны были выпады против каждого из шести державших его джентльменов, выражавшие его неудовольствие. Мистер Снодграсс и мистер Уинкль прислушивались с мрачным почтением к потоку красноречия, который изливал их учитель из портшеза и быстрое течение коего ни на мгновение не прерывалось, невзирая на самые пылкие мольбы мистера Тапмена опустить верх экипажа.

Но гнев мистера Уэллера быстро уступил место любопытству, когда шествие свернуло к тому самому двору, где он встретился со сбежавшим Джобом Троттером; а любопытство сменилось радостным изумлением, когда напыщенный мистер Граммер, приказав носильщикам остановиться, приблизился степенным и торжественным шагом к зеленой калитке, из которой не так давно выходил Джоб Троттер, и сильно дернул ручку колокольчика, висевшую у калитки. На звонок явилась очень изящная и хорошенькая служанка, которая сначала всплеснула руками, изумленная мятежным видом арестованных и страстной речью мистера Пиквика, затем вызвала мистера Мазля. Мистер Мазль открыл одну половину ворот, чтобы пропустить портшез, пленников и констеблей, и немедленно захлопнул ее перед носом толпы, которая, возмущаясь тем, что ее отстранили, и горя желанием видеть происходящее, дала исход своим чувствам и начала колотить ногами в ворота и дергать ручку колокольчика, каковое занятие продолжалось без перерыва около двух часов. Этой забаве предавались все по очереди, за исключением трех-четырех счастливцев, обнаруживших в воротах щель, через которую ничего не

было видно, и смотревших сквозь нее с той неутомимой настойчивостью, с какой люди прижимаются носом к выходящим на улицу окнам аптеки, когда в задней комнате подвергается врачебному осмотру пьяный, которого опрокинула на улице двуколка.

Перед лестницей, ведущей к двери дома, которая с обеих сторон охранялась агавами в зеленых кадках, портшез остановился. Мистера Пиквика и его друзей препроводили в вестибюль, откуда, после предварительного доклада мистера Мазля и распоряжения, отданного мистером Напкинсом, их провели наверх, где они и предстали перед «его честью», посвятившим себя заботе об общественном благоденствии.

Зрелище было величественное, рассчитанное на то, чтобы поразить ужасом сердца преступников и внушить им соответствующее представление о суровом величии закона. Перед огромным книжным шкафом, в огромном кресле, за огромным столом, перед огромным фолиантом восседал мистер Напкинс, казавшийся вдвое больше любого из этих предметов, как ни были они огромны. Стол был завален кипами бумаг; на дальнем его конце виднелись голова и плечи мистера Джинкса, который деловито старался принять деловитый вид. Когда все вошли, мистер Мазль старательно запер дверь и поместился за креслом своего хозяина в ожидании распоряжений. Мистер Напкинс откинулся назад с волнующей торжественностью и изучал лица своих гостей, явившихся сюда не по доброй воле.

— Граммер, кого вы привели? — спросил мистер Напкинс, указывая на мистера Пиквика, который взял на себя роль представителя своих друзей и стоял со шляпой в руке, кланяясь с величайшей учтивостью и почтением.

— Это-вот Пиквик, ваш-шесть,— сказал Граммер.

— Ну-ну, никаких «этих-вот», старый трут! — вмешался мистер Уэллер, проталкиваясь в первый ряд.— Прошу прощенья, сэр, но этот ваш чин в непромокаемых сапогах никогда не заработает на приличную жизнь, если сделается где-нибудь церемониймейстером. Это-вот, сэр,— продолжал мистер Уэллер, отстраняя Граммера и с приятной фамильярностью обращаясь к судье,— это-вот

мистер Пиквик, эсквайр, это-вот мистер Тапмен, это-вот мистер Снодграсс, а по другую сторону от него мистер Уинкль — все очень порядочные джентльмены, сэр, с которыми вы рады будете познакомиться; и потому, чем скорее вы отправите месяца на два этих-вот своих чинов на ступальную мельницу *, тем скорее мы придем к приятному соглашению. Сперва дело, потом удовольствие, как говорил король Ричард Третий *, когда заколол другого короля в Тауэре, раньше чем придушить детей.

В заключение этой речи мистер Уэллер почистил шляпу правым локтем и благосклонно кивнул головой Джинксу, который слушал все это с невыразимым ужасом.

— Кто этот человек, Граммер? — спросил судья.

— Отчаянный тип, ваш-шесть,— ответил Граммер.— Он пытался освободить арестованных и совершил нападение на констеблей, тогда мы его задержали и привели сюда.

— Вы поступили правильно,— ответствовал судья.— По-видимому, это отчаянный головорез!

— Это мой слуга, сэр,— раздраженно сказал мистер Пиквик.

— А, это ваш слуга, вот как? — переспросил мистер Напкинс.— Заговор с целью противодействия правосудию и убийства его представителей. Слуга Пиквика. Мистер Джинкс, запишите.

Мистер Джинкс записал.

— Как вас зовут, любезный? — прогремел мистер Напкинс.

— Веллер,— ответил Сэм.

— Прекрасное имя для Ньюгетского справочника *,— сказал мистер Напкинс.

Это была острота; поэтому Джинкс, Граммер, Дабли, все специальные констебли и Мазль разразились смехом, длившимся пять минут.

— Запишите его имя, мистер Джинкс,— сказал судья.

— Два *л,* приятель,— сказал Сэм.

Тут один злополучный специальный констебль снова засмеялся, за что судья пригрозил отдать его немедленно под стражу. В таких случаях опасно смеяться некстати.

— Где вы живете? — спросил судья.

— Где придется,— ответил Сэм.

— Запишите, мистер Джинкс,— сказал судья, гнев которого быстро нарастал.

— И подчеркните,— сказал Сэм.

— Он бродяга, мистер Джинкс,— сказал судья.— Бродяга, по собственному признанию. Не так ли, мистер Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— В таком случае я его как бродягу вверю... вверю надежной охране,— сказал мистер Напкинс.

— Вот страна беспристрастного правосудия! — сказал Сэм.— Судья вдвое больше верит другим, чем себе.

Услышав этот выпад, засмеялся еще один специальный констебль, но тотчас попытался придать себе такой неестественно торжественный вид, что судья немедленно и безошибочно открыл виновника.

— Граммер! — сказал мистер Напкинс, краснея от гнева.— Как вы посмели назначить специальным констеблем такого негодного и бесстыдного субъекта? Как вы посмели, сэр?

— Простите, ваш-шесть,— пробормотал Граммер.

— Простите! — воскликнул взбешенный судья.— Вы раскаетесь в таком небрежном отношении к своему долгу, мистер Граммер! Вы будете примерно наказаны! Отнимите жезл у этого молодца, он пьян. Вы пьяны, любезный!

— Я не пьян, ваша честь,— сказал тот.

— Вы пьяны,— возразил судья.— Как вы смеете говорить, что не пьяны, сэр, когда я говорю, что вы пьяны? От него пахнет спиртом, Граммер?

— Ужасно, ваш-шесть,— ответил Граммер, у которого было смутное впечатление, будто около него пахнет ромом.

— Я наперед знал, что он пьян,— сказал мистер Напкинс.— Как только он вошел, я по его возбужденному взгляду сразу увидел, что он пьян. Вы заметили его возбужденный взгляд, мистер Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Сегодня у меня во рту не было ни капли спиртного,— сказал человек, который всегда был трезвенником.

— Как вы смеете мне лгать! — воскликнул мистер Напкинс.— Он пьян, мистер Джинкс?

— Разумеется, сэр,— ответил Джинкс.

— Мистер Джинкс,— сказал судья,— я арестую этого человека за неуважение к суду. Составьте акт о взятии его под стражу, мистер Джинкс.

И специального констебля взяли бы под стражу, если бы Джинкс, который был советчиком судьи (ибо получил юридическое образование, проведя три года в конторе провинциального адвоката), не шепнул судье, что, по его мнению, этого не следует делать; посему судья произнес речь и сказал, что, снисходя к семье констебля, он ограничится выговором и освобождением его от обязанностей. В соответствии с этим он в течение четверти часа горячо отчитывал специального констебля, а затем отправил его восвояси. Граммер, Дабли, Мазль и другие специальные констебли что-то бормотали, восхищаясь великодушием мистера Напкинса.

— А теперь, мистер Джинкс,— сказал судья,— снимите показания с Граммера.

Граммер тотчас же приступил к даче показаний под присягою; но так как Граммер сбивался в своих показаниях, а час обеда мистера Напкинса приближался, мистер Напкинс сократил процедуру, задавая Граммеру наводящие вопросы, на которые Граммер отвечал по мере сил удовлетворительно. Таким образом, допрос прошел очень гладко и плавно: мистеру Уэллеру было предъявлено обвинение в двух случаях применения физического насилия, мистеру Уинклю — в угрозах, а мистеру Снодграссу — в подстрекательстве. Когда все это к удовольствию судьи закончилось, судья и мистер Джинкс приступили к совещанию, которое вели шепотом.

После совещания, длившегося минут десять, мистер Джинкс удалился к своему концу стола, а судья, предварительно откашлявшись, выпрямился в кресле и приготовился произнести речь, как вдруг вмешался мистер Пиквик.

— Простите, сэр, если я перебиваю вас,— сказал мистер Пиквик,— но, раньше чем вы начнете говорить и действовать согласно тому мнению, какое могли себе составить на основании данных здесь показаний, я дол-

жен заявить о своем праве быть выслушанным, поскольку я лично в этом заинтересован.

— Попридержите язык, сэр! — повелительно сказал судья.

— Я должен подчиниться, сэр,— сказал мистер Пиквик.

— Попридержите язык, сэр,— перебил судья,— или я прикажу вас вывести.

— Вы можете приказать своим подчиненным все, что вам угодно, сэр,— сказал мистер Пиквик.— Узнав на собственном опыте субординацию, какая ими соблюдается, я нимало не сомневаюсь, что любое ваше приказание будет исполнено, сэр, но беру на себя смелость, сэр, заявить, что я настаиваю на своем праве быть выслушанным, пока меня не вывели насильно!

— Пиквик и принцип! — воскликнул мистер Уэллер звучным голосом.

— Сэм, молчите,— сказал мистер Пиквик.

— Нем, как прорванный барабан, сэр,— ответил Сэм.

Мистер Напкинс устремил крайне изумленный взгляд на мистера Пиквика, проявившего столь необычайную смелость, и, казалось, собирался дать весьма гневную отповедь, но в это время мистер Джинкс дернул его за рукав и шепнул ему что-то на ухо. На это судья ответил вполголоса, и шепот возобновился. Джинкс, по-видимому, в чем-то его убеждал.

Наконец, судья, проглотив с кислой миной свое нежелание слушать, повернулся к мистеру Пиквику и резко спросил:

— Что вам угодно сказать?

— Во-первых,— начал мистер Пиквик, бросая сквозь очки взгляд, от которого даже Напкинс дрогнул,— во-первых, я желаю знать, на каком основании привели сюда меня и моего друга?

— Обязан я отвечать ему? — шепнул судья Джинксу.

— Я думаю, что вы лучше сделаете, если ответите, сэр,— шепнул Джинкс судье.

— Мне дана была под присягою информация,— сказал судья,— что есть основания опасаться дуэли, которую вы затеваете, а этот другой обвиняемый, Тапмен,

ваш сообщник и подстрекатель. Посему... ну как, мистер Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Посему я постановляю вас обоих... мне кажется, я не ошибаюсь, мистер Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Э... э... что, мистер Джинкс? — раздражительно спросил судья.

— Найти поручителей, сэр.

— Именно. Посему я постановляю, как я уже начал говорить, когда меня перебил мой клерк... постановляю найти поручителей.

— Надежных поручителей,— прошептал Джинкс.

— Я потребую надежных поручителей,— сказал судья.

— Из жителей этого города,— прошептал Джинкс.

— Которые должны быть жителями этого города,— сказал судья.

— Пятьдесят фунтов каждый,— прошептал Джинкс,— и, конечно, домохозяева.

— Я потребую два залога по пятьдесят фунтов каждый,— сказал судья громко и с большим достоинством,— и поручители, конечно, должны быть домохозяева.

— Помилуй бог, сэр! — воскликнул мистер Пиквик, который, как и мистер Тапмен, был вне себя от изумления и негодования.— Мы совершенно чужие люди в этом городе. У меня нет ни одного знакомого среди здешних домохозяев, точно так же как нет ни малейшего намерения драться с кем бы то ни было на дуэли.

— Возможно... возможно...— промолвил судья,— не так ли, мистер Джинкс?

— Разумеется, сэр.

— Что вы имеете еще сказать? — осведомился судья.

Мистер Пиквик *имел* сказать многое и несомненно сказал бы, далеко не к своей выгоде и не к удовольствию судьи, если бы его в тот самый момент, когда он сделал свое заявление, не дернул за рукав мистер Уэллер, с которым он немедленно завязал столь оживленный разговор, что вовсе не слышал вопроса судьи. Мистер Напкинс не принадлежал к числу людей, спо-

собных повторять подобного рода вопросы, и посему, предварительно откашлявшись, он приступил к вынесению приговора, сопровождавшемуся почтительным и восхищенным молчанием констеблей.

Он приговаривал Уэллера уплатить штраф в два фунта за первое применение физического насилия и в три фунта за второе. Он приговаривал Уинкля к уплате штрафа в два фунта, а Снодграсса в один фунт и сверх того потребовал от них подписки в том, что они будут пребывать в мире с подданными его величества и, в частности, с его верноподданным слугой Дэниелем Граммером. Пиквика и Тапмена он уже обязал представить поручителей.

Как только судья умолк, мистер Пиквик с улыбкой, вновь засиявшей на его благодушной физиономии, шагнул вперед и сказал:

— Прошу прощенья у судьи, но не предоставит ли он мне несколько минут для конфиденциального разговора с ним по вопросу, чрезвычайно важному для него самого?

— Что? — сказал судья.

Мистер Пиквик повторил свою просьбу.

— Это в высшей степени необыкновенная просьба,— сказал судья.— Конфиденциальная беседа?

— Конфиденциальная беседа,— подтвердил мистер Пиквик,— но так как часть тех сведений, которые я желаю сообщить, получены от моего слуги, то я хотел бы, чтобы он при этом присутствовал.

Судья посмотрел на мистера Джинкса; мистер Джинкс посмотрел на судью; полицейские с изумлением посмотрели друг на друга. Мистер Напкинс вдруг побледнел. Может быть, этот Уэллер, в минуту раскаяния, желает раскрыть какой-нибудь тайный заговор, составленный против его жизни? Об этом страшно было подумать. Ведь он общественный деятель, и он побледнел еще больше, вспомнив Юлия Цезаря и мистера Персевела *.

Судья снова посмотрел на мистера Пиквика и сделал знак мистеру Джинксу.

— Что вы думаете об этой просьбе, мистер Джинкс? — прошептал мистер Напкинс.

Мистер Джинкс, который хорошенько не знал, что о ней думать, и боялся промахнуться, нерешительно улыбнулся и, скривив губы, медленно покачал головой!

— Мистер Джинкс, вы осел! — торжественно сказал судья.

Услышав такое заключение, мистер Джинкс снова улыбнулся — улыбка вышла более бледной, чем в первый раз,— и шаг за шагом отступил в свой угол.

Мистер Напкинс в течение нескольких секунд обдумывал вопрос самостоятельно, а затем, встав с кресла и предложив мистеру Пиквику и Сэму следовать за ним, направился в маленькую комнату, которая сообщалась с камерой судьи. Предложив мистеру Пиквику удалиться в другой конец маленькой комнаты и придерживая рукой приоткрытую дверь, дабы иметь возможность отступить немедленно при малейшем намеке на враждебные действия, он выразил готовность выслушать сообщение.

— Приступаю прямо к делу, сэр,— сказал мистер Пиквик,— оно существенно затрагивает вас и ваше доброе имя. У меня есть все основания предполагать, сэр, что вы укрываете в своем доме грубого самозванца!

— Двух! — перебил Сэм.— Шелковичная пара оскорбляет всю вселенную слезами и подлостью!

— Сэм! — сказал мистер Пиквик.— Дабы этот джентльмен меня понял, я должен просить вас сдерживать свои чувства.

— Простите, сэр,— отозвался мистер Уэллер,— но стоит мне подумать об этом-вот Джобе, и я должен приоткрыть клапан дюйма на два.

— Словом, сэр,— продолжал мистер Пиквик,— прав ли мой слуга, когда подозревает, что некий капитан Фиц-Маршалл часто бывает у вас в доме? Потому что,— добавил мистер Пиквик, заметив, что мистер Напкинс готов его прервать с величайшим негодованием,—если это так, я знаю, что этот человек...

— Тише, тише,— сказал мистер Напкинс, закрывая дверь.— Вы знаете, сэр, что этот человек...

— Беспринципный авантюрист, бесчестный человек, который живет на чужой счет и делает легковерных людей своими жертвами, сэр,— нелепыми, одураченными,

несчастными жертвами, сэр! — ответил взволнованный мистер Пиквик.

— Боже мой! — воскликнул мистер Напкинс, густо краснея и мгновенно меняя тон.— Боже мой, мистер...

— Пиквик,— подсказал Сэм.

— Пиквик,— повторил судья,— боже мой, мистер Пиквик... пожалуйста, присядьте... что вы говорите? Капитан Фиц-Маршалл?

— Не называйте его ни капитаном, ни Фиц-Маршаллом,— сказал Сэм,— он ни то, ни другое. Бродячий актер, вот кто он такой, а зовут его Джингль! А если есть на свете волк в шелковичной паре, так это Джоб Троттер!

— Это истинная правда, сэр,— сказал мистер Пиквик, отвечая на изумленный взгляд судьи.— В этом городе у меня есть одно только дело: разоблачить человека, о котором мы сейчас говорим.

Мистер Пиквик начал передавать в пораженное ужасом ухо мистера Напкинса краткий перечень преступлений мистера Джингля. Он рассказал, как встретился с ним впервые, как Джингль удрал с мисс Уордль, как он за денежное вознаграждение беззаботно отказался от этой леди, как он его самого заманил в женский пансион в полночь и как он (мистер Пиквик) считает теперь своим долгом уличить его в присвоении носимого им в настоящее время имени и звания.

По мере того как развертывался рассказ, вся горячая кровь в теле мистера Напкинса поднялась до самых кончиков его ушей. Он подцепил капитана на соседнем ипподроме. Очарованные длинным списком его аристократических знакомств, его путешествиями в дальние страны и изысканными манерами, миссис Напкинс и мисс Напкинс демонстрировали капитана Фиц-Маршалла, цитировали капитана Фиц-Маршалла, носились с капитаном Фиц-Маршаллом в избранном кружке своих знакомых так, что их закадычные друзья, миссис Поркенхем, и все мисс Поркенхем, и мистер Сидни Поркенхем готовы были умереть от зависти и отчаяния. А теперь узнать вдруг, что он нищий, авантюрист, бродячий комедиант, и если не мошенник, то так похож на мошенника, что разницу установить трудно! О небо! Что скажут Поркенхемы! Каково будет торжество мистера Сидни Поркенхема,

когда он узнает, что его ухаживанием пренебрегли ради такого соперника! Как встретит он, Напкинс, взгляд старого Поркенхема на ближайшей квартальной сессии судей! А какой это будет козырь для оппозиционной партии, когда эта история разгласится!

— Но в конце концов,— сказал после долгого молчания, на секунду повеселев, мистер Напкинс,— в конце концов это голословное заявление. Капитан Фиц-Маршалл — человек с обворожительными манерами, и, я думаю, у него немало врагов. Какими, скажите, пожалуйста, доказательствами вы можете подкрепить это сообщение?

— Сведите меня с ним,— сказал мистер Пиквик,— вот все, о чем я прошу и на чем настаиваю. Сведите с ним меня и моих друзей, больше никаких доказательств не понадобится.

— Ну, что ж,— сказал мистер Напкинс,— это очень не трудно сделать, так как он будет у меня сегодня вечером, а затем нет необходимости предавать это дело огласке, ради... ради, знаете ли, самого молодого человека. Но прежде всего я бы хотел обсудить с миссис Напкинс уместность такого шага. Во всяком случае, мистер Пиквик, мы должны покончить с этим судебным делом раньше, чем предпринять что-либо другое. Не угодно ли вам вернуться в соседнюю комнату?

И они вернулись в соседнюю комнату.

— Граммер! — произнес грозным голосом судья.

— Ваш-шесть? — отозвался Граммер, улыбаясь, как улыбаются фавориты.

— Пожалуйста, сэр,— сурово сказал судья,— избавьте меня от такого легкомыслия. Оно весьма неуместно, и, смею уверить, у вас мало оснований улыбаться. Показания, которые вы мне только что дали, в точности соответствуют положению вещей? Только будьте осторожны, сэр.

— Ваш-шесть,— заикаясь, начал Граммер,— я...

— Ага, вы смущены! — сказал судья.— Мистер Джинкс, вы замечаете это смущение?

— Разумеется, сэр,— ответил Джинкс.

— Повторите ваше показание, Граммер,— сказал судья,— и я еще раз предупреждаю вас: будьте осторожны. Мистер Джинкс, записывайте его слова.

Злополучный Граммер начал снова излагать свою жалобу, но, в силу того что мистер Джинкс запечатлевал его слова, а судья припечатывал их, а также из-за своей природной склонности говорить бессвязно и крайнего смущения, он меньше чем в три минуты запутался в такой паутине противоречий, что мистер Напкинс тут же заявил о том, что не верит ему. Поэтому штрафы были отменены, а мистер Джинкс мгновенно нашел двух поручителей.

Когда вся эта торжественная процедура была закончена удовлетворительным образом, мистер Граммер был позорно изгнан — устрашающий пример того, сколь неустойчиво человеческое величие и сколь ненадежно благоволение великих людей.

Миссис Напкинс была величественная дама в ярко-розовом газовом тюрбане и светло-каштановом парике. Мисс Напкинс обладала всем высокомерием мамаши, но без тюрбана, и ее злобным нравом, но без парика, и всякий раз, когда проявление этих двух милых качеств сталкивало мать и дочь с какой-нибудь неприятной проблемой, что случалось нередко, они действовали сообща, слагая вину на плечи мистера Напкинса. Поэтому, когда мистер Напкинс отыскал миссис Напкинс и передал сообщение, сделанное мистером Пиквиком, миссис Напкинс вдруг припомнила, что она всегда подозревала нечто в этом роде, она всегда говорила, что это случится, ее советам никогда не следовали, она поистине не знает, за кого се принимает мистер Напкинс, и так далее и так далее.

— Подумать только! — воскликнула мисс Напкинс, выжимая из уголков глаз по слезинке весьма миниатюрных размеров.— Подумать только, что меня так одурачили!

— О! Ты можешь поблагодарить своего папашу, дорогая моя,— сказала миссис Напкинс.— Как я молила и просила этого человека разузнать о семье капитана, как я настаивала и убеждала его сделать какой-нибудь решительный шаг! Я совершенно уверена, что никто этому не поверит... никто.

— Но, дорогая моя...— начал мистер Напкинс.

— Молчи, несносный! Молчи! — сказала миссис Напкинс.

— Милая моя,— сказал мистер Напкинс,— ты не скрывала своей глубокой симпатии к капитану Фиц-Маршаллу. Ты постоянно приглашала его к нам, моя дорогая, и не упускала случая ввести его в другие дома.

— А что я тебе говорила, Генриетта? — тоном глубоко оскорбленной женщины воскликнула миссис Напкинс, взывая к дочери.— Не говорила ли я, что твой папа вывернется и во всем будет обвинять меня? Не говорила я?

При этом миссис Напкинс расплакалась.

— О папа! — с упреком воскликнула мисс Напкинс. И тоже расплакалась.

— Это уж слишком — укорять *меня,* будто я виновата во всем, когда он сам поставил нас в такое позорное и смешное положение! — возопила миссис Напкинс.

— Как мы теперь покажемся в обществе! — сказала мисс Напкинс.

— Как мы встретимся с Поркенхемами! — воскликнула миссис Напкинс.

— Или с Григгами! — воскликнула мисс Напкинс.

— Или со Сламминтаукенами! — воскликнула миссис Напкинс.— Но какое до этого дело твоему папе! Ему что!

При этой ужасной мысли миссис Напкинс в отчаянии зарыдала, и мисс Напкинс последовала ее примеру.

Слезы миссис Напкинс продолжали струиться с большой стремительностью, пока она выгадывала время, чтобы обдумать создавшееся положение, и пока не решила мысленно, что наилучшим выходом будет предложить мистеру Пиквику и его друзьям остаться у них до прибытия капитана и таким образом предоставить мистеру Пиквику случай, которого он искал. Если выяснится, что он сказал правду, капитану можно будет отказать от дома, не разглашая этой истории, а Поркенхемам объяснить его исчезновение, сказав, что благодаря влиянию его семьи при дворе он назначен на пост генерал-губернатора в Сьерра-Леоне, или Соугер Пойнт, или еще в какое-нибудь из тех мест с целебным климатом, которые так очаровывают европейцев, что им редко удается, раз попав туда, вернуться на родину.

Когда миссис Напкинс осушила свои слезы, то и мисс Напкинс осушила свои, и мистер Напкинс был очень рад уладить дело так, как предлагала миссис Напкинс. Таким образом, мистер Пиквик и его друзья, смывшие все следы недавнего столкновения, были приглашены к обеим леди и вскоре после этого — к обеду; а мистер Уэллер, которого судья со свойственной ему проницательностью признал по истечении получаса одним из чудеснейших малых, был препоручен заботам и попечению мистера Мазля, который уделил ему особое внимание и с превеликим удовольствием повел его вниз.

— Как вы себя чувствуете, сэр? — осведомился мистер Мазль, провожая мистера Уэллера в кухню.

— Никакой особой перемены не произошло в моем организме с тех пор, как вы торчали за креслом вашего командира в кабинете,— ответил Сэм.

— Вы простите, что я в то время не обратил на вас должного внимания,— сказал мистер Мазль.— Нас хозяин тогда еще не познакомил. Ах, как вы ему понравились, мистер Уэллер, уверяю вас!

— Да что вы! — отозвался Сэм.— Это в высшей степени любезно с его стороны.

— Не правда ли? — подхватил мистер Мазль.

— Такой шутник...— продолжал Сэм.

— И такой мастер говорить,— сказал мистер Мазль.— Как мысли-то у него текут!

— Удивительно! — ответил Сэм.— Они так и брызжут и стукаются головами так, что как будто оглушают друг друга. Трудно даже догадаться, куда он клонит!

— Да, это великое достоинство его слога,— заметил мистер Мазль.— Осторожно на этой последней ступеньке, мистер Уэллер! Не хотите ли вымыть руки, сэр, прежде чем мы явимся к леди? Вот, сэр, ушат с водой, а за дверью полотенце для общего употребления.

— Пожалуй, пополоскаться следует,— ответил мистер Уэллер, намыливая полотенце желтым мылом и растирая лицо, пока оно не заблестело.— Сколько у вас леди?

— У нас на кухне только две,— сообщил мистер Мазль,— кухарка и горничная. Для черной работы мы держим мальчишку и, кроме того, одну девицу, но они обедают в прачечной.

— О, они обедают в прачечной? — переспросил мистер Уэллер.

— Да,— ответил мистер Мазль.— Когда они поступили, мы пустили их за свой стол, но не могли выдержать. У судомойки ужасно грубые манеры, а мальчишка так сопит, когда ест, что невозможно сидеть с ним за одним столом.

— Молодой бегемот! — заметил мистер Уэллер.

— Ох, какой ужас! — подхватил мистер Мазль.— Это самая плохая сторона службы в провинции, мистер Уэллер, молодые люди — такие дикари. Сюда пожалуйте, сэр, сюда!

Опередив с величайшей вежливостью мистера Уэллера, Мазль ввел его в кухню.

— Мэри,— сказал мистер Мазль хорошенькой служанке,— это мистер Уэллер, джентльмен, которого прислал сюда хозяин и велел принять его получше.

— А ваш хозяин понимает дело и послал меня как раз в надлежащее место,— заметил мистер Уэллер, взглянув с восхищением на Мэри.— Будь я хозяином этого дома, я тоже считал бы, что получше — значит поближе к Мэри.

— Ах, мистер Уэллер! — зардевшись, сказала Мэри.

— Вот как! — воскликнула кухарка.

— Ах, боже мой, кухарка, я и забыл! — сказал мистер Мазль.— Мистер Уэллер, разрешите вас представить.

— Как поживаете, сударыня? — произнес мистер Уэллер.— Очень рад познакомиться с вами и надеюсь, что наше знакомство будет длительным, как говорил джентльмен, обращаясь к пятифунтовому билету.

Когда церемония представления была закончена, кухарка и Мэри удалились в людскую, чтобы там минут десять похихикать; потом вернулись, смеясь и краснея, и сели обедать.

Непринужденность мистера Уэллера и его красноречие возымели столь непреодолимое действие на его новых друзей, что задолго до конца обеда они уже сошлись на короткую ногу и узнали со всеми подробностями о вероломстве Джоба Троттера.

— Я всегда не выносила этого Джоба,— сказала Мэри.

— Иначе и быть не могло, моя милая,— отозвался Сэм.

— Почему? — осведомилась Мэри.

— Потому что уродство и надувательство никогда не могут подружиться с красотой и добродетелью,— ответил мистер Уэллер.— Не правда ли, мистер Мазль?

— Никоим образом,— отозвался этот джентльмен.

По этому случаю Мэри рассмеялась и сказала, что ее рассмешила кухарка, а кухарка рассмеялась и сказала, что она не смешила.

— У меня нет стакана,— сказала Мэри.

— Пейте из моего, моя прелесть,— предложил мистер Уэллер.— Приложите губки к этому-вот стакану, и тогда я могу вас поцеловать через посредника.

— Как вам не стыдно, мистер Уэллер! — сказала Мэри.

— Почему мне должно быть стыдно, моя драгоценная?

— Стыдно так говорить.

— Вздор! Никакой беды тут нет. Это натурально. Не правда ли? — обратился мистер Уэллер к кухарке.

— Не спрашивайте меня, бесстыдник,— ответила кухарка в превеликом восхищении.

По этому случаю кухарка и Мэри снова стали хохотать, пока вследствие совместного действия пива, холодного мяса и смеха последняя едва не задохнулась; это был устрашающий припадок, от коего она оправилась только благодаря похлопыванию по спине и другим необходимым услугам, которые с величайшей деликатностью оказывал мистер Сэмюел Уэллер. В самый разгар веселья и смеха раздался громкий звонок у садовой калитки; юный джентльмен, который обедал в прачечной, немедленно побежал отворять. Внимание мистера Уэллера было всецело поглощено хорошенькой горничной; мистер Мазль был занят угощением гостя, а кухарка только что перестала хохотать и подносила ко рту огромный кусок, как вдруг дверь в кухне открылась и вошел мистер Джоб Троттер.

Мы сказали — вошел мистер Джоб Троттер, но это выражение не отвечает нашему правилу строго придерживаться фактов. Дверь открылась, и появился мистер Троттер. Он *хотел* войти и даже собирался это сделать, как вдруг заметил мистера Уэллера, невольно отступил

шага на два и остановился, взирая на неожиданно открывшуюся перед ним картину и совершенно оцепенев от изумления и ужаса.

— Вот он! — воскликнул Сэм, весело вскакивая с места.— Да ведь мы только что о вас говорили! Как поживаете? Где вы были? Входите!

Возложив руку на шелковичный воротник несопротивлявшегося Джоба, мистер Уэллер втащил его в кухню, запер дверь на ключ и передал ключ мистеру Мазлю, а тот хладнокровно опустил его в боковой карман и застегнул пуговицу.

— Вот потеха! — вскричал Сэм.— Подумать только, что мой хозяин имел удовольствие встретиться с вашим там наверху, а я радуюсь встрече с вами здесь внизу! Ну, как же вы поживаете и как подвигается дело с колониальной торговлей? Как я рад вас видеть! Какой у вас довольный вид! Истинное наслаждение повидаться с вами, не правда ли, мистер Мазль?

— Совершенно верно,— подтвердил мистер Мазль.

— Какой он веселый! — сказал Сэм.

— В каком прекрасном расположении духа! — сказал Мазль.

— И как он рад видеть *нас* — от этого встреча еще приятнее,— сказал Сэм.— Присаживайтесь, присаживайтесь!

Мистер Троттер не сопротивлялся и был усажен на стул возле очага. Он поднял свои маленькие глазки сперва на мистера Уэллера, потом на мистера Мазля, но ничего не сказал.

— Ну-с, а теперь,— продолжал Сэм,— в присутствии этих леди я бы хотел спросить просто так, из любопытства, считаете ли вы себя самым милым и воспитанным молодым джентльменом, который прибегает к помощи розового клетчатого платочка и сборника гимнов номер четвертый?

— И который собирается жениться на кухарке? — с возмущением объявила сия леди.— Негодяй!

— И отказаться от дурных навыков и заняться колониальной торговлей? — вставила горничная.

— А теперь я вам объясню, в чем тут дело, молодой человек,— торжественно начал мистер Мазль, распаляясь при двух последних намеках.— Вот эта леди (указывая на кухарку) водит компанию со мной, и когда вы осмеливаетесь, сэр, говорить о том, что откроете с ней колониальную лавку, вы меня раните в самое чувствительное место, в какое только может один мужчина ранить другого. Вы меня понимаете, сэр?

Тут мистер Мазль, который, в подражание своему хозяину, был высокого мнения о своем красноречии, умолк в ожидании ответа.

Но мистер Троттер не дал никакого ответа. И мистер Мазль продолжал торжественным тоном:

— Очень возможно, сэр, что наверху вы не понадобитесь в течение нескольких минут, сэр, потому что *мой* хозяин в настоящее время чрезвычайно занят — сводит счеты с *вашим* хозяином, сэр, и, стало быть, у вас найдется свободное время, сэр, для маленького секретного разговора со мной, сэр. Вы меня понимаете, сэр?

Мистер Мазль снова умолк в ожидании ответа, и снова мистер Троттер его разочаровал.

— Ну, в таком случае,— продолжал мистер Мазль,— мне очень жаль, что приходится объясняться в присутствии леди, но дело важное, и они мне простят. В людской никого нет, сэр. Если вы пройдете туда, сэр, мистер Уэллер позаботится, чтобы все было по правилам, и мы можем получить взаимное удовлетворение, пока не зазвонит колокольчик. Следуйте за мной, сэр!

Произнеся эти слова, мистер Мазль шагнул к двери и, дабы выиграть время, начал на ходу снимать куртку.

Но как только кухарка услышала заключительные слова этого смелого вызова и увидела, что мистер Мазль собирается приступить к делу, она испустила громкий и пронзительный вопль и, бросившись на мистера Джоба Троттера, который тотчас же встал со стула, начала царапать и бить его по широкой плоской физиономии с энергией, свойственной возбужденным особам женского пола, и, запустив руки в его длинные черные волосы, выдрала примерно столько, что хватило бы на пять-шесть дюжин траурных колец самого большого размера. Совершив этот подвиг со всем пылом, какой внушила ей преданная любовь к мистеру Мазлю, она, шатаясь, отступила и, будучи леди тонко и деликатно чувствующей, немедленно свалилась под кухонный стол и лишилась чувств.

В эту минуту раздался звонок.

— Это за вами, Джоб Троттер! — сказал Сэм.

И, раньше чем мистер Троттер мог возразить или ответить, раньше даже, чем он успел остановить кровь из царапин, нанесенных лишившейся чувств леди, Сэм схватил его за одну руку, а мистер Мазль за другую; один тащил вперед, другой подталкивал сзади: так они его и препроводили по лестнице прямо в гостиную.

Их взорам открылась поразительная картина. Альфред Джингль, эсквайр, он же капитан Фиц-Маршалл, стоял у двери со шляпой в руке и улыбкой на лице, нимало не смущенный своим крайне неприятным положением. Против него стоял мистер Пиквик, который, по-видимому, внедрял в него какое-то высоконравственное поучение, ибо левая его рука покоилась под фалдами фрака, а правая была простерта в воздухе, по привычке, свойственной ему, когда он произносил торжественные речи. Неподалеку стоял с негодующей физиономией мистер Тапмен, которого заботливо удерживали двое его младших друзей; в дальнем конце комнаты находились мистер Напкинс, миссис Напкинс и мисс Напкинс, мрачно величественные и вне себя от возмущения.

— Что мешает мне,— со свойственным судье достоинством произнес мистер Напкинс, когда ввели Джоба,— что мешает мне задержать этих людей как мошенников и самозванцев? Нелепое сострадание. Что мешает мне?

— Чванство, старый приятель, чванство,— отозвался Джингль, сохраняя спокойствие.— Не задержите — — не пройдет — — заполучили капитана, э? Ха-ха! Очень хорошо — — партия для дочери — — попали впросак — — предать огласке — — ни за что на свете — — дурацкое положение — — весьма!

— Жалкий человек! — воскликнула миссис Напкинс.— Мы презираем ваши гнусные намеки!

— Я всегда его терпеть не могла,— добавила Генриетта.

— О, конечно! — продолжал Джингль.— Рослый молодой человек — — старый поклонник — — Сидни Поркенхем — — богат — — красивый малый — — однако не так богат, как капитан,— — выставить его — — покончить с ним — — все на свете ради капитана — — нет равных капитану — — все девицы — — без ума от него — — не так ли, Джоб?

Тут мистер Джингль расхохотался от всей души, а Джоб, радостно потирая руки, издал первый звук с тех пор, как вошел в дом,— тихое, чуть слышное хихиканье, которое как будто имело целью выразить, что он слишком дорожит своим смехом, чтобы позволить ему улетучиться в звуке.

— Мистер Напкинс,— сказала миссис Напкинс,— этот разговор неуместен в присутствии слуг. Прогоните этих негодяев!

— Правильно, моя дорогая,— отозвался мистер Напкинс.— Мазль!

— Ваша честь?

— Откройте парадную дверь.

Слушаю, ваша честь.

— Оставьте этот дом! — сказал мистер Напкинс, выразительно размахивая рукой.

Джингль улыбнулся и шагнул к двери.

— Стойте! — сказал мистер Пиквик.

Джингль остановился.

— Я бы мог,— сказал мистер Пиквик,— отомстить сильнее за все, что перенес от вас и от этого вашего лицемерного друга.

Джоб Троттер поклонился с большой учтивостью и приложил руку к сердцу.

— Я говорю,— продолжал мистер Пиквик, постепенно начиная раздражаться,— что мог бы отомстить сильнее, но я довольствуюсь тем, что разоблачил вас, и это разоблачение считаю своим долгом по отношению к обществу. Это снисходительность, сэр, о которой, надеюсь, вы будете помнить.

Когда мистер Пиквик дошел до этого пункта, Джоб Троттер с шутливой важностью приставил руку к уху, словно боялся упустить хотя бы один слог.

— И я могу только добавить, сэр,— сказал мистер Пиквик, окончательно рассердившись,— что я считаю вас мошенником и... и негодяем... и... и хуже которого не видал... и не слыхал... за исключением этого святоши и бродяги в шелковичной ливрее.

— Ха-ха! — отозвался Джингль.— Славный малый Пиквик— —доброе сердце — — крепкий старикашка — — но горячиться не следует — — вредно, весьма — — до свиданья — — еще увидимся — — не падайте духом — — ну, Джоб, — — трогай!

С этими словами мистер Джингль нахлобучил шляпу на свой особый лад и вышел из комнаты. Джоб Троттер помешкал, огляделся по сторонам, улыбнулся, а затем отвесив мистеру Пиквику насмешливо торжественный

поклон и подмигнув мистеру Уэллеру с дерзким лукавством, которое превосходило всякое описание, последовал за своим неунывающим хозяином.

— Сэм! — сказал мистер Пиквик, когда мистер Уэллер двинулся было вслед за ними.

— Сэр?

— Останьтесь здесь.

Мистер Уэллер, казалось, колебался.

— Останьтесь здесь,— повторил мистер Пиквик.

— Нельзя ли мне отполировать Джоба в палисаднике? — спросил мистер Уэллер.

— Конечно, нет,— ответил мистер Пиквик.

— Нельзя ли мне вышвырнуть его за ворота, сэр? — спросил мистер Уэллер.

— Ни под каким видом,— ответил хозяин.

Мистер Уэллер впервые с тех пор, как поступил на службу, состроил на момент недовольную и разочарованную мину. Но его лицо мгновенно прояснилось, ибо коварный мистер Мазль, спрятавшись за парадной дверью и стремительно выскочив в надлежащий момент, с большой ловкостью спустил как мистера Джингля, так и его верного слугу с лестницы прямо в стоявшие внизу кадки с агавами.

— Исполнив свой долг, сэр,— обратился мистер Пиквик к мистеру Напкинсу,— я вместе с моими друзьями распрощаюсь с вами. Я приношу вам благодарность за то гостеприимство, с каким мы были встречены, и прошу разрешения заявить от имени всех нас, что мы бы его не приняли и не согласились на подобный выход из создавшегося положения, если бы нас не побуждало живейшее чувство долга. Завтра мы возвращаемся в Лондон. Вашу тайну мы будем хранить.

Выразив таким образом свой протест против утреннего инцидента, мистер Пиквик низко поклонился и, несмотря на уговоры всей семьи, вышел из комнаты вместе со своими друзьями.

— Наденьте шляпу, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Она внизу, сэр,— ответил Сэм и побежал за нею.

В кухне не было никого, кроме хорошенькой горничной; и так как шляпы Сэма не оказалось на месте, он должен был ее искать, а хорошенькая горничная светила

ему. Им пришлось осмотреть всю комнату в поисках шляпы. Хорошенькая горничная, горя желанием найти ее, опустилась на колени и перерыла все вещи, сваленные в углу за дверью. Это был неудобный угол: до него нельзя было добраться, не закрыв предварительно двери.

— Вот она! — сказала хорошенькая горничная.— Это она?

— Дайте-ка, я посмотрю,— сказал Сэм.

Хорошенькая горничная поставила свечу на пол. Свет она давала очень тусклый. Сэму тоже пришлось опуститься на колени, чтобы разглядеть, действительно ли это его шляпа. Это был удивительно тесный угол, и,— в этом не виноват никто, кроме человека, который строил дом,— Сэм и хорошенькая горничная поневоле очутились очень близко друг от друга.

— Да, это она,— сказал Сэм.— Прощайте.

— Прощайте,— сказала хорошенькая горничная.

— Прощайте,— сказал Сэм и с этими словами уронил шляпу, которую стоило такого труда найти.

— Какой вы неловкий! — сказала хорошенькая горничная.— Вы опять ее затеряете, если не будете осторожнее.

И только для того, чтобы шляпа снова не затерялась, она надела ее ему на голову.

Может быть, лицо хорошенькой горничной стало еще красивее, когда она обратила его к Сэму, а может быть, это было случайное следствие того, что они находились так близко друг от друга,— остается невыясненным по сей день, но только Сэм ее поцеловал.

— Ведь вы это сделали не нарочно? — краснея, сказала хорошенькая горничная.

— Ну, конечно! — сказал Сэм.— А вот теперь нарочно.

И он поцеловал ее еще раз.

— Сэм! — крикнул мистер Пиквик, перегнувшись через перила.

— Иду, сэр! — отозвался Сэм, взбегая по лестнице.

— Как долго вы возились! — заметил мистер Пиквик.

— Там было что-то за дверью, сэр, мы не могли ее сразу открыть,— ответил Сэм.

Таков был первый эпизод первой любви мистера Уэллера.

ГЛАВА XXVI,

которая содержит краткий отчет о ходе дела Бардл против Пиквика

Разоблачив Джингля и достигнув таким образом главной цели своего путешествия, мистер Пиквик решил немедленно вернуться в Лондон, чтобы ознакомиться с теми действиями, какие были за это время предприняты против него мистерами Додсоном и Фоггом. Следуя этому решению со всей энергией и настойчивостью, свойственными его характеру, он взобрался на заднее место первой же кареты, которая отходила из Ипсуича утром после памятных событий, пространно изложенных в двух предшествующих главах, и в сопровождении трех своих друзей и мистера Сэмюела Уэллера прибыл в столицу, в полном здравии и благополучии, вечером того же дня.

Здесь друзья на некоторое время расстались.

Мистеры Тапмен, Уинкль и Снодграсс разъехались по своим домам, чтобы заняться необходимыми приготовлениями к предстоящему визиту в Дингли Делл, а мистер Пиквик и Сэм нашли себе пристанище в очень хорошем старомодном и комфортабельном помещении,— а именно в таверне и гостинице «Джордж и Ястреб», Джордж-Ярд на Ломберд-стрит.

Мистер Пиквик пообедал, покончил со второй пинтой превосходного портвейна, прикрыл голову шелковым носовым платком, положил ноги на каминную решетку и откинулся на спинку удобного кресла, но внезапное появление мистера Уэллера с дорожной сумкой вывело его из спокойного созерцательного состояния.

— Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Сэр? — откликнулся мистер Уэллер.

— Я только что думал о том,— сказал мистер Пиквик,— что у миссис Бардл на Госуэлл-стрит осталось очень много вещей и следовало бы их взять до нашего отъезда.

— Очень хорошо, сэр,— ответил мистер Уэллер.

— Я бы мог отослать их на время к мистеру Тапмену, Сэм,— продолжал мистер Пиквик,— по прежде

необходимо их разобрать и уложить. Вам нужно пойти на Госуэлл-стрит, Сэм, и уладить это дело.

— Сейчас, сэр? — осведомился мистер Уэллер.

— Сейчас,— ответил мистер Пиквик.— Постойте, Сэм,— добавил мистер Пиквик, вытаскивая кошелек,— нужно уплатить за квартиру. Срок истекает на святках, но расплатитесь и покончите с этим делом. Я предупреждаю за месяц и отказываюсь от квартиры. Вот предупреждение в письменной форме. Передайте его и скажите миссис Бардл, что она может сдать комнаты, когда ей будет угодно.

— Прекрасно, сэр,— ответил мистер Уэллер.— Больше ничего?

— Больше ничего, Сэм.

Мистер Уэллер медленно пошел к двери, словно ждал еще чего-то, медленно открыл ее, медленно вышел и медленно прикрыл ее дюйма на два, когда мистер Пиквик крикнул:

— Сэм!

— Сэр? — отозвался мистер Уэллер, быстро возвращаясь и закрывая за собой дверь.

— Сэм, я отнюдь не возражаю, если вы попытаетесь узнать, как расположена ко мне сама миссис Бардл и можно ли считать вероятным, что это гнусное и ни на чем не основанное дело будет доведено до конца. Я говорю, что не возражаю против этого, если у вас есть желание разузнать, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

Сэм слегка кивнул головой в знак понимания и вышел из комнаты. Мистер Пиквик снова накрыл голову шелковым носовым платком и приготовился вздремнуть. Мистер Уэллер быстро удалился, чтобы исполнить поручение.

Было около десяти часов, когда он добрался до Госуэлл-стрит. В маленькой гостиной, выходившей окнами на улицу, горели две свечи, и на штору падала тень от двух женских шляп. У миссис Бардл были гости.

Мистер Уэллер постучал в дверь, и после довольно длинного промежутка времени, в течение которого на улице высвистывался какой-то мотив, а в доме преодолевалось упрямство свечи, не желавшей загораться, пара маленьких башмаков затопала по коврику в передней, и появился юный Бардл.

— Ну, сорванец,— сказал Сэм,— как поживает мамаша?

— Она здорова,— ответил юный Бардл,— и я тоже.

— Какое счастье! — сказал Сэм.— Передайте ей, что я хочу с ней поговорить, слышите, юный феномен?

После такой просьбы юный Бардл поставил свечу на нижнюю ступеньку и исчез вместе со своим поручением в гостиной.

Две шляпы, бросавшие тень на штору, были головными уборами двух самых близких приятельниц миссис Бардл, которые только что пришли, чтобы мирно выпить чашку чаю и разделить с хозяйкой скромный горячий ужин, состоявший из двух порций поросячьих ножек и поджаренного сыра. Сыр восхитительно подрумянивался в маленькой голландской печке перед камином; поросячьи ножки чувствовали себя превосходно в маленькой жестяной кастрюльке, висевшей на крюке, миссис Бардл и ее две подруги также чувствовали себя прекрасно, мирно беседуя обо всех своих близких друзьях и знакомых, когда юный Бардл, выходивший к парадной двери, вернулся и передал поручение, доверенное ему мистером Сэмюелом Уэллером.

— Слуга мистера Пиквика! — сказала, бледнея, миссис Бардл.

— Ах, боже мой! — сказала миссис Клаппинс.

— Право же, я бы этому не поверила, если бы это случилось не при мне,— сказала миссис Сендерс.

Миссис Клаппинс была маленькая, живая, суетливая женщина; миссис Сендерс — большая, толстая, широколицая особа; и обе пришли в гости к миссис Бардл.

Миссис Бардл сочла уместным заволноваться; а так как ни одна из трех в сущности не знала, следует ли при данных обстоятельствах поддерживать со слугой мистера Пиквика какие бы то ни было отношения иначе, чем через Додсона и Фогга, то все они были захвачены врасплох. В таком состоянии нерешительности было ясно, что первым делом следует угостить тумаком мальчика за то, что он встретил у двери мистера Уэллера. Поэтому мать дала ему тумака, и он мелодически заревел.

— Перестань вопить... негодное создание! — сказала миссис Бардл.

— Да, не огорчай твою бедную мать,— вмешалась миссис Сендерс.

— У нее достаточно огорчений и без тебя, Томми,— с сострадательной покорностью вымолвила миссис Клаппинс.

— Ах, вот не везет бедняжке! — сказала миссис Сендерс.

От этих поучительных замечаний юный Бардл завыл еще громче.

— Что же мне делать? — обратилась миссис Бардл к миссис Клаппинс.

— Я думаю, вам следует его принять,— ответила миссис Клаппинс.— Но непременно при свидетеле.

— Мне кажется, закон предпочитает двух свидетелей,— сказала миссис Сендерс, которая, как и первая приятельница, сгорала от любопытства.

— Пожалуй, лучше всего будет впустить его сюда,— решила миссис Бардл.

— Разумеется,— ответила миссис Клаппинс, с живостью подхватывая эту мысль.— Войдите, молодой человек, и, пожалуйста, закройте сначала парадную дверь.

Мистер Уэллер мгновенно принял приглашение, и, войдя в гостиную, изложил дело миссис Бардл в следующих выражениях:

— Очень сожалею, если причиню личные неудобства, сударыня, как говорил грабитель, загоняя старую леди в растопленный камин, но так как мы с хозяином только что приехали в город и собираемся опять уехать, то уж тут, знаете ли, ничего не поделаешь.

— Конечно, молодой человек не может отвечать за грехи своего хозяина,— заметила миссис Клаппинс, на которую наружность мистера Уэллера и его умение вести разговор произвели большое впечатление.

— Несомненно! — подхватила миссис Сендерс, которая, если судить по задумчивым взглядам, устремленным на маленькую жестяную кастрюлю, казалось мысленно подсчитывала предполагаемое количество поросячьих ножек на случай, если Сэму предложат остаться к ужину.

— А пришел я сюда вот для чего,— продолжал Сэм, игнорируя эти замечания: — во-первых, передать отказ

моего хозяина от квартиры — вот он; во-вторых, внести квартирную плату — вот она; в-третьих, сказать, чтобы все его вещи были собраны и переданы тому, кого мы за ними пришлем; в-четвертых, сообщить, что вы можете сдать это помещение, когда вам угодно,— вот и все.

— Что бы ни произошло,— сказала миссис Бардл,— а я всегда говорила и теперь скажу: во всех отношениях, кроме одного, мистер Пиквик держал себя как настоящий джентльмен. Деньги всегда были за ним все равно что в банке, всегда!

Говоря это, миссис Бардл приложила платок к глазам и вышла из комнаты написать расписку.

Сэм прекрасно знал, что ему нужно только помолчать, и женщины непременно начнут говорить, поэтому он в глубоком молчании рассматривал по очереди: жестяную кастрюлю, поджаренный сыр, стену и потолок.

— Бедняжка! — сказала миссис Клаппинс.

— Ах, бедное создание! — подхватила миссис Сендерс.

Сэм ничего не сказал. Было ясно, что они заговорят на тему, его интересовавшую.

— Право же, я не могу совладать с собой,— сказала миссис Клаппинс,— когда подумаю о таком вероломстве. Я не хочу задеть вас, молодой человек, но ваш хозяин — старый изверг, и если бы он был здесь, я бы ему это сказала в лицо!

— Скажите! — посоветовал Сэм.

— Видеть, как ужасно она это принимает к сердцу, бредит и тоскует, ни в чем не находит удовольствия, разве что зайдут из жалости подруги посидеть с нею и утешить ее,— продолжала миссис Клаппинс, поглядывая на жестяную кастрюлю и голландскую печку,— это возмутительно!

— Бесчеловечно,— сказала миссис Сендерс.

— А ваш хозяин, молодой человек! Джентльмен со средствами, он бы и не почувствовал расходов на жену, так бы и не почувствовал! — продолжала миссис Клаппинс с большим увлечением.— Нет никакого оправдания его поведению! Почему он на ней не женится?

— А ведь правда! — сказал Сэм.— Вот в чем вопрос!

— Вот именно, вопрос! — подхватила миссис Клап-

пинс.— Она бы ему задала вопрос, будь у нее мой характер. Однако *есть* закон, защищающий нас, женщин, которых они сделали бы несчастными созданиями, если бы могли, а в этом, молодой человек, ваш хозяин убедится, поплатившись раньше, чем успеет постареть на полгода.

При этом утешительном замечании миссис Клаппинс улыбнулась миссис Сендерс, которая также ответила ей улыбкой.

«Делу дан ход, это ясно»,— подумал Сэм, когда миссис Бардл вернулась с распиской.

— Вот расписка, мистер Уэллер,— сказала миссис Бардл,— а вот сдача, и, надеюсь, вы выпьете стаканчик, чтобы согреться. Выпейте хотя бы ради старого знакомства.

Сэм понял, какую можно извлечь из этого выгоду, и немедленно согласился. Миссис Бардл достала из шкафчика черную бутылку и рюмку; ее рассеянность, вызванная глубокой душевной скорбью, была так велика, что, наполнив рюмку мистера Уэллера, она извлекла еще три винных рюмки, которые тоже наполнила.

— Ах, миссис Бардл! — воскликнула миссис Клаппинс.— Посмотрите-ка, что вы сделали!

Сэм, конечно, все это смекнул и потому тотчас же сказал, что никогда не пьет до ужина, если вместе с ним не выпьет леди. Над этим весело посмеялись, и миссис Сендерс решила его потешить и пригубила из своей рюмки. Тогда Сэм заметил, что вино следует пустить вкруговую, и все пригубили. Вслед за сим маленькая миссис Клаппинс предложила тост за успех в процессе «Бардл против Пиквика», и леди, осушив рюмки под этот тост, тотчас же сделались очень разговорчивы.

— Должно быть, вы слышали о том, что происходит, мистер Уэллер? — спросила миссис Бардл.

— Слыхал кое-что,— ответил Сэм.

— Это ужасно, мистер Уэллер, если вас выставляют таким образом перед публикой! — сказала миссис Бардл.— Но теперь я понимаю: ничего другого мне не оставалось сделать, и мои адвокаты, мистер Додсон и Фогг, говорят, что с теми свидетелями, которых мы вызовем, мы должны выиграть дело. Но я не знаю, что

я буду делать, мистер Уэллер, если мне не удастся его выиграть!

Одна мысль о возможности для миссис Бардл проиграть процесс так глубоко задела миссис Сендерс, что она была вынуждена сейчас же вновь наполнить и осушить свою рюмку; если бы у нее не хватило на это присутствия духа, ей сделалось бы дурно, как объяснила она вслед за этим.

— Когда будет слушаться дело? — осведомился Сэм.

— В феврале или в марте,— ответила миссис Бардл.

— А свидетелей-то сколько! — сказала миссис Клаппинс.

— О да! — подхватила миссис Сендерс.

— В какое бешенство пришли бы мистер Додсон и Фогг, если бы истец проиграл! — добавила миссис Клаппинс.— Они ведут все это дело на свой страх и риск.

— Еще бы не пришли в бешенство! — сказала миссис Сендерс.

— Но истица должна выиграть,— заключила миссис Клаппинс.

— Надеюсь,— сказала миссис Бардл.

— О, тут не может быть никаких сомнений! — подхватила миссис Сендерс.

— Прекрасно! — сказал Сэм, поднимаясь и ставя свою рюмку на стол.— Я могу только одно сказать: желаю вам не остаться в проигрыше.

— Благодарю вас, мистер Уэллер,— с жаром отозвалась миссис Бардл.

— А что до этих Додсонов и Фоггов, которые ведут такого рода дела на свой страх и риск,— продолжал мистер Уэллер,— и всех других добрых и благородных людей той же профессии, тех, что даром, без гонорара, натравливают ближних друг на друга и засаживают своих клерков за работу, чтобы выискивать у соседей и знакомых мелкие ссоры, которые потом нужно решать с помощью судебных процессов,— о них я одно могу сказать: желаю, чтобы они получили ту награду, какую я бы им дал.

— Ах, если бы получили они награду, которую готово присудить им каждое доброе и благородное сердце! — удовлетворенно воскликнула миссис Бардл.

— Аминь! — отозвался Сэм.— И после такой награды зажили бы они сытно и привольно! Желаю вам доброй ночи, леди!

К великому облегчению миссис Сендерс, Сэм удалился, не услышав от хозяйки ни единого упоминания о поросячьих ножках и поджаренном сыре. Дамы с той посильной для младенца помощью, какую мог оказать юный Бардл, щедро воздали всему этому должное — благодаря их напряженным усилиям ужин исчез.

Мистер Уэллер вернулся в «Джордж и Ястреб» и в точности изложил своему хозяину те указания на ловкие маневры Додсона и Фогга, какие ему удалось выудить во время своего визита к миссис Бардл. На следующий день свидание с мистером Перкером более чем подтвердило доклад мистера Уэллера. И мистер Пиквик вынужден был готовиться к рождественскому визиту в Дингли Делл, предвкушая, что спустя два-три месяца дело, начатое против него по возмещению убытков за нарушение брачного обещания, будет разбираться в Суде Общих Тяжб, причем на стороне истицы окажутся все преимущества, вытекающие не только из совокупности обстоятельств, но и из хитрых маневров Додсона и Фогга.

ГЛАВА XXVII

Сэмюел Уэллер совершает паломничество в Доркинг и лицезреет свою мачеху

Так как оставалось еще двое суток до того дня, который был назначен для отъезда пиквикистов в Дингли Делл, мистер Уэллер после раннего обеда уселся в задней комнате «Джорджа и Ястреба», чтобы поразмыслить о том, как бы получше распорядиться свободным временем. День был удивительно ясный. Не прошло и десяти минут, как в нем заиграли чувства сыновней любви и нежности; он с такой силой почувствовал необходимость повидаться с отцом и засвидетельствовать свое почтение мачехе, что пришел в изумление от собственного пренебрежения моральным долгом. Загорев-

шись желанием безотлагательно загладить прежнее небрежение, он немедленно отправился наверх к мистеру Пиквику и попросил отпустить его для выполнения этого похвального намерения.

— Конечно, Сэм, конечно! — сказал мистер Пиквик, у которого глаза заблестели от удовольствия, вызванного этим проявлением сыновнего чувства со стороны его слуги и спутника.— Конечно, Сэм!

Мистер Уэллер отвесил благодарственный поклон.

— Я очень рад, что у вас такое высокое сознание сыновнего долга, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Оно всегда у меня было, сэр,— ответил мистер Уэллер.

— Это весьма утешительная мысль, Сэм,— одобрительно сказал мистер Пиквик.

— Весьма, сэр,— ответил мистер Уэллер.— Если мне что-нибудь нужно было от отца, я всегда просил почтительно и вежливо. А когда он мне не давал, я сам брал, потому что боялся — не будет этого у меня, и я натворю чего-нибудь похуже. Таким образом, я его избавил от многих хлопот, сэр.

— Это не совсем то, что я хотел сказать, Сэм,— возразил мистер Пиквик, с легкой улыбкой покачивая головой.

— Все от добрых чувств, сэр,— с наилучшими намерениями, как говорил джентльмен, удрав от своей жены, потому что, кажется, ему неважно жилось с нею,— ответил мистер Уэллер.

— Можете идти, Сэм,— сказал мистер Пиквик.

— Благодарю вас, сэр,— ответил мистер Уэллер.

И, отвесив свой самый изящный поклон и надев самый изящный свой костюм, Сэм уселся на крыше эренделской кареты * и отправился в Доркинг.

«Маркиз Гренби» во времена миссис Уэллер был поистине образцом лучших придорожных постоялых дворов: он был достаточно велик, чтобы считаться удобным, но был достаточно мал, чтобы считаться уютным. На противоположной стороне дороги находилась большая вывеска на высоком столбе, изображавшая голову и плечи джентльмена с апоплексической физиономией,— на нем был красный фрак с темно-синими отворотами,

а над его треуголкой — мазок той же синей краски, изображавший небо. Еще выше помещались два флага; ниже последней пуговицы на его фраке помещались две пушки; а все вместе являлось выразительным и не вызывающим сомнений портретом славной памяти маркиза Гренби.

В окне буфетной красовалась превосходная коллекция гераней и блестящий ряд сосудов со спиртными напитками. На открытых ставнях виднелись различные надписи золотыми буквами, восхвалявшие мягкую постель и добрые вина; а внушительная группа поселян и конюхов, которые слонялись у дверей конюшни и возле водопойной колоды, служила показателем превосходного качества эля и горячительных напитков, продававшихся в буфетной. Спустившись с крыши кареты, Сэм Уэллер приостановился, чтобы глазом опытного путешественника отметить все эти мелочи, свидетельствовавшие о процветании заведения; обозрев всю картину, он немедленно вошел в дом, чрезвычайно довольный тем, что видел.

— Ну, что такое? — раздался пронзительный женский голос, лишь только Сэм просунул голову в дверь.— Что вам нужно, молодой человек?

Сэм посмотрел в ту сторону, откуда раздался голос. Он принадлежал довольно полной леди приятной наружности, которая сидела у камина в буфетной, раздувая огонь, чтобы вскипятить воду для чая. Она была не одна: по другую сторону камина, в кресле с высокой спинкой, сидел прямой, как жердь, человек в потертом черном костюме, с такой же длинной и негнущейся спиной, как спинка кресла,— человек, который сразу же привлек к себе особое и чрезвычайное внимание Сэма.

Это был красноносый джентльмен с длинной, худой ханжеской физиономией и глазами, напоминающими глаз гремучей змеи,— довольно острыми, но решительно неприятными. На нем были очень короткие штаны и черные бумажные чулки, которые, как и весь его костюм, заметно порыжели. Вид у него был накрахмаленный, но белый галстук накрахмален не был, и его длинные мятые концы болтались над застегнутым наглухо жилетом весьма неряшливо и неживописно. Пара поношен-

ных толстых суконных перчаток, широкополая шляпа и полинявший зеленый зонт с пластинками из китового уса, торчащими сквозь покрышку, словно для замены отсутствующей ручки, лежали на стуле, размещенные с большой аккуратностью и заботливостью, свидетельствуя, казалось, о том, что красноносый, кто бы он ни был, не имеет ни малейшего намерения спешить с уходом.

Следует отдать справедливость красноносому: он был бы очень глуп, если бы питал подобного рода намерение, ибо, судя по всем видимостям, он должен был бы располагать весьма завидным кругом знакомств, чтобы рассчитывать на больший комфорт в другом месте. Огонь ярко пылал благодаря раздувательным мехам, а благодаря общим усилиям огня и мехов чайник весело пел. Маленький поднос с чайным прибором стоял на столе, тарелка с горячими намазанными маслом гренками тихонько шипела перед огнем, а сам красноносый был усердно занят превращением большого куска хлеба в такое же аппетитное блюдо, ибо орудовал длинной медной вилкой для поджаривания гренок. Перед ним стоял стакан горячего, дымящегося ананасного грога с ломтиками лимона; и каждый раз, когда красноносый отрывался от работы, исследуя кусок хлеба с целью установить, как подвигается дело, он отхлебывал глоток-другой горячего ананасного грога и улыбался довольной полной леди, раздувавшей огонь.

Сэм был так поглощен созерцанием этой уютной картины, что пропустил мимо ушей первый вопрос полной леди. Неприличие своего поведения он понял не раньше, чем тот же вопрос был повторен дважды, и каждый раз все более резким тоном.

— Командир дома? — осведомился Сэм в ответ на вопрос.

— Нет,— отозвалась миссис Уэллер, ибо полная леди была не кто иная, как вдова и единственная душеприказчица покойного мистера Кларка.— Нет, нету его, да я его и не жду.

— Должно быть, он сегодня поехал с каретой? — высказал предположение Сэм.

— Может быть, да, а может быть, и нет,— ответила миссис Уэллер, намазывая маслом гренок, который

только что поджарил красноносый.— Я не знаю, да и знать не хочу. Призовите благословение божие, мистер Стиггинс.

Красноносый исполнил ее желание и тотчас же с удивительной прожорливостью набросился на гренки.

Наружность красноносого сразу заставила Сэма заподозрить, что это и есть тот заместитель пастыря, о котором говорил его уважаемый родитель. Когда же Сэм увидел, как он ест, все сомнения по этому вопросу рассеялись, и Сэм мгновенно сообразил, что должен упрочить здесь свое положение незамедлительно, если намерен временно обосноваться там, где находится. Поэтому он приступил к действиям — перекинул руку через низенькую перегородку буфетной, спокойно отодвинул задвижку и не спеша вошел.

— Мачеха,— сказал Сэм,— как поживаете?

— Наверно, это какой-нибудь Уэллер! — воскликнула миссис Уэллер, не очень-то приветливо разглядывая лицо Сэма.

— Думаю, что так,— сказал невозмутимо Сэм,— и надеюсь, этот-вот преподобный джентльмен простит меня, если я скажу, что хотел бы я быть тем самым Уэллером, который имеет счастье называть вас своей, мачеха.

Этот комплимент был двойным зарядом. Подразумевалось, что мистер Уэллер — особа весьма приятная и что у мистера Стиггинса клерикальная наружность. Он сразу произвел впечатление, и Сэм, на этом не останавливаясь, подошел к мачехе и поцеловал ее.

— Убирайтесь! — сказала миссис Уэллер, отталкивая его.

— Стыдитесь, молодой человек! — сказал джентльмен с красным носом.

— Ничего обидного, сэр, ничего обидного! — отозвался Сэм.— Впрочем, вы совершенно правы — не годится так делать, если мачеха молода и хороша собой, не правда ли, сэр?

— Все это суета,— сказал мистер Стиггинс.

— Ах, это верно! — сказала миссис Уэллер, поправляя чепец.

Сэм тоже так думал, но промолчал.

Заместитель пастыря, казалось, был далеко не в восторге от появления Сэма, а когда рассеялось первое возбуждение, вызванное комплиментом, даже у миссис Уэллер вид был такой, словно она могла обойтись без него, не испытывая ни малейшего неудобства. Однако Сэм был здесь, и так как его нельзя было приличным образом выставить за дверь, то все трое уселись пить чай.

— А как поживает отец? — спросил Сэм.

Услышав этот вопрос, миссис Уэллер воздела руки и закатила глаза, будто тема была слишком мучительна, чтобы ее затрагивать.

Мистер Стиггинс застонал.

— Что такое с этим джентльменом? — осведомился Сэм.

— Он скорбит о пути, по которому идет ваш отец,— ответила миссис Уэллер.

— О, вот как! Неужели? — сказал Сэм.

— И у него есть на то основания,— с важностью добавила миссис Уэллер.

Мистер Стиггинс взял еще гренок и тяжко застонал.

— Он ужасный грешник,— сказала миссис Уэллер.

— Сосуд гнева! — воскликнул мистер Стиггинс.

Он откусил большой кусок гренка и снова застонал.

Сэм ощутил настоятельную потребность дать преподобному мистеру Стиггинсу какой-нибудь повод для стонов, но сдержал свои чувства и только спросил:

— Что же натворил старик?

— Натворил, вот именно! — подхватила миссис Уэллер.— О, у него каменное сердце! Каждый вечер этот превосходный человек,— не хмурьтесь, мистер Стиггинс, я не могу не сказать, что вы превосходный человек,— приходит и просиживает здесь часами, а на него это не производит ни малейшего впечатления.

— Вот это странно,— сказал Сэм.— На меня это производило бы очень сильное впечатление, будь я на его месте, я в этом уверен.

— Дело в том, мой юный друг,— торжественно сказал мистер Стиггинс,— что у него черствое сердце. О мой юный друг, кто бы мог противостоять мольбам шестнадцати наших любезнейших сестер и отклонить их просьбу о пожертвовании для нашего благородного об-

щества, которое снабжает негритянских младенцев Вест-Индии фланелевыми жилетами и душеспасительными носовыми платками!

— А что такое душеспасительный носовой платок? — спросил Сэм.— Я никогда не слыхал о таких предметах.

— Платок, который соединяет удовольствие с назиданием, мой юный друг,— ответил мистер Стиггинс,— платок, на котором отпечатаны избранные изречения с картинками.

— Знаю! — сказал Сэм.— Этакие платки развешаны в бельевых магазинах, и на них напечатаны просьбы о подаянии и все такое?

Мистер Стиггинс принялся за третий гренок и утвердительно кивнул головой.

— Так он не пошел на уговоры этих леди? — спросил Сэм.

— Сидел и курил свою трубку и назвал негритянских младенцев... как он их назвал? — осведомилась миссис Уэллер.

— Маленькими мошенниками,— ответил глубоко огорченный мистер Стиггинс.

— Назвал негритянских младенцев маленькими мошенниками,— повторила миссис Уэллер.

И оба испустили стон, вызванный зверским поведением старого джентльмена.

Великое множество прегрешений подобного же рода могло бы еще обнаружиться, да только все гренки были съедены, чай стал очень жидок и Сэм не выражал ни малейшего желания уйти, а потому мистер Стиггинс вдруг вспомнил о весьма важном свидании с пастырем и удалился.

Едва была убрана чайная посуда и зола выметена из камина, как лондонская карета доставила мистера Уэллера-старшего к двери дома, ноги доставили его в буфетную, а глаза возвестили о присутствии сына.

— Эй, Сэмми! — воскликнул отец.

— А, старый греховодник! — крикнул сын.

И они обменялись крепким рукопожатием.

— Очень рад тебя видеть, Сэмми,— сказал старший мистер Уэллер,— но как ты поладил с мачехой — это

для меня тайна. Дал бы ты мне этот рецепт, вот все, что я могу сказать.

— Тише, старик! — сказал Сэм.— Она дома.

— Она не услышит,— возразил мистер Уэллер,— после чаю она всегда отправляется вниз и ругается там часа два; стало быть, мы сейчас промочим горло, Сэмми.

С этими словами мистер Уэллер приготовил два стакана грогу и извлек две трубки. Отец и сын уселись друг против друга: Сэм по одну сторону камина, в кресло с высокой спинкой, а мистер Уэллер-старший по другую, в мягкое кресло, и оба стали наслаждаться со всей подобающей серьезностью.

— Был здесь кто-нибудь, Сэмми? — бесстрастно спросил мистер Уэллер-старший после продолжительного молчания.

Сэм выразительно кивнул.

— Молодец с красным носом? — осведомился мистер Уэллер.

Сэм снова кивнул.

— Любезнейший он человек, Сэмми,— сказал мистер Уэллер, энергически дымя трубкой.

— Похоже на то,— отозвался Сэм.

— Ловкач по денежной части,— сказал мистер Уэллер.

— Вот как? — сказал Сэм.

— В понедельник берет взаймы восемнадцать пенсов, а во вторник приходит за шиллингом, чтоб для ровного счета было полкроны; в среду приходит еще за полкроной, чтобы для ровного счета вышло пять шиллингов; и все время удваивает, пока не доберется до пяти фунтов, вроде как эти расчеты в учебнике арифметики о гвоздях и лошадиных подковах, Сэмми.

Сэм кивком головы дал понять, что припоминает задачу, на которую сослался родитель.

— Вы так и не подписались на фланелевые жилеты? — спросил Сэм после новой паузы, посвященной куренью.

— Конечно, нет! — ответил мистер Уэллер.— На что нужны фланелевые жилеты юным неграм за океаном? Но вот что я тебе скажу, Сэмми,— добавил мистер

Уэллер, понижая голос и перегибаясь через каминную решетку,— я бы подписался с удовольствием на смирительные рубахи кой для кого здесь, на родине.

Произнеся эти слова, мистер Уэллер медленно принял прежнюю позу и глубокомысленно подмигнул своему первенцу.

— А это и в самом деле чудная фантазия — посылать носовые платки людям, которые не знают, что делать с ними! — заметил Сэм.

— Они вечно занимаются такой чепухой, Сэмми,— отозвался его отец.— В прошлое воскресенье иду я по дороге, и кого же вижу у двери часовни? Твою мачеху с синей тарелкой в руке! И в тарелке, пожалуй, не меньше двух соверенов мелкой монетой, Сэмми, все по полпенни, а когда народ стал выходить из часовни, пенсы так и посыпались, и ты бы не поверил, что глиняная тарелка может выдержать такую тяжесть. Как ты думаешь, на что они собирали?

— Может быть, опять на чаепитие? — предположил Сэм.

— Ничуть не бывало,— ответил отец,— на пастырский счет за воду.

— Пастырский счет за воду! — повторил Сэм.

— Да,— ответил мистер Уэллер.— Накопилось за три квартала, а пастырь не заплатил ни фартинга, может быть потому, что от воды ему не очень-то много пользы, мало он потребляет этого напитка, Сэмми, очень мало. Но он проделывает фокусы и почище этого. По счету все-таки уплачено не было, ему и закрыли водопровод. Тут идет пастырь в часовню, выдает себя за гонимого праведника, говорит, что авось сердце водопроводчика, закрывшего водопровод, смягчится и он обратится на путь истины; хотя, конечно, говорит, водопроводчику уготовано не очень-то приятное местечко. Тогда женщины заводят собрание, поют гимн, выбирают твою мачеху председательницей, предлагают устроить сбор в воскресенье и все деньги передают пастырю. И если он не вытянул из них, Сэмми, столько, что на всю жизнь освободился от водопроводной компании,— сказал в заключенье мистер Уэллер,— ну, значит, и я болван, и ты болван, и не о чем больше толковать.

Мистер Уэллер несколько минут курил молча, а затем продолжал:

— Самое худшее в этих-вот пастырях, мой мальчик, что они, регулярно, сбивают здесь с толку всех молодых леди. Господи, благослови их сердечки, они думают, что все это очень хорошо, и больше ничего не смыслят; но они — жертвы надувательства, Сэмивел, они — жертвы надувательства.

— Полагаю, что так,— сказал Сэм.

— Не иначе,— сказал мистер Уэллер, глубокомысленно покачивая головой,— и вот что меня раздражает, Сэмивел: видеть, как они тратят все свое время и силы, шьют платья для краснокожих, которым оно не нужно, и не обращают внимания на христиан телесного цвета, которым оно нужно. Будь моя воля, Сэмивел, я приставил бы этих-вот ленивых пастырей к тяжелой тачке да гонял бы целый день взад и вперед по доске шириной в четырнадцать дюймов. Уж что-что, а это повытрясло бы из них дурь!

Мистер Уэллер, сообщив с большой энергией этот приятный рецепт, подкрепленный разнообразными кивками и подмигиванием, осушил одним духом стакан и с прирожденным достоинством стал выбивать пепел из трубки.

Он все еще был занят этой операцией, когда в коридоре раздался пронзительный голос.

— Вот твоя дорогая родственница, Сэмми,— сказал мистер Уэллер; и миссис Уэллер ворвалась в комнату.

— О, так вы вернулись! — воскликнула миссис Уэллер.

— Да, моя милая,— ответил мистер Уэллер, снова набивая трубку.

— А мистер Стиггинс не возвращался? — спросила миссис Уэллер.

— Нет, моя милая, не возвращался,— ответил мистер Уэллер, искусно зажигая трубку с помощью взятого из камина раскаленного уголька, зажатого щипцами,— и мало того, моя милая, если он совсем не вернется, я постараюсь это пережить.

— Уф, несчастный! — сказала миссис Уэллер.

— Благодарю вас, милочка,— сказал мистер Уэллер.

— Ну-ну, отец,— сказал Сэм,— никаких любовных сцен при посторонних. Вот идет преподобный джентльмен.

Услышав это сообщение, миссис Уэллер поспешно вытерла слезы, которые только что пыталась пролить, а мистер Уэллер угрюмо отодвинул свое кресло в угол у камина.

Мистер Стиггинс легко пошел на уговоры выпить еще стакан горячего ананасного грога, и второй стакан, и третий, а затем подкрепиться легким ужином, прежде чем начать сначала. Он сидел рядом с мистером Уэллером-старшим, который всякий раз, когда ухитрялся проделать это незаметно от жены, демонстрировал сыну чувства, скрытые в его груди, потрясая кулаком над головой заместителя пастыря,— маневр, доставлявший его сыну самую неподдельную радость и удовольствие, в особенности потому, что мистер Стиггинс продолжал спокойно пить горячий ананасный грог, не подозревая о том, что происходит за его спиной.

Разговор вели преимущественно миссис Уэллер и его преподобие мистер Стиггинс; а темой, предпочтительно обсуждаемой, служили добродетели пастыря, заслуги его паствы и великие преступления и грехи всех остальных; эти рассуждения старший мистер Уэллер изредка прерывал приглушенными намеками на некоего джентльмена по фамилии Уокер и другими подобными же комментариями.

Наконец, мистер Стиггинс, который, судя по многим совершенно неоспоримым симптомам, влил в себя ананасного грогу ровно столько, сколько мог вместить, взял шляпу и распрощался; и немедленно вслед за этим отец повел Сэма к предназначенной для него постели. Почтенный старый джентльмен с жаром пожал ему руку и, казалось, собрался обратиться к сыну с каким-то замечанием, но, услышав приближение миссис Уэллер, по-видимому, отказался от своего намерения и отрывисто пожелал ему спокойной ночи.

На следующий день Сэм встал рано и, позавтракав на скорую руку, собрался обратно в Лондон. Он едва успел шагнуть за порог, как перед ним предстал отец.

— Отправляешься, Сэмми? — осведомился мистер Уэллер.

— Немедленно в путь,— ответил Сэм.

— Хорошо, если бы ты увязал его в узел, этого-вот Стиггинса, и забрал его с собой,— сказал мистер Уэллер.

— Мне стыдно за вас! — с упреком воскликнул Сэм.— Почему вы вообще позволяете ему совать свой красный нос в «Маркиза Гренби»?

Мистер Уэллер устремил серьезный взгляд на сына и ответил:

— Потому что я женатый человек, Сэмивел, потому что я женатый человек. Когда ты женишься, Сэмивел, ты поймешь многое, что сейчас не понимаешь, но стоит ли столько мучиться, чтобы узнать так мало, как сказал приютский мальчик, дойдя до конца азбуки,— это дело вкуса. *Я* думаю, что не стоит.

— Ну, прощайте,— сказал Сэм.

— Погоди, Сэмми, погоди! — отозвался отец.

— Я могу сказать только одно,— начал Сэм, вдруг останавливаясь: — будь я хозяином «Маркиза Гренби» и приходи этот Стиггинс и поджаривай гренки в *моей* буфетной, я бы...

— Что? — с большим волнением перебил мистер Уэллер.— Что?

— ...всыпал ему яду в грог,— закончил Сэм.

— Да ну! — воскликнул мистер Уэллер, тряся сына за руку.— Неужели ты бы это сделал, Сэмми, неужели бы сделал?

— Можете не сомневаться! — сказал Сэм.— Для начала я не был бы с ним слишком суров. Я окунул бы его в бочку с водой и прикрыл крышкой; а если бы я увидел, что он нечувствителен к мягкому обращению, я попробовал бы убедить его по-другому.

Старший мистер Уэллер взглянул на сына с глубоким, невыразимым восхищением и, еще раз пожав ему руку, стал медленно удаляться, перебирая в уме различные мысли, вызванные советом сына.

Сэм смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом дороги, а затем отправился пешком в Лондон. Сначала он размышлял о возможных результатах своего совета и похоже ли на то, что отец им воспользуется. Впрочем, он отогнал эти соображения, утешившись мыслью: время покажет; эту же мысль и мы хотели бы внушить читателю.

ГЛАВА XXVIII

Веселая рождественская глава, содержащая отчет о свадьбе, а также о некоторых других развлечениях, которые, будучи на свой лад такими же добрыми обычаями, как свадьба, не столь свято блюдутся в наше извращенное время

Оживленные, как пчелы, хотя и не столь легкие, как феи, собрались четыре пиквикиста утром двадцать второго дня декабря того благословенного года, когда они предпринимали и совершали свои похождения, добросовестно нами излагаемые. Приближались святки со всей грубоватой и простодушной их непосредственностью. Это была пора гостеприимства, забав и чистосердечных излияний; старый год готовился, подобно древнему философу, собрать вокруг себя своих друзей и в разгар пиршества и шумного веселья умереть тихо и мирно. Веселое и беззаботное было время, и веселы и беззаботны были по крайней мере четыре сердца среди множества сердец, радовавшихся его приближению.

И в самом деле, много есть сердец, которым рождество приносит краткие часы счастья и веселья. Сколько семейств, члены коих рассеяны и разбросаны повсюду в неустанной борьбе за жизнь, снова встречаются тогда и соединяются в том счастливом содружестве и взаимном доброжелательстве, которые являются источником такого чистого и неомраченного наслаждения и столь несовместимы с мирскими заботами и скорбями, что религиозные верования самых цивилизованных народов и примитивные предания самых грубых дикарей равно относят их к первым радостям грядущего существования, уготованного для блаженных и счастливых. Сколько старых воспоминаний и сколько дремлющих чувств пробуждается святками!

Мы пишем эти слова, находясь на расстоянии многих миль от того места, где год за годом встречались в этот день в счастливом и веселом кругу. Многие сердца, что трепетали тогда так радостно, перестали биться; многие взоры, что сверкали тогда так ярко, перестали сиять; руки, что мы пожимали, стали холодными; глаза, в кото-

рые мы глядели, скрыли свой блеск в могиле,— и все же старый дом, комната, веселые голоса и улыбающиеся лица, шутка, смех, самые привычные житейские мелочи, связанные с этими счастливыми встречами, теснятся в нашей памяти всякий раз, когда возвращается эта пора года, словно последнее собрание было не далее, чем вчера! Счастливые, счастливые святки, которые могут вернуть нам иллюзии наших детских дней, воскресить для старика утехи его юности и перенести моряка и путешественника, отделенного многими тысячами миль, к его родному очагу и мирному дому!

Но мы так занялись и увлеклись описанием благодатных святок, что заставляем мистера Пиквика и его друзей зябнуть на крыше маглтонской кареты, куда они только что взобрались, тепло укутанные в пальто, пледы и шарфы. Чемоданы и дорожные сумки уложены, и мистер Уэллер с кондуктором стараются втиснуть в ящик под козлами громадную треску, непомерно большую для ящика, которая заботливо уложена в длинную коричневую корзинку и прикрыта слоем соломы и каковую оставили напоследок, чтобы она могла с удобством покоиться на полдюжине бочонков с отборными устрицами — собственность мистера Пиквика,— выстроенных в образцовом порядке на дне ящика. Физиономия мистера Пиквика выражает самый напряженный интерес, пока мистер Уэллер с кондуктором стараются впихнуть треску в ящик, сначала головой вперед, затем хвостом вперед, затем вверх крышкой, затем вверх дном, затем боком, затем в длину; и всем этим ухищрениям неумолимая треска стойко сопротивляется, пока кондуктор случайно не наносит ей удара в самую середину корзины, после чего она внезапно скрывается в ящике, и вместе с нею — голова и плечи самого кондуктора, который, не рассчитывая на столь внезапную уступку со стороны пассивно сопротивляющейся трески, испытывает весьма неожиданное потрясение, к неудержимому восторгу всех носильщиков и зрителей. Мистер Пиквик улыбается с большим добродушием и, вынимая из жилетного кармана шиллинг, просит кондуктора, который вылезает из-под козел, выпить за его здоровье стакан горячего грогу, причем кондуктор тоже улыбается; улыбаются заодно и мистеры Снодграсс, Уинкль и Тапмен. Кондуктор

и мистер Уэллер исчезают на пять минут — по всей вероятности, выпить горячего грогу, ибо от них пахнет очень сильно, когда они возвращаются. Кучер влезает на козлы, мистер Уэллер вскакивает сзади, пиквикисты закутывают ноги в пальто, а носы в шарфы, конюхи снимают с лошадей попоны, кучер бодро выкрикивает: «Все в порядке!» — и они отъезжают.

Они громыхают по улицам, трясутся по камням и, наконец, выезжают в широкие и открытые поля. Колеса скользят по твердой промерзшей земле, а лошади, при резком щелканье бича переходя в легкий галоп, мчатся по дороге, словно весь их груз — карета, пассажиры, треска, бочонки с устрицами и все прочее — летящее за ними перышко. Они спускаются по отлогому склону и въезжают на равнину в две мили длиною, такую же твердую и сухую, как сплошная глыба мрамора. Снова щелканье бича, и они летят вперед быстрым галопом; лошади встряхивают головами и гремят сбруей, словно опьяненные стремительным бегом, а кучер, держа одной рукой бич и вожжи, другой снимает шляпу и, положив ее на колени, достает носовой платок и вытирает лоб: отчасти потому, что такая у него привычка, а отчасти потому, что не худо показать пассажирам, как он хладнокровен и какое это легкое дело — править четверкой, если есть у вас такой же навык, как у него. Проделав это неторопливо (иначе эффект был бы в значительной мере испорчен), он прячет носовой платок, надевает шляпу, поправляет перчатки, оттопыривает локти, щелкает снова бичом, и лошади мчатся еще веселее.

Несколько домиков, разбросанных по обеим сторонам дороги, предвещают въезд в какой-то город или деревню. Веселые звуки кондукторского рожка вибрируют в прозрачном холодном воздухе и пробуждают старого джентльмена в карете, который, заботливо опуская до половины оконную раму и наблюдая погоду, выглядывает на секунду, а затем, заботливо поднимая ее снова, уведомляет другого пассажира, что сейчас будут менять лошадей. Тогда другой пассажир просыпается и решает вздремнуть позднее, уже после остановки. Снова весело звучит рожок и будит жену и детей обитателя коттеджа, те выглядывают из дверей дома и следят за каретой, пока она не

заворачивает за угол, а потом снова укладываются возле пылающего в очаге огня и подбрасывают еще поленьев на случай, если сейчас вернется отец; а сам отец на расстоянии доброй мили от дома только что обменялся дружеским кивком с кучером и повернулся, чтобы долгим взглядом проводить экипаж, уносящийся вдаль.

А теперь рожок играет веселую мелодию, карета с грохотом проезжает по скверно вымощенным улицам провинциального городка, а кучер, отстегнув пряжку, скрепляющую его вожжи, готовится бросить их, как только остановит лошадей. Мистер Пиквик высовывается из воротника пальто и озирается с большим любопытством. Заметив это, кучер объявляет мистеру Пиквику название города и сообщает ему, что вчера был базарный день; и то и другое мистер Пиквик передает своим спутникам, после чего и они высовываются из воротников пальто и также озираются. Мистер Уинкль, который сидит у самого края, болтая одной ногой в воздухе, едва не вылетает на мостовую, когда карета круто поворачивает за угол возле молочной лавки и выезжает на базарную площадь; мистер Снодграсс, который сидит рядом с ним, еще не оправился от испуга, а они уже останавливаются у постоялого двора, где ждут свежие лошади с наброшенными на них попонами. Кучер бросает вожжи и слезает, другие наружные пассажиры спрыгивают,— кроме тех, которые, не слишком доверяя своей способности снова взобраться наверх, остаются на местах и, чтобы согреть ноги, колотят ими по карете, обратив тоскующие взоры и красные носы к яркому огню в буфетной гостиницы и к веткам остролистника с красными ягодами, украшающим окно.

Тем временем кондуктор доставил в лавку торговца зерном пакет в оберточной бумаге, извлеченный из маленькой сумки, висящей у него через плечо на кожаном ремне; позаботился, чтобы старательно запрягли лошадей; сбросил на мостовую седло, привезенное из Лондона на крыше кареты; принял участие в совещании кучера с конюхом о серой кобыле, повредившей себе переднюю ногу в прошлый вторник; и вот уже он с мистером Уэллером устроился сзади, а кучер устроился спереди, а старый джентльмен, сидевший в карете и все время державший окно опущенным на целых два дюйма, снова поднял

его; попоны сняты, и все готовы тронуться в путь, кроме «двух полных джентльменов», о которых кучер осведомился с некоторым нетерпением. Вслед за сим кучер, и кондуктор, и Сэм Уэллер, и мистер Уинкль, и мистер Снодграсс, и все конюхи, и все до единого зеваки, превосходящие численностью всех остальных вместе взятых, призывают во всю глотку отсутствующих джентльменов. Со двора доносится заглушенный ответ, и мистер Пиквик с мистером Тапменом бегут, едва переводя дух, ибо они выпили по стакану эля и у мистера Пиквика до того окоченели пальцы, что он целых пять минут не мог выловить шесть пенсов, чтобы расплатиться. Кучер кричит предостерегающе: «Ну-с, джентльмены!» Кондуктор вторит ему; старый джентльмен в карете недоумевает, почему иные люди, зная, что нет времени спускаться с крыши, все-таки спускаются; мистер Пиквик карабкается с одной стороны, мистер Тапмен — с другой; мистер Уинкль кричит: «Все в порядке!» — и они трогаются в путь. Шарфы натянуты, воротники пальто подняты, мостовая кончается, дома исчезают, и они снова мчатся по широкой дороге, и свежий, чистый воздух обвевает им лица и радует сердца.

Так совершали свое путешествие мистер Пиквик и его друзья в «Магльтонском телеграфе» по дороге в Дингли Делл. И в три часа пополудни все они стояли в целости и сохранности, здоровые и невредимые, веселые и довольные, на ступеньках «Синего Льва», выпив по дороге вполне достаточно эля и бренди, чтобы презирать мороз, который сковывал землю своими железными цепями и оплетал красивыми кружевами деревья и кусты.

Мистер Пиквик был чрезвычайно занят, он пересчитывал бочонки с устрицами и присматривал за выгрузкой трески, как вдруг почувствовал, что его кто-то тихонько дергает за полы пальто. Оглянувшись, он обнаружил, что человек, который воспользовался этим способом привлечь его внимание, был не кто иной, как любимый паж мистера Уордля, более известный читателям этой неприкрашенной повести под наименованием жирного парня.

— А-а! — сказал мистер Пиквик.

— А-а! — сказал жирный парень.

При этом он перевел взгляд с трески на бочонки с устрицами и радостно захихикал. Он стал еще толще.

— Ну-с, вид у вас довольно цветущий, мой юный друг,— сказал мистер Пиквик.

— Я спал у самого камина в буфетной,— отозвался жирный парень, который за час, проведенный в дремоте, раскраснелся, как новая дымовая труба.— Хозяин прислал меня сюда с тележкой, чтобы отвезти домой ваш багаж. Он выслал бы верховых лошадей, но решил, что день холодный и вы захотите пройтись пешком.

— Да, да,— поспешно сказал мистер Пиквик, ибо помнил о том, как они путешествовали в этих краях.— Да, мы предпочитаем пройтись. Сэм!

— Сэр? — отозвался мистер Уэллер.

— Помогите слуге мистера Уордля уложить вещи в тележку и поезжайте вместе с ним. Мы отправляемся пешком сейчас же.

Отдав это распоряжение и попрощавшись с кучером, мистер Пиквик и его три друга свернули на тропинку, пересекавшую поля, и удалились быстрым шагом, оставив мистера Уэллера и жирного парня впервые лицом к лицу.

Сэм взглянул на жирного парня с большим изумлением, но не проронил ни слова и начал быстро укладывать багаж в тележку, в то время как жирный парень спокойно стоял рядом и, казалось, считал весьма интересным занятием наблюдать, как работает мистер Уэллер.

— Вот! — сказал Сэм, бросая в тележку последний саквояж.— Вот и готово.

— Да, вот и готово,— повторил жирный парень очень довольным тоном.

— Ну-с, молодая туша в двести фунтов,— сказал Сэм,— вы недурной образчик премированного юнца.

— Благодарю вас,— отозвался жирный парень.

— У вас ничего такого нет на душе, что бы вас тревожило? — осведомился Сэм.

— Ни о чем таком я не знаю,— ответил жирный парень.

— А я, глядя на вас, подумал бы, что вы страдаете от безответной любви к какой-нибудь молодой особе,— сказал Сэм.

Жирный парень отрицательно покачал головой.

— Рад это слышать,— сказал Сэм.— Вы что-нибудь пьете?

— Я больше люблю поесть,— ответил жирный парень.

— Так-так! — сказал Сэм.— Следовало бы мне догадаться. Но я вот что имею в виду: не хотите ли чего-нибудь глотнуть, чтобы согреться? А впрочем, вам, должно быть, никогда не бывает холодно с такой жирной прокладкой.

— Иногда бывает,— ответил парень,— и я не прочь чего-нибудь глотнуть, если это вкусно.

— А, так вы не прочь? — сказал Сэм.— В таком случае пожалуйте сюда.

Они тотчас заняли место в буфетной «Синего Льва», и жирный парень проглотил свой стаканчик виски, даже глазом не моргнув,— подвиг, который значительно возвысил его в глазах мистера Уэллера. Когда мистер Уэллер в свою очередь покончил с тем же делом, они сели в тележку.

— Вы умеете править? — спросил жирный парень.

— Пожалуй, справлюсь,— ответил Сэм.

— Так вот,— сказал жирный парень, вкладывая ему в руки вожжи и указывая на дорогу,— все время прямо — с дороги не собьетесь.

С этими словами жирный парень, с нежностью взглянув на треску, улегся рядом с ней и, подложив под голову устричный бочонок вместо подушки, мгновенно заснул.

— Вот так так! — сказал Сэм.— Из всех парней, каких мне случалось видеть, этот молодой джентльмен самый хладнокровный. Эй, проснись, пузырь!

Но так как юный пузырь не проявлял никаких признаков жизни, Сэм Уэллер уселся на передок тележки, дернул вожжи, и старая лошадь, тронувшись с места, не спеша затрусила по направлению к Менор Фарм.

Тем временем мистер Пиквик и его друзья, у которых благодаря ходьбе кровь начала энергически циркулировать, весело продолжали путь. Земля отвердела; трава была тронута морозом и шуршала; в воздухе чувствовался приятный, сухой, бодрящий холодок; а быстрое приближение серых сумерек (цвет грифеля более подходит для описания их в морозную погоду) заставило пиквикистов с удовольствием предвкушать тот комфорт, который их ждал у гостеприимного хозяина. Был один из тех дней, какие могут побудить двух пожилых джентльменов в открытом поле снять пальто и начать игру в чехарду исклю-

чительно от неподдельной радости и веселья; и мы твердо убеждены, что, подставь мистер Тапмен в этот момент спину, мистер Пиквик принял бы его предложение с величайшей готовностью.

Однако Тапмен не выдвинул такого предложения, и наши друзья, весело беседуя, продолжали путь. Когда они свернули на дорогу, по которой им предстояло идти, гул голосов коснулся их слуха, и не успели они высказать предположение, кому принадлежат эти голоса, как очутились в самом центре группы, ожидавшей их прибытия,— факт, возвещенный пиквикистам громким «ура», сорвавшимся с уст старого Уордля, как только они появились.

Прежде всего здесь был сам Уордль, казавшийся, пожалуй, еще жизнерадостнее, чем обычно; засим здесь была Белла со своим преданным Трандлем и, наконец, Эмили и восемь — десять юных леди, явившихся на свадьбу, назначенную на следующий день, и пребывавших в том счастливом и торжественном настроении, в каком обычно пребывают юные леди по случаю таких знаменательных событий; все они оглашали, вдоль и вширь, поля и дороги своими шутками и смехом.

Церемония представления при таких обстоятельствах совершилась очень быстро, или, вернее, с представлением было покончено вообще без всякой церемонии. Две минуты спустя мистер Пиквик шутил с молодыми леди, которые не хотели перелезать через изгородь, в то время как он на них смотрит, а равно и с теми, которые, гордясь красивыми ногами и безукоризненными лодыжками, предпочитали стоять минут пять на верхней перекладине, заявляя, будто они слишком испуганы, чтобы сдвинуться с места,— шутил с такой непринужденностью и свободою, словно знал их всю жизнь. Следует также отметить, что мистер Снодграсс помогал Эмили значительно усерднее, чем того требовал ужас перед изгородью, хотя последняя была вышиной в целых три фута и у перелаза было положено всего два камня; а некая черноглазая молодая леди в очень изящных сапожках, опушенных мехом, взвизгнула очень громко, когда мистер Уинкль предложил помочь ей перебраться.

Все это было очень мило и весело. И когда трудности, связанные с перелазом, были, наконец, преодолены и все

снова вышли в открытое поле, старик Уордль сообщил мистеру Пиквику, что они все ходили осматривать обстановку в том доме, где предстояло после рождества поселиться молодой чете; при этом сообщении Белла и Трандль раскраснелись не меньше жирного парня у камина в буфетной, а юная леди с черными глазками и меховой опушкой на сапожках шепнула что-то на ухо Эмили, а потом лукаво взглянула на мистера Снодграсса; в ответ на это Эмили назвала ее глупышкой, но тем не менее очень покраснела, а мистер Снодграсс, который отличался тою скромностью, какой обычно отличаются гении, почувствовал, как румянец заливает его до самого темени, и пламенно пожелал в глубине своего сердца, чтобы вышеупомянутая молодая леди со своими черными глазками, со своим лукавством и со своими опушенными мехом сапожками благополучно перенеслась в смежное графство.

Все были счастливы и довольны, шагая к дому, а какой радушный, теплый прием ждал их, когда они явились на ферму! Даже слуги ухмыльнулись от удовольствия при виде мистера Пиквика; а Эмма подарила мистеру Тапмену полузастенчивый, полудерзкий и очень милый взгляд, которого было бы достаточно, чтобы заставить статую Бонапарта, стоявшую в коридоре, немедленно раскрыть свои объятия и заключить ее в них.

Старая леди восседала со свойственным ей величием в парадной гостиной, но она была чрезвычайно раздражена, и поэтому глухота ее весьма усилилась. Сама она никогда не выходила из дому и, подобно очень многим старым леди такого же склада, склонна была считать изменой домашним порядкам, если кто-нибудь осмеливался сделать то, чего она не могла. И — да благословит бог ее старую душу! — она восседала, выпрямившись, насколько возможно, в своем большом кресле, и хотя вид у нее был самый гневный, но, несмотря на это, благожелательный.

— Матушка,— сказал Уордль,— вот мистер Пиквик. Вы его припоминаете?

— Какое это имеет значение! — отозвалась старая леди с большим достоинством.— Не докучайте мистеру Пиквику из-за такой старухи, как я. Теперь никому нет до меня дела, и это вполне естественно.

Тут старая леди тряхнула головой и дрожащими руками разгладила свое шелковое платье цвета лаванды.

— Что вы, сударыня! — сказал мистер Пиквик.— Я не могу допустить, чтобы вы отталкивали старого друга. Я приехал сюда специально для того, чтобы побеседовать с вами и сыграть еще роббер; и мы покажем этим юношам и девицам, как танцуют менуэт, раньше чем они успеют стать на сорок восемь часов старше.

Старая леди сдавалась, но ей не хотелось сделать это сразу; посему она сказала только:

— Ах, я не слышу!

— Вздор, матушка! — возразил Уордль.— Полно, полно, не сердитесь, пожалуйста. Вспомните о Белле: ведь вы должны подбодрить бедняжку!

Добрая старая леди расслышала эти слова, ибо губы у нее дрогнули. Но старость имеет свои маленькие слабости, и старушка была еще не совсем умиротворена. Поэтому она снова разгладила платье цвета лаванды и, повернувшись к мистеру Пиквику, сказала:

— Ах, мистер Пиквик, молодежь была совсем другой, когда я была девушкой!

— В этом нет никаких сомнений, сударыня,— отозвался мистер Пиквик.— Вот почему я особенно ценю тех немногих особ, которые сохраняют следы старого закала.

С этими словами мистер Пиквик мягко притянул к себе Беллу и, поцеловав ее в лоб, предложил ей сесть на скамеечку у ног бабушки. Выражение ли ее лица, обращенного к лицу старой леди, напомнило о былых временах, или старая леди была растрогана ласковым добродушием мистера Пиквика, или почему бы там ни было, но она расчувствовалась, бросилась на шею внучке, и все ее дурное расположение духа растаяло в потоке безмолвных слез.

Счастливы были все в тот вечер. Степенно и торжественно сыграны были несколько робберов мистером Пиквиком и старой леди, шумным было веселье за круглым столом. Долго еще после того, как леди удалились, мужчин обносили снова и снова горячим глинтвейном, искусно приправленным бренди и специями; и крепок был сон, и приятны сопутствующие ему сновидения. Заслуживает внимания тот факт, что сновидения мистера Снодграсса

неизменно были связаны с Эмили Уордль, а главным действующим лицом в видениях мистера Уинкля была молодая леди с черными глазками, лукавой улыбкой и парой удивительно изящных сапожков с меховой оторочкой.

Мистер Пиквик был разбужен рано утром гулом голосов и топотом, которые могли бы нарушить даже глубокий сон жирного парня. Он приподнялся в постели и прислушался. Слуги и гости женского пола неустанно бегали взад и вперед; требования горячей воды были так многочисленны, мольбы об иголках и нитках так бесконечны и так бесчисленны приглушенные просьбы: «О, будьте так добры, зашнуруйте меня», что мистер Пиквик в невинности своей начал воображать, будто произошло нечто ужасное, но, разогнав дремоту, он вспомнил о свадьбе. Так как событие было важное, он оделся с особой тщательностью и спустился к завтраку.

Все служанки в одинаковых платьях из розового муслина, с белыми бантами на чепцах, метались по дому, пребывая в том суетливом и возбужденном состоянии, которое немыслимо описать. Старая леди была одета в парчовое платье, двадцать лет не видавшее дневного света, за исключением тех случайных лучей, какие проникали в щели сундука, где оно хранилось в течение всего этого времени. Мистер Трандль был в прекраснейшем расположении духа, но, впрочем, несколько нервическом. Добродушный хозяин старался быть очень веселым и беззаботным, но в этой попытке явно терпел неудачу. Все девушки были в слезах и белом муслине, за исключением двух-трех избранных, которые удостоились чести лицезреть наверху невесту и подружек. Все пиквикисты облеклись в превосходнейшие костюмы, а на лужайке перед домом раздавался ужасающий гул, производимый всеми мужчинами, юношами и неуклюжими подростками, состоявшими при ферме, из коих у каждого был белый бант в петлице, и все до единого кричали изо всех сил, подстрекаемые советом и примером мистера Сэмюела Уэллера, который уже ухитрился стать весьма популярным и чувствовал себя как дома, словно родился на этой ферме.

Свадьба — излюбленная мишень для шуток, но в конце концов в этом, право же, нет ничего смешного. Мы говорим только о церемонии и предупреждаем, что не позво-

лим себе никаких скрытых сарказмов, направленных против супружеской жизни. С удовольствием и радостью, вызванными этим событием, связаны многие сожаления при прощании с родным домом, слезы при разлуке родителей с ребенком, сознание, что покидаешь самых дорогих друзей счастливейшей поры человеческой жизни, чтобы встретиться с ее заботами и невзгодами среди новых людей, еще не испытанных и малоизвестных,— все это естественные чувства, описанием коих мы бы не хотели омрачать эту главу и тем менее вызвать к ним насмешливое отношение.

Скажем коротко, что обряд был совершен старым священником в приходской церкви Дингли Делла и что имя мистера Пиквика занесено в книгу, хранящуюся по сей день в ризнице этой церкви; что молодая леди с черными глазками написала свое имя очень нетвердым и дрожащим почерком; что подпись Эмили, так же как и других подружек, почти нельзя прочесть; что все прошло самым изумительным образом; что молодые леди нашли все это менее страшным, чем они предполагали, и что хотя обладательница черных глазок и лукавой улыбки заявила мистеру Уинклю о своей уверенности в том, будто она никогда не могла бы согласиться на нечто столь ужасное, у нас есть все основания думать, что она ошибалась. Ко всему этому можем добавить, что мистер Пиквик был первым, кто поздравил новобрачную и при этом надел ей на шею прекрасные золотые часы с цепочкой, каких еще не видели глаза ни единого смертного, кроме ювелира. Затем старый церковный колокол зазвонил так весело, как только мог, и все вернулись к завтраку.

— Куда поставить мясной паштет, юный потребитель опиума? — спросил мистер Уэллер жирного парня, помогая размещать на столе те яства, которые не были должным образом расставлены накануне вечером.

Жирный парень указал место, предназначенное для паштетов.

— Отлично,— сказал Сэм.— Воткните туда веточку рождественской елки. Другое блюдо напротив. Вот так! Теперь у нас вид приятный и аккуратный, как сказал отец, отрубив голову своему сынишке, чтобы излечить его от косоглазия.

Сделав такое сравнение, мистер Уэллер отступил шага на два, чтобы оценить эффект во всей его полноте, и с величайшим удовлетворением обозрел сделанные приготовления.

— Уордль,— сказал мистер Пиквик, как только все уселись,— стакан вина в честь этого счастливого события.

— С восторгом, мой друг,— ответил мистер Уордль.— Джо... несносный малый, он спит!

— Нет, я не сплю, сэр,— возразил жирный парень, выходя из дальнего угла, где, подобно святому патрону жирных мальчиков — бессмертному Хорнеру *,— пожирал рождественский пирог, не проявляя, однако, того хладнокровия и рассудительности, какие вообще характеризовали действия этого юного джентльмена.

— Налей вина мистеру Пиквику.

— Слушаю, сэр.

Жирный парень наполнил стакан мистера Пиквика и поместился за стулом своего хозяина, откуда наблюдал с какой-то мрачной и хмурой, но удивительной радостью игру ножей и вилок и путешествие лакомых кусков с тарелок к устам сотрапезников.

— Да благословит вас бог, старина! — сказал мистер Пиквик.

— И вас также, мой друг,— отозвался Уордль, и они сердечно выпили за здоровье друг друга.

— Миссис Уордль! — сказал мистер Пиквик.— Мы, старики, должны вместе выпить винца в честь этого радостного события.

Старая леди казалась в этот момент весьма величественной, восседая в своем парчовом платье во главе стола, с новобрачной внучкой по одну руку и мистером Пиквиком, на которого была возложена обязанность резать жаркое,— по другую. Мистер Пиквик говорил не очень громко, но она поняла его сразу и выпила полную рюмку вина за его здоровье и счастье. После сего достойная старушка углубилась в полный и подробный доклад о своей собственной свадьбе, присовокупив диссертацию о моде носить башмаки на высоких каблуках и некоторые детали, касающиеся жизни и приключений прекрасной леди Толлимглауэр, ныне покойной; над всем этим старая леди сама смеялась от души, смеялись и молодые леди,

недоумевая, о чем в сущности толкует бабушка. Когда они смеялись, старая леди смеялась еще в десять раз веселее и объявила, что эту историю считали занимательной; это заставило всех снова расхохотаться и привело старую леди в наилучшее расположение духа. Засим разрезали и обнесли вокруг стола сладкий пирог; молодые леди припрятали по кусочку, чтобы положить под подушку и увидеть во сне своего суженого; по этому случаю они сильно раскраснелись и оживились.

— Мистер Миллер,— сказал мистер Пиквик своему старому знакомому, здравомыслящему джентльмену,— стаканчик вина?

— С большим удовольствием, мистер Пиквик,— торжественно ответил здравомыслящий джентльмен.

— Вы примете меня в компанию? — осведомился благодушный старый священник.

— И меня! — добавила его жена.

— И меня, и меня! — сказали двое бедных родственников, которые сидели на другом конце стола, ели и пили с большим увлечением и смеялись по всякому поводу.

Мистер Пиквик выражал искреннее удовольствие при каждом новом предложении; глаза у него сияли радостью и весельем.

— Леди и джентльмены! — сказал мистер Пиквик, неожиданно вставая.

— Внимание! Внимание! Внимание! — кричал от избытка чувств мистер Уэллер.

— Позовите всех слуг! — воскликнул старый Уордль, вмешиваясь, чтобы предотвратить публичный выговор, который в противном случае несомненно получил бы мистер Уэллер от своего хозяина.— Дайте каждому по стакану вина, пусть все присоединятся к тосту. Продолжайте, Пиквик!

Гости замолчали, служанки начали шептаться, слуги пребывали в неловком замешательстве. Мистер Пиквик продолжал:

— Леди и джентльмены... Нет, я не скажу — леди и джентльмены, я вас назову своими друзьями, своими дорогими друзьями, если леди разрешат мне такую вольность...

Тут леди, а за ними и джентльмены прервали мистера Пиквика оглушительными рукоплесканиями, во время

которых было отчетливо слышно, как обладательница черных глазок заявила, что готова расцеловать этого милого мистера Пиквика.

Вслед за этим мистер Уинкль галантно осведомился, нельзя ли это сделать через посредника, на что юная леди с черными глазками ответила: «Отстаньте!» — и присовокупила к этому требованию взгляд, который сказал так ясно, как только может быть ясен взгляд: «Если можете».

— Мои дорогие друзья,— продолжал мистер Пиквик,— я предлагаю тост за здоровье новобрачных, да благословит их бог. (Рукоплескания и слезы.) Моего юного друга Трандля я считаю превосходнейшим и мужественным человеком; и мне известно, что его жена — очень милая и очаровательная девушка, обладающая всеми данными для того, чтобы перенести в новую сферу деятельности то счастье, какое в течение двадцати лет она изливала вокруг себя в доме своего отца. (Тут жирный парень разразился оглушительным ревом и был выведен за шиворот мистером Уэллером.) Я сожалею,— добавил мистер Пиквик,— я сожалею, что недостаточно молод, чтобы стать супругом ее сестры (рукоплескания), но раз это невозможно, я радуюсь тому, что я достаточно стар, чтобы быть ей отцом, ибо теперь меня не могут заподозрить в каких-либо тайных замыслах, если я скажу, что восхищаюсь ими обеими, уважаю их и люблю. (Рукоплескания и всхлипывания.) Отец новобрачной — наш дорогой друг, благородный человек, и я горжусь знакомством с ним. Он — человек добрый, превосходный, независимый, великодушный, гостеприимный, щедрый. (Восторженные возгласы бедных родственников, приветствовавших все эпитеты и в особенности два последних.) Да насладится его дочь тем счастьем, какое он может ей пожелать, и, созерцая ее блаженство, да обретет он то сердечное удовлетворение и тот душевный мир, которых заслуживает,— таково, в этом я убежден, наше общее желание. Итак, выпьем за их здоровье и пожелаем им долгой жизни и всяческих благ!

Мистер Пиквик умолк под гром рукоплесканий, и еще раз легкие статистов под управлением мистера Уэллера заработали быстро и энергически. Мистер Уордль провозгласил тост за мистера Пиквика; мистер Пиквик провозгла-

сил тост за старую леди; мистер Снодграсс провозгласил тост за мистера Уордля; мистер Уордль провозгласил тост за мистера Снодграсса; один из бедных родственников провозгласил тост за мистера Тапмена, а другой бедный родственник провозгласил тост за мистера Уинкля; все были счастливы и оживлены, пока таинственное исчезновение двух бедных родственников, очутившихся под столом, не предупредило собравшихся, что пора сделать перерыв.

За обедом все встретились снова после двадцатипятимильной прогулки, предпринятой по совету Уордля, с целью избавиться от действия вина, выпитого за завтраком. Бедные родственники пролежали весь день в постели, чтобы достигнуть той же вожделенной цели, но, не добившись успеха, там и остались. Мистер Уэллер поддерживал среди слуг неумолчный смех, а жирный парень разделил свой досуг на малые доли, посвященные попеременно еде и сну.

Обед прошел так же весело, как завтрак, и столь же шумно, но без слез. Затем — десерт и новые тосты, чай и кофе, а затем бал.

Лучшая гостиная в Менор Фарм была прекрасной, длинной, обшитой темной панелью комнатой с высоким кожухом над камином и таким широким камином, что туда мог бы въехать новый патентованный кэб вместе с колесами и всем прочим. В дальнем конце комнаты сидели в тенистой беседке из остролистника и вечнозеленых растений два лучших скрипача и единственный арфист во всем Маглтоне. Во всех уголках и на всевозможных подставках стояли массивные старые серебряные канделябры о четырех свечах каждый. Ковер был убран, свечи горели ярко, огонь пылал и трещал в камине, и веселые голоса и беззаботный смех звенели в комнате. Если бы английские йомены * доброго старого времени превратились после смерти в эльфов, они устраивали бы свои пирушки как раз в такой комнате.

И если что-либо могло повысить интерес этого приятного вечера, то это было появление мистера Пиквика без гетр — замечательное событие, случившееся впервые на памяти его старейших друзей.

— Вы собираетесь танцевать? — спросил Уордль.

— Всенепременно! — ответил мистер Пиквик.— Разве вы не видите, что я оделся специально для этой цели?

Мистер Пиквик указал на свои шелковые чулки в крапинку и элегантно зашнурованные лакированные туфли.

— Вы в шелковых чулках! — шутливо воскликнул мистер Тапмен.

— А почему бы и нет, сэр, почему бы и нет? — с жаром воскликнул мистер Пиквик, поворачиваясь к нему.

— О, конечно, нет никаких оснований, почему бы вам их не надеть,— отозвался мистер Тапмен.

— Полагаю, что нет, сэр, полагаю, что нет,— сказал мистер Пиквик безапелляционным тоном.

Мистер Тапмен рассчитывал посмеяться, но обнаружил, что это вопрос серьезный; поэтому он сделал сосредоточенную мину и заметил, что на них красивый узор.

— Надеюсь,— отозвался мистер Пиквик, устремляя взгляд на своего друга.— Смею думать, сэр, что вы не находите ничего удивительного в этих чулках как таковых?

— Конечно, нет. О, конечно, нет! — ответил мистер Тапмен.

Он отошел, и лицо мистера Пиквика вновь обрело свойственное ему благодушное выражение.

— Кажется, мы все готовы,— сказал мистер Пиквик, который стоял в первой паре со старой леди и уже четыре раза срывался с места невпопад в страстном желании поскорее начать.

— В таком случае начинайте,— сказал Уордль.— Ну!

Две скрипки и одна арфа заиграли, и мистер Пиквик двинулся вперед к своим vis-à-vis, как вдруг все захлопали в ладоши и закричали:

— Стойте, стойте!

— Что случилось? — спросил мистер Пиквик, который остановился только потому, что скрипки и арфа умолкли; никакая иная сила в мире не могла бы его остановить, даже если бы загорелся дом.

— Где Арабелла Эллен? — воскликнуло несколько голосов.

— И Уинкль? — добавил мистер Тапмен.

— Мы здесь! — воскликнул сей джентльмен, появ-

ляясь из угла вместе со своей хорошенькой собеседницей, причем трудно было сказать, кто из них больше покраснел — он или юная леди с черными глазками.

— Как это странно, Уинкль,— с некоторым раздражением сказал мистер Пиквик,— что вы не могли занять свое место раньше.

— Ничуть не странно,— отозвался мистер Уинкль.

— Гм...— произнес мистер Пиквик с весьма выразительной улыбкой, когда его глаза остановились на Арабелле.— Гм... пожалуй, я не знаю, так ли уж это странно.

Впрочем, размышлять об этом не было времени, ибо скрипки и арфа принялись за дело всерьез. Мистер Пиквик выступил — руки накрест; вот он на середине комнаты и несется в самый дальний угол; резкий поворот у камина, и он мчится назад к двери. Все кружатся, крестообразно взявшись за руки; наконец, громко отбивают ногами такт и уступают место следующей паре; повторяется вся фигура — опять отбивается такт, выступает следующая пара, еще одна и еще — оживление небывалое. Наконец, когда все фигуры были исполнены всеми четырнадцатью парами и когда старая леди в изнеможении вышла из круга, а ее место заняла жена священника, мистер Пиквик не переставал, хотя никакой нужды в таких упражнениях не было, отплясывать на месте в такт музыке, улыбаясь при этом своей даме с нежностью, не поддающейся никакому описанию.

Задолго до того момента, когда мистер Пиквик устал от танцев, новобрачные удалились со сцены. Тем не менее внизу был подан превосходный ужин, после которого долго не расходились; и когда мистер Пиквик проснулся на следующее утро довольно поздно, у него сохранилось смутное воспоминание, что он пригласил, порознь и конфиденциально, человек сорок пять отобедать вместе с ним в «Джордже и Ястребе», как только они приедут в Лондон,— факт, который мистер Пиквик справедливо расценивал как несомненный показатель того, что в прошлый вечер он занимался не только танцами.

— Так, стало быть, моя милая, сегодня вечером всем домом устраиваются игры на кухне? — осведомился Сэм у Эммы.

— Да, мистер Уэллер,— ответила Эмма.— У нас заведено праздновать так каждый сочельник. Хозяин ни за что не откажется от этого.

— У вашего хозяина правильное понятие о развлечениях,— заметил мистер Уэллер.— Никогда еще я не видывал такого разумного человека и такого настоящего джентльмена.

— Вот это верно! — сказал жирный парень, вмешиваясь в разговор.— Каких он славных свиней разводит!

И жирный парень по-каннибальски подмигнул мистеру Уэллеру при мысли о жареных окороках и свином сале.

— О, наконец-то вы проснулись! — сказал Сэм.

Жирный парень кивнул.

— Вот что я вам скажу, молодой удав,— внушительно произнес мистер Уэллер.— Если вы не будете поменьше спать и побольше двигаться, вы подвергнетесь, когда станете постарше, такой же неприятности, какая случилась со старым джентльменом, носившим косицу.

— А что с ним сделали? — прерывающимся голосом осведомился жирный парень.

— А вот послушайте,— сказал мистер Уэллер.— Это был такой толстяк, какого редко встретишь, такой жирный мужчина, что за сорок пять лет ни разу не видел собственных башмаков.

— Господи! — воскликнула Эмма.

— Да, не видел, моя милая,— сказал мистер Уэллер.— И если бы вы положили перед ним на обеденный стол точную модель его собственных ног, он бы их не узнал. Ну, так вот, отправляясь в свою контору, он всегда надевал красивую золотую цепочку от часов, спускавшуюся этак на фут с четвертью, и носил в брючном кармашке часы, которые стоили... боюсь сказать, сколько, но не меньше, чем могут стоить часы... большие, тяжелые, круглой фабрикации, как раз под стать такому ужасному толстяку, и с огромным циферблатом. «Вы бы лучше не носили этих часов,— говорят старому джентльмену его друзья,— их у вас украдут».— «Украдут?» — говорит он. «Да, говорят, украдут».— «Ну,— говорит он,— хотел бы я посмотреть на того вора, который может вытащить часы, потому что, будь я проклят, если я сам могу их вытащить, так они тут плотно прижаты; и когда мне хочется узнать,

который час, я должен, говорит, заглядывать в булочные». Тут он хохочет так, что вот-вот лопнет, и опять отправляется с напудренной головой и косицей, переваливается по Стрэнду, а цепочка свешивается ниже, чем когда бы то ни было, а огромные круглые часы чуть не разрывают серые шерстяные штаны. Не было во всем Лондоне ни одного карманника, который не дергал бы за эту цепочку, но цепочка никогда не рвалась, а часы не вылезали из кармана, и скоро воришкам надоело таскать за собой по тротуару такого грузного старого джентльмена, а он возвращался домой и хохотал так, что косица болталась, словно маятник голландских часов. Но вот однажды катится старый джентльмен по улице и видит, что карманник, которого он знал в лицо, идет под руку с маленьким мальчиком, а у того огромная голова. «Вот потеха,— говорит себе старый джентльмен,— они хотят еще разок попытаться, но это не пройдет». Тут он начинает весело смеяться, как вдруг мальчик выпускает руку карманника и бросается вперед, прямо головой в живот старого джентльмена, и тот на секунду сгибается вдвое от боли. «Убили!» — кричит старый джентльмен. «Все в порядке, сэр»,— говорит ему на ухо карманник. А когда старый джентльмен опять выпрямился, часов и цепочки как не бывало, и — что еще хуже — у него пищеварение с тех пор никуда не годилось до конца жизни. Примите это к сведению, молодой человек, и позаботьтесь, чтобы не слишком растолстеть!

Когда мистер Уэллер закончил эту поучительную повесть, которая, казалось, произвела большое впечатление на жирного парня, они отправились все втроем в большую кухню, где к тому времени собрались все домочадцы согласно обычаю, связанному с сочельником и соблюдавшемуся праотцами старого Уордля с незапамятных времен.

К середине потолка в кухне старый Уордль только что подвесил собственноручно огромную ветку омелы, и эта самая ветка омелы мгновенно вызвала веселую возню и суматоху, в разгар коих мистер Пиквик с галантностью, которая сделала бы честь потомку самой леди Толлимглауэр, взял старую леди под руку, повел ее под мистическую ветку и поцеловал учтиво и благопристойно. Старая леди

подчинилась этому акту вежливости со всем достоинством, какое приличествовало столь важному и серьезному обряду, но леди помоложе, не будучи в такой мере проникнуты суеверным почтением к обряду или воображая, будто прелесть поцелуя увеличивается, если он достается с некоторым трудом, визжали и сопротивлялись, разбегались по углам, угрожали и возражали — словом, делали все, только не уходили из комнаты до тех пор, пока некоторые из наименее предприимчивых джентльменов не собрались было отступить, после чего молодые леди тотчас же нашли бессмысленным сопротивляться дольше и любезно дали себя поцеловать.

Мистер Уинкль поцеловал молодую леди с черными глазками, мистер Снодграсс поцеловал Эмили, а мистер Уэллер, не придавая особого значения обряду, который требовал целовать, находясь под омелой, целовал Эмму и других служанок, как только ему удавалось их поймать. Что касается бедных родственников, то они целовали всех, не исключая даже самых некрасивых молодых леди, гостивших в доме, которые в крайнем смущении бросились, сами того не ведая, под омелу, как только она была повешена. Уордль стоял спиной к камину, созерцая всю эту сцену с величайшим удовольствием, а жирный парень не упустил случая присвоить и уплести без промедления особенно лакомый мясной паштет, который был припасен для кого-то другого.

Затем визг затих, лица раскраснелись, кудри растрепались, и мистер Пиквик, поцеловав, как упомянуто было выше, старую леди, стоял под омелой, взирая с довольным лицом на все, что происходило вокруг, как вдруг молодая леди с черными глазками, пошептавшись с другими молодыми леди, бросилась вперед и, обвив шею мистера Пиквика, нежно поцеловала его в левую щеку, и не успел мистер Пиквик хорошенько сообразить, в чем дело, как все молодые леди его окружили, и каждая подарила его поцелуем.

Приятно было видеть в центре группы мистера Пиквика, которого тащили то в одну сторону, то в другую и целовали в подбородок, в нос, в очки, и приятно было слышать взрывы смеха, раздававшегося со всех сторон, но еще приятнее было видеть, как мистер Пиквик, которому вскоре

после этого завязали глаза шелковым носовым платком, натыкался на стены, шарил по углам и проходил через все таинства жмурок, получая величайшее удовольствие от игры, пока, наконец, не поймал одного из бедных родственников, и тогда ему самому пришлось убегать от жмурки, что он делал с легкостью и проворством, вызывавшими восхищение и рукоплескания всех присутствующих. Бедные родственники ловили тех, кому, по их мнению, это должно было понравиться, а когда игра затягивалась, сами давали себя поймать. Когда всем надоели жмурки, началась славная игра в «кусающего дракона» *, и когда пальцы были в достаточной мере обожжены, а изюминки выловлены, все уселись возле очага, где ярко пылали дрова, и подан был сытный ужин и огромная чаша уоселя, чуть-чуть поменьше медного котла из прачечной; и в ней так аппетитно на вид и так приятно для слуха шипели и пузырились горячие яблоки, что положительно нельзя было устоять.

— Вот это поистине утеха! — сказал мистер Пиквик, поглядывая вокруг.

— Таков наш неизменный обычай,— отозвался мистер Уордль.— В сочельник все садятся с нами за один стол, вот как сейчас,— слуги и все, кто находится в доме. Здесь мы ждем, пока часы не пробьют полночь, возвещая наступление рождества, и коротаем время, играя в фанты и рассказывая старые истории. Трандль, мой мальчик, расшевелите хорошенько дрова в камине.

Лишь только пошевелили дрова, как посыпались мириады сверкающих искр. Багровое пламя разлило яркий свет, который проник в самые дальние углы комнаты, и отбросило веселый отблеск на все лица.

— Теперь затянем песню, рождественскую песню,— сказал Уордль.— Я вам спою одну, если никто не предлагает лучшей.

— Браво! — воскликнул мистер Пиквик.

— Налейте стаканы! — крикнул Уордль.— Пройдет добрых два часа, раньше чем вы увидите дно этой чаши сквозь темно-красный уосель. Наполните стаканы и слушайте!

Затем веселый старый джентльмен без дальнейших разговоров запел приятным, звучным, сильным голосом:

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГИМН

Что весна мне! Пусть под ее крылом
Расцветают цветы в полях.
Но под утро холодом и дождем
Она все их развеет в прах.
Вероломный эльф не знает себя,
Не знает, что верен часок,
Улыбается он, навек губя
Беззащитный первый цветок.

Что мне солнце! Пусть за тучи, в свой дом
В летний день идет отдыхать.
Мне и так легко, не стану о нем
Я скорбеть и к нему взывать.
Его сын любимый — жестокий бред —
По следам горячки идет.
Коль сильна любовь, недолго согрет...
Это каждый — увы! — поймет.

Лунный свет порой осенних работ,
Пронизая ночную тень,
Мне милей и больше меня влечет,
Чем бесстыдный и яркий день.
Но увижу — лист на земле лежит,
И на сердце тоска легла.
Опадают листья — сердце щемит,
Разве осень тогда мила?

Я веселым святкам гимн пою.
Золотая пришла пора!
В честь ее я чашу налил свою
И тройным встречаю «ура».
Распахнем мы дверь принять *Рождество,*
Старика совсем оглушим.
Пока есть вино, потешим его
И друзьями простимся с ним.

Как всегда, он горд, и к чему скрывать
Загрубелую сеть рубцов!
Не позор они — их легко сыскать
На щеках лихих моряков.
И я славлю вновь, и песня звонка —
Пусть гудит и дом и земля,—
Этой ночью славлю я старика —
Четырех времен короля.

Этой песне бурно аплодировали, ибо друзья и слуги составляют чудесную аудиторию,— в особенности бедные родственники были в подлинном экстазе. Снова подбросили дров в камин и снова наполнили стаканы уоселем.

— Какой снег! — тихо сказал один из слуг.

— Снег? — переспросил Уордль.

— Суровая, холодная ночь,— отозвался слуга.— И ветер поднялся. Он гонит снег по полю густым белым облаком.

— Что говорит Джем? — осведомилась старая леди.— Что-нибудь случилось?

— Нет матушка,— ответил Уордль.— Он говорит, что поднялась метель и ветер холодный и пронизывающий. Я бы мог догадаться об этом по тому, как он гудит в трубе.

— А! — сказала старая леди.— Помню, такой же был ветер и так же шел снег очень много лет назад — за пять лет до того, как скончался бедный ваш отец. Тогда тоже был сочельник, и помню, что в тот самый вечер он нам рассказывал историю о подземных духах, которые утащили старого Гебриела Граба.

— Какую историю? — спросил мистер Пиквик.

— О, пустяки! — отозвался Уордль.— Историю о старом пономаре, которого будто бы утащили подземные духи, как думают здешние добрые люди.

— Думают! — воскликнула старая леди.— Да разве найдется такой смельчак, который бы этому не верил? Думают! Да разве вы не слыхали, с самого детства, что его похитили подземные духи, разве вы ничего не знаете об этом?

— Отлично, матушка, если вам угодно — его похитили,— смеясь, сказал Уордль.— Его похитили подземные духи, Пиквик, и конец делу.

— О нет! — возразил мистер Пиквик.— Уверяю вас, не конец, потому что я должен узнать, как и почему,— вообще все подробности.

Уордль улыбнулся, видя, что все вытянули шеи, чтобы лучше слышать; щедрой рукой налив уоселя, он выпил за здоровье мистера Пиквика и начал следующий рассказ...

Но да помилует бог наше писательское сердце — в какую длинную главу дали мы себя втянуть! Заявляем торжественно: мы совсем забыли о таких пустячных ограничениях, как главы. Но так и быть, подземного духа мы выпустим в новой главе. Подземные духи — на сцену, и никакой им пощады, леди и джентльмены!

ГЛАВА XXIX

Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря

«В одном старом монастырском городе, здесь, в наших краях, много-много лет назад — так много, что эта история должна быть правдивой, ибо наши прадеды верили ей слепо,— занимал место пономаря и могильщика на кладбище некто Гебриел Граб. Если человек — могильщик и постоянно окружен эмблемами смерти, из этого отнюдь не следует, что он должен быть человеком угрюмым и меланхолическим; наши могильщики — самые веселые люди в мире; а однажды я имел честь подружиться с факельщиком, который в свободное от службы время был самым забавным и шутливым молодцом из всех, кто когда-либо распевал залихватские песни, забывая все на свете, или осушал стакан доброго крепкого вина одним духом. Но, несмотря на эти примеры, доказывающие обратное, Гебриел Граб был сварливым, непокладистым, хмурым человеком — мрачным и замкнутым, который не общался ни с кем, кроме самого себя и старой плетеной фляжки, помещавшейся в большом, глубоком кармане его жилета, и бросал на каждое веселое лицо, попадавшееся ему на пути, такой злобный и сердитый взгляд, что трудно было при встрече с ним не почувствовать себя скверно.

Как-то в рождественский сочельник, незадолго до сумерек, Гебриел Граб вскинул на плечо лопату, зажег фонарь и пошел по направлению к старому кладбищу, ибо ему нужно было докончить к утру могилу, и, находясь в подавленном состоянии духа, он подумал, что, быть может, развеселится, если тотчас же возьмется за работу. Проходя по старой улице, он видел через старинные оконца яркий огонь, пылавший в каминах, и слышал громкий смех и радостные возгласы тех, что собрались возле них; он заметил суетливые приготовления к завтрашнему пиршеству и почуял немало аппетитных запахов, которые вырывались с облаком пара из кухонных окон. Все это было — желчь и полынь для сердца Гебриела Граба; а когда дети стайками вылетали из домов, перебегали через дорогу и, не успев постучать в дверь противоположного дома, встреча-

лись с полдюжиной таких же кудрявых маленьких шалунов, толпившихся вокруг них, когда они взбирались по лестнице, чтобы провести вечер в рождественских играх,— Гебриел Граб злобно усмехался и крепче сжимал рукоятку своей лопаты, размышляя о кори, скарлатине, молочнице, коклюше и многих других источниках утешения.

В таком приятном расположении духа Гебриел продолжал путь, отвечая отрывистым ворчанием на добродушные приветствия соседей, изредка попадавшихся ему навстречу, пока не свернул в темный переулок, который вел к кладбищу. А Гебриел мечтал о том, чтобы добраться до темного переулка, потому что этот переулок в общем был славным, мрачным, унылым местом, куда горожане не очень-то любили заглядывать, разве что средь бела дня и при солнечном свете; поэтому он был не на шутку возмущен, услышав, как юный пострел распевает какую-то праздничную песню о веселом рождестве в этом самом святилище, которое называлось Гробовым переулком еще в дни старого аббатства и со времен монахов с бритыми макушками. По мере того как Гебриел подвигался дальше и голос звучал ближе, он убеждался, что этот голос принадлежит мальчугану, который спешил присоединиться к одной из стаек на старой улице, и для того, чтобы составить самому себе компанию, а также приготовиться к празднеству, распевал во всю силу своих легких. Гебриел подождал, пока мальчик не поровнялся с ним, затем загнал его в угол и раз пять или шесть стукнул фонарем по голове, чтобы научить его понижать голос. Когда мальчик убежал, держась рукой за голову и распевая совсем другую песню, Гебриел Граб засмеялся от всей души и, придя на кладбище, запер за собой ворота.

Он снял куртку, поставил фонарь на землю и, спрыгнув в недоконченную могилу, работал около часа с большим рвением. Но земля промерзла, и не очень-то легким делом было разбивать ее и выгребать из ямы; и хотя светил месяц, но он был совсем молодой и проливал мало света на могилу, которая находилась в тени церкви. Во всякое другое время эти препятствия привели бы Гебриела Граба в очень мрачное и горестное расположение духа, но, положив конец пению маленького мальчика, он был так доволен, что обращал мало внимания на ничтожные

результаты, и, покончив на эту ночь со своей работой, заглянул в могилу с жестоким удовлетворением и чуть слышно затянул, собирая свои вещи:

Славные дома, славные дома,
Сырая земля да полная тьма.
Камень в изголовье, камень в ногах:
Жирное блюдо под ними в червях.
Сорная трава да глина кругом,
В освященной земле прекрасный дом!

— Хо-хо! — засмеялся Гебриел Граб, присев на плоскую могильную плиту, которая была его излюбленным местом отдохновения, и достав плетеную фляжку.— Гроб на рождество! Подарок к празднику. Хо-хо-хо!

— Хо-хо-хо! — повторил чей-то голос за его спиной.

Гебриел замер от испуга в тот самый момент, когда подносил к губам плетеную фляжку, и оглянулся. Самая древняя могила была не более тиха и безмолвна, чем кладбище при бледном лунном свете. Холодный иней блестел на могильных плитах и сверкал, как драгоценные камни, на резьбе старой церкви. Снег, твердый и хрустящий, лежал на земле и расстилал по земляным холмикам, теснившимся друг к другу, такой белый и гладкий покров, что казалось, будто здесь лежат трупы, окутанные только своими саванами. Ни один шорох не врывался в глубокую тишину этой торжественной картины. Сами звуки словно замерзли, так все было холодно и неподвижно.

— Это было эхо,— сказал Гебриел Граб, снова поднося бутылку к губам.

— Это было *не* эхо,— послышался низкий голос.

Гебриел вскочил и замер, словно пригвожденный к месту, от ужаса и изумления, ибо его глаза остановились на существе, при виде которого кровь застыла у него в жилах.

На вертикально стоявшем надгробном камне, совсем близко от него, сидело странное, сверхъестественное существо, которое — это сразу почувствовал Гебриел — не принадлежало к этому миру. Его длинные ноги — он мог бы достать ими до земли — были подогнуты и нелепо скрещены; жилистые руки обнажены, а кисти рук покоились на коленях. Его короткое круглое туловище было обтянуто узкой курткой, украшенной небольшими разрезами; корот-

кий плащ болтался за спиной; воротник был с какими-то причудливыми зубцами, заменявшими подземному духу брыжи или галстук, а башмаки заканчивались длинными загнутыми носками. На голове у него была широкополая шляпа в форме конуса, украшенная одним пером. Шляпу покрывал иней. И вид у него был такой, словно он сидел на этом самом надгробном камне, не меняя позы, столетия два или три. Он сидел совершенно неподвижно, высунув, словно в насмешку, язык и делая Гебриелу Грабу такую гримасу, какую может состроить только подземный дух.

— Это было не эхо,— сказал подземный дух.

Гебриел Граб оцепенел и ничего не мог ответить.

— Что ты тут делаешь в рождественский сочельник?— сурово спросил подземный дух.

— Я пришел рыть могилу, сэр,— заикаясь, пробормотал Гебриел Граб.

— Кто бродит среди могил по кладбищу в такую ночь? — крикнул подземный дух.

— Гебриел Граб! Гебриел Граб! — взвизгнул дикий хор голосов, которые, казалось, заполнили кладбище.

Гебриел пугливо оглянулся — ничего не было видно.

— Что у тебя в этой бутылке? — спросил подземный дух.

— Джин, сэр,— ответил пономарь, задрожав еще сильнее, ибо он купил его у контрабандистов, и ему пришло в голову, не служит ли существо, допрашивающее его, в акцизном департаменте подземных духов.

— Кто пьет джин в одиночестве на кладбище в такую ночь? — спросил подземный дух.

— Гебриел Граб! Гебриел Граб! — снова раздались дикие голоса.

Подземный дух злобно скосил глаза на устрашенного пономаря, а затем, повысив голос, воскликнул:

— И кто, стало быть, является нашей законной добычей?

На этот вопрос невидимый хор ответил нараспев, словно хор певчих, поющих под мощный аккомпанемент органа в старой церкви,— эти звуки, казалось, донеслись до слуха пономаря вместе с диким порывом ветра и замерли, когда он унесся вдаль; но смысл ответа был все тот же:

— Гебриел Граб, Гебриел Граб!

Подземный дух растянул рот еще шире и сказал:

— Ну-с, Гебриел, что ты на это скажешь?

Пономарь ловил воздух ртом.

— Что ты об этом думаешь, Гебриел? — спросил подземный дух, задирая ноги по обеим сторонам надгробного камня и разглядывая загнутые кверху носки с таким удовольствием, словно созерцал самую модную пару сапог, купленную на Бонд-стрит.

— Это... это... очень любопытно, сэр,— ответил пономарь, полумертвый от страха.— Очень любопытно и очень мило, но, пожалуй, я пойду и закончу свою работу, сэр, с вашего позволения.

— Работу? — повторил подземный дух.— Какую работу?

— Могилу, сэр, рытье могилы,—пробормотал пономарь.

— О, могилу, да! — сказал подземный дух.— Кто роет могилы в такое время, когда все другие люди веселятся и радуются?

Снова раздались таинственные голоса:

— Гебриел Граб! Гебриел Граб!

— Боюсь, что мои друзья требуют тебя, Гебриел,— сказал подземный дух, облизывая щеку языком — замечательный был у него язык.— Боюсь, что мои друзья требуют тебя, Гебриел,— сказал подземный дух.

— Не прогневайтесь, сэр,— отвечал пораженный ужасом пономарь,— я не думаю, чтобы это могло быть так, сэр, они меня не знают, сэр; не думаю, чтобы эти джентльмены когда-нибудь видели меня, сэр.

— Нет, видели,— возразил подземный дух.— Мы знаем человека с хмурым лицом и мрачной миной, который шел сегодня вечером по улице, бросая злобные взгляды на детей и крепко сжимая свою могильную лопату. Мы знаем человека с завистливым и недобрым сердцем, который ударил мальчика за то, что мальчик мог веселиться, а он — Гебриел — не мог. Мы его знаем, мы его знаем!

Тут подземный дух разразился громким пронзительным смехом, который эхо повторило в двадцать раз громче, и, вскинув ноги вверх, стал на голову, или, вернее, на самый кончик своей конусообразной шляпы,—

стал на узком крае надгробного камня, откуда с удивительным проворством кувырнулся прямо к ногам пономаря, где и уселся в той позе, в какой обычно сидят портные на своих столах.

— Боюсь... боюсь, что я должен вас покинуть, сэр,— сказал пономарь, делая попытку пошевельнуться.

— Покинуть нас! — воскликнул подземный дух.— Гебриел Граб хочет нас покинуть. Хо-хо-хо!

Когда подземный дух захохотал, пономарь на одну секунду увидел ослепительный свет в окнах церкви, словно все здание было иллюминовано. Свет угас, орган заиграл веселую мелодию, и целые толпы подземных духов, точная копия первого, высыпали на кладбище и начали прыгать через надгробные камни, ни на секунду не останавливаясь, чтобы передохнуть, и перескакивали один за другим через самые высокие памятники с поразительной ловкостью. Первый подземный дух был самым изумительным прыгуном, и никто другой не мог с ним состязаться; несмотря на крайний испуг, пономарь невольно заметил, что, в то время как остальные довольствовались прыжками через надгробные камни обычных размеров, первый перепрыгивал через семейные склепы с их железной оградой — перепрыгивал с такой легкостью, словно это были уличные тумбы.

Игра была в самом разгаре; орган играл быстрее и быстрее, и все быстрее прыгали духи, свертываясь спиралью, кувыркаясь на земле и перелетая, как футбольные мячи, через надгробные камни. Голова у пономаря кружилась от одного вида этих быстрых движений, и ноги подкашивались, когда призраки пролетали перед его глазами, как вдруг король духов, бросившись к нему, схватил его за шиворот и вместе с ним провалился сквозь землю.

Когда Гебриел Граб перевел дыхание, на секунду прервавшееся от стремительного спуска, он убедился, что находится, по-видимому, в большой пещере, наполненной толпами подземных духов, уродливых и мрачных. Посреди пещеры на возвышении восседал его кладбищенский приятель, а возле него стоял сам Гебриел Граб, который был не в силах пошевельнуться.

— Холодная ночь,— сказал король подземных ду-

хов,— очень холодная! Принесите стаканчик чего-нибудь согревающего.

Услышав такой приказ, с полдюжины вечно улыбающихся подземных духов, коих Гебриел Граб счел по этому признаку придворными, мгновенно скрылись и быстро вернулись с кубком жидкого огня, который подали королю.

— Так! — воскликнул подземный дух, у которого щеки и глотка стали прозрачными, когда он глотал пламя.— Вот это действительно хоть кого согреет. Подайте такой же кубок мистеру Грабу.

Тщетно уверял злополучный пономарь, что он не имеет обыкновения пить на ночь горячее; один из духов держал его, а другой вливал ему в глотку пылающую жидкость; все собрание визгливо смеялось, когда, проглотив огненный напиток, он кашлял, задыхался и вытирал слезы, хлынувшие из глаз.

— А теперь,— сказал король, шутливо ткнув в глаз пономарю острием своей конусообразной шляпы и причинив этим мучительную боль,— а теперь покажите человеку уныния и скорби несколько картин из нашей собственной великой сокровищницы.

Когда подземный дух произнес эти слова, густое облако, заслонявшее дальний конец пещеры, постепенно рассеялось, и появилась, как будто на большом расстоянии, маленькая и скудно меблированная, но уютная и чистая комнатка. Группа ребятишек собралась возле яркого огня, цепляясь за платье матери и прыгая вокруг ее стула. Мать изредка вставала и отодвигала занавеску на окне, словно поджидала кого-то. Скромный обед был уже подан на стол, и кресло придвинуто к камину. Раздался стук в дверь; мать открыла ее, а дети столпились вокруг и радостно захлопали в ладоши, когда вошел их отец. Он промок, устал и отряхивал снег со своей одежды. Дети вертелись вокруг него и, схватив его плащ, шляпу, палку и перчатки, мигом унесли их из комнаты. Потом, когда он сел обедать возле очага, дети взобрались к нему на колени, мать сидела подле него, и казалось, здесь все были счастливы и довольны.

Но почти незаметно произошла какая-то перемена. Сцена превратилась в маленькую спальню, где умирал самый младший и самый красивый ребенок; розы увяли на

его щеках, и свет угас в его глазах; и в тот момент, когда пономарь смотрел на него с таким интересом, какого никогда еще не испытывал и не ведал, он умер. Его юные братья и сестры столпились вокруг кроватки и схватили его крохотную ручку, такую холодную и тяжелую; но они отшатнулись, прикоснувшись к ней, и с ужасом посмотрели на детское личико, ибо хотя оно было спокойным и безмятежным и прекрасный ребенок казался мирно и тихо спящим, они поняли, что он умер, и знали, что он стал ангелом, взирающим на них и благословляющим их с ясных и счастливых небес.

Снова легкое облако пронеслось перед картиной, и снова она изменилась. Теперь отец и мать были стары и беспомощны, и число их близких уменьшилось больше чем наполовину; но спокойствие и безмятежность отражались на всех лицах и сияли в глазах, когда все собрались возле очага и рассказывали или слушали старые истории о минувших днях. Тихо и мирно отец сошел в могилу, а вскоре за ним последовала в обитель покоя та, которая делила все его заботы и невзгоды. Те немногие, что пережили их, преклонили колени возле их могилы и оросили слезами зеленый дерн, ее покрывавший; потом встали и отошли — печально и скорбно, но без горьких воплей и отчаянных жалоб, ибо знали, что когда-нибудь встретятся снова; затем они вернулись к своей будничной жизни, и снова воцарились среди них спокойствие и безмятежность. Облако окутало картину и скрыло ее от пономаря.

— Что ты думаешь об *этом?* — спросил подземный дух, повертывая широкое лицо к Гебриелу Грабу.

Гебриел пробормотал, что это очень мило, но вид у него был пристыженный, когда подземный дух устремил на него огненный взгляд.

— Ты — жалкий человек! — сказал подземный дух тоном глубокого презрения.— Ты...

Он, по-видимому, предполагал еще что-то добавить, но негодование заставило его оборвать фразу; поэтому он поднял гибкую ногу и, помахав ею над своей головой, чтобы хорошенько прицелиться, дал Гебриелу Грабу здоровый пинок; немедленно вслед за этим все приближенные духи столпились вокруг злополучного пономаря и начали лягать его немилосердно, следуя установленному и

неизменному обычаю всех придворных на земле, которые лягают того, кого лягает король, и обнимают того, кого обнимает король.

— Покажите ему еще! — сказал король подземных духов.

При этих словах облако рассеялось, и открылся яркий и красивый пейзаж — тот самый, какой можно видеть и по сей день на расстоянии полумили от старого монастырского города. Солнце сияло на чистом синем небе, вода искрилась в его лучах, и деревья казались зеленее и цветы пестрее благодаря его благотворному влиянию. Вода струилась с приятным журчаньем, деревья шелестели под легким ветром, шуршавшим в листве; птицы пели на ветках, и жаворонок в вышине распевал гимн утру. Да, было утро, яркое, благоухающее летнее утро. В самом крохотном листочке, в самой маленькой былинке трепетала жизнь. Муравей полз на дневную работу, бабочка порхала и грелась в теплых лучах солнца, мириады насекомых расправляли прозрачные крылья и упивались своей короткой, но счастливой жизнью. Человек шел, очарованный этой сценой, и все вокруг было ослепительно и прекрасно.

— *Ты* — жалкий человек! — сказал король подземных духов еще презрительнее, чем раньше.

И снова король подземных духов помахал ногой, снова она опустилась на плечи пономаря, и снова приближенные духи стали подражать своему повелителю.

Много раз облако надвигалось и рассеивалось, многому оно научило Гебриела Граба, а он,— хотя его плечи и болели от частых пинков, наносимых духами,— смотрел с неослабевающим интересом. Он видел, что люди, которые работали упорно и зарабатывали свой скудный хлеб тяжким трудом, были беззаботны и счастливы и что для самых невежественных кроткий лик природы был неизменным источником веселья и радости. Он видел, что те, кого бережно лелеяли и с нежностью воспитывали, беззаботно переносили лишения и побеждали страдание, которое раздавило бы многих людей более грубого склада, ибо первые хранили в своей груди источник веселья, довольства и мира. Он видел, что женщины — эти самые нежные и самые хрупкие божьи создания — чаще всего одерживали победу над горем, невзгодами и отчаянием,

ибо они хранят в своем сердце неиссякаемый источник любви и преданности. И самое главное он видел: люди, подобные ему самому,— злобствующие против веселых, радующихся людей,— отвратительные плевелы на прекрасной земле, а взвесив все добро в мире и все зло, он пришел к тому заключению, что в конце концов это вполне пристойный и благоустроенный мир. Как только он вывел такое заключение, облако, спустившееся на последнюю картину, словно окутало его сознание и убаюкало его. Один за другим подземные духи скрывались из виду, и когда последний из них исчез, он погрузился в сон.

Уже совсем рассвело, когда Гебриел Граб проснулся и увидел, что лежит, вытянувшись во весь рост, на плоской могильной плите. Пустая плетеная фляжка лежала возле него, а его куртка, лопата и фонарь, совсем побелевшие от ночного инея, валялись на земле. Камень, где он увидел сидящего духа, торчал перед ним, и могила, которую он рыл прошлой ночью, находилась неподалеку. Сначала он усомнился в реальности своих приключений, но, когда попытался подняться, острая боль в плечах убедила его в том, что пинки подземных духов были весьма реальными. Он снова поколебался, не найдя отпечатков ног на снегу, где духи прыгали через надгробные камни, но быстро объяснил себе это обстоятельство, вспомнив, что они, будучи духами, не оставляют никаких видимых следов. Затем Гебриел Граб кое-как поднялся, чувствуя боль в спине, и смахнув иней с куртки, надел ее и направился в город.

Но он стал другим человеком, и ему невыносимо было вернуться туда, где над его раскаянием будут издеваться и его исправлению не поверят. Он колебался в течение нескольких секунд, а потом побрел куда глаза глядят, чтобы зарабатывать себе на хлеб в других краях.

Фонарь, лопата и плетеная фляжка были найдены в тот день на кладбище. Сначала строили много догадок о судьбе пономаря, но вскоре было решено, что его утащили подземные духи; не было недостатка и в надежных свидетелях, которые ясно видели, как он летел по воздуху верхом на гнедом коне, кривом на один глаз, с львиным крупом и медвежьим хвостом. В конце концов всему этому слепо поверили, и новый пономарь показывал любопытным за ничтожную мзду порядочный кусок церков-

ного флюгера, который был случайно сбит копытом вышеупомянутого коня во время его воздушного полета и подобран на кладбище года два спустя.

К несчастью, этим рассказам несколько повредило неожиданное возвращение — лет через десять — самого Гебриела Граба, одетого в лохмотья, благодушного старика, страдающего ревматизмом. Он рассказал свою повесть священнику, а также мэру, и со временем к ней начали относиться как к историческому факту, которым она остается и по сей день. Сторонники истории с флюгером, обманутые однажды в своем доверии, не так-то легко соглашались чему-нибудь поверить, поэтому они постарались напустить на себя глубокомысленный вид, пожимали плечами, постукивали себя по лбу и толковали о том, что Гебриел Граб выпил весь джин и потом заснул на могильной плите; и они тщились объяснить все, якобы виденное им в пещере подземного духа, тем, что он видел мир и поумнел. Но это мнение, которое никогда не пользовалось большой популярностью, со временем было отвергнуто; как бы то ни было, но ввиду того, что Гебриел Граб страдал ревматизмом до конца жизни, в этой истории есть по крайней мере, за неимением ничего лучшего, одно нравоучение, а именно: если человек злобствует и пьет в полном одиночестве на святках, он может быть уверен, что ему от этого не поздоровится, хотя бы он и не увидел никаких духов, даже таких, каких видел Гебриел Граб в подземной пещере».

ГЛАВА XXX

Как пиквикисты завязали и укрепили знакомство с двумя приятными молодыми людьми, принадлежащими к одной из свободных профессий, как они развлекались на льду и как закончился их визит

— Ну, что, Сэм,— сказал мистер Пиквик, когда в рождественское утро его фаворит принес ему горячей воды в спальню,— все еще подмораживает?

— Вода в умывальном тазу покрылась льдом, сэр,— ответил Сэм.

— Сильный мороз, Сэм,— заметил мистер Пиквик.

— Славная погода для тех, кто тепло укутан, как сказал самому себе полярный медведь, скользя по льду,— отозвался мистер Уэллер.

— Через четверть часа я сойду вниз, Сэм,— сказал мистер Пиквик, снимая ночной колпак.

— Очень хорошо, сэр,— отозвался Сэм.— Там внизу — парочка костоправов.

— Парочка кого? — воскликнул мистер Пиквик, усаживаясь в постели.

— Парочка костоправов,— повторил Сэм.

— Что такое костоправы? — осведомился мистер Пиквик, не уверенный в том, живое это существо или что-нибудь съестное.

— Как? Вы не знаете, что такое костоправ, сэр? — удивился мистер Уэллер.— Я думал, все знают, что костоправ — это хирург.

— Хирург? — с улыбкой переспросил мистер Пиквик.

— Он самый, сэр,— ответил Сэм.— Но эти двое там, внизу, еще не регулярные, чистокровные костоправы — они только обучаются.

— Иными словами, это, должно быть, студенты-медики,— сказал мистер Пиквик.

Сэм кивнул утвердительно.

— Я очень рад,— сказал мистер Пиквик, энергически бросая ночной колпак на одеяло.— Славные ребята, очень славные! Суждения у них зрелые, покоятся на наблюдении и размышлении, и вкусы утонченные благодаря чтению в науке. Я очень рад этому.

— Они курят сигары в кухне у очага,— сказал Сэм.

— Ах, так! — заметил мистер Пиквик, потирая руки.— Избыток жизненных сил и здоровых чувств. Это-то я в них и люблю.

— Один положил ноги на стол,— продолжал Сэм, не обращая внимания на слова своего хозяина,— и пьет бренди, не разбавляя водой, а другой, в очках, поставил бочонок с устрицами между колен, работает, как паровая машина, глотает, а раковины швыряет в молодого парня, страдающего водянкой, который спит крепким сном в углу у очага.

— Эксцентричности гения, Сэм! — сказал мистер Пиквик.— Можете идти.

Сэм удалился. Мистер Пиквик по прошествии четверти часа спустился к завтраку.

— Вот, наконец, и он! — воскликнул старый мистер Уордль.— Пиквик, это брат мисс Эллен, мистер Бенджемин Эллен. Мы его зовем Бен, так же можете звать и вы, если хотите. Этот джентльмен — его закадычный друг, мистер...

— Мистер Боб Сойер,— вмешался мистер Бенджемин Эллен, после чего мистер Боб Сойер и мистер Бенджемин Эллен дружно расхохотались.

Мистер Пиквик поклонился Бобу Сойеру, а Боб Сойер поклонился мистеру Пиквику; затем Боб и его закадычный друг принялись очень усердно за стоявшие перед ними кушанья, и мистер Пиквик получил возможность разглядеть обоих.

Мистер Бенджемин Эллен был грубоватый, плотный, коренастый молодой человек с черными волосами, довольно короткими, и белой физиономией, довольно длинной. Он был украшен очками и носил белый галстук. Из-под его однобортного черного сюртука, застегнутого до подбородка, виднелись панталоны цвета соли с перцем, заканчивавшиеся парой неважно вычищенных башмаков. Хотя рукава его сюртука были короткие, но никаких признаков манжет не обнаруживалось, и хотя шея его была достаточной длины, чтобы найти на ней место для воротничка, она не была украшена ничем, напоминающим эту принадлежность туалета. В общем, у него был слегка потрепанный вид, и вокруг него распространялся аромат удушливых кубинских сигар.

Мистер Боб Сойер был облачен в одеяние из грубой синей материи, каковое одеяние — ни пальто, ни сюртук — походило на то и на другое и носило на себе отпечаток дешевого неряшливого франтовства, свойственного молодым джентльменам, которые курят на улице днем, кричат и вопят ночью, называют лакеев по имени и совершают много других поступков и подвигов столь же забавного свойства. На нем были клетчатые брюки и широкий грубый двубортный жилет. Выходя на улицу, он брал с собою толстую трость с большим набалдашни-

ком. Он избегал перчаток и, в общем, слегка смахивал на подгулявшего Робинзона Крузо.

Таковы были два достойных джентльмена, с которыми познакомился мистер Пиквик, когда уселся завтракать в рождественское утро.

— Прекрасное утро, джентльмены! — сказал мистер Пиквик.

Мистер Боб Сойер слегка кивнул в ответ на это замечание и попросил мистера Бенджемина Эллена передать горчицу.

— Издалека приехали сегодня, джентльмены? — осведомился мистер Пиквик.

— Из «Синего Льва» в Магльтоне,— коротко ответил мистер Эллен.

— Вам следовало бы присоединиться к нам вчера вечером,— заметил мистер Пиквик.

— Пожалуй, следовало бы,— отозвался Боб Сойер,— но бренди был слишком хорош, чтобы спешить. Верно, Бен?

— Разумеется,— согласился мистер Бенджемин Эллен.— И сигары были неплохи и свиные котлеты. Верно, Боб?

— Совершенно верно,— сказал Боб.

Закадычные друзья атаковали завтрак еще усерднее, словно воспоминание о вчерашнем ужине послужило новой приправой к кушаньям.

— Приналягте, Боб! — поощрительно сказал мистер Эллен своему приятелю.

— Я это и делаю,— ответил Боб Сойер.

Нужно отдать ему справедливость — он это делал.

— Ничто так не возбуждает аппетита, как препарирование трупов,— сказал мистер Боб Сойер, окидывая взглядом стол.

Мистер Пиквик слегка вздрогнул.

— Кстати, Боб,— сказал мистер Эллен,— вы уже покончили с той ногой?

— Почти,— отозвался Сойер, кладя себе на тарелку полкурицы.— Для детской ноги она очень мускулиста.

— Да? — небрежно осведомился мистер Эллен.

— Очень,— отозвался Боб Сойер, набив полный рот.

— Я записался на руку,— сказал мистер Эллен.— Мы

в складчину берем труп, список почти заполнен, вот только не можем найти никого, кто бы взял голову. Не хотите ли?

— Нет,— ответил Боб Сойер,— такая роскошь мне не по карману.

— Вздор! — сказал Эллен.

— Право же, не могу,— возразил Боб Сойер.— Я бы не возражал против мозга, но не могу справиться с целой головой.

— Тише, джентльмены, прошу вас! — сказал мистер Пиквик.— Я слышу, сюда идут леди.

Когда мистер Пиквик произнес эти слова, леди, галантно сопровождаемые мистерами Снодграссом, Уинклем и Тапменом, вернулись после утренней прогулки.

— Неужели это Бен? — воскликнула Арабелла тоном, выражавшим скорее удивление, чем удовольствие при виде брата.

— Приехал, чтобы увезти тебя завтра домой,— ответил Бенджемин.

Мистер Уинкль побледнел.

— Ты не узнаешь Боба Сойера, Арабелла? — укоризненно осведомился мистер Бенджемин Эллен.

Арабелла грациозно протянула ручку, заметив присутствие Боба Сойера. Жало ревности кольнуло в сердце мистера Уинкля, когда Боб Сойер крепко пожал протянутую ручку.

— Бен, милый,— краснея, сказала Арабелла,— ты... ты не знаком с мистером Уинклем?

— Не знаком, но буду очень рад познакомиться, Арабелла,— ответил с важностью брат.

Мистер Эллен мрачно поклонился мистеру Уинклю, а мистер Уинкль и мистер Боб Сойер искоса взглянули друг на друга с обоюдным недоверием.

Прибытие двух новых гостей и вследствие этого смущение, которое почувствовали мистер Уинкль и молодая леди с меховой опушкой на сапожках, оказались бы, по всей вероятности, весьма неприятной помехой для веселой компании, если бы жизнерадостность мистера Пиквика и добродушие хозяина не проявились в полной мере для всеобщего благоденствия. Мистер Уинкль постепенно снискал расположение мистера Бенджемина Эллена и

даже вступил в дружескую беседу с мистером Бобом Сойером, который, подкрепившись бренди, завтраком и разговором, мало-помалу пришел в крайне веселое расположение духа и рассказал с большим увлечением приятную историю об удалении опухоли с головы некоего джентльмена, каковую историю он иллюстрировал с помощью ножа для открывания устриц и четырехфунтового каравая, в назидание собравшемуся обществу. Затем вся компания отправилась в церковь, где мистер Бенджемин Эллен крепко заснул, а мистер Боб Сойер хитроумным способом отвлекал свои мысли от мирских дел, вырезывая свое имя на сиденье церковной скамьи гигантскими буквами длиной в четыре дюйма.

— Ну, что вы скажете о том, чтобы провести часок на катке? Времени у нас хватит,— сказал Уордль, когда воздано было должное солидному завтраку с такими приятными добавлениями, как крепкое пиво и вишневая наливка.

— Чудесно! — воскликнул Бенджемин Эллен.

— Превосходно! — подхватил мистер Боб Сойер.

— Вы, конечно, катаетесь на коньках, Уинкль? — спросил Уордль.

— Д-да...— ответил мистер Уинкль.— Я... я давно не практиковался.

— Ах, пожалуйста, мистер Уинкль,— сказала Арабелла.— Я так люблю смотреть.

— О, это так грациозно! — сказала другая молодая леди.

Третья молодая леди сказала, что это изящно, а по мнению четвертой в этом было что-то лебединое.

— Я был бы счастлив, уверяю вас,— сказал мистер Уинкль,— но у меня нет коньков.

Это возражение было тотчас же отвергнуто. У Трандля нашлось две пары, а жирный парень возвестил, что внизу есть еще с полдюжины, после чего мистер Уинкль выразил крайнее свое удовольствие, с видом, однако, крайне обеспокоенным.

Старый Уордль повел гостей на довольно большой каток, а когда жирный парень и мистер Уэллер отгребли и отмели снег, наваливший за ночь, мистер Боб Сойер приладил свои коньки с ловкостью, показавшейся мистеру Уинклю поистине чудесной, и начал описывать левой но-

гой круги, вырезать восьмерки, чертить по льду и, ни разу не остановившись, чтобы перевести дыхание, принялся выделывать самые красивые и поразительные вензеля, к величайшему удовольствию мистера Пиквика, мистера Тапмена и леди, которое перешло в подлинный восторг, когда старый Уордль и Бенджемин Эллен, с помощью вышеупомянутого Боба Сойера, стали совершать какие-то таинственные эволюции, названные ими шотландским танцем.

В это время мистер Уинкль, у которого лицо и руки посинели от холода, ввинчивал бурав в подошвы башмаков, надевал коньки острыми концами назад и запутывал ремни в очень сложный узел с помощью мистера Снодграсса, который разумел в коньках, пожалуй, меньше, чем индус. Однако в конце концов с помощью мистера Уэллера злополучные коньки были крепко привинчены и пристегнуты, и мистер Уинкль поднялся на ноги.

— Ну, сэр, в путь, и покажите им, как нужно браться за дело,— сказал Сэм ободряющим тоном.

— Постойте, Сэм, постойте! — воскликнул мистер Уинкль, сильно дрожа и цепляясь, словно утопающий, за руки Сэма.— Как здесь скользко, Сэм!

— Довольно обычная вещь на льду, сэр,— отозвался мистер Уэллер.— Держитесь, сэр.

Это последнее замечание мистера Уэллера непосредственно относилось к проявленному в тот момент мистером Уинклем неудержимому желанию забросить ноги к небу и удариться затылком об лед.

— Это... это... очень неуклюжие коньки, не правда ли, Сэм? — осведомился мистер Уинкль, шатаясь.

— Боюсь, сэр, что не они, а джентльмен неуклюж,— ответил Сэм.

— Ну, Уинкль, идите! — крикнул мистер Пиквик, нимало не подозревая, что дело неладно.— Леди вне себя от нетерпения.

— Сейчас...— с бледной улыбкой отозвался мистер Уинкль.— Иду.

— Представление начинается,— сказал Сэм, стараясь высвободиться.— Ну, сэр, вперед!

— Подождите минутку, Сэм,— задыхаясь, выговорил мистер Уинкль, нежно прильнув к мистеру Уэллеру.—

У меня дома есть две куртки, которые мне не нужны, Сэм. Можете их взять, Сэм.

— Благодарю вас, сэр,— ответил мистер Уэллер.

— Пожалуйста, не прикладывайтесь к шляпе, Сэм,— поспешно проговорил мистер Уинкль.— Не отнимайте для этого руки. Сегодня утром, Сэм, я хотел сделать вам рождественский подарок — пять шиллингов. Вы их получите вечером, Сэм.

— Вы очень добры, сэр,— ответил мистер Уэллер.

— Вы только подержите меня сначала, Сэм, хорошо? — сказал мистер Уинкль.— Так, отлично. Скоро дело пойдет у меня на лад, Сэм. Не так быстро.

Мистер Уэллер тащил по льду мистера Уинкля, наклонившегося вперед так, что его туловище согнулось вдвое, по весьма своеобразно и совсем не по-лебединому, как вдруг мистер Пиквик невинно крикнул с другого берега:

— Сэм!

— Сэр?

— Идите сюда, вы мне нужны.

— Пустите, сэр,— сказал Сэм.— Слышите, хозяин зовет! Пустите, сэр.

Сделав энергическое усилие, мистер Уэллер вырвался из рук извивавшегося пиквикиста и при этом сообщил телу несчастного мистера Уинкля сильный толчок. С меткостью, которую не могла бы обеспечить никакая степень ловкости или практика, злосчастный джентльмен ворвался в круг конькобежцев в тот самый момент, когда мистер Боб Сойер выделывал фигуру несравненной красоты. Мистер Уинкль неистово налетел на него, и оба с грохотом рухнули. Мистер Пиквик побежал к ним. Боб Сойер поднялся на ноги, но мистер Уинкль был слишком благоразумен, чтобы проделать нечто подобное на коньках. Он сидел на льду, делая судорожные усилия улыбнуться, но каждая черта его лица выражала страдание.

— Вы ушиблись? — с тревогой осведомился мистер Бенджемин Эллен.

— Не очень,— ответил мистер Уинкль, энергически растирая спину.

— Разрешите сделать вам кровопускание! — с жаром воскликнул мистер Бенджемин.

— Нет, благодарю вас! — поспешно отозвался мистер Уинкль.

— Право же, лучше было бы сделать,— сказал Эллен.

— Благодарю вас,— ответил мистер Уинкль.— Я предпочитаю не делать.

— А вы что скажете, мистер Пиквик? — осведомился Боб Сойер.

Мистер Пиквик был взволнован и возмущен. Он подозвал мистера Уэллера и строгим голосом сказал:

— Снимите с него коньки.

— Да ведь я только что начал,— возразил мистер Уинкль.

— Снимите с него коньки! — твердо повторил мистер Пиквик.

Приказание нельзя было оставить без внимания. Мистер Уинкль молча позволил Сэму его исполнить.

— Поднимите его,— сказал мистер Пиквик.

Сэм помог ему встать.

Мистер Пиквик отошел на несколько шагов от зрителей и, поманив своего друга, устремил на него испытующий взгляд и произнес тихим голосом, но внятно и выразительно следующие знаменательные слова:

— Вы хвастун, сэр.

— Кто? — вздрогнув, переспросил мистер Уинкль.

— Хвастун, сэр! Если вам угодно, я скажу яснее: обманщик, сэр!

С этими словами мистер Пиквик медленно повернулся на каблуках и присоединился к своим друзьям.

Пока мистер Пиквик выражал мнение, только что изложенное, мистер Уэллер и жирный парень, устроив общими силами дорожку-каток, упражнялись на ней с большим мастерством и блеском. Сэм Уэллер, в частности, выделывал прекрасную фигуру замысловатого скольжения по льду, которая обычно называется «стучать в дверь сапожника» и состоит в том, чтобы скользить на одной ноге и постукивать изредка на манер почтальона другой ногой. Дорожка была славная, длинная, и в этом скольжении было нечто такое, что не могло не прельстить мистера Пиквика, которому было очень холодно стоять на одном месте.

— Это очень приятное, согревающее упражнение, не правда ли? — обратился он к Уордлю, когда сей джентль-

мен окончательно запыхался оттого, что, раздвинув ноги, как циркуль, неутомимо чертил сложные геометрические фигуры на льду.

— О, несомненно! — ответил Уордль.— Вы умеете скользить по льду?

— Когда-то практиковался на льду по канавам, еще в детстве,— отозвался мистер Пиквик.

— Попробуйте сейчас,— предложил Уордль.

— Ах, пожалуйста, мистер Пиквик! — воскликнули все леди.

— Я был бы счастлив доставить вам любое развлечение,— ответил мистер Пиквик,— но я такой штуки не проделывал вот уже тридцать лет.

— Ну-ну! Вздор! — воскликнул Уордль, снимая коньки с той порывистостью, какая характеризовала все его поступки.— Идем! Я вам составлю компанию, пожалуйте!

И благодушный старик помчался по скользкой дорожке с быстротой, достойной чуть ли не самого мистера Уэллера и посрамляющей жирного парня.

Мистер Пиквик помедлил, подумал, снял перчатки и положил их в шляпу; разбежался раз, другой и третий и столько же раз останавливался, затем разбежался еще раз и, расставив ноги на ярд с четвертью, медленно и торжественно начал скользить по дорожке под восторженные крики зрителей.

— Куйте железо, пока горячо, сэр! — крикнул Сэм.

И снова помчались: Уордль, за ним мистер Пиквик, за ним Сэм, за ним мистер Уинкль, за ним мистер Боб Сойер, за ним жирный парень, за ним мистер Снодграсс,— один следом за другим, с таким рвением, словно все их будущее зависело от их проворства.

Было в высшей степени интересно созерцать, как мистер Пиквик исполнял свою роль в этой церемонии; наблюдать мучительную тревогу, с какой он замечал, что человек, скользящий сзади, настигает его с неминуемым риском сбить с ног; видеть, как он постепенно умеряет скорость, сообщенную движению первоначальным разбегом, и медленно поворачивается на катке лицом к тому месту, откуда начал бег; взирать на лучезарную улыбку, которая освещала его лицо, когда он добегал до конца дорожки, и на стремительность, с какою он, проделав это,

поворачивал и бежал вслед за своим предшественником. Его черные гетры красиво мелькали на снегу, а глаза сквозь очки сияли радостью и весельем. А когда его сбивали с ног (что случалось в среднем через каждые два пробега на третий), было восхитительно смотреть, как он с раскрасневшейся физиономией подбирает свою шляпу, перчатки и носовой платок и опять занимает свое место в шеренге с пылом и энтузиазмом, которых, казалось, ничто не могло бы ослабить.

Веселье было в разгаре; скользили все быстрее и быстрее, смеялись все громче и громче, как вдруг послышался громкий резкий треск. Все устремились к берегу, леди пронзительно взвизгнули, мистер Тапмен закричал. Большая глыба льда исчезла; вода булькала над нею. Шляпа, перчатки и носовой платок мистера Пиквика плавали на поверхности, и это было все, что осталось от мистера Пиквика.

На всех лицах изобразились ужас и отчаяние, мужчины побледнели, а женщинам стало дурно; мистер Снодграсс и мистер Уинкль схватились за руки и в безумной тревоге смотрели на то место, где скрылся их учитель, в то время как мистер Тапмен, дабы оказать скорейшую помощь, а также внушить тем, кто мог находиться поблизости, ясное представление о катастрофе, мчался во всю прыть по полю, крича: «Пожар!»

В тот момент, когда старый Уордль и Сэм Уэллер осторожно приближались к месту катастрофы, а мистер Бенджемин Эллен спешно совещался с мистером Бобом Сойером, не своевременно ли теперь сделать кровопускание всей компании для некоторого усовершенствования в профессиональной практике,— в этот самый момент лицо, голова и плечи вынырнули из воды, и обнаружились черты лица и очки мистера Пиквика.

— Продержитесь одну секунду, одну только секунду! — вопил мистер Снодграсс.

— Да, пожалуйста! Заклинаю вас — ради меня! — орал мистер Уинкль, глубоко потрясенный.

Заклятье было, пожалуй, излишним, ибо можно предположить, что, не согласись мистер Пиквик продержаться ради кого-нибудь другого, у него мелькнула бы мысль, что не худо это сделать ради себя самого.

— Вы нащупываете дно, старина? — спросил Уордль.

— Да, конечно,— ответил мистер Пиквик, вытирая голову и лицо и ловя воздух ртом.— Я упал на спину. Сначала я не мог подняться на ноги.

Глина на той части костюма мистера Пиквика, которая была видна, свидетельствовала о правдивости этих слов, и опасения зрителей в значительной мере рассеялись, когда жирный парень вдруг вспомнил, что глубина нигде не превышает пяти футов; вслед за тем были совершены чудеса храбрости, чтобы его извлечь. Плеск, треск, барахтанье — и, наконец, мистер Пиквик был благополучно избавлен от дальнейших неприятностей и снова очутился на суше.

— Ах, он простудится насмерть! — сказала Эмили.

— Бедняжка! — воскликнула Арабелла.— Позвольте мне закутать вас в шаль, мистер Пиквик.

— И это лучшее, что вы можете сделать,— сказал Уордль,— а потом бегите поскорее домой и немедленно укладывайтесь в постель.

Десяток шалей был предложен в тот же момент. Выбрали три-четыре самых толстых, завернули в них мистера Пиквика, и он тронулся в путь под присмотром мистера Уэллера, являя собою странное зрелище: пожилой джентльмен, насквозь мокрый и без шляпы, с руками, притянутыми шалью к бокам, мчался вперед без всякой видимой цели со скоростью добрых шести английских миль в час.

Но в такой критический момент мистер Пиквик не заботился о приличиях и, понукаемый Сэмом Уэллером, продолжал бежать во всю прыть, пока не добежал до двери Менор Фарм, куда мистер Тапмен прибыл минут на пять раньше и напугал старую леди до сердцебиения, внушив ей непоколебимую уверенность в том, что загорелось в кухонном дымоходе,— бедствие, всегда рисовавшееся в огненных красках воображению старой леди, если кто-либо проявлял малейшие признаки волнения.

Мистер Пиквик, не медля ни секунды, забрался в постель. Сэм Уэллер развел яркий огонь в камине и подал ему обед; позднее принесли чашу пунша и устроили грандиозную пирушку по случаю его спасения. Старик Уордль слышать не хотел о том, чтобы он встал, поэтому кровать

превратили в председательское кресло, и мистер Пиквик председательствовал. Потребовали вторую и третью чашу. И когда мистер Пиквик проснулся на следующее утро, у него не наблюдалось ни малейших симптомов ревматизма — факт, доказывающий, как заметил весьма справедливо мистер Боб Сойер, что в таких случаях нет ничего лучше горячего пунша, а если иной раз горячий пунш оказывается недействительным, это объясняется только тем, что пациент допустил грубую ошибку, выпив слишком мало.

Веселое общество разъехалось на следующее утро. Разъезжаться по домам — восхитительно в наши школьные годы, но в последующей жизни расставания бывают довольно мучительны. Смерть, эгоистические поступки, перемена фортуны ежедневно разбивают много счастливых компаний и разбрасывают их по свету; и мальчики и девочки не возвращаются назад. Мы не хотим сказать, что именно так произошло в данном случае. Нам желательно только уведомить читателя, что гости отправились восвояси, что мистер Пиквик и его друзья снова заняли места на крыше магльтонской кареты и что Арабелла Эллен уехала к месту своего назначения, где бы оно ни находилось,— мы смеем думать, что мистер Уинкль знал, где оно находится, но признаемся, что мы этого не знаем,— под охраной и присмотром своего брата Бенджемина и его весьма близкого и закадычного друга, мистера Боба Сойера.

При расставании этот последний джентльмен и мистер Бенджемин Эллен с таинственным видом отвели мистера Пиквика в сторонку, и мистер Боб Сойер, ткнув указательным пальцем между ребер мистера Пиквика и тем самым проявив свою природную шутливость и в то же время знание анатомии человеческого тела, осведомился:

— Послушайте, старина, где вы угнездились?

Мистер Пиквик отвечал, что в настоящее время он проживает в гостинице «Джордж и Ястреб».

— Я хочу, чтобы вы ко мне заглянули,— сказал Боб Сойер.

— Ничто не может мне доставить большего удовольствия,— ответил мистер Пиквик.

— Вот моя квартира,— сказал мистер Боб Сойер, доставая визитную карточку,— Лент-стрит, Боро; это, знаете ли, для меня удобно, близко от Гайя *. Когда вы пройдете мимо церкви Сент Джорджа, сверните с Хайстрит направо, первая улица.

— Я найду,— отозвался мистер Пиквик.

— Приходите в четверг вечером через две недели и приводите своих приятелей,— сказал мистер Боб Сойер.— У меня соберется несколько товарищей медиков.

Мистер Пиквик заявил, что ему доставит удовольствие встреча с медиками, и, после того как мистер Боб Сойер уведомил его, что он намерен очень приятно провести время и что его друг Бен тоже придет, они пожали друг другу руки и расстались.

Мы чувствуем, что в этом месте нам могут задать вопрос, нашептывал ли что-нибудь мистер Уинкль Арабелле Эллен во время этого краткого разговора, и если да, то что он сказал, и далее, беседовал ли мистер Снодграсс конфиденциально с Эмили Уордль, и если да, то что сказал *он*. На это мы отвечаем, что, о чем бы они ни говорили с леди, они ровно ничего не сказали мистеру Пиквику или мистеру Тапмену на протяжении двадцати восьми миль и что они часто вздыхали, отказывались от эля и бренди и вид у них был мрачный. Если наши наблюдательные читательницы могут вывести какие-либо заключения из этих фактов, мы просим их сделать эти выводы во что бы то ни стало.

КОММЕНТАРИИ

Стр. 9. *«Пуритане»* — роман В. Скотта «Old Mortality», изданный в 1816 году; исторический фон романа — события 1685 года в Шотландии.

Стр. 10. *Экстер-Холл* — большой лондонский зал, предназначенный для устройства политических, религиозных и т. п. собраний. Здание построено в 1831 году; *Эбенезер Чепл* — один из молитвенных домов, принадлежащих какой-нибудь из многочисленных протестантских сект.

Стр. 15. *Эсквайр* — звание, которое в эпоху феодализма получали оруженосцы рыцарей; с течением времени оно было присвоено чиновникам, занимающим должности, связанные с доверием правительства (например, мировым судьям, адвокатам, имеющим право выступать в Суде Королевской Скамьи, и др.), но в эпоху Диккенса это значение было уже утрачено и в обиходе присваивалось состоятельным буржуа; в настоящее время вышло из обихода.

Стр. 16. *Хорнси, Хайгет, Брикстон, Кемберуэл* — окрестности Лондона; первые два — к северу, вторые — к югу; в настоящее время вошли в черту города.

Стр. 18. *Похвала людей для него — угроза поджога...* — Диккенс прибегает к исторической идиоме «Суинг», означающей «угроза»; этим вымышленным именем «капитан Суинг» в Англии нередко подписывались письма с угрозой поджога имений; письма рассылались помещикам от имени сельскохозяйственных рабочих во время аграрных волнений. Эта идиома — пример анахронизма в романе, так как протокол Пиквикского клуба помечен 1827 годом, а «суинговские» письма относятся к более позднему времени — к началу 30-х годов.

Стр. 19. *Пассажирские кареты.*— В эпоху Диккенса междугородные пассажирские кареты вмещали четыре «внутренних» пассажира и, если багажа было мало, десять-двенадцать «наружных» на плоской крыше; один из них мог сидеть впереди на козлах, рядом с кучером, и другой — позади, с кондуктором.

Стр. 22. *Уотермен* — специальный слуга на стоянке пассажирских и почтовых карет; на его обязанности — поить лошадей («уотер» — вода) и следить за очередностью посадки пассажиров; наименование пришлось сохранить, ибо у нас в прошлом на почтовых станциях не было слуг с таким кругом обязанностей.

Боб — шиллинг на лондонском диалекте.

Стр. 23. *Пентонвилл* — лондонский пригород, в который вливалась Госуэлл-стрит, где жил мистер Пиквик.

Стр. 24. *Шпион* — так лондонские горожане называют полицейского осведомителя.

Стр. 26. *Грог* — ром, разбавленный наполовину водой; происхождение этого наименования относится к середине XVIII века, когда адмирал Вернон отдал приказ выдавать матросам разбавленный ром. Верхней одеждой Вернона обычно служил грубый шерстяной плащ (грогрэм); моряки прозвали Вернона «Старый грог» и перенесли эту кличку на напиток.

Стр. 27. *Комодор* — звание в английском военном флоте, среднее между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом. В эпоху Диккенса пассажирские кареты, в отличие от почтовых, часто носили это название.

Стр. 28. *Брамеджемские пуговицы* — фальшивые серебряные монеты, искаженное «бирмингемские», названные так потому, что во времена Диккенса город Бирмингем, центр металлообрабатывающей промышленности, еще с XVII века пользовался дурной славой поставщика фальшивой монеты.

Рочестер — древний городок на правом берегу реки Медуэй, впадающей в Темзу.

Уайтхолл — улица, ведущая от Чаринг-Кросс, главной площади Сити, центрального района Лондона; Джингль намекает на короля Карла I, которого вывели на эшафот из окна дворца, находившегося на этой улице и называемого также Уайтхолл; дворец сгорел в XVII веке и отстроен только в части, сохранившейся до нашего времени.

Стр. 32. *Саксонские двери* — двери так называемого «саксонского» стиля, которым характеризуется архитектура Англии до завоевания ее в XI веке нормандцами.

Стр. 35. *Кент* — графство, граничащее на северо-западе с Мидлсексом, включающим Лондон.

Стр. 37. *Дракон* — то есть изображение дракона, поверженного наземь св. Георгием, на одной из сторон соверена (английской золотой монеты в один фунт стерлингов (20 шиллингов или 240 пенсов); в игре в орлянку эта сторона монеты называется также «женщина»; происхождение этого жаргонного английского названия неизвестно, почему Диккенс и предположил, что Джингль так называл дракона «из любезности».

Стр. 40. *Александр Селькирк* — английский матрос, шотландец, проживавший в одиночестве на необитаемом острове Хуан Фернандец в Тихом океане; на этот остров, в четырехстах километрах от берегов Чили, он был высажен в виде наказания капитаном корабля «Пять портов» во время плаванья и прожил на острове с 1704 по 1709 год, когда был снят с острова проходившим кораблем. Судовой журнал Вудса Роджерса, капитана этого корабля, опубликованный в 1712 году, послужил основой для «Робинзона Крузо» Дефо и для романа французского беллетриста X. Сентина «Один!» (1857).

Стр. 42. *Нигес* — напиток, названный так по имени составителя его: портвейн с сахаром и лимоном.

Стр. 47. *Форт Питта* — одно из укреплений города Четема (на правом берегу впадающей в Темзу реки Медуэй), где находится и в настоящее время одна из главных военных баз Англии.

Стр. 49. *Двухпенсовый письмоносец* — почтальон, разносивший в лондонском Сити городские письма, доставка которых во времена Диккенса оплачивалась двумя пенсами (8 копеек).

Стр. 57. *Черноокая Сьюзен* — героиня баллады Джона Гея (XVIII век), автора известной «Оперы нищего».

Стр. 59. *Сарийская сторона* — лондонский приречный район, к югу от Темзы, называемый также Саутуорк.

Стр. 69. *Нью-Риверский водоем* — резервуар для снабжения водой северного Лондона.

Стр. 83. *Менор Фарм, Дингли Делл* — измышленные Диккенсом названия поместья (первое название) и городского поселка (второе); в литературе о Диккенсе можно найти множе-

ство догадок о том, какую реальную помещичью усадьбу Диккенс избрал для прославленного описания святок и приключений мистера Пиквика в английском поместье, но единого мнения у диккенсоведов нет.

Стр. 96. *Рипстонский ранет* — поздно созревающий сорт яблок.

Стр. 114. *Юный Лемберт* — Дэниел Лемберт, феноменальный толстяк, весом около двадцати пудов; он выступал в балаганах в самом начале прошлого века, умер сорока лет, в 1809 году.

Стр. 119. *Магльтон — корпоративный город* — название города вымышлено Диккенсом; эпитет города «корпоративный» указывает на то, что этот город некогда получил от короля право на самоуправление и тем самым не был подчинен властям графства.

Фримены — полноправные граждане, сохранившие в ту эпоху, к которой Диккенс приурочил события «Пиквика» (то есть в 1827 году), всю полноту политических прав с добавлением некоторых фактических привилегий, являвшихся историческим пережитком (например, фактическая монополия выборов в органы городского управления). После избирательной реформы 1832 года и муниципальной реформы 1835 года различие между фрименами и остальными гражданами, имевшими, в пределах новых законов, избирательные права, сгладилось.

Стр. 122. *Боулер, скаут* — название игроков в старинной английской игре крикет; боулер бросает мяч, скаут останавливает летящий мяч, которым противник пытается сбить перекладину ворот.

Стр. 155. *Лицензия* — разрешение на заключение брака без предварительного тройного оглашения в приходской церкви; в эпоху Диккенса (то есть до введения гражданской регистрации брака) эти разрешения в Англии можно было купить в канцеляриях викариев (заместителей) епископов англиканской церкви, а в Лондоне — в канцелярии генерального викария, где побывал Джингль.

Стр. 156. *Боро* — второе название лондонского приречного района к югу от Темзы — Саутуорка; нарицательное имя «боро» (бург) превратилось в собственное, хотя для того же Лондона боро сохраняет и нарицательное значение: так называется в Англии город или местечко, иногда имеющее корпоративное

устройство (см. прим. к стр. 119) и всегда — право парламентского представительства; в Лондоне около трех десятков таких боро — то есть районы приравниваются к пунктам, имеющим право представительства в парламент.

Стр. 158. *Джек Кеч* — лондонский палач Джон Кеч (жил во второй половине XVII века, после реставрации Стюартов), чье имя и фамилия («Джек» — уменьшительное от «Джон») стали нарицательными для палача.

Стр. 159. *Вакса Дэя и Мартина* — Дэй и Мартин — лондонская популярная фирма по производству ваксы; конкурировала с фирмой Уоррена, где Диккенс работал мальчиком, завертывая баночки с ваксой и наклеивая на них ярлыки.

Докторс-Коммонс — ряд зданий, некогда принадлежавших корпорации юристов, которые вели дела клиентов в церковном суде; этому суду, находившемуся в одном из таких зданий, подсудны были дела семейные, наследственные и по делам адмиралтейства; суду также присвоено было название Докторс-Коммонс, а во всех зданиях, расположенных вокруг него, разместились многочисленные конторы адвокатов при церковном суде; в зданиях Докторс-Коммонс находилась также канцелярия генерального викария (заместителя лондонского епископа), выдававшая упоминаемую Диккенсом лицензию — свидетельство об освобождении вступающих в брак от оглашения в церкви о предстоящем браке.

Проктор — адвокат при суде Докторс Коммонс (см. предыдущее прим.), судопроизводство в котором сильно отличалось от судопроизводства в общих судах, но было таким же сложным и запутанным и сопровождалось такой же чудовищной волокитой; поскольку ведение процесса в Докторс-Коммонс требовало от адвокатов знания канонического права и прецедентов в этой области, прокторы были выделены в особую корпорацию, и кандидаты в прокторы проходили специальную подготовку, описанную Диккенсом в романе «Дэвид Копперфилд». После ликвидации суда Докторс-Коммонс в 1857 году прокторы вошли в корпорацию солиситоров (см. прим. к стр. 322, слово «поверенный»).

Олд-Бейли — лондонский уголовный суд, на который перенесено было название улицы Олд-Бейли, где суд находился.

Стр. 160. *Приход* — район, входящий в состав графства или города; церковно-историческое происхождение такого админи-

стративного деления обнаруживается в названиях «приходов», связанных с какой-либо церковью.

Стр 165. *Amicus curiae* — «друг суда», то есть советник, консультирующий при ведении судебного дела, но не выступающий официально.

Аргумент ad captandum — юридический термин *(лат.)* — довод, цель которого завладеть чем-либо. Перкер, уснащая свою речь юридическими терминами, хочет сказать здесь, что полгинеи, предлагаемые Пиквиком Сэму, есть довод для получения необходимых сведений, и таким «доводом» Пиквик вторгается в компетенцию Перкера.

Не тревожьте Джорджа Барнуэла... — Джорж Барнуэл — герой известной буржуазной драмы Джорджа Лилло «Лондонский купец, или История Джорджа Барнуэла» (1731), очень популярной в Европе в течение целого столетия. Сэм Уэллер имеет в виду именно этого героя, но Перкер пытается сослаться на книгу юриста Р. Барнуэла, посвященную разбору дел, слушавшихся в Суде Королевской Скамьи.

Стр. 167. *Поверенный.* — Диккенс в данном случае, как и во многих своих произведениях, употребляет термин «атторни». Таково было звание английского юриста, выступавшего в процессе как должностное лицо вплоть до начала XIX века. В эпоху, к которой относится время действия «Пиквика», это звание было уже пережитком — оно вытеснилось званием «солиситор» (см. прим. к стр. 322, слово «поверенный»), существовавшим параллельно со званием атторни еще с XVII века, но в конце концов заменившим последнее.

Стр. 202. *Таблицы А и Б* — перечень английских городов, приложенный к закону 1832 года о выборах в парламент; в эти таблицы вошли города и населенные пункты, которым закон впервые предоставил право выбора членов парламента либо лишил этого права.

Синие и Желтые — в «Пиквике» синие — тори (позднее — партия консерваторов), желтые — виги (позднее — партия либералов) — две основные партии господствующих классов Англии.

Стр. 203. *Сламки Холл, Физкин Лодж* — названия поместий кандидатов двух партий, конкурировавших на выборах; следует отметить, что Диккенс не обмолвился ни одним намеком на различие политических программ двух провинциальных помещиков, выступавших соперниками на выборах; это не является ошибкой Диккенса: если в политических программах

тори и вигов его эпохи и было некоторое различие, то оно нисколько не влияло на ход избирательной «борьбы» в английской провинции. Близкое знакомство Диккенса с обстановкой и методами такой борьбы (в бытность его разъездным газетным корреспондентом) убедили его в том, что в провинции во время выборов никакой идейной борьбы между тори и вигами нет и в помине, а происходит драка между двумя политическими кликами, борющимися за теплые местечки. Потому-то классическое описание «итенсуиллских выборов» является отнюдь не карикатурой на политическую жизнь Англии времен Диккенса, но образцом реалистической сатиры.

Стр. 216. *Констебли* — полицейские, состоявшие на службе в полиции до реформы ее в 1839 году. «Специальные констебли» на службе не состояли, вербовались из «благонамеренных» граждан и были обязаны дать присягу в том, что будут оказывать поддержку полиции в охране порядка.

Стр. 228. *Мальборо* — меловые возвышенности по дороге из Лондона на запад к Бату — известному курорту с горячими минеральными источниками.

Стр. 253. *Полдюжины львов* — ироническая кличка группы литераторов и других гостей миссис Хантер, мнящих себя «знаменитостями», перекликается с ее фамилией (хантер — охотник, -ца) и именем ее супруга (лио — лев), которым, по английскому обычаю, нередко заменяется собственное имя замужней женщины.

Стр. 256. *Большой парик* — длинный парик, по традиции носимый в Англии государственными судьями и адвокатами при исполнении обязанностей; гротескный иностранец, гость миссис Хантер, спутал, по созвучию, фамилию «Пиквик» и big Wig — большой парик — и счел Пиквика профессиональным юристом.

Стр. 260. *Бери-Сент-Эдмондс* — городок на западе графства Саффок, известный развалинами огромного монастыря, построенного в XI веке.

Стр. 267. *Уокер* — фамилия, которой Сэм отрекомендовался, имеет несколько значений: она может значить «пешеход», а также «шутишь?», «ой ли?!» и др. Смысл его остроты раскрывается только в связи со значением фамилии, которой отрекомендовался незнакомец: «Троттер» — рысак.

Стр. 303. *Суд Общих Тяжб* — гражданский суд, в котором назначено было слушание дела Бардл против Пиквика, отно-

сился к разряду так называемых «судов общего права», которые руководствовались нормами обычного права (в Англии не было и нет кодекса законов), а также судебными прецедентами. Английские юристы, которые испокон веку являлись верными слугами господствующих классов, создали из системы судопроизводства надежный оплот для защиты интересов своих хозяев. Пользуясь отсутствием кодекса законов, они невероятно усложнили судопроизводство; для сторон в судебном процессе они выработали не только детализированные правила представления судебных доказательств, но и предварительного обмена письменными заявлениями, что, разумеется, лишало тяжущихся возможности разобраться в обычаях и судебных прецедентах при заслушании дела в «судах общего права» и закрепляло за юристами монополию по ведению любого, даже самого несложного, процесса. Если прибавить, что функции адвоката были искусственно разделены между юристами разных категорий (см. прим. к стр. 336, слово «Грейз-Инн»), то станет очевидно большое прогрессивное значение возмущенного протеста Диккенса против правопорядка и организации судебного дела в Англии. С этим возмущением Диккенса читатель встретится во многих его произведениях и, в первую очередь, в «Пиквике», где Диккенс дал сатирическое, но очень точное, описание процесса Бардл против Пиквика в Суде Общих Тяжб.

Стр. 313. *Тайбурн* — место, где казнили в Лондоне преступников вплоть до 1783 года; еще в конце XVIII века оно находилось в двух-трех километрах за чертой города, в настоящее время — в западном конце Оксфорд-стрит.

Стр. 318. *Пороховые ловушки* — капканы со взрывчатыми веществами, применяемые землевладельцами для охраны своих полей от браконьерства.

Стр. 321. *Бидл* — низшее должностное лицо в приходе (районе), избираемое общим собранием налого-плательщиков, живущих в приходе. Сперва бидл был курьером приходских собраний, затем в его руки перешел надзор за судьбой бедняков нуждающихся в помощи или помещенных в «работный дом» (см. роман «Оливер Твист»), и за «порядком» в церквах при богослужениях.

Стр. 322. *Поверенный.*— Диккенс в данном случае употребляет термин «солиситор» — звание юриста низшего разряда с компетенцией ходатая по делам (to solicit — ходатайствовать),

обнаруживающее разделение английской адвокатуры на разряды. Это разделение является иллюстрацией кастовой организации адвокатуры. Такая организация, по замыслу господствующих классов Англии, преследовала двойную цель: с одной стороны, расширить компетенцию адвокатов, вышедших из кругов аристократии и крупной буржуазии, а с другой — усложнить судопроизводство и лишить трудовой народ возможности защищать свои права судебным порядком, так как ведение дела связано было для трудящихся с непомерными расходами. Диккенс, обучавшийся в течение четырех лет юриспруденции (в должности клерка) в конторах солиситоров, превосходно это знал, и никто из английских писателей не разоблачил с таким знанием дела и с такой силой, как он, уродливость английского «правосудия», немаловажным элементом которого является организация адвокатуры. В процессе исторического развития института адвокатов более привилегированные слои господствующих классов оттесняли менее привилегированные и, наконец, исключили их из Иннов (см. прим. к стр. 336). Таким образом, лица, принадлежавшие к менее имущим слоям буржуазии, должны были проходить подготовку в качестве клерков в конторах практикующих юристов — своих старших собратьев по профессии солиситора. В отличие от полноправных юристов (баристеров, см. прим. к стр. 336, слово «Грейз-Инн») солиситор и в наше время должен прослужить в учении клерком от трех до пяти лет, посещать в течение года какую-нибудь юридическую школу, избираемую Юридическим обществом (объединяющим солиситоров), и сдать экзамен; после этого он допускается к выступлению только в судах графств и в мировых судах, но все остальные суды для него закрыты; он ведет только внесудебные дела и является посредником между клиентом и баристером, которому подготавливает материалы для выступления в любой из многочисленных судебных инстанций Англии.

Суд Королевской Скамьи — один из трех высших судов общего права (два другие: вышеупомянутый Суд Общих Тяжб и Суд государственного казначейства), функции которого менялись на протяжении столетий со дня его возникновения. В эпоху Диккенса это был высший суд по делам о преступлениях должностных лиц,— от государственной измены до маловажного проступка,— разбор важнейших уголовных дел и апелляций на решения мировых судов и проч. Несмотря на то, что это суд уго-

ловный, его ведению подлежали также и гражданские иски, основанные на нормах обычного права.

Канцлерский суд — высший суд, не входящий в систему судов общего права и созданный в раннюю эпоху феодализма как дополнение к системе судов, опиравшихся на королевские указы, нормы обычного права и судебные прецеденты. Председателем его является канцлер (министр юстиции), который формально не связан ни парламентским законом, ни обычаем, ни прецедентом и должен руководствоваться «справедливостью» и издавать «приказы» для удовлетворения возникающих новых правоотношений. Такая практика Канцлерского суда и «приказы» канцлера привели очень скоро к неустранимым противоречиям «суда справедливости» и «судов общего права», создав необычайные трудности применения и толкования законов. Различие в судопроизводстве двух систем суда еще более углубило эти противоречия, а право судей применять по своему выбору либо «общее право», либо «право справедливости» открыло полный простор судейскому произволу. Вместе с тем с течением времени совершенно исказился принцип, лежавший в основе Канцлерского суда, который превратился в еще более уродливый орган «правосудия», чем «суды общего права». Не удивительно поэтому, что Диккенс с особенным возмущением относится к Канцлерскому суду; описанию чудовищной волокиты, связанной с судопроизводством в этом суде, он уделил немало места в романе «Холодный дом», а в «Пиквике» вывел двух жертв этого суда: заключенного в тюрьме Флит «канцлерского арестанта», просидевшего в ней двадцать лет и умершего там, не дождавшись решения суда, а также другого заключенного той же тюрьмы — сапожника, двенадцать лет дожидавшегося решения суда по своему делу.

Стр. 323. *Зейдлицкий порошок* — смесь соды и виннокаменной кислоты; из него приготовляется освежающий напиток, являющийся вместе с тем легким слабительным.

Блюхеровские башмаки — высокие зашнурованные ботинки.

Сомерс-Таун — район Лондона к северо-западу от Сити, бывший еще пригородом в годы детства Диккенса.

Стр. 324. *Судебный приказ* — в данном случае распоряжение суда, соответствующее нашему исполнительному листу.

Кемберуэл — заречный район Лондона к югу от района Боро (см. прим. к стр. 156).

Декларация по иску зарегистрирована — то есть занесена

в список в одной из канцелярий, где, по закону, должны регистрироваться все судебные документы; такая регистрация связана с уплатой судебных издержек, чем и запугивает недобросовестный Фогг бедняка Ремси.

Стр. 326. *Адвокатская гарантия* — обязательство, выдаваемое должником (Ремси) поверенному кредитора (Фоггу), уплатить сумму долга, но с оговоркой, что эта сумма не взыскивается немедленно, если уплата долга не вызывает сомнений. Фогг мог всякими уловками отодвигать получение долга и таким образом увеличивать судебные издержки Ремси, а значит, и свой адвокатский гонорар; как видно из «Пиквика», он был уверен, что хозяева бедняка Ремси вынуждены будут уплатить все сполна.

Стр. 329. *Первоначальный приказ* — соответствует, с некоторыми отклонениями, нашей повестке о вызове в суд ответчика по иску.

Книга praecipe — книга у адвокатов, в которой регистрировались документы их клиентов; называлась так потому, что один из «первоначальных приказов» начинался со слов: «Уведомляю, что...» (praecipe quod...).

Стр. 331. *Меншен-Хаус* — здание, в котором живет лорд-мэр Лондона.

Стр. 334. *Чемсфорд* — городок в тридцати милях к северо-востоку от Лондона.

Стр. 335. *Уайтчепл* — северо-восточный район Лондона, населенный беднотой; по количеству трущоб Уайтчепл превосходит остальные рабочие районы Лондона; в частности, здесь проживают бедняки-иммигранты.

Стр. 336. *Грейз-Инн* — один из Иннов, расположенных в пределах лондонского района Темпль. Судебные Инны (названия которых распространялись на дома, где жили члены Иннов) являются лишним доказательством классовой организации английской адвокатуры. Основанные еще в XIII веке корпорации юристов — так называемые «Инны» — монополизировали право подготовки полноправных юристов — баристеров, уполномоченных выступать во всех судах Англии (слово «баристер» — произошло от слова «bar» — суд). В прошлом судебные Инны были строго аристократическими корпорациями; они управлялись бесконтрольно своими старейшинами (бенчерами), издавна организовавшими юридические школы, студенты которых проживали в общежитиях при этих Иннах и подчинялись распорядку,

установленному бенчерами. С течением времени доступ в эти школы, обучение в которых стоило недешево, получили и выходцы из буржуазии, но замкнутый характер корпораций не изменился: юристы (атторни), получившие практическую подготовку в адвокатских конторах и являвшиеся в большинстве выходцами из кругов мелкой буржуазии, не имели доступа в корпорации судебных Иннов. При этом корпорациям Иннов удалось сохранить монополию на выступления своих членов в любом английском суде, а потому атторни, переименованные, как мы указали, в солиситоров, должны были довольствоваться в основном ролью поверенных. С другой стороны, замкнутость корпораций баристеров имела своим последствием укоренившийся обычай: баристеры входили в общение с клиентами только через посредство солиситоров, которые вели до суда сложную подготовительную работу. В среде баристеров была группа привилегированных юристов, королевских юрисконсультов (king's council); это звание присваивалось правительством немногим ученым адвокатам, называвшимся также «сарджентами», что соответствовало в далеком прошлом ученой степени «доктор прав». Именно такой королевский юрисконсульт, помимо баристера, как увидит читатель, принимал участие в процессе Пиквика. Хотя эти королевские юрисконсульты формально являются и теперь должностными лицами, но подчиняются руководству судебных Иннов, прием в которые обставлен был во времена Диккенса, как и теперь, такими правилами: кандидат после вступительного экзамена должен пройти трехлетний курс обучения в юридической школе и помимо высокой платы за обучение внести крупную сумму за право держать выпускной экзамен (в настоящее время до двухсот фунтов); после экзамена кандидат становится членом судебного Инна, баристером. Но доступ в юридическую школу судебного Инна открыт кандидату при одном условии: он должен представить рекомендации о своем «добром имени». Совершенно очевидно, что это условие и в эпоху Диккенса и в настоящее время еще более подчеркивало классовый характер членского состава Иннов, так как руководители их являлись и являются самыми преуспевающими адвокатами — верными защитниками современного социального строя Англии. Такой порядок существует и существовал в главных четырех судебных Иннах — в Грейз-Инне, в Линкольн-Инне, в Мидл Темпле и в Иннер Темпле, а также и в девяти подчиненных им менее крупных Иннах.

Стр. 343. *Старейшины* — см. прим. к стр. 336, слово «Грейз-Инн».

Стр. 348. *Ньюгет* — центральная лондонская тюрьма для уголовных преступников. Эта тюрьма находилась в районе собора св. Павла, была частью разрушена во время беспорядков 1780 года, вызванных антикатолической агитацией (так называемый «мятеж лорда Гордона», описанный Диккенсом в романе «Барнеби Радж»), после чего вновь была восстановлена. В 80-х годах прошлого века закрыта.

Стр. 361. *Методистский орден.* — Уэллер-старший называет методистскую секту «орденом» в насмешку. Диккенс дал в «Пиквике» остро сатирические портреты пастырей и членов методистской «церкви», основанной в середине XVIII века англичанином Джоном Уэсли для борьбы с рационализмом и для поднятия авторитета св. писания. Эта секта сразу же стала оплотом ханжества и вызывала резко отрицательную оценку передовых писателей Запада.

Стр. 375. *Тростниковая свеча* — сальная свеча с фитилем из сердцевины камыша; такая свеча горела очень тускло.

Стр. 388. *Челси* — в эпоху Диккенса большой лондонский пригород на северном берегу Темзы.

Стр. 400. *Прочесть закон о мятеже* — старинное предписание английским мировым судьям, при возникновении уличных беспорядков, прочесть перед толпой установленную законом формулу «о мятеже», после чего властям разрешалось применять вооруженную силу для восстановления «порядка». Это предписание утратило свое значение и не применялось задолго до эпохи Диккенса, и эти слова судьи Граммера еще более подчеркивают его глупость.

Стр. 401. *Великая хартия* — закон короля Англии Иоанна Безземельного 1215 года, обеспечивающий английским баронам неприкосновенность их феодальных прав. Этот закон, включающий некоторые гарантии против произвола королевской власти, сохранял за королем ряд прерогатив и, в частности, запрещение поединков без королевского разрешения.

Стр. 403. *Пробел* — в ордере на арест, по английскому праву, должно быть проставлено имя того, кто подлежит аресту, и одной фамилии недостаточно; если властям имя неизвестно, то оно заменяется точным описанием подлежащего аресту лица. Поэтому «пробел», оставленный в ордере на арест

Пиквика и Тапмена, послужил для Пиквика основанием оказать сопротивление.

Против мира державного нашего государя короля.— Нарушение старинного королевского указа о соблюдении общественного «порядка» считается по английским законам преступлением против «личности» короля, чем и объясняется это выражение.

Стр. 405. *Портшез* — закрытое переносное на шестах кресло с оконцами; появилось в середине XVII века и вышло из употребления в середине XIX века.

Стр. 411. *Ступальная мельница* — дощатый круг, по которому ходит человек (или лошадь), вращая ось колеса для передачи механической энергии; применялась на каторжных работах, что имеет в виду Сэм Уэллер.

...как говорил король Ричард Третий — одна из присказок Сэма, который имеет в виду героя хроник Шекспира; убитый Ричардом король — Генрих VI, а «дети» — сыновья умершего Эдуарда IV.

Ньюгетский справочник — шеститомное издание, включающее биографии важнейших преступников, заключенных в центральной лондонской тюрьме Ньюгет с 1770 года.

Стр. 416. *Мистер Персевел* — английский премьер-министр, убитый в 1812 году в кулуарах парламента психически больным.

Стр. 440. *Эренделская карета* — карета, курсировавшая между Лондоном и Эренделом, городком в графстве Сассекс.

Стр. 463. *Хорнер* — герой детской сказки, лакомый до рождественского пирога, как и толстяк Джо.

Стр. 466. *Йомен* — название свободных от крепостной зависимости зажиточных крестьян в эпоху феодализма, являвшихся земельными собственниками; с течением времени йомен превратился в арендатора разных видов, и в XVIII веке класс крестьян-собственников в Англии исчез.

Стр. 473. *«Кусающий дракон»* — игра, сущность которой состоит в том, что из чаши с горящим коньяком играющие вылавливают пальцами изюм; *уосель* — напиток, подаваемый, по английской традиции, в торжественных случаях,— подслащенное пиво с яблоками, сахаром, мускатным орехом.

Стр. 499. *...близко от Гайя* — то есть лондонской больницы, основанной в начале XVIII века купцом Томасом Гайем.

ЕВГЕНИЙ ЛАНН

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
Собр. соч., т. 2

Редактор Н. Банников
Художник Е. Семпер
Художеств. редактор Л. Калитовская
Технический редактор Г. Каунина
Корректоры Е. Козлова, В. Седова

Сдано в набор 2 IV 1957 г. Подписано к печати 11/XII 1957 г. Бумага 84 × 108 1/32 — 16,25 печ. л. = 26,65 усл. печ. л. 26,15 уч.-изд. л. Тираж 600 000. (400 001 — 600 000 экз.) Цена 11 руб. Заказ № 1212.

Гослитиздат.
Москва Б-66, Н.-Басманная, 19.

Отпечатано на бумаге
Сухонского целлюлозно-бумажного
комбината

Набрано в типографии
„Красный пролетарий“

Отпечатано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.